

ГРУПО СЕКРЕТНОСТИ СМЯТ

ДЕЛО № 11-005

**«ЗОЛОТОЕ УХО»
ВОЕННОЙ
РАЗВЕДКИ**

И.В. Болтунов

2001

ДЕЧНО ЛЕТ

Михаил Ефимович Болтунов

"Золотое ухо" военной разведки

(Гриф секретности снят)

ISBN: 978-5-9533-5424-0

Автор: Болтунов Михаил Ефимович

Редактор: Залеская М. К.

Издательство: Вече, 2011 г.

Серия: Гриф секретности снят

Страниц: 368 (Офсет)

Радиоэлектронной разведке России 106 лет. Но что мы знаем о радиоэлектронной разведке? Радиоразведка — это уникальный механизм. Более эффективного и в то же время безопасного средства разведки, человечество пока не придумало. Например, войсковой разведке, чтобы обнаружить нахождение на фронте новых частей или подразделений противника, надо совершить не один рейд в тыл врага, подвергая опасности разведчиков. А сколько их не вернулось из подобных рейдов! У радиоразведки свои методы. Не рискуя людьми, порою, по одному сигналу, одной фразе в эфире, она раскрывает то, что не под силу десяткам войсковых разведчиков. История радиоэлектронной разведки - вещь не только познавательная, но и весьма увлекательная. Однако, когда в октябре 2009 года ушел из жизни патриарх радиоразведки генерал Шмырев, в Интернете появилась запись: «...Уходят наши командиры, уходят. Теперь некому будет рассказывать о славных делах радиоэлектронной разведки». Почему же некому? Эта книга и есть рассказ о тех славных делах.

Предисловие

Радиоэлектронной разведке России – 106 лет. Право же, почтенный возраст. Но, к горькому сожалению, радиоэлектронная разведка и общество практически не знакомы.

Но возможно ли такое сегодня? Возможно. Действительно, что мы знаем о радиоэлектронной разведке? Я задавал этот вопрос многим своим коллегам, друзьям. Большинство из них люди военные, услышав знакомое слово, поначалу улыбались, качали головой: «Ну как же, знаем, знаем, радиоэлектронная разведка – это...» И улыбка неожиданно сменялась конфузливym удивлением, либо растерянностью, мол, погоди-погоди, сейчас вспомню. Но, как правило, ничего не вспоминалось.

Что ж, все это очень знакомо. Несколько лет назад, а точнее в 2004 году, кто-то напомнил мне о 100-летнем юбилее этой службы. Я также благостно ухмыльнулся. Еще бы, ведь у меня за плечами военное училище, академия, тридцать с лишним лет службы в армии, должен я хоть что-нибудь знать о радиоэлектронной разведке. Увы, к моему стыду, это что-нибудь уместилось в несколько скромных фактов и дат, видимо, услышанных мною когда-то на академических лекциях. Наподобие того, что основателем этой службы считается вице-адмирал Макаров, командующий Тихоокеанским флотом. Он-то и подписал в 1904 году приказ, который обязывал введение радиоперехвата и пеленгования. Потом мне вспомнились дивизионы радиоразведки во время Великой Отечественной. Некоторые военачальники в своих мемуарах упоминали о них. И это, пожалуй, все.

Откровенно говоря, стало досадно и обидно. Как ни крути, а уже четверть века пишу книги по истории разведки. Решил восполнить неприятный пробел в своих знаниях. Библиотеки, Интернет, книжные магазины. Нельзя сказать, что материала не существовало вовсе. Но сколь мал и ничтожен он был. Одни и те же отрывочные газетные и журнальные публикации повторялись в Интернете множество раз. Они, как правило, высвечивали лишь некоторые небольшие эпизоды в деятельности нашей радиоразведки во время Великой Отечественной войны. Но ведь службе 106 лет. Это значит – 37 лет до 1941 года и 65 после 1945-го. С большим трудом удалось найти кое-какие данные о службе радиоразведки в Русско-японскую и в Первую мировую войны, но вот после Великой Отечественной – бетонная стена неизвестности.

С большой надеждой и с карандашом в руках изучил редкие книги на эту тему. Одна из них даже называлась «Радиоэлектронный шпионаж». Казалось, прочту и доберусь наконец до секретов службы. Увы, автор вынес на обложку весьма обязывающий и, я бы сказал, фундаментальный заголовок, но в нем почти ничего о заявленном шпионаже. На страницах

книги речь шла о том, как оперативным путем мировые разведки добывали чужие коды и шифры. А о радиоразведке, как таковой, всего несколько абзацев.

Словом, подводя итог моим изысканиям, можно было с разочарованием констатировать: о радиоэлектронной разведке в России не написано ничего или почти ничего. И это более чем за столетие.

Несмотря на столь неутешительный результат, решил не останавливаться. К тому времени у меня уже вышло несколько книг о военной разведке, в том числе две – «Ахиллесова пята разведки» и «Невидимое оружие ГРУ» – о спецрадиосвязи, близкой и, я бы сказал, родственной радиоразведке службе.

Однако мои старания ни к чему не привели. Секреты радиоразведки оставались за семью замками. Главное разведуправление Генштаба из месяца в месяц, из года в год вежливо отказывало мне. Аргументы о том, что я хочу написать о людях, об их тяжком воинском труде, об участии в войнах и боевых конфликтах, а не о сверхсекретной технике и тактике, не принимались во внимание.

Помог случай, вернее дата – в октябре 2009 года исполнялось 90 лет легенде радиоразведки, человеку, отслужившему в ней 50 лет.

Из этого полувека 15 лет он возглавлял радиоразведку. Его имя Петр Спиридонович Шмырев, генерал-лейтенант, лауреат Государственной премии.

Начальник Главного разведуправления дал добро, и я познакомился с этим удивительным человеком. Рассказал о столетнем молчании. Задал вполне закономерный вопрос: не пора ли снять эту печать молчания и рассказать о радиоразведке? Генерал Шмырев согласился с моими доводами, сказал дословно следующее: «Радиоразведка, как одна из областей разведывательной деятельности, не является секретной, а вот как она это делает, остается «секретом фирмы»». Но я и не собирался влезать в тактические и технические «top secret» радиоразведки. Это, пожалуй, интересно только специалистам да нашим врагам.

Вскоре Петр Спиридонович снабдил меня документами, материалами, представил другим радиоразведчикам. Мы встречались с ним каждую неделю, а то и дважды в неделю, беседы затягивались на несколько часов. Он был удивительным рассказчиком: несмотря на возраст, прекрасно помнил даты, фамилии, события, обладал тонким юмором. До сих пор в моей домашней фонотеке хранятся записи этих бесед.

Были также встречи с фронтовиками, ветеранами службы и действующими сотрудниками. Я надолго окунулся в потрясающую историю радиоразведки. Так родилась эта книга.

Радиоразведка – это уникальный механизм. Более эффективного и в то же время безопасного средства разведки человечество пока не придумало. Например, войсковой разведке, чтобы обнаружить на фронте новых частей или подразделений противника или опровергнуть это, надо совершить не один рейд в тыл врага, подвергая опасности разведчиков. А сколько их не вернулось из подобных рейдов!.. Нередко безрезультатных рейдов, ибо дело это тяжелое и крайне опасное. Как говорят разведчики – «кровавое». Надо взять «языка», но не всякий «язык» знает ответы на необходимые вопросы.

Командир взвода полковой разведки Владимир Стрельбицкий так рассказывал мне о своей фронтовой работе.

«Каждый рейд в тыл врага – это потери пяти-семи бойцов. Убитые, раненые... Тела своих погибших товарищей далеко не всегда удавалось вытащить.

Помнится, будучи комвзвода разведки, я несколько раз ездил, получал пополнение. А пару раз сходишь за линию фронта, и во взводе опять десяток человек остается. Взять «языка» – это подвиг. Хотя не каждый «язык» представляет ценность. Но потери – огромны».

У радиоразведки свои методы. Не рискуя людьми, порою, по одному сигналу, одной фразе в эфире она раскрывает то, что не под силу десяткам войсковых разведчиков.

Так, еще в 1918 году на французский фронт прибыли две итальянские дивизии. Разумеется, сохраняя законы секретности, скрытно, насколько это возможно. И вот всего лишь один небольшой просчет итальянского телеграфиста – и вся секретность рухнула. Немцы узнали об итальянских дивизиях. Итальянец передал вместо французского знака раздела «de» итальянский «di». Немецкой радиоразведке было этого достаточно.

Или другой пример уже периода Великой Отечественной войны.

В марте 1943 года на Ленинградском фронте в районе аэродрома Котлы, что располагался рядом с фортом Красная Горка, был перехват. Немецкий летчик бросил в эфир короткую фразу: «Иду на посадку через одну минуту». Но наше командование знало, что аэродром Котлы немцы не использовали с ноября 1942 года. Значит, сюда прибыла авиационная группа фашистов, поскольку в радиосвязь с аэродромом вступал только один флагманский самолет.

В воздух были подняты наши самолеты, они нанесли удар по аэродрому Котлы. Было уничтожено до 20 самолетов противника.

А летчики прислали радиоразведчикам фотографии с горящими фашистскими самолетами.

С нашей стороны потерь никаких. Никто не получил даже царапины. И таких примеров в войну и в послевоенное время – достаточно.

По данным радиоразведки принимались не только тактические или оперативные решения, но и решения самого высокого стратегического порядка, от которых во многом зависела судьба крупных фронтовых операций. О таких операциях рассказывается в книге.

Впрочем, не стану раскрывать всех «секретов» повествования. Прочтете – узнаете сами. Скажу только, что история радиоэлектронной разведки вещь не только познавательная, но и весьма увлекательная.

Когда в октябре 2009 года ушел из жизни патриарх радиоразведки генерал Шмырев, в Интернете появилась запись: «... Уходят наши командиры, уходят. Теперь некому будет рассказывать о славных делах радиоэлектронной разведки».

Почему же некому? Эта книга и есть рассказ о тех славных делах.

Часть первая

Дедушка русской радиоразведки

31 марта 1904 года временно исполняющий обязанности командующего флотом Тихого океана контр-адмирал князь Ухтомский отправил телеграмму наместнику Его Императорского Величества:

«В 10-м часу, во время маневрирования эскадры на порт-артурском рейде в виду неприятельского флота, броненосец «Петропавловск», под флагом Командующего флотом, со взрывом взлетел на воздух: через две минуты броненосец потонул. Погибли: Командующий флотом, Начальник штаба, большинство офицеров и команды. Великий князь Кирилл Владимирович...»

Великий князь остался в живых. Остальное изложено точно.

В столице Японии, Токио, которая в то время находилась с Россией в состоянии войны, прошла траурная демонстрация, посвященная гибели... русского командующего флотом адмирала Макарова и его боевых товарищей. Японский поэт Исикава Такубоку написал стихи, назвав адмирала доблестным противником... Император Николай II, узнав о трагедии, не изменил свой распорядок дня. Он уехал на охоту.

Вице-адмирал Степан Осипович Макаров был великим русским флотоводцем. Сегодня его по праву считают автором теории непотопляемости. Ведь именно Макарову принадлежит идея выравнивания накренившегося от пробоины судна путем затопления противоположных отсеков.

Еще молодым офицером попав в аварию на подводной лодке «Русалка», он предложил использовать так называемый «пластырь» для заделки пробоин корабля. Степан Макаров считал, что следует создать учебное судно с отверстиями по бортам, дабы экипажи могли обучаться действовать в нештатных ситуациях, тренируясь не только в постановке «пластыря», но и вырабатывая психологическую устойчивость.

Теория асимметричных военных ответов для России, предложенная адмиралом Макаровым еще в позапрошлом веке, актуальна для нас и поныне. Тогда мы не могли противостоять сильному флоту противника на Черном море, не можем и теперь.

Он придумал использовать быстроходные пароходы с поднимаемыми на борт минными катерами. Ночью они атакуют противника и после рейда возвращаются на плавучую базу. Кстати говоря, эту идею Макаров опробовал на практике, став капитаном парохода «Великий князь Константин». Он установил, по сути, на гражданском пароходе артиллерию и использовал минные катера. И так атаковал турок.

Из обычной морской мины, всегда считавшейся оружием оборонительным, Степан Макаров сделал оружие наступательное. А чего стоили его колпаки из мягкой стали для бронебойных снарядов? Они значительно увеличивали пробивную силу.

Да, по праву адмирала Макарова считают выдающимся ученым и изобретателем в области артиллерии, минного дела, теории непотопляемости, тактики морского боя, геополитики. Однако следует не забывать и еще одну область – разведку, а точнее радиоразведку, для которой Степан Осипович стал, по сути, отцом-создателем.

Он первым из всех военачальников русской армии и флота осмыслил роль радиоразведки для будущего вооруженных сил империи. Именно адмирал Макаров выработал и законодательно закрепил основные принципы деятельности этой службы.

Через десять дней после вступления в должность командующего флотом Тихого океана вице-адмирал Макаров подписал исторический приказ №27. Случилось это 7 марта 1904 года.

Теперь дата официально является праздником – днем создания радиоразведки.

Что же отметил в своем приказе адмирал? По существу он закрепил три основополагающих направления:

Первое. Беспроволочный телеграф (т.е. радио) обнаруживает присутствие (например, корабля. – М. Б.). Отсюда требование: поставить телеграфирование под контроль. И тут же впервые в мире адмирал вводит принцип режима радиомолчания. Без разрешения командира радиограммы не отправлять.

Второе. «Если будет чувствоваться неприятельская депеша, – как подчеркивает адмирал Макаров, – надо доложить командиру и определить направление на неприятеля».

Третье. По неприятельским телеграммам «распознать вызов старшего, ответный знак... и смысл депеши».

В конце приказа командующий флотом отмечает: «Для способных молодых офицеров тут целая интересная область».

Знал бы Степан Осипович, что вскоре эта «интересная область» станет столь весомой, что без нее не сможет обходиться ни один вид боевых действий.

Приказ адмирала Макарова вскоре был подтвержден практикой. Уже в апреле 1904 года радиоразведка флота успешно вскрыла замыслы противника.

После того как японское командование разработает план боевой операции под Порт-Артуром силами 12 кораблей, в штабе царского наместника на Дальнем Востоке получают телеграмму: «Сегодня утром (9 апреля 1904 г. – М. Б.) на эскадре были разобраны японские телеграммы по беспроволочному телеграфу, из которых можно предположить, что намечается новая атака...»

Еще через несколько дней, 15 апреля, японское командование в акватории порта-крепости провело рекогносцировку для капитанов кораблей. Ночью телеграфисты броненосца «Полтава», вновь внимательно слушая эфир, перехватили радиограмму. Японцы подтвердили свои планы по проведению заградительной операции.

Русским флотом были предприняты контрмеры, усилена оборона базы, и операция японских кораблей закончилась провалом.

Следует отметить, что в этом же месяце флотские радиоразведчики одержали еще одну победу. Она ценна тем, что явилась не только боевым опытом ведения радиоразведки, но и первым применением радиоэлектронной борьбы. 15 апреля японцы предприняли обстрел Порт-Артура корабельной артиллерией, вошедшей в хронику под названием «третьей перекидной стрельбы».

Утром японские крейсера «Ниссин» и «Касуга» начали обстрел фортов и внутреннего рейда. Одновременно с обстрелом радиостанции эскадронного броненосца «Победа» и берегового радиопоста «Золотая гора» стали создавать помехи. Корректировка по радио артиллерийского огня японских кораблей была сорвана.

Контр-адмирал Ухтомский доложил наместнику адмиралу Алексееву: «Неприятелем выпущено более 60 снарядов большого калибра. Попаданий в суда не было».

С окончанием Русско-японской войны совершенствование радиоразведки не остановилось. Опыт боевых действий показал, что во фронтовой обстановке обеспечить устойчивое управление войсками можно только с помощью современных средств связи. Именно поэтому в мирный период, после окончания Русско-японской войны и до начала Первой мировой, в России было построено несколько достаточно мощных радиостанций на Дальнем Востоке, на севере страны, развернута сеть станций по побережью Балтийского моря. На трассе от Москвы до Владивостока стали возводиться приемо-передающие центры.

Успешно развивалась радиоразведка и во флоте. Наибольших успехов в этом деле добился Балтийский флот. К 1909 году на Балтике была создана достаточно стройная система наблюдения морского побережья, включающая в себя три рубежа – агентурного на

неприятельской территории, дальнего морского наблюдения и ближнего сухопутного.

При службе связи и наблюдения разворачивались отделы шифрования и дешифрования.

Руководство флотом понимало, что на случай войны при вступлении морских сил в активные боевые действия единственным эффективным средством дальнего обнаружения противника станет радиоразведка. Так оно в сущности и случилось, когда началась Первая мировая война.

На фронтах первой мировой...

... Германский посол в России граф Пурталес вручил министру иностранных дел Сазонову ноту. Произошло это вечером 19 июля (1 августа) 1914 года. В ноте говорилось: «Его величество император, мой августейший повелитель, от имени империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией».

Началась Первая мировая война.

Уже в самом начале боевых действий Германия потеряла крейсер «Магдебург». Корабль отличался хорошим бронированием, надежной системой подводной защиты, превосходными мореходными качествами и маневренностью. Однако это была не самая большая утрата немецкого императорского флота за время Первой мировой войны. И тем не менее военно-морские эксперты, историки, исследователи флота едва ли не в один голос утверждают: гибель легкого крейсера «Магдебург» имела намного большее значение, чем потеря любого другого корабля.

Русские моряки, захватив германский крейсер, нашли на нем нечто такое, что заставило англичан специально послать в Петербург корабль королевского флота. Он и доставил в Лондон дар верного союзника, который Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль назвал бесценным.

Известный американский журналист, специалист по криптологии, автор книги «Взломщики кодов» Дэвид Кан посчитает находку на «Магдебурге», «возможно, самой счастливой удачей во всей истории криптологии». Другие исследователи отметят, что этот эпизод является важнейшим в истории развития радиоразведки.

Так что же произошло августовской ночью 1914 года в Балтийском море у острова Оденсхольм в устье Финского залива?

Отряд контр-адмирала Беринга в составе крейсеров «Аугсбург» (флаг командира), «Магдебург», миноносцев V-26 и V-186 вышел в море. Ближе к вечеру видимость ухудшилась, и «Магдебург» потерял из виду флагманский корабль.

Вскоре адмирал Беринг передал радиограмму: изменить курс. Однако радиограмму расшифровывали непозволительно долго: 18 минут. Крейсер «Магдебург» изменил курс, но было поздно. Корабль налетел на камни у острова Оденсхольм. Неожиданно для себя адмирал Беринг получил радиограмму: «Выскочил на мель. Курс 125°».

Все попытки сняться с рифа оказались тщетными. И тогда командир крейсера капитан 2-го ранга Густав Генрих Хабенихт приказал подготовить корабль к взрыву и начать эвакуацию экипажа на миноносец.

В это время в тумане появились силуэты русских кораблей. Это были крейсера «Богатырь» и «Паллада». Они открыли огонь по немецким кораблям. В эсминец V-26 попал снаряд, и некоторые моряки, снятые с «Магдебурга», погибли.

Капитан 2-го ранга Хабенихт, поняв, что дело безнадежно, приказал взорвать носовые погреба. Крейсер сдался. 55 человек во главе с командиром попали в плен, 15 – убиты, 75 – пропали без вести.

Таковым, если кратко, был морской бой. Однако главные события совершились потом. С подошедшего к месту сражения миноносца «Лейтенант Бураков» спустили шлюпку, в которой находилась команда моряков во главе с лейтенантом М. Гамильтоном. Они и подняли на «Магдебурге» Андреевский флаг.

Победителям досталось немало документов. Разумеется, самыми ценными оказались те, на которых стоял гриф: «Совершенно секретно». Тут были морские уставы, наставления, различного рода формуляры, технические инструкции. Но главным «бриллиантом» в этой богатой коллекции оказалась «Сигнальная книга императорского флота». Ее-то и назвал Черчилль «бесценной». Более того, в руки русских попали два экземпляра книги. Первую нашел лейтенант М. Гамильтон среди узлов с вещами, оставленных экипажем при эвакуации; вторую обнаружил водолаз при осмотре места аварии на теле одного из утонувших немецких моряков. Об этом свидетельствуют записи в историческом журнале командующего Балтийским флотом.

Именно этот экземпляр, под номером 151, был отправлен в морской Генеральный штаб, потом, после фотокопирования, в Лондон. Его и получил Первый лорд Адмиралтейства 13 октября, о чем и засвидетельствовал в своих мемуарах.

Разумеется, столь успешная находка сразу же оказалась засекреченной. Уровень секретности был столь высок, что упоминание о «Сигнальных книгах» изъяли из всех документов штаба флота. О своей находке командующий флотом адмирал Николай Эссен умолчал даже в донесении старшему начальнику – Главнокомандующему 6-й армией. Думается, столь «суровая» степень секретности была оправдана и, как показывают дальнейшие события, дала свои результаты.

«Сигнальная книга» в германском, да и на других флотах, являлась основным документом, определяющим организацию и функционирование военно-морской связи. Без нее была невозможна формализация сообщений, распоряжений, команд. Иными словами, все эти сообщения первоначально приводились к краткому, удобному виду для последующей быстрой передачи. Делалось это в первую очередь для радиосвязи.

Кроме того, «Сигнальная книга» обеспечивала и сугубо криптографическую функцию – секретила, «закрывала» транслируемое сообщение. Так что для криптологов это была своего рода «кодовая книга».

Повезло русским морякам и в том, что они нашли на «Магдебурге» секретные карты квадратов. С помощью такой сетки квадратов, наложенной на карту района ТВД, можно было передавать емкие сообщения в виде номера того или иного квадрата. Сетка квадратов стала важным приложением к «Сигнальной книге».

Добавим, что кроме этих очень ценных материалов достоянием морской радиоразведки стали журналы семафорных и радиотелеграфных переговоров, шифры мирного времени.

Потеря секретных военно-морских документов уже через три с половиной месяца обернулась для немецкого флота катастрофой – гибелью дальневосточной крейсерской эскадры адмирала Шпее у Фолклендских островов.

Решение адмирала идти к островам вызвало недоумение многих офицеров эскадры. Известно, что командир корабля «Гнейзенау» старался переубедить адмирала и просил не рисковать кораблями. Но Шпее был непреклонен. Он получил приказ идти к островам. Знал бы адмирал, что приказ ему отдало не германское командование, а британская морская разведка, используя те самые документы с крейсера «Магдебург».

Разумеется, самым активным образом добытые немецкие секретные материалы использовались и нашей радиоразведкой – в первую очередь на Балтике, а позже и на Черном море. Был организован перехват и дешифрование германских радиogramм. Эту задачу с успехом выполняла береговая радиостанция в г. Гапсаль (Хапсалу).

Радиоперехват вели также радиостанции на юге Финляндии и в Северной Прибалтике – в Пекерорт, Престэ, Або.

В 1915 году радиоразведывательная станция была развернута в Севастополе. Сведения, которые она добывала о действиях немецких кораблей, помогали нашему Черноморскому флоту.

Однако надо признать, что основные сражения, определяющие ход войны, происходили не на море, а на сухопутных ТВД. И потому радиоразведка Главного управления Генштаба и штаба Верховного Главнокомандующего составляла единую службу. К 1916 году были определены ее основные функции, а также служба выстроена организационно.

«Маломощные радиостанции, – констатировалось в одном из руководящих документов того времени, – приданные действующей армии, ведя наблюдение за радиостанциями противника, должны выяснять: кто говорит, с кем и как часто.

Более мощные полевые радиостанции, находящиеся в тылу, путем засечек, производимых радиолокационными станциями, должны определить местонахождение неприятельских радиостанций и, главное, следить за их перемещениями.

Наконец, постоянные радиостанции большой мощности (Царскосельская, Тверская, Московская и др.) обязаны перехватывать радио Берлина, Вены, Будапешта, Софии, Мадрида, Северной Америки».

Что ж, на то они и руководящие документы, дабы ими пользоваться в своей деятельности. Стационарные радиостанции – Московская, Царскосельская, Николаевская, Тверская – осуществляли перехват дипломатической переписки, коммерческих радиogramм, а также переписки главного командования противника – германской и австро-венгерской армий.

Основную нагрузку нес Тверской радиопункт. Он контролировал работу более 100 радиостанций.

Документы радиоперехвата собирались в соответствующем отделении Министерства иностранных дел и в Главном управлении Генштаба.

Общее руководство радиоперехватом осуществлял отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба, а непосредственное – отдел службы радиосвязи комитета по устройству постоянных радиостанций Главного военно-технического управления.

Перехватом сообщений войсковых радиостанций противника на фронтах занималась радиоразведка штаба Верховного Главнокомандующего.

В начале войны опыта в подобной работе явно недоставало. Об этом свидетельствует одна из директив штаба Верховного своим подчиненным на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. В ней указывается: «Перехват необходим от полевых радиостанций, только которыми обыкновенно и применяется военный шифр, заслуживающий внимания, причем желательно получать не обрывки телеграмм, а полные тексты».

Не зря беспокоился штаб Верховного Главнокомандующего. Как только перехват был осуществлен на должном уровне и дешифровальная служба стала получать телеграммы в полном объеме, вдруг выяснилось: командование Северо-Западного фронта могло допустить катастрофический просчет при планировании Восточно-Прусской операции. Оно исходило из ошибочного предположения, что основные силы немцев развернуты западнее озерного пространства Восточной Пруссии.

К счастью, радиоразведчики оказались на высоте. Перехват радиogramм 8-й немецкой армии и ее 17-го и 20-го корпусов доказал: главные силы противника сосредоточены за рекой Ангеррап.

Боевой опыт, обретаемый на фронтах, заставил переосмысливать роль радиоразведки. Уже в начале 1915 года в действующих частях стали разворачиваться специальные радиостанции для ведения радиоразведки.

Во фронтовых и армейских радиодивизионах для перехвата радиogramм противника выделялись по две приемные станции, которые полностью освобождались от ведения связи. Они занимались только радиоперехватом.

Делали свои первые шаги на боевом поприще и радиокompасные станции, которые могли определять местоположение радиостанций противника.

В том же 1915 году в русской армии появились и полевые радиопеленгаторы. А через год на Северный, Западный и Юго-Западный фронты придут автомобильные радиопеленгаторы.

Такая радиостанция размещалась на двух автомобилях и обслуживалась расчетом из 16 человек. Созданы они были в Петроградской электротехнической школе. Кстати говоря, эта школа стала первым учебным заведением, которое начало готовить радиоразведчиков.

Хочется назвать имена первых начальников радиопеленгаторных станций – поручика Пузырева, подпоручика Грамматикова, прапорщика Страхова.

К середине 1915 года данные, поступающие из радиоразведки, стали регулярными и стабильными. Это позволило на фронтах выпуск ежедневных разведывательных сводок о противнике. К этим сводкам всегда прилагалась схема расположения неприятельских радиостанций.

Увидело свет и было разослано по соединениям первое наставление по радиоразведке. Оно определяло цели и задачи радиоразведки на фронтах и называлось «Наставление для производства радиотелеграфной слежки».

«Радиотелеграфной слежке», – говорилось в Наставлении, – путем постоянного наблюдения за работой неприятельских радиостанций, при определенной систематизации перехватываемых при этом позывных, отдельных знаков и целых радиограмм, а также по степени оживленности обмена радиограммами неприятельских станций между собой, представляется возможность получить данные для суждения о группировке противника.

Кроме того, ведение слежки за неприятельскими радиостанциями дает возможность получить материал в виде перехваченных шифрованных и нешифрованных радиограмм, который может быть использован для открытия неприятельских радиотелеграфных кодов и шифров».

Что ж, в наставлении все сказано верно: перехватить радиограмму очень важно, но потом ее следует быстро и верно расшифровать.

Именно поэтому в июне 1916 года в русской армии впервые предпринята попытка централизованной обработки пеленгов. Штабы фронтов и армий получили соответствующее приказание генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

Что же приказал генерал-квартирмейстер?

Он настаивал на том, чтобы ежедневно велась радиотелеграфная карта на основании данных, полученных с фронтов. Для этого к работе привлекались все пеленгаторы, приданные фронтам и армиям. Каждая такая станция должна была иметь позывной, состоящий из двух частей: первая – номер армии или название фронта, в состав которого входит пеленгатор, вторая – местонахождение пеленгатора в делениях сетки. Карта с нанесенной на нее сеткой высылается в штаб ранее.

Таким образом, каждая пеленгаторная станция записывает позывные и определяет направление для прокладки на карте. Кроме направления каждая станция имеет смену позывных.

Надо отметить, что централизация обработки пеленгов дала свои положительные результаты.

В штабе Верховного Главнокомандующего, в штабах фронтов понимали, что ведение радиоразведки дело не простое, требующее специальных навыков, мастерства. Поэтому к июню 1917 года для радиоразведчиков разрабатывается «Программа для слухачей приемных станций». В ней определились нормативы приема на слух и другие требования к операторам станций радиоперехвата.

Интересно, что уже тогда к «слухачам» предъявлялись достаточно высокие требования. Так, по нормативам оператор должен был принимать на слух не менее 20 пятизначных

цифровых групп в минуту, уметь различать по характеру работы радиостанцию противника и пеленговать ее в течение 2 минут, знать правила радиотелеграфной корреспонденции, порядка и приемов работы противника.

Требовалось также уметь осуществлять установку станции на местности, развертывание антенной сети и проверку правильности развертывания по компасу или буссоли, провести градуировку приемника, настроить генератор незатухающих колебаний, отрегулировать зуммер волномера.

Так что оператор радиоразведки того времени должен был многое знать и уметь. Только тогда удавалось ему выполнять сложные боевые задачи.

Подводя итоги, можно сказать, что в годы Первой мировой войны в русской армии и на флоте была создана специальная служба – радиоразведка. Теперь она владела соответствующими силами и средствами, обрела свои, только ей присущие формы и методы добывания сведений.

Пока возможности этой службы были невелики в силу недостаточных технических возможностей, небольшого количества привлекаемых офицеров и солдат, небогатого опыта работы. Да и масштабы применения радиоразведки, надо признать, оказались пока недостаточно широки.

Однако время не стоит на месте. И радиоразведка, покинув фронты Первой мировой, вскоре оказалась на других фронтах – войны Гражданской. Одни специалисты ушли к красным, другие – к белым. Но радиоразведка не умерла.

«Красная Армия всех сильнее!...»

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года сломала все, что можно было сломать. Разрушению подверглись государственные институты, в первую очередь армия, а вместе с нею и разведка.

В условиях Гражданской войны, когда советская власть не имела возможности создавать новую службу радиоразведки, приходилось пользоваться тем, что досталось от царского строя.

Правда, следует отметить, что уже в начале 1918 года при разработке проекта по организации военного радиотелеграфа в Красной армии предусматривалось создание радиоразведки. Но из-за нехватки техники и грамотных специалистов Главный штаб не в силах был осуществить этот проект.

Организацию радиоразведки отложили на более поздний срок, а пока наладили радиоперехват сообщений информационных иностранных агентств при Полевом штабе Реввоенсовета. Ведь к середине 1918 года советская республика находилась в кольце фронтов и была отрезана от остального мира.

Тверская и Царскосельская радиостанции, теперь находившиеся в подчинении Народного комиссариата по военным делам, осуществляли перехват сообщений информантов из Германии (Науэн), Франции (Париж, Лион), Великобритании (Корнарвон). Сводки готовились каждый день с грифом «только В. И. Ленину».

В середине 1918 года Тверская и Царскосельская радиостанции были переданы в ведение Народного комиссариата почт.

Тем временем Гражданская война набирала обороты. В июне Донская армия во главе с генералом С. Денисовым нанесла поражение советским войскам у станции Суровикино.

Генерал Краснов получил поддержку со стороны Германии.

К началу августа Донская армия овладела почти всей Донской областью и стала готовиться к наступлению на Царицын (Волгоград) и Воронеж.

Добровольческая армия в июне-ноябре провела второй кубанский поход и овладела всей Кубанской областью.

В Крыму германские войска в июне разгромили Таврическую Советскую социалистическую республику. Одновременно распалась Закавказская республика.

В июле в Мурманске краевой Совет подписал соглашение с интервентами о совместной защите края от держав германской коалиции. К тому времени в городе уже располагалось 8 тысяч союзных войск.

2 августа в Архангельске представители партии эсеров, народных социалистов и кадетов осуществили антибольшевистский переворот.

В начале августа во Владивостоке высадились американские, английские, французские и японские десанты.

1 сентября части Чехословацкого корпуса и отряды забайкальских казаков есаула Г. Семенова захватили Читу. Японцы и отряды есаула И. Калмыкова заняли Хабаровск.

К концу лета 1918 года советская власть сохранилась только в центральных районах России.

В этих условиях большевики предпринимали дальнейшие усилия по укреплению Красной армии. 5 ноября в составе Полевого штаба Реввоенсовета было создано Регистрационное управление – центральный орган военной разведки. А уже через неделю 13 ноября учреждено первое подразделение радиоразведки – приемоконтрольная станция.

Она, по сути, выполняла те же функции, что Тверская и Царскосельская станции – вела перехват сообщений информанств из Парижа и Науэна. Правда, телеграммы теперь отправлялись не только Председателю Совета Народных Комиссаров В. Ленину, но и начальнику Полевого штаба, начальникам оперативного и регистрационного управления.

В мае 1919 года В. Ленин в одном из своих выступлений сказал: «... Французские газеты попадают к нам редко потому, что мы окружены кольцом, но по радио сведения попадают... мы перехватываем иностранное радио».

Кроме приемо-контрольной станции, которая впоследствии была размещена в г. Серпухове, иных формирований радиоразведки не предусматривалось. Не хватало для этого ни специалистов, ни технических средств. Достаточно сказать, что на всю Красную армию в ту пору приходилось всего 38 радиостанций связи.

Однако, несмотря на все трудности технического, организационного и кадрового характера, руководство Красной армии, понимая роль радиоразведки, постоянно изыскивало возможности для ее укрепления. Так, в январе 1919 года на фронтах началось создание пеленгаторных и приемо-информационных радиостанций, по существу первых подразделений фронтовой радиоразведки.

«В ближайшем будущем, – сообщал инспектор радиотелеграфа начальнику оперативного управления Полевого штаба, – предполагается установить на каждом фронте пеленгаторные и приемные радиостанции для слежки за работой радиостанций, как своих, так и противника».

По-прежнему в обязанности и этих станций входил перехват иностранных информанств, но уже ставилась задача слежения за войсковой связью противника. А для пеленгаторных станций главным делом был перехват радиogramм вражеских войск.

Принятое решение Полевого штаба не осталось на словах. Действительно, в течение 1919 года на Западном, Юго-Западном, Южном, Туркестанском и Кавказском фронтах радиоразведку целенаправленно вели уже 24 приемные и 6 пеленгаторных станций. В следующем году их число возросло до 80 и 8 радиостанций соответственно.

Правда, был во всей этой работе и весьма существенный недостаток. Приемные станции по-прежнему использовались как связные и лишь попутно вели радиоразведку.

К концу 1919 года в Красной армии прошла очередная реорганизация. Теперь фронтовой и армейской радиоразведкой руководили отделения радиосвязи и радиоразведки, которые

функционировали при радиоотделах начальников связи. Сотрудники этих отделений обобщали разведматериал, готовили ежедневные сводки и схемы радиосвязи противника.

Тогда же было разработано и отправлено в войска и «Наставление для производства радиотелеграфной слежки в Красной армии».

Теперь, когда все перипетии создания и реформирования радио-разведки Красной армии описаны, хотелось бы задать вопрос: была ли реальная отдача от всех этих мероприятий? Сработала ли, в конечном итоге, большевистская радиоразведка в Гражданскую войну или, как бытует мнение, ее практически не существовало.

Конечно, не подлежит сомнению тот факт, что Белая армия, унаследовавшая радиотехнические и шифровальные средства, опыт, традиции и лучшие кадры царской России, вела радиоразведку и радиоперехват весьма эффективно. И об этом мы поговорим далее.

Однако есть документы и материалы, свидетельствующие о том, что противники белогвардейцев, командиры и бойцы Красной армии не сидели сложа руки и внесли весомый вклад в общую победы.

В чем же этот вклад? Давайте разберемся.

Для начала напомним: к весне 1919 года под началом адмирала Колчака находились несколько армий – Западная, Сибирская, Оренбургская, Уральская. Они насчитывали около 400 тысяч штыков. Примерно 140 тысяч держали фронт.

В конце апреля Верховного правителя признало «временное правительство Северной области». В июне по приказу Колчака Юденич возглавил белогвардейские войска на северо-западе, Деникин объявил о своем подчинении адмиралу.

Главная опасность в этот период для молодой советской республики исходила от колчаковцев. И потому армии Восточного фронта красных были усилены станциями радиоразведки. Так, к примеру, радиостанции 4-й армии работали против войск Западной и Уральской армий Колчака.

На Туркестанском фронте под командованием М. В. Фрунзе радиоразведку вели станции 1, 4, 11-й армий и приемо-информационная радиостанция штаба фронта.

Были радиостанции и в штабах некоторых дивизий 25-й стрелковой под руководством В. И. Чапаева, 24-й стрелковой и 3-й кавалерийской. Они вели наблюдение за радиосвязью белых в Гурьеве, Екатеринодаре, на линии Тифлис – Баку. Радиоразведка фронта установила дислокацию штабов Северо-Кавказской армии, Каспийского фронта, Донской армии, а также главного штаба Деникина.

Зимой 1919 года радиоразведчики Туркестанского фронта доложили командованию о доставке военного имущества и продовольствия для Уральской белой армии на судах «Слава», «Африка», «Президент Крюгер», «Азия». Эти суда входили в состав Каспийского флота белых.

В конце года красным «слухачам» удалось установить прибытие в ставку Деникина начальников военных миссий Великобритании и Франции – генералов Бриго и Манжена. На севере против интервентов воевала 6-я армия. Она имела радиостанцию в своем штабе, а также в 18-й стрелковой дивизии. Радиоразведку вела и радиокомпасная станция, дислоцировавшаяся в Вологде. Все они контролировали радиостанции интервентов в Архангельске, Мурманске, Шенкурске.

На Южном фронте войска Красной армии вели бой против частей Кавказской, Донской и Добровольческой армий. Радиоразведка фронта вскрыла дислокацию штабов белогвардейских войск на Юге России – штаба Кавказской армии в Ростове, Кубанской в Ставрополе, 1-й Донской в столице Тихорецкая, 3-й Донской в столице Зверево.

Работать радиоразведчикам приходилось в сложных условиях. Острый дефицит технических средств заставлял командиров использовать станции в основном для оперативной связи. Однако, когда в августе 1919 года конный отряд Мамонтова прорвал линию фронта и эскадроны белогвардейцев вышли в тылы Красной армии, перед радиоразведкой была

поставлена крайне ответственная задача – выявить радиостанцию белых. Все имеющиеся в наличии радиосредства Южного фронта, а также Полевого штаба Реввоенсовета сосредоточились на выполнении этой задачи.

Вскоре удалось засечь радиостанцию 2-го корпуса Добровольческой армии. Теперь она обслуживала штаб Мамонтова. Контроль за ее работой помог командованию Южного фронта отслеживать путь белых конников.

На Юго-Восточном фронте, который был создан для борьбы с Деникиным, радиоразведку обеспечивали связные армейские радиостанции и приемо-информационная станция штаба фронта. Они держали под контролем станции Уральской и Деникинской армий, а также судовые радиосредства белых на Каспийском море.

Усилиями радиоразведки удалось установить местоположение штабов Кавказской армии, Каспийского фронта и базы гидроавиации на Каспийском море.

Весной и летом 1929 года Красной армии пришлось вести бой с польскими интервентами. 12, 13 и 14-я армии Юго-Западного фронта имели в своем распоряжении приемо-информационные радиостанции. Именно их усилиями были обнаружены корабли интервентов у берегов Крыма, которые доставляли боеприпасы, продовольствие и оружие войскам Деникина.

Радиоразведке фронта удалось организовать перехват радиogramм деникинцев, державших связь с Варшавой, Бухарестом, Константинополем.

В этот период достаточно профессионально работала и радиоразведка Кавказского фронта. В ее составе были четыре станции – приемо-информационная и пеленгаторская при штабе фронта в Ростове-на-Дону, еще одна пеленгаторская в Новороссийске и прямоконтрольная при штабе 11-й армии в Баку.

Несомненным успехом радиоразведчиков Южного фронта можно считать вскрытие замыслов противника, связанных с высадкой десанта в июне 1920 года в районе Мариуполя. За несколько дней до высадки операторы отметили возрастание числа полевых радиостанций белых, а также усиление работы судовых корабельных станций на Азовском море.

Когда же белогвардейские части двинулись в южные районы Украины, «слухачи» Кавказского фронта постоянно держали под своим контролем перемещение штабов: генерала Деникина – в Джанкой, Кутепова – в Мелитополь, 2-го Донского корпуса – на Перекоп.

С переходом в наступление Красной армии в Крым радиоразведка Южного фронта действовала не менее активно, вскрывая районы дислокации белогвардейских войск, маршруты их перемещения, передвижение кораблей противника.

В ходе отступления дисциплина шифровальщиков деникинских войск резко упала, и теперь они нередко не хотели, а порой и не успевали шифровать радиogramмы, передавая их открытым текстом. Этим достаточно успешно пользовалось командование фронтом.

... В ноябре 1920 года Крым был освобожден. Очаг сопротивления на юге ликвидирован.

Так действовала радиоразведка Красной армии в период Гражданской войны.

В следующей главе обратимся к их противникам – радиоразведчикам Белой армии.

«Зачем нам, поручик, чужая земля...»

Итак, в силу сложившейся обстановки основные технические средства радиоразведки, а также высокопрофессиональные кадры оказались в Белой армии.

К концу 1918 года Сибирь, Урал и Дальний Восток оказались под властью Колчака. Как известно, он создал свое правительство, совет Верховного правителя, сенат и даже департамент милиции. При его личной канцелярии действовал отдел печати. В распоряжении отдела находились радиотелеграф и радиостанции.

В Екатеринбурге, Омске, Чите и Хабаровске работали достаточно мощные по тем временам станции. На Юге страны радиостанции располагались в Новороссийске, Николаеве, Гурьеве, Севастополе.

Во Владивостоке также была развернута радиостанция, но ее передали американцам для использования на период боевых действий.

Однако и без этой станции во владении Колчака находилась достаточно разветвленная сеть сил и средств связи и радиоразведки.

Так, к примеру, при резиденции Верховного правителя в Омске функционировала радиостанция, которая постоянно держала связь с Архангельском. Там располагался штаб правительства Северной области во главе с генералом Миллером.

Столь же устойчивой была связь радиостанции Колчака и с Севастополем, где действовали армии южного направления.

Омская радиостанция связывала адмирала и с границей – Лондоном, Стокгольмом, Парижем.

Некоторые из этих станций существовали еще при царской власти и были захвачены белогвардейцами, иные, как например, в Таллине и Ямбурге, построили союзники.

И тем не менее, несмотря на довольно серьезную материальную базу, адмирал Колчак, будучи морским офицером, как никто другой понимал важность радиоразведки.

Весной 1919 года он посылает в Лондон делегацию во главе с генералом Головиным, который ведет переговоры о срочной постройке в России еще одной современной радиостанции.

Татьяна Соболева, автор книги «История шифровального дела в России», приводит телеграмму, которую в мае 1919 года посол во Франции Маклаков отправил Колчаку:

«Генерал Головин, находящийся в Лондоне, сообщает, что англичане согласны установить большую радиостанцию в Екатеринодаре для прямых сношений с Омском, Парижем, Лондоном и приступить к работе немедленно при условии наличного платежа около 10 000 фунтов».

К сожалению, мечта адмирала Колчака не сбылась. Денег на постройку станции найти не удалось, а союзники не очень торопились помогать бесплатно.

Наряду с использованием мощных стационарных радиостанций белогвардейцы широко применяли и полевые станции. В отличие от Красной армии, у них станциями были снабжены не только штабы армий, но и корпусов, дивизий, военных кораблей.

Перехваченные сообщения, как шифрованные, так и открытые, подлежали тщательному анализу, результаты которого отражались в ежедневных сводках и схемах.

Весьма результативно работала, к примеру, радиоразведка Западной и Уральской армий.

Против войск Туркестанского фронта во главе с М. В. Фрунзе активно действовали белогвардейские операторы, дислоцированные в Гурьеве и в форте Александровском.

А помогали им в работе... связисты Красной армии. Дело в том, что они, особенно на первых порах, передавали радиogramмы, используя старые царские шифры, а то и вовсе открытым текстом. Разумеется, эти шифры были хорошо знакомы белогвардейским криптографам.

Очень показательной является шифрограмма М. В. Фрунзе, отправленная в декабре 1920 года в Москву. В эту пору Михаил Васильевич возглавлял войска Украины и Крыма. Шифрограмма адресована Предсовнаркома Ленину, Предвоенсовета Троцкому, Наркоминдел Чичерину.

«Из представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада, – пишет М. В. Фрунзе, – устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности расшифровываются нашими врагами. Вся наша радиосвязь является великолепным средством ориентирования противника.

Благодаря тесной связи с шифрованным отделением Морфлота Врангеля, Ямченко имел

возможность лично читать ряд наших шифровок самого секретно военно-оперативного и дипломатического характера: в частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Ташкенте и Европе слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. То же относится и к расшифровыванию свыше ста наших шифров.

... Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы. 19 декабря. Командвойск Украины Фрунзе». Что ж, мне кажется, это тот случай, когда комментарии излишни. Но ко всему сказанному хочется добавить лишь один, достаточно яркий пример. В своих мемуарах командующий экспедиционными войсками в Персии и в Баку генерал-майор Дентервиль указывает, что занять Баку и другие районы Кавказа английским войскам удалось благодаря... старому царскому коду, который использовали штабы Красной армии. Этот код находился также в руках англичан. Столь широкими возможностями своей радиоразведки белогвардейцы, разумеется, эффективно воспользовались.

В отличие от Красной армии, операторы радиоразведки которой занимались перехватом сугубо военных сообщений, «слухачи» Колчака, Деникина, Юденича имели возможность сбора информации по достаточно широкому кругу проблем. Например, по дипломатическим вопросам (была расшифрована переписка советских руководителей по Брестскому миру) или идеологическим. Сохранились документы радиоперехватов, в которых отслеживается политика советской власти в области образования.

Интересно и то, что с помощью данных радиоразведки белогвардейцы вели досье на лидеров большевистского движения.

И тем не менее основная работа белых радиоразведчиков была конечно же в действующей армии. Шла война. И от ее исхода зависела судьба всего Белого движения.

Надо сказать, что в данном случае роль радиоразведки оказалась достаточно весомой: благодаря успешным радиоперехватам белые генералы знали о планируемых операциях красных, могли своевременно отреагировать на их действия.

Так летом-осенью 1918 года белогвардейцы благодаря данным радиоразведки были хорошо осведомлены о сложном положении большевиков в Ташкенте. Предсовнаркома Туркестанской республики 25 июля 1918 года молил центр о помощи: «Вторично именем революции молим о подкреплении нас боевыми припасами, а главное патронами...» Это несомненно помогло белогвардейцам подготовить и поднять ташкентское восстание в январе 1919 года.

Есть все основания полагать, что данные радиоперехватов оказали неоценимую помощь белым войскам в период боев за Читу в августе 1918 года.

Однако надо признать: несмотря на усилия Белой армии, Гражданская война была ими проиграна. Еще до осени 1922 года на Дальнем Востоке в некоторых районах продолжились локальные боестолкновения. И тем не менее страна уже вступила в период мирного строительства.

«Радиоразведка носит кустарный характер»

Первое послевоенное десятилетие, к сожалению, было не самым продуктивным в истории развития радиоразведки. Причины тому разные – объективные и субъективные, но главная – научная и техническая отсталость государства и его Вооруженных Сил.

Страна с огромным напряжением сил начала восстанавливать разрушенную войной экономику и народное хозяйство.

Демобилизовались и ушли из армии опытные специалисты-радиоразведчики, техника, работавшая во время войны с огромной нагрузкой, приходила в негодность, устаревала. Новая техника связи в войска не поступала. Ее просто неоткуда было взять.

В силу этих причин ведение радиоразведки фактически прекратилось.

Серьезным тормозом в развитии радиоразведки в армии и на флоте послужило решение Председателя Совнаркома В. Ленина, принятое в январе 1921 года. В соответствии с ним все приемо-информационные, а также некоторые приемо-контрольные и пеленгаторные станции, состоящие на вооружении в войсках связи, были нацелены на перехват шифрованных радиogramм, передаваемых иностранными полевыми и мощными станциями. Однако перехваты эти направлялись не в штаб РККА, а в специальный отдел ВЧК. То есть армейские и флотские радиостанции теперь работали в интересах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

Вполне понятно, что подобное решение оказалось вынужденным и принято было не от хорошей жизни, но факт остается фактом. По сути армия и флот во многом оказались без собственных технических средств радиоразведки.

Понимая всю ущербность сложившейся ситуации, начальник штаба Красной армии в августе 1921 года приказал руководству Разведуправления разработать «новую организацию постановки дела радиоразведки в республике».

Такая организация была разработана и через три года, в 1924-м сформированы 12 разведывательно-пеленгаторных групп по 28 человек в каждой. В штате группы – три радиостанции: одна пеленгаторная, две – приемо-слежечные. Всего 336 человек на всю армию. Невесть, какая сила, но, как говорят, лиха беда начало.

Группы развернули в первую очередь в западных округах, а также на юге – в Севастополе, в Батуми, в Кавказской Краснознаменной армии, на северо-западе – в Кронштадте.

За два года группы преобразуют в пеленгаторные роты. В 1928-м пеленгаторные роты будут развернуты в составе радиобатальонов четырех военных округов – Ленинградского, Московского, Северо-Кавказского и Украинского. В состав каждой роты войдут разведывательные станции, которые теперь установят вдоль западной границы.

Так, Украинский военный округ дислоцировал свои станции в Каменец-Подольске, Балте, Проскурове и Новоград-Волынке; Белорусский – в Минске, Слуцке, Лепеле, Себеже; Ленинградский – в Пскове, Кингисепе, Шлиссельбурге.

В состав разведгруппы входило 13 военнослужащих, вооруженных одним пеленгатором и двумя приемниками. Все эти средства работали вместе, синхронно, и использовались для перехвата передач противника.

Разумеется, совершенствование организационных форм и методов ведения радиоразведки было бы невозможно без технического вооружения подразделений.

До 1929 года подразделениями радиоразведки использовался так называемый пеленгатор Баженова, который работал еще в годы Первой мировой войны. В этом году вступил в строй двуколочный пеленгатор 52пд. Вместо длинноволнового четырехлампового приемника стали поступать новые, более высокочувствительные радиоприемники Особого технического бюро. Такие радиоприемники состояли в штате разведывательных станций в Минске, Пскове, Слуцке и Кингисепе.

В том же 1929 году была организована подготовка командного состава подразделений радиоразведки на разведкурсах усовершенствования командного состава. Начались занятия в отдельной радиогруппе, со сроком обучения полгода.

На следующий год в Ленинградской военной школе связи развернули отделение по обучению командиров взводов для радиоразведки. Важно, что в программу подготовки взводных командиров входило обучение иностранным языкам, а также прием и передача радиogramм на иностранном языке.

Однако, несмотря на проведенные мероприятия первого послевоенного десятилетия, в

феврале 1930 года начальник Разведуправления в своем докладе дает далеко не утешительную оценку состоянию службы:

«Радиоразведка носит еще кустарный характер. Разведывательные станции еще не снабжены однотипным оборудованием, соответствующим задачам. На большинстве станций прием ведется при помощи приемников любительского типа.

Оперативная работа часто прерывается выходом из строя радиопеленгаторов, так как резерва для их замены нет. Подразделения пополняются людьми, не удовлетворяющими требованиям. В подразделениях нет пособий, необходимых для обучения личного состава. Нет утвержденного положения по радиоразведке. Подразделения существуют без твердых штатов».

Наряду с перечисленными трудностями сугубо технического, кадрового, организационного порядка возникла и другая, более сложная проблема – качественная и быстрая обработка добытых сведений.

Летом того же 1930 года в докладной записке на имя начальника военной разведки подчеркивалось: «Сам процесс технической службы радиоразведки далеко не является сложным или трудным для преодоления. Значительно более сложным является правильная и быстрая обработка материалов, добытых радиоразведкой, и их систематизация.

В этом отношении у нас очень мало сделано или приняты полумеры. В настоящее время вопрос о создании кадров оперативных работников исключительно для обработки разведывательных материалов крайне назрел».

Но даже в этих условиях, когда в отсутствие аппарата для обработки сведений радиоразведка мало что давала своему командованию, начальник штаба РККА Б. Шапошников всегда очень внимательно читал сводки. В подтверждение этого факта приведем резолюцию Бориса Михайловича на сводке радиоразведки за октябрь 1930 года. «Начальнику Разведуправления. Нам нужно изучить работу радиостанций. Пошлите кого-нибудь» – было начертано рукой начштаба РККА.

О каких радиостанциях идет речь? Да, собственно, о тех новых радиостанциях, которые появились на территории одного из сопредельных государств. И Шапошников можно понять. Это было не праздное любопытство. Каждая новая станция – это вновь образованная воинская часть, соединение, учреждение.

Поскольку радиоразведка сама по себе «носила кустарный характер», как выразился начальник Разведуправления, формы и методы ее работы были мало известны общевойсковым командирам, в интересах которых, собственно, и работала служба. В большинстве своем эти командиры считали, что радиоразведка занимается лишь перехватом открытых радиogramм, в которых содержатся секретные оперативные данные. Для многих из них становилось откровением то, что основные сведения для радиоразведки – позывные радиостанций противника, их рабочие частоты, местоположение, маршруты передвижения, шифры.

Так что и эту безграмотность общевойсковых командиров предстояло преодолеть.

Первым центральным органом по руководству службой стала секция радиоразведки, которая была введена в штат Разведуправления Красной армии в 1930 году. Ее возглавил Яков Файвуш.

В округах, где имелись подразделения радиоразведки, также вводились должности помощников начальников разведотдела по радиоразведке.

С 1930 года в радиоразведке Красной армии началось освоение коротковолнового диапазона в качестве источника получения разведывательных сведений. Для освоения этого диапазона при разведотделах штабов военных округов создавались коротковолновые радиостанции. К примеру, в марте 1931 года такая радиостанция начала функционировать в штабе Ленинградского военного округа. Для работы использовалась немецкая аппаратура фирмы «Телефункен».

В 1929 году результаты Бобруйских маневров и опытных учений Московского военного

округа 1930 года показали большую необходимость развития маневренности радиоразведки. Однако задачу эту так и не удалось решить из-за сложностей в обеспечении армии автотранспортом.

Да, безусловно, не все получалось. И не все зависело от усилий радиоразведчиков, как та же пресловутая моторизация, и тем не менее предпринимаемые усилия давали свои результаты.

Уже в июле 1931 года, докладывая начальнику штаба РККА, руководитель военной разведки писал: «Проводимая разведывательными группами работа дает в настоящее время много ценного материала: дислокация войск, личный состав частей, проводимые маневры, радиосети и местонахождение радиостанций.

Выявлены оперативная сущность маневров разведываемых Вооруженных Сил, состав войск, участвовавших в маневрах. Выявлены радиостанции военных округов, типы самолетов, их номера, количество и маршруты полетов, дислокация авиачастей».

Кстати говоря, 1931 год оказался богатым на мероприятия, способствующие усилению роли радиоразведки. Летом обсуждался вопрос о количественном увеличении службы и ее организационном совершенствовании. И сразу же начались реальные преобразования – подразделения радиоразведки были выведены из радиобатальонов связи и реорганизованы в отдельные тяжелые радиопеленгаторные роты пятизвездного или трехзвездного состава. 1931 год завершился созданием на западном направлении пяти таких рот – в Белорусском и Украинском военных округах и одной – в Ленинградском.

Насущным делом для Красной армии стало развертывание радио-разведывательных подразделений на Дальнем Востоке. По приказу начальника штаба РККА в конце 1931 года в Хабаровске был сформирован отдельный разведывательный радиовзвод, который к маю 1932-го развернули в 8-ю отдельную тяжелую радиопеленгаторную роту.

В 1932 году приступили к созданию радиоразведки и на южных рубежах. Отдельные тяжелые радиопеленгаторные роты сформировали в Кавказской Краснознаменной армии и в Среднеазиатском военном округе.

Все эти масштабные мероприятия, выделение подразделений радиоразведки из радиобатальонов, увеличение численности командиров и солдат службы автоматически поставили в повестку дня проблему качественного улучшения подготовки личного состава. Ведь в ту пору среди молодого пополнения было достаточно призывников, которые являлись малограмотными, а то и вовсе не умели ни читать, ни писать.

Начинается работа по улучшению отбора будущих молодых воинов, а также по сохранению и закреплению за радиоразведкой увольняемых в запас специалистов.

Многое делалось в этом направлении непосредственно в самих радиоразведывательных подразделениях. Если возникала необходимость, учили читать и писать, а тех, кто владел грамотой, обучали в так называемых кружках по исправлению почерка. В одной только радиопеленгаторной роте Ленинградского военного округа было создано пять таких кружков.

Чрезвычайно важные для радиоразведки директивы издало административно-мобилизационное управление Красной армии в 1935 и в 1936 годах. Документы эти были поистине революционными и посвящались особому отбору призывников для подразделений радиоразведки.

Так, директивами предписывалось производить тщательный персональный предварительный отбор призывников с 25-процентной надбавкой. В радиоразведку должны были направляться исключительно члены партии или комсомольцы, по социальному положению – только рабочие. В первую очередь отбирались молодые люди, имеющие специальность радистов и образование не ниже 5 классов.

По тем временам требования весьма высокие. И это, безусловно, дало свои результаты – качество молодого пополнения для радиоразведки резко повысилось.

Интенсивным было и обучение радиоразведчиков в период службы в армии. Для

сохранения лучших специалистов в 4-й отдельной пеленгаторной роте по инициативе ее командира Е. Ефимова-Иванова (Украинской военной округ) развернулась подготовка командиров взводов из числа сержантов сверхсрочной службы.

Взводных командиров готовили также из числа выпускников институтов, находящихся в запасе. Их призывали на годичную стажировку в войска, в последующем постоянно привлекали к лагерным сборам.

Для солдат-радиоразведчиков важным направлением подготовки была выработка способностей длительного приема радиопередач на слух.

В 1936 году удалось значительно сократить срок подготовки молодых радистов в учебном подразделении. Теперь вместо 12 месяцев их обучали за 4-5 месяцев.

Важным этапом в развитии и становлении радиоразведки стала организация приемных центров, когда в одних руках, под единым командованием из разрозненных приемослежечных постов, создавался мощный узел, занимавшийся перехватом всех типов радиопередач.

В мае 1932 года решением Реввоенсовета в войсках вводились приемные центры. Организационно эти центры входили в штаты отдельных тяжелых радиопеленгаторных рот.

Центры обработки сведений были включены в штаты радиоразведывательных подразделений позже. Сначала в 1933–1934 годах развертывались нештатные центры за счет использования внутренних возможностей. В это время стали апробироваться и методы обработки добываемых материалов. Примером тому может служить обработка пеленгов. Пока радиостанций было недостаточно, линии пеленгов наносились сразу на карту.

Однако число работающих в эфире станций постоянно возрастало, и линии пеленгов стали наносить на кальку, которую крепили к карте. В дальнейшем не спасала уже и калька, и прокладку пеленгов стали делать с помощью ниток. И этот «ниточный метод» просуществовал довольно долго, постоянно совершенствуясь.

Организации и развертыванию центров обработки сведений способствовала и законодательная база того времени – в 1933 году вышел первый документ под названием «Методика радиоразведки». Он обобщил и проанализировал отработанный и накопленный опыт работы.

В следующем году увидело свет «Наставление по радиоразведке в Красной армии», изданное Управлением начальника связи РККА. Тогда же подготовили и проект реорганизации радиоразведывательной секции военной разведки. И хотя этот проект не был принят, так как его реализация требовала увеличения численности штата Разведуправления, он внес свой вклад в дело укрепления радиоразведки.

В нем нашел отражение новый взгляд на структуру радиоразведки. В частности, высказывалось предложение свести фронтовые и армейские средства радиоразведки в дивизионы, а радиоразведывательные корпусные средства – в роты.

Дивизиям предлагалось на время боевых действий придавать взвода пеленгаторов.

Важен был и еще один аспект. Проект предусматривал формирование радиоразведывательных частей, которые работали бы в интересах противовоздушной обороны больших объектов, наблюдение за прорвавшимися в тыл группировками противника, а также обеспечение радиоразведкой объединений, не имеющих собственных радиоразведывательных средств.

Здесь следует отметить, что еще в 1931–1933 годах в планы командования РККА закладывалась, я бы сказал, прорывная задача – развертывание сети стратегических радиопеленгаторов с дальностью действия до 4000 км.

На западе эти пеленгаторы планировалось разместить в Мурманске, Новгороде, на юге – в Николаеве, Батуми, на Дальнем Востоке – в Охотске и Иркутске, в Средней Азии – в Ташкенте. Так вот этот документ и возлагал ведение глубокой стратегической радиоразведки, а именно – разведки радиостанций главного командования противника, штабов фронтов и армий,

крупных военно-морских и военно-воздушных баз – на стратегическую радиоразведывательную сеть командования РККА.

К 1934 году в радиоразведке было введено централизованное управление пеленгованием. Теперь приемному радиоцентру роты передавалось управление пеленгаторами всех пунктов. Передавался также командный приемник и приемники, предназначенные для ведения перехвата.

... Наступил 1935 год. Его можно считать годом коренных перемен в истории развития радиоразведки. Увеличилась численность командиров и военнослужащих, возросло техническое оснащение, в войска поставлялись новые образцы. Радиоразведка приобрела определенный опыт.

Все это заставляло искать новые формы организации службы и методов ее работы.

Именно в этот год была окончательно определена форма организации радиоразведывательной воинской части. Им стал отдельный разведывательный радиодивизион.

Таким образом, на базе отдельных тяжелых радиопеленгаторных рот было создано 9 отдельных разведывательных радиодивизионов. По одному – в Ленинградском, Белорусском, Среднеазиатском, Забайкальском военных округах и Кавказской Краснознаменной армии, по два – в Украинском военном округе и Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

В штате радиодивизиона состояли: приемный центр и центр обработки, 4 пеленгаторных пункта и учебная рота. Теперь в дивизионе было 20 автомобилей.

Радиодивизион, как форма организации, просуществовал до конца Великой Отечественной войны.

В Центре также была изменена структура руководящего органа радиоразведки. Теперь вместо секции развернули отдел из трех отделений – оперативного, организационно-мобилизационного и технического.

В научно-исследовательском институте связи создали отдел радиоразведки, куда вошла и ранее работавшая пеленгаторная лаборатория института.

При подведении итогов 1935 года руководство разведуправления так оценило нынешнее состояние службы: «Благодаря чрезвычайной помощи высших органов и очень большой старательности подчиненных частей радиоразведка за последний год сделала большой шаг в своем развитии. Выражаясь образно, она крепко вцепилась в противника и, надо полагать, его не выпустит».

И действительно, эта оценка была вполне реальной. Только за 1935 год радиоразведка Красной армии вскрыла более 30 способов кодирования радиограмм противника. Эта работа успешно велась сразу в нескольких дивизионах – в 1-м дивизионе Ленинградского военного округа умело действовали помощник командира взвода Мухин и командир отделения Куивкаев, в 4-м дивизионе Киевского военного округа – начальник штаба Уханов, помощники начальника центра обработки Мальцев и Рогожников, переводчик Яценко.

На Дальнем Востоке начальник штаба 8-го дивизиона Лиокай вместе с командиром взвода Плигиным, переводчиком Сорокиным и начальником приемного центра Мудровым вскрыли код, применявшийся в сети командования японской армии.

Однако были и узкие места, например, проблема внутренней связи в частях радиоразведки. Для ее решения некоторым дивизионам предоставили постоянные провода, но тем не менее эта проблема окончательно оказалась не решенной. Более того, проводная связь, как средство обеспечения синхронной работы, подвергалась сомнению.

«Я неоднократно задумывался над вопросами управления, – писал в 1935 году в Центр командир 3-го радиодивизиона К. Нехайчик, – очерченными в соответствующих приказах Наркома, применительно к своей части. Речь идет об управлении дивизионом именно в военное время. У меня почему-то складывается впечатление, что пользование (тем более регулярное) постоянными проводами для связи штаба с радиоразведывательными пунктами – вещь проблематичная.

Рождается мысль о желательности иметь при каждом радиоразведывательном пункте и штабе какую-то, по габаритам маленькую, но достаточно дальнобойную коротковолновую радиостанцию. В этом случае при наличии гибкого кода или шифра можно было бы не бояться длительных перерывов (нарушений) проводной связи».

К. Нехайчик оказался прав. Это подтвердили учения войск Московского военного округа. В приказе по войскам, подводившем итоги маневров, отмечалось: «Радиоразведка не могла в полной мере выполнить задачу. На результатах ее работы сказалось отсутствие проводной связи с одним из пеленгаторов. Радиоразведка не могла определить местонахождение радиостанций».

И тем не менее, несмотря на недостатки и нерешенные проблемы, следовало признать: в последние годы радиоразведка сделала серьезный прорыв и стала реальной силой в борьбе с противником. В основе прорыва лежал большой труд людей – командиров, бойцов, специалистов радиоразведки.

В 1936 году этот воинский труд был по праву отмечен: радиоразведчик К. Нехайчик награжден орденом Ленина, И. Миронов и В. Мухин – орденами Красной Звезды. Орденами «Знак Почета» были удостоены К. Ботнер и С. Грабияш.

«И летели наземь самураи...»

17 июля 1936 года в эфир полетело сообщение. Фраза, повторенная радиооператором несколько раз, казалась вполне безобидной. «Над всей Испанией безоблачное небо» – звучало в радиоприемниках. Однако вскоре станет ясно – эта фраза-сигнал к путчу правых сил. Отряды Иностранного легиона и наемных марокканских войск начали действовать.

Уже через два дня 19 июля газета «Правда» сообщала: «Часть армии в Марокко подняла оружие против Республики. Сухопутные, морские и воздушные силы, верные Республике, выступили против мятежников».

Вскоре путч охватил большинство гарнизонов, дислоцированных по всей Испании. Мятеж поддержали крупные землевладельцы, монархисты, фашисты, высшее духовенство католической церкви. Основную ставку путчисты делали на армию, и особенно на офицерский состав.

«Военно-фашистским повстанцам в Марокко, – писала в те дни газета «Известия», – удалось высадить десант на территории Испании, в районе Кадикса, и овладеть городом. Одновременно командующий второй дивизией в Севилье поднял там восстание против правительства и захватил власть в городе. Высадившийся в районе Кадикса, десант соединился с войсками, восставшими в Севилье».

Коммунистическая партия Испании обратилась с призывом подняться на защиту республики. Легендарная Пассионария – Долорес Ибаррури выступила по радио и произнесла слова, ставшие впоследствии знаменитыми: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Путчисты рассчитывали на быстрый захват власти, но республика стойко держалась. Мятежникам удалось закрепиться лишь в отдельных районах страны. Крупные города и промышленные области находились в руках республиканцев.

Большую опасность для республики представляли войска, развернутые в испанской зоне Марокко. Для того чтобы их перебросить в Испанию, генерал Франко обратился к Гитлеру и Муссолини с просьбой оказать помощь.

Фашистские вожди, разумеется, оказали такую помощь. Был создан воздушный мост между испанской зоной в Марокко и Севильей. Немецкие и итальянские транспортные самолеты перебрасывали наемников в Испанию. Вскоре этим занялся и итальянский флот.

Однако и это не помогло путчистам. И тогда Гитлер и Муссолини принимают решение о прямой интервенции. В начале августа в Испанию прибывают первые немецкие летчики, а итальянская авиация атакует военные корабли республиканцев.

В ответ на это в Испанию стали прибывать добровольцы из разных стран. Огромную помощь республиканцам оказал Советский Союз, поставивший боевую технику, оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты.

В героической борьбе испанского народа с фашизмом большую роль сыграли и советские военные специалисты, советники. 200 человек из них погибли. Многие были удостоены высших наград СССР и стали впоследствии известными военачальниками нашей страны. Среди них маршалы Р. Малиновский и К. Мерецков, адмирал флота Н. Кузнецов, генералы П. Батов, Н. Лященко, А. Родимцев, Я. Смушкевич, В. Рычагов, Я. Берзин, Х. Мамсуров, И. Проскуров.

Ныне широко известны подвиги советских «волонтеров свободы» – летчиков, танкистов, артиллеристов, диверсантов, военных моряков, действовавших в Испании. Но до сих пор мы ничего не знаем о боевой работе наших радиоразведчиков в охваченной войной республике.

Возможно, там и вовсе не было советских добровольцев из радиоразведки? Нет, такие добровольцы были. Просто о них как-то не говорили и не писали. А ведь прошло уже 70 с лишним лет с тех пор. Самое время вспомнить добрым словом имена радиоразведчиков, в числе

первых вступивших в борьбу с фашистами.

... Война в Испании стала очередным этапом в становлении отечественной радиоразведки. Этап этот можно назвать предвоенным весьма условно, поскольку наши Вооруженные Силы, выражаясь современным языком, то и дело участвовали в «конфликтах малой интенсивности»: Гражданская война в Испании 1936–1938 годов, бои у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, советско-финский конфликт, освободительный поход в Западную Белоруссию и в Западную Украину. И всюду самое активное участие принимали наши радиоразведчики.

В 1936 году в Испанию выехала большая группа специалистов радиоразведки – А. Берсенов, В. Мухин, В. Плошай, Н. Прахин, В. Салин, Н. Шмырев, А. Юрьян. На замену им в последующие годы прибывали А. Анисимов, В. Ефремов, Е. Коссовский, В. Маркович, В. Модебадзе, Л. Сазыкин, И. Уханов.

Вместе с радиоразведчиками работали переводчицы З. Антонюк, Н. Павлова, Ц. Покровская.

В организации радиоразведки наши специалисты опирались на собственный опыт, накопленный в ходе учений и маневров. Здесь же появилась возможность проверить знания и опыт мирного времени на войне, в период боевых действий.

В Испании были развернуты четыре группы радиоразведки. Одна из них, центральная, действовала в Валенсии, остальные три – в Барселоне, Мурсии, Мадриде.

Каждая группа оснащалась двумя пеленгаторами – длинноволновым и коротковолновым и несколькими приемниками.

Чему учили советские специалисты своих испанских коллег? Да всему тому, что умели сами – работе на радиоаппаратуре, обработке разведывательной информации, полученной в ходе перехватов, принципам ведения радиоразведки.

Наши и испанские радиоразведчики весьма умело вели работу по добыванию данных о расположении воинских частей путчистов, а также их союзников – итальянских экспедиционных дивизий, об аэродромах, на которых базировалась вражеская авиация.

Эти данные оперативно докладывались в штабы республиканского командования и советским военным советникам. Надо сказать, что информация, добытая радиоразведкой, использовалась весьма эффективно. Примером тому – Гвадалахарская операция.

... В начале марта 1937 года путчистами был разработан план захвата Мадрида. Теперь они решили вести штурм города с северо-востока. Но для этого следовало первоначально захватить Гвадалахару, столицу одноименной провинции в пятидесяти километрах от Мадрида.

На правом фланге сосредоточилась дивизия «Сория» под командованием Москардо, в которую входило 20 тысяч марокканцев и легионеров.

На левом фланге были готовы к атаке четыре дивизии итальянцев – «Черные рубашки» генерала Росси, «Черное пламя» генерала Копи, «Черные стрелы» генерала Нуволари и дивизия «Литторио» генерала Бергондзоли.

Их поддерживали 250 танков, 180 стволов артиллерии, рота огнеметчиков. С воздуха сухопутные силы прикрывали истребители и самолеты-разведчики.

Так вот, накануне наступления мятежников радиоразведке республиканцев, под руководством наших советников, удалось вскрыть места дислокации итальянских дивизий и проинформировать руководство о готовящемся наступлении. Это исключило момент внезапности.

Позже, когда «черные дивизии» вступили в бой, радиоразведчики отслеживали маршруты их движения и наводили республиканскую авиацию, которой и удалось остановить наступление на нескольких участках фронта.

Как известно, Гвадалахарская операция мятежников закончилась провалом. 18 марта республиканцы по всему фронту перешли в наступление.

В ходе этой операции итальянцы потеряли около 2 тысяч убитыми, 4 тысяч ранеными и

300 человек оказалось в плену. Отличились советские танкисты, летчики и... радиоразведчики.

Успешно действовали республиканские «слухачи» и против вражеской авиации. О предстоящих налетах бомбардировщиков радиоразведка сообщала за 20–30 минут до подхода самолетов к объектам, расположенным на морском побережье.

Республиканская радиоразведка держала под своим контролем и корабли путчиков. Информация о районах их действия оперативно передавалась в штаб республиканских военно-морских сил.

В 1938 году одна из групп, которая дислоцировалась в Мадриде, развернула сеть из маневренных пеленгаторных подразделений. Один из опытнейших наших радиоразведчиков, Л. Сазыкин, использовал в сети метод синхронного пеленгования. Команды на пеленгование подавались из приемного центра по радио.

Кстати говоря, возвратившись в Советский Союз из испанской командировки. В. Модебадзе и Л. Сазыкин внедрились этот ценный опыт организации пеленгаторной работы в двух дивизионах, дислоцированных в Ленинградском и Закавказском военных округах.

Тем временем международная обстановка все более обострялась, а это означало, что объем работы для радиоразведки возрастал. К 1938 году радиоразведка Красной армии наблюдала за деятельностью 3,5 тысячи радиостанций из более 20 стран. Соответственно возрастал и поток разведанных, добываемых «слухачами» Разведуправления.

В июле 1938 года радиоразведка Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДА) приняла участие в боевых действиях против японских агрессоров у озера Хасан. 29 июля полторы сотни японских солдат захватили сопку Безымянная. К вечеру советские пограничники отбили высоту.

На следующий день японцы вновь предприняли попытку захвата сопки Безымянная и Заозерная, но пограничники, командиры и бойцы 3-го батальона 118-го стрелкового полка отбили атаку. 31 июля нарком обороны К. Ворошилов приказал привести в полную боевую готовность войска Приморской армии и силы Тихоокеанского флота. 6 августа после артиллерийской подготовки и нанесенного авиационного удара части 32-й стрелковой дивизии с севера и 40-й стрелковой дивизии с юга нанесли удар с целью уничтожения японцев между сопкой Заозерная и озером Хасан. 9 августа в Москве японский посол М. Сигэмицу предложил мирные переговоры по урегулированию конфликта. Важно отметить, что свой весомый вклад в эту победу внесла и радиоразведка. Только за один 1938 год радиоразведчики ОКДА вскрыли состав и места дислокации более 700 частей и соединений японских и маньчжурских войск.

«... В отдельные периоды, – сообщалось в докладе Главному Военному совету НКО СССР, – (первые месяцы японо-китайской войны, операции японцев по захвату Нанкина и Ханькоу) все 100% разведывательных данных были данными радиоразведки. 75% данных о перемещениях войск из Японии в Китай и Маньчжурию, а также о дислокации войск в зонах боевых действий были данными радиоразведки».

В период боев у озера Хасан свой первый боевой опыт обрели и радиоразведчики Тихоокеанского флота. Радиоразведка контролировала радиостанции японских военно-морских баз Майдзуру и Сасебо, корейских – Сейсин и Гензан, корабельные и судовые станции.

Так в ходе перехвата переговоров между ледоколом «Отомари» и радиостанцией на побережье удалось установить факт проведения испытаний нового берегового пеленгатора.

В ходе обработки радиограмм были выявлены координаты ледокола, а также пеленги на него береговой станции. Далее прокладкой обратных пеленгов от ледокола удалось вскрыть месторасположение пеленгатора в районе города Немуро.

Через полгода с небольшим, после событий у озера Хасан, а точнее 11 мая 1939 года, японцы неожиданно напали на монгольские пограничные заставы в районе озера Буйр-Нур и продолжили расширять военные действия. Монгольские части вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол.

По просьбе монгольского правительства Советский Союз решил оказать помощь в отражении агрессии. Командиром 57-го особого корпуса, преобразованного в 1-ю армейскую группу, был назначен Георгий Жуков. Задача перед группой стояла ясная и четкая – разгромить японские войска, вторгшиеся на монгольскую территорию.

Однако решить ее было не просто – перевес в силах и средствах оказался на стороне японцев. В июне японское командование сосредоточило 38 – и тысячную группировку со 135 танками и 225 самолетами. Советско-монгольские войска имели в своем составе 12,5 тысячи человек, 180 танков и 74 самолета.

Снабжение наших войск затруднялось тем, что ближайшая железнодорожная станция находилась в 750 километрах.

Жуков перешел к активной обороне. Японцы 3 июля форсировали реку Халхин-Гол и захватили плацдарм на ее западном берегу.

В районе прорыва японцев у нас свободных сил не было, и тогда Георгий Константинович ввел в бой прямо с марша 11-ю танковую бригаду и мотоброневые части. Японцы перешли к обороне.

В последующие дни японская группировка была разбита и отброшена на западный берег реки Халхин-Гол. 20 августа Жуков начал свое наступление, в ходе которого наши войска окружили и разгромили 6-ю японскую армию. Ее потери составили 61 тысячу убитыми, ранеными и пленными.

Так бесславно закончилась для японцев попытка проверить на прочность боевую мощь Красной армии.

В событиях на Халхин-Голе наряду с воинами других родов войск принимали участие и радиоразведчики. Здесь действовала 20-я отдельная радиоразведывательная рота и 10-я радиостанция ОСНАЗ.

По отзывам командования, со своими задачами радиоразведчики справлялись, хотя их действия в ходе общевойсковых операций носили весьма ограниченный характер.

Тем не менее сошлюсь на один эпизод, о котором мне неоднократно рассказывали ветераны радиоразведки. А дело в том, что Георгий Жуков, для того чтобы скрыть направление главного удара, развернул большие демонстрационные инженерные мероприятия по возведению оборонительных сооружений. Однако демонстрация демонстрацией, но Жукова мучил вопрос: поверили японцы в его «оборонительные намерения» или нет. Это было принципиально важным. Но как проверить?

Ответ на мучивший всех вопрос дали радиоразведчики. Они перехватили радиограмму, в которой японцы сообщали друг другу, что русские возводят оборону прочно и на большую глубину.

Словом, радиоразведка подтвердила, что план Жукова по введению в заблуждение противника удался. Правильность этих данных была подтверждена боевыми действиями.

Под стать своим сухопутным коллегам действовали и радиоразведчики Амурской Краснознаменной флотилии. Они своевременно выявили выход из Харбина 16 кораблей противника с морской пехотой на борту. Корабли двигались в район нижнего течения реки Сунгури с последующим прибытием на Амур.

При подходе к устью Сунгури силы Амурской флотилии пресекли попытки японских судов нарушить советские территориальные воды. Японцы повернули назад.

... 1939 год был богатым на военные конфликты. Не успели затихнуть бои у реки Халхин-Гол, как зимой, в ноябре вспыхнула советско-финская война.

Радиоразведка еще летом докладывала о концентрации войск финской армии в приграничных с Советским Союзом районах.

На территории страны усиленными темпами возводились военные базы, арсеналы, укрепленные районы. Строительство шло с помощью иностранных специалистов.

Так, при финансовом и техническом участии западных стран на Карельском перешейке была построена «линия Маннергейма» – мощная система долговременных укреплений. Она состояла из трех основных полос и двух промежуточных. На основных полосах разместилось более 2 тысяч ДОТов и ДЗОТов.

Кроме «линии Маннергейма» Финляндии удалось построить большое количество военных аэродромов. Достаточно сказать, что эти аэродромы могли принять в несколько раз больше самолетов, чем их насчитывалось в финских ВВС.

Столь серьезные военные устремления северного соседа не могли не волновать руководство Советского Союза. Тем более что 1 сентября 1939 года в Европе уже началась война. Пришлось предпринять не только дипломатические меры, но и сугубо военные, дабы укрепить северо-западные рубежи.

В октябре в Ленинградский округ началась переброска соединений и частей из внутренних округов. Усиливалась группировка войск на Карельском перешейке, в Карелии, на Крайнем Севере. Авиация вела постоянную разведку дислокации финских частей.

В свою очередь финны также развернули свои соединения и части в приграничных районах, призывали в армию резервистов. Из приграничной зоны началась срочная эвакуация жителей вглубь страны.

Для Советского Союза большой проблемой была уязвимость сухопутных и морских подступов к Ленинграду. Советско-финская граница проходила всего в 32 километрах от города. Руководство страны неоднократно пыталось решить эту жизненно важную проблему мирным, дипломатическим путем. Увы, не получилось.

И тогда 30 ноября войскам Ленинградского военного округа был отдан приказ: «Перейти границы, разгромить белофинские войска, раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и города Ленина – колыбели пролетарской революции».

Радиоразведка Ленинградского округа была развернута по штатам военного времени: создан 336-й фронтовой дивизион. Он действовал на Карельском перешейке, там, где происходили основные события войны с белофиннами.

Кроме него был сформирован 338-й армейский радиодивизион. Его перебросили в район Ухты, что в Карелии.

К февралю 1940 года отобилизовали еще один армейский дивизион – 339-й, а также три корпусные разведывательные роты.

Условия, в которых пришлось действовать, прежде всего, 336-му дивизиону, оказались крайне сложными. Для обеспечения разведки войск противника в тактической зоне обороны на «линии Маннергейма» необходимо было приближение средств радиоразведки к финскому переднему краю.

Руководство дивизиона сумело справиться с решением этой непростой задачи: на Карельский перешеек были выдвинуты передовой приемный центр, оперативное отделение и мобильные маневренные пеленгаторные группы.

Важно подчеркнуть, что в группах кроме штатных пеленгаторов появился срочно разработанный всеволновый рамочный радиопеленгатор. Он перекрывал диапазон, который использовался финскими войсковыми радиостанциями.

Эти мобильные пеленгаторные группы оперативно определяли места дислокации штабов, пунктов управления в тактической зоне.

Операторы дивизиона уверенно выполняли задачи и по разведке военно-воздушных сил противника. Пеленгованием устанавливались координаты аэродромов. Время вылета определялось по характерным особенностям в радиосвязи.

Используя данные радиоразведки, наши пилоты старались встретить финские бомбардировщики противника как можно раньше, зачастую над его собственной территорией.

Радиоразведчики Балтийского флота в период советско-финской войны работали над

выявлением районов пребывания кораблей противника и вскрытием маршрутов морских перевозок в Финском и Ботническом заливах. Большинство данных флотских «радиослухачей» подтверждалось результатами воздушной разведки.

В освободительном походе на Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию вместе с советскими войсками действовали и радиоразведчики Белорусского и Киевского военных округов.

Оперативные дивизионы переводились на штаты военного времени, однако из-за недостатка призывного состава план мобилизационного развертывания так и не был выполнен. Поэтому всю работу по добыванию развединформации пришлось вести кадровым радиодивизионам.

... Завершились 30-е годы. Великая Отечественная война уже стояла на пороге.

Часть вторая

«22 июня, ровно в четыре часа...»

Лейтенант Алексей Бушуев вместе с шофером Сорокой и фельдъегерем Савкиным выехал в местечко Любыча Руда еще затемно. Летняя июньская ночь коротка, и потому лейтенант спешил. Ему хотелось до рассвета доложить командиру дивизиона, что приказ выполнен и позицию радиопеленгаторного пункта он перенес подальше от границы.

Дело в том, что вчера утром, 21 июня, командиру радиоразведывательного дивизиона майору Котову не понравилось место дислокации пеленгаторного пункта. Тот оказался всего в полутора километрах от границы. Однако этого Бушуев не знал, когда выбирал позицию для размещения своего подразделения. Приглянулась ему полянка в лесу, тут и расположились. А поскольку крупномасштабной карты у него не было, показалось, что лучшего места не найти.

У командира дивизиона после осмотра позиции сложилось иное мнение. Он вручил лейтенанту листочек папиросной бумаги, на которой была напечатана так называемая вводная на учение. В этой вводной указывалось, что противник перешел государственную границу, нанес удар и захватил рубеж. Наши части контратаковали и к 21 июня отбросили противника на государственную границу.

К вводной командир дивизиона добавил единственное: пункт слишком близко выдвинут к границе. Следует перенести позицию вглубь нашей территории и к рассвету 22 июня доложить во Львов, в штаб дивизиона.

Лейтенант Бушуев приказ выполнил и теперь торопил шофера машины-полуторки. Надо было лесной дорогой доехать до местечка Любыча Руда, где находилась ближайшая телефонная станция, заказать междугородний разговор со Львовом и доложить, как положено по форме. Телефонная станция занимала одно крыло большого рубленого дома. За пультом сидела девушка-телефонистка. Она приняла заказ и устало кивнула: «Ждите». После этого стала вызывать Львов. Однако Львов упорно не хотел отвечать. Она время от времени виновато смотрела на лейтенанта и в недоумении пожимала плечами.

– Алло, Львов! Алло, ответьте Любыча Руде! – звывала телефонистка в микрофон.

Вдруг она замерла, в упор глядя на Бушуева. Глаза ее испуганно расширились, казалось, девушка услышала нечто очень страшное. Телефонистка неожиданно сорвала с головы наушники, бросила их на стол, заплакала, в сердцах крикнув Бушуеву:

– Связи не будет!..

И в то же мгновение лейтенант услышал нарастающий гул самолетов, взрывы, далекие ружейные выстрелы. Он выбежал на крыльцо.

В сторону погранзаставы мимо него пробежал офицер. От погранзаставы промчалась машина: в кузове женщины, дети. «Семьи пограничников», – отметил про себя Бушуев.

Он вскочил в полуторку, крикнул шоферу:

– Сорока, гони на пункт!

Проехав метров двести, машина свернула на проселочную дорогу, к дому лесника. Миновав двор, автомобиль выскочил из ворот.

– Товарищ лейтенант! – вдруг испуганно спросил шофер. – Кто это?

Бушуев также увидел впереди, в полусотне метров, каких-то военных. Но каски были не наши, чужие.

– Немцы, – выдохнул лейтенант.

Сорока ударил по тормозам, машина клюнула носом и остановилась. Едва они успели выскочить из кабины, как по ним ударили немецкие автоматчики.

«Нарушители границы, – подумал Бушуев, – надо сообщить на заставу».

Они вернулись назад, пробежали через двор лесника и оказались на опушке леса. Навстречу им как ни в чем, ни бывало, шел крестьянин и вел под уздцы лошадь.

– Как выйти к деревне? – спросил Бушуев.

– В деревню нельзя, – ответил мужик. – Там уже немцы.

Лейтенант с водителем бросились в сторону погранзаставы.

Вскоре за спиной они слышали лошадиный храп и чьи-то покрики. Их догнала повозка с двумя пограничниками. Они были в расстегнутых гимнастерках, без оружия. Притормозив лошадь, ездоки крикнули:

– Залезай, ребята...

Бушуев и Сорока запрыгнули в повозку. Лейтенант пытался собраться с мыслями: что происходит? Но сосредоточиться было почти невозможно. Мимо них, погоняя разгоряченную лошадь, промчался какой-то лейтенант, следом за ним бежала толпа солдат. В небе гудели самолеты.

«Надо что-то делать, – пытался сообразить Бушуев. – Но что?» Они слезли с повозки. Обстановка – сам черт не разберет. Но ясно одно: произошло нечто страшное, непоправимое. Его подразделение попало в плен или вовсе уничтожено. Пробриться к нему невозможно.

Там на пеленгаторном пункте вместо него остался зеленый лейтенант Лопурко – вчерашний выпускник училища. Только что он мог сделать?!

Бушуев был в шоке. Он, командир, стоит здесь живой и здоровый, а его подразделение погибло. Мелькнула мысль: застрелиться. Иначе ведь все равно трибунал. Он отогнал дурные мысли. Решил не сдаваться.

Сначала на попутных машинах стали добираться до Равы-Русской, где находилось место постоянной дислокации пеленгаторного пункта. Добрались. С помощью солдат, которые оставались для охраны подразделения, стали готовить технику, имущество, секретные документы для эвакуации.

Бушуев постоянно пытался дозвониться до Львова, но сделать это так и не удалось. Тогда лейтенант принял решение и направил шофера Сороку на поезде во Львов, дабы тот мог доложить командованию о случившемся.

В середине дня из штаба дивизиона прибыли бойцы для комплектования подразделения. С ними прислали грузовые автомашины и мотоцикл с коляской. К радости лейтенанта Бушуева, с новобранцами приехали и его радисты, которые находились на учебном сборе во Львове. Теперь они стали основой для будущего подразделения.

К концу дня 22 июня пеленгаторный пункт был укомплектован и выведен в новый район дислокации, который располагался ближе к Львову.

Однако до этого района еще надо было добраться. Ночь с 22 на 23 июня прошла на марше. Навстречу колонне пеленгаторного пункта к границе шли подразделения, на дороге постоянно возникали заторы. Водители двигались в непривычной обстановке с выключенными фарами.

Чувствовалось незримое присутствие немецких диверсантов. Вдоль дороги взорванные телефонные столбы, оборванные провода. Радисты то и дело слышали сообщения, что на Львов двигаются немецкие танки. В самом Львове с крыш и верхних этажей домов обстреливали воинские колонны.

На пятый день войны пеленгаторный пункт под командованием лейтенанта Алексея Бушуева был придан разведотделу штаба 6-й армии и выполнял задачи в его интересах.

«Общая обстановка была сложной, – вспоминал те дни полковник в отставке Алексей Бушуев, – наши войска отходили. Нас часто бомбили. Подразделение, действуя самостоятельно, имело ограниченные возможности по определению местонахождения выявленных радиостанций противника, так как пеленгация велась с одной точки, то есть только по направлению. А для радиоперехвата микрофонных передач требовался переводчик, которого не было.

И тем не менее в этой сложной обстановке, которая характеризовалась встречными танковыми боями в районах Злочев, Броды, Дубно, подразделение добывало полезные сведения о дислокации и составе действующих немецких войск.

Начальник разведки армии ждал и ценил получаемые сведения».

В июле 1941 года пеленгаторный пункт лейтенанта Алексея Бушуева был отозван в часть, которая располагалась под Киевом, в лесу близ местечка Бровары.

Немцы в этот период развевывали наступление на Киевском направлении.

Наступил сентябрь 1941-го. Трагические события под Киевом – окружение войск Юго-Западного фронта. В страшном киевском котле оказался и 394-й отдельный радиодивизион, в состав которого входил пеленгаторный пункт лейтенанта Бушуева.

Погибли командир дивизиона майор Георгий Котов, комиссар политрук Владимир Ялов, часть личного состава. Только два периферийных подразделения дивизиона – радиопеленгаторные пункты лейтенантов Льва Чинарова и Алексея Бушуева – не пострадали. Они вовремя вышли из угрожаемого района.

Знамя части было вынесено из окружения старшиной Иваном Захарченко, и поэтому дивизион сохранился, пополнился новыми офицерами и бойцами, техникой. Боеспособность его вскоре была восстановлена, и он продолжил свой путь.

В той или иной мере судьбу 394-го радиодивизиона разделили и другие части радиоразведки Красной армии в первые дни и месяцы войны.

Да, данные разведки о подготовке фашистской Германии к войне на Советский Союз были, однако само нападение в ночь на 22 июня 1941 года оказалось для нас тактически внезапным. Радиоразведывательные дивизионы и их подразделения оказались слишком близко выдвинуты к государственной границе. Отсюда и большие потери в командном, личном составе, технике, автотранспорте.

Так, 480-й дивизион Белорусского военного округа, отходивший из Белостока, к июлю 1941 года потерял основную часть своего личного состава. В строю осталось всего 25 человек, два пеленгатора и 6 радиоприемников. 541-й дивизион Прибалтийского военного округа утратил два подразделения, которые дислоцировались в Литве. Только в первые 5 дней войны потери составили 20% личного состава и 25% радиопеленгаторов.

А вот как начало войны вспоминает Алексей Усков, который служил начальником радиопункта 474-го дивизиона. Пункт его был переброшен в Брест, потом в район Любомля.

«Проснулся я 22 июня внезапно, – пишет Алексей Михайлович, – сел на постели и вижу на одеяле земля и осколки стекла. На улице пыль и дым, резко пахнет сгоревшим порохом. Со сна ничего не пойму. За окном раздался грохот рвущихся снарядов и мин. И тут я понял: началась война.

Быстро оделся, бросился к полевому телефону, но связи уже не было. Взял в одну руку револьвер, а в другую полевую сумку, выскочил в окно, забежал в соседний дом, где была почта

и телеграф для связи с городом Любомль, но и эта линия не работала.

Напрямую через поле я побежал на радиопункт.

Вскрыв пакет, ознакомился с инструкцией, согласно которой в случае начала боевых действий пункт должен немедленно передислоцироваться на 20 км от занимаемого района на восток.

За время, предусмотренное инструкцией, радиопункт был свернут, и мы начали движение в направлении к городу Любомль.

При въезде в Любомль встретили подразделения стрелкового полка, развертывающиеся в боевые порядки и двигавшиеся к границе. Здесь я развернул радиопункт, поставив задачу вести поиск открытых радиопередач...

В течение дня 22 июня регулярно через два часа доставлял на КП полка данные радиоперехвата. Вечером нам было приказано свернуть пункт и следовать в штаб корпуса в Ковель. Командиром корпуса в то время был полковник И. И. Федюнинский, в будущем генерал армии.

В Ковель прибыли в полном составе, потеряв за это время лишь одну машину. В штабе корпуса я получил приказ немедленно следовать с расположением штаба Западного фронта. 28 июня 1941 года мы прибыли в город Столин, где сделали небольшой привал. Первоначально у нас было намерение пробиваться в город Кобрин, где должен был находиться штаб 4-й армии Западного фронта, но мы узнали, что Кобрин уже занят противником. Тогда было решено через Пинск попытаться пробиться в Барановичи или ближе к Минску.

Только 14 июля мы добрались до штаба 4-й армии. Через несколько дней нам приказали следовать под город Смоленск, в штаб Западного фронта, куда мы и прибыли 23 июля. Наш 474-й дивизион располагался у шоссе Москва – Минск при въезде в Красный Бор. Шли ожесточенные бои за Смоленск. Мы узнали, что в первые дни войны при отходе от Бреста и Минска 480-й дивизион понес большие потери в личном составе и технике.

Наш дивизион потерял один радиопункт в полном составе. Несколько человек было убито уже в Красном Бору при бомбежке и обстреле с воздуха».

Так в первые недели войны радиоразведке Красной армии пришлось усвоить горький урок: в условиях ожидаемого удара противника нельзя выдвигать радиоразведывательные подразделения близко к границе и подвергать их реальному риску.

Стала ясна и еще одна трагическая ошибка. Советские радиоразведчики во второй половине 30-х годов активно занимались разведкой сопредельных с СССР государств. Однако с началом Второй мировой войны в 1939 году мало что изменилось. Радиоразведка не была переацелена на Германию, что крайне отрицательно сказалось на ее подготовке к боевым действиям.

В подтверждение этой мысли хочется привести слова нашего старейшего радиоразведчика, участника войны в Испании полковника Вениамина Мухина:

«... Наиболее отрицательные последствия были вызваны тем, что в службе не знали радиосвязи противника. Не знали, какие радиосети создаются в войсках, в диапазонах каких частот работают радиосети различного предназначения, какие методы использования частот и позывных применяются в различных радиосетях, чем отличается радиосвязь в различных родах войск и различных уровнях одного рода войск».

Немцы же, наоборот, к моменту своего нападения на Советский Союз накопили большой опыт. Гитлеровская радиоразведка располагала совершенными по тому времени техническими средствами, имела знающие, квалифицированные кадры.

Подразделения немецкой радиоразведки имели в своем штате как стационарные, так и передвижные пункты. На стационарные разведпункты возлагались обязанности по контролю за нашими государственными радиосетями, на передвижные – за войсковыми и партизанскими.

«Немцы с исключительной педантичностью вели наблюдение за работой наших раций и

перехват наших передач, – пишет в своей книге «Позывные Москвы» генерал Иван Артемьев, начальник связи Центрального штаба партизанского движения. – Нередко они извлекали из этих данных немалую пользу, в чем неизменно были виноваты мы сами.

В начале войны, прямо скажем, некоторые командиры не скупались на открытые разговоры, использовали для важных передач переговорные таблицы радистов и другие двузначные коды. В войсках, особенно на переднем крае, прибегали к совсем прозрачному засекречиванию: командира называли «хозяином», часть – «хозяйством», танки – «коробочками», минометы – «самоварами». Все это было не чем иным, как самообманом.

Разгадывать подобные коды не представляло никакого труда.

... Станции слежения противника отмечали даже такие детали, как настроение лиц, ведущих переговоры: веселое, угнетенное или возбужденное. От них не ускользали, казалось бы, самые пустяковые мелочи».

А нам пока было далеко до настроения немецких радистов или их «пустяковых мелочей». Как говорят, не до жиру, быть бы живу...

Действительно, в 1941-м во многом приходилось начинать практически с нуля. Ведь отсутствие данных о принципах и особенностях организации радиосвязи в сухопутных войсках вермахта и ВВС Германии не давало возможности оперативным отделениям радиодивизионов вскрывать разведывательные признаки, необходимые для добывания нужной развединформации.

В той сложной оперативной обстановке, при постоянном отступлении, резко изменившихся условиях работы главным источником добывания сведений был перехват открытых радиопереговоров, которые достаточно широко применялись фашистскими войсками.

Так, на Юго-Западном направлении радиоразведке удалось вскрыть замысел штаба 1-й танковой группы Клейста, готового бросить в наступление свои механизированные и танковые дивизии.

Разведданные о действиях 4-й немецкой танковой группы на Северо-Западном направлении также вовремя были доложены нашему командованию.

Командующий Резервным фронтом в ходе ликвидации так называемого «Ельнинского выступа» оперативно получил информацию от радиоразведки о танковых частях фашистов, оставшихся без топлива.

На Ленинградском фронте радиоразведчики уже в 1941 году наладили перехват метеорологических сводок в районе Балтийского моря, которые передавали шведские радиостанции. Сводки применялись для деятельности нашей дальней авиации.

И тем не менее, несмотря на отдельные удачные перехваты, это были лишь эпизоды в работе радиоразведки. Они, разумеется, не могли обеспечить командование разведсведениями в полном объеме.

Пеленгование, которое велось по заданиям, составленным на неделю, затруднялось отсутствием хорошо налаженной радиосвязи. Результаты пеленгования доставлялись в оперативное отделение дивизиона, как правило, раз в сутки на автомашине или мотоцикле. Конечно, эффективность такого пеленгования в условиях постоянного передвижения частей и подразделений была низкой.

Следует отметить, что основным средством связи в радиоразведывательных дивизионах, к сожалению, оставались проводные средства. Радиосвязь, как управление боевыми подразделениями, применялась редко. И это порою становилось причиной неоправданных потерь. Так, в августе 1941 года из-за нарушения радиосвязи, не получая вовремя ориентировки из штаба части, попал в окружение радиопункт 469-го дивизиона Южного фронта.

С трудом вышел из немецкого кольца и едва не погиб от фашистских танков пеленгаторный пункт 370-го дивизиона, которым командовал лейтенант Владимир Ларионов.

О тех трагических днях Владимир Александрович вспоминал так: «В июле обстановка

резко изменилась, хотя надо прямо сказать, что начальник радиопеленгаторного пункта всегда эту обстановку знал плохо. Ориентировки из дивизиона, как правило, запаздывали, а местные штабы войск, возле которых развешивались РП, никаких обязательств по их информированию не имели.

Как-то, помнится, развернулись мы в районе города Вознесенск на восточном берегу реки Южный Буг.

Не прошло и нескольких дней пребывания на этой позиции, как рано утром наблюдатели, выставленные для охраны, услышали со стороны врага шум танковых моторов. Вскоре мы увидели немецкие танки с фашистскими крестами на броне, которые, судя по их действиям, искали место для прохода через врага в нашу сторону.

Что делать начальнику пункта? Средств борьбы с танками нет, приказа от командира дивизиона о передислокации в новый район тоже нет, а танки уже почти рядом.

Я отдал распоряжение немедленно свернуть пункт. Через 15–20 минут подразделение было готово к движению. Решил двигаться вдоль восточного берега реки Южный Буг в направлении Новой Одессы.

Отъехали километров пятьдесят. За Новой Одессой развернулись, и я сразу же получил по радио приказ: «Немедленно свернуться и передислоцироваться в район Новая Одесса». А мы уже там. Сперва подумал: «А не рано ли я снялся со старого места и убыл в Новую Одессу без приказа?» Однако уверенность в том, что действовал правильно, что сберег личный состав и технику, устранило все сомнения».

Вот такой очень показательный эпизод.

Успешнее нашим радиоразведчикам удалось освоить радиосвязь самолетов бомбардировочной немецкой авиации. Радиосети работали на общих частотах, как для бортовых, так и для наземных радиостанций. В свою очередь, самолетные радиостанции отличались характерными только для них позывными. Примером удачной работы против авиации Германии может служить весьма эффективная деятельность 490-го радиодивизиона ОСНАЗ, передислоцированного из Ташкента под Москву. Радиоразведчики этого дивизиона освоили радиосвязь немецких ВВС и вовремя информировали командование ПВО о налетах фашистской авиации на Москву. Рассказ о деятельности этого дивизиона еще впереди.

Сложнее было освоить и взять под контроль радиосети сухопутных войск вермахта. Ведь с началом войны количество работающих в эфире станций фашистских войск выросло в десятки раз. Чтобы разобраться в этой сложнейшей радиообстановке, надо было знать принципы организации радиосвязи противника.

Так вот освоение этих принципов началось уже в августе 1941 года с захвата трофейных документов.

На Западном фронте нашими бойцами было захвачено наставление по радиосвязи сухопутных войск Германии. Наставление это подверглось тщательному изучению и анализу. И вскоре во все части ОСНАЗ была направлена справка о видах организации радиосвязи – круговой, сетевой, линейной, звездообразной в соединениях немецких сухопутных войск.

В справке также указывались диапазоны рабочих волн радиостанций штабов, правила радиообмена, условные сокращения и открытые сигналы, применяемые противником.

Такой документ, что называется, был на вес золота. Он помог радиоразведчикам разобраться в обстановке, перейти от сугубо технических характеристик к оперативному ее осмыслению.

Большую помощь в изучении и практическом освоении радиосвязи фашистских войск оказали и захваченные в августе 1941 года трофейные таблицы секретных позывных. В разведотделы фронтов были направлены ориентировки по распределению позывных в немецких группах армий «Север», «Центр», «Юг», а также входящих в их состав полевых армий, танковых групп, авиационных соединений и объединений.

Получив материалы отдела радиоразведки ГРУ, дивизионы приступили к разведке радиосетей конкретных частей и соединений фашистских войск. В свою очередь, оперативные отделения разрабатывали соответствующие схемы радиосвязи.

Овладение методами разведки и разработки радиосетей сухопутных войск и авиации противника позволило нашей радиоразведке в сравнительно короткий срок обеспечить получение достоверных данных о фашистских частях и соединениях.

«В конце 1941-го – начале 1942 года, – делится своими воспоминаниями полковник в отставке Петр Добродий, – положительные результаты в обработке разведывательных сведений по радиосвязи были получены в частях ОСНАЗ Западного фронта, в том числе и в 490-м радиодивизионе, где я проходил службу в группе обработки сведений по сухопутным войскам.

В результате было установлено расположение штабов: всех входивших в группу армий «Центр» полевых армий (2, 4 и 9), всех танковых армий (2, 3 и 4), 15 армейских корпусов и 28 дивизий.

К маю 1942 года в составе этой группировки были вскрыты штабы 20 корпусов и 55 дивизий. Хуже обстояло дело в частях ОСНАЗ Ленинградского фронта, и главным образом по той причине, что по соображениям ложной конспирации из разведотдела фронта не были спущены в части, полученные из ГРУ, указанные выше документы по организации радиосвязи в немецкой армии».

Сложная боевая обстановка заставляла заниматься поиском новых форм организации работы радиоразведки. К сожалению, не всегда этот поиск был успешным. Примером тому деятельность разведотдела штаба Южного фронта, когда в сентябре 1941 года, желая ускорить централизацию обработки данных радиоразведки, он взял на себя обработку пеленгов. Оперативному отделению 469-го дивизиона досталось лишь составление графиков выявленной радиосвязи.

Обработка данных в отрыве от дивизиона, от радистов, которые вели наблюдение, от текстов перехваченного радиообмена приводила к ошибкам в оценке обстановки и как результат – себя не оправдала.

А вот организация работы, когда добывание и обработка сведений распределялись в соответствии с диапазонами волн, оказалась более верной и продуктивной. И произошло это в первую очередь потому, что такая форма совпадала с принятым в немецких войсках принципом распределения волн в зависимости от командных инстанций.

Были сделаны выводы и из ошибок в тактике действий радиоразведывательных частей, когда в начальный период войны дивизионы особого назначения западных округов попали под огневые удары фашистов, понесли большие потери в личном составе и технике и частично утратили боеспособность.

Теперь следовало найти такой тактический вариант, который обеспечивал бы наиболее эффективное выполнение радиоразведывательных задач в условиях отхода наших войск.

Когда возникала необходимость в смене позиций, применяли два варианта перемещения сил и средств. В первом случае удаление было на 120–150 километров, во втором – на 50–60 километров.

В обоих случаях были свои плюсы и минусы. Если применялся первый вариант – увеличивалось время непрерывного ведения радиоразведки и уменьшалась опасность вывода из строя частей.

При втором варианте обеспечивалось ведение радиоразведки на большую глубину, однако увеличивалось время на перемещение подразделения и возрастала опасность его огневого поражения или захвата войсками противника.

В конечном итоге предпочтение было отдано первому варианту, то есть «тактике большого отрыва».

Сохранился документ, в котором подводились итоги деятельности радиоразведки за пять

месяцев войны.

«Перемещения производить, – указывалось в документе, – по возможности реже и на большие расстояния, так как частые переброски за несколько десятков километров эффекта для радиоразведки не дают».

В первые месяцы войны была проведена большая мобилизационная работа по восстановлению частей, понесших потери в ходе боевых действий, а также развертыванию частей по планам военного времени.

Однако западные округа – Прибалтийский, Киевский, Одесский – не смогли выполнить мобилизационные планы в полном объеме. Основная тяжесть развертывания радиоразведки военного времени легла на Ленинградский и Закавказский военные округа. Там было сформировано в общей сложности шесть дивизионов. По одному дивизиону удалось развернуть Киевскому и Одесскому военным округам.

Уже к июлю 1941 года в результате мобилизационно-восстановительных мероприятий на западных фронтах работало 17 радиодивизионов и 4 отдельные радиостанции ОСНАЗ. Дивизионы формировались в основном по армейским штатам, однако обстановка сложилась так, что действовать в дальнейшем они стали как фронтовые. При необходимости для обеспечения разведки в армейских операциях они придавались армиям, но сохраняли фронтовое подчинение.

Таким образом, была создана фронтовая радиоразведка.

После столь масштабных мероприятий на Западном ТВД разворачивались резервы в Среднеазиатском военном округе и усиливались части на Дальнем Востоке.

За полгода с сентября 1941-го по март 1942 года кадровые разведывательные части Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа были переведены на штаты военного времени, 5 дивизионов – развернуты. Всего на Дальнем Востоке находилось 11 отдельных радиодивизионов.

В Среднеазиатском военном округе был отмобилизован 396-й дивизион и переведен на штат военного времени 490-й дивизион.

В октябре 1941 года 490-й дивизион был передислоцирован под Москву и принимал участие в обороне столицы. Об этом мы поведаем вам в следующей главе.

«Мы не дрогнем в бою, за столицу свою»

Младший сержант Юрий Мажоров выключил радиостанцию. Слипались глаза после бессонной ночи, затекла спина. Он встал из-за стола. В это время, откинув полог плащ-палатки, который заменял дверь, в их помещение вошел посыльный из штаба дивизиона.

– Мажоров, тебя к командиру!

Натянув поглубже на уши шапку, запахнув шинель, младший сержант вышел на улицу. Морозный воздух перехватил дыхание. Прошло три месяца, как их 490-й отдельный радиоразведывательный дивизион был перебросен из Среднеазиатского военного округа под Москву, а он никак не мог привыкнуть к этим холодам.

Да и как тут привыкнешь, если зимние холода 1941–1942 годов и вправду были лютыми. Мороз держался долго, температура опускалась ниже 40 градусов. Там, в Ташкенте, где прошло его детство и юность, он и представить не мог, что существуют на свете такие холода, такие суровые зимы.

Мажоров шел, бежал к штабу, закрывая рукавицами мерзнувшее лицо, а в голове скакала тревожная мысль: зачем он понадобился командиру дивизиона? Служил вроде исправно, дисциплинированно, но какое-то недоброе предчувствие тяготило сердце.

Ну вот наконец и штаб. Он располагался в одном из зданий бывшего узла связи Красной армии. Когда в середине декабря дивизион был передислоцирован сюда, в поселок Ленино-Дачное, здесь стояли только коробки домов без крыш, окон и дверей. Теперь дивизион художественно обжил это пространство.

Мажоров отыскал кабинет командира дивизиона, доложил о прибытии. В кабинете, кроме командира майора Логинова, были начальник штаба капитан Иванин и начальник оперативного отдела капитан Крылов.

Первым заговорил командир.

– Наши войска отбросили немцев от Москвы, где на 150 километров, а где и на 250.

Юрий хоть и был младшим сержантом, но обстановку на фронте знал не хуже командира дивизиона. Знал, что Красная армия освободила города Калинин, Калугу, оставили фашисты и Тулу.

– Однако налеты на Москву продолжаются, – майор Логинов склонился над картой, развернутой у него на столе, – и теперь они все чаще проходят ночью. Я правильно говорю, товарищ младший сержант?

– Так точно, товарищ майор! – ответил Мажоров и тут же понял, к чему клонит командир. У него засосало под ложечкой. Он ведь докладывал тому же майору Логинову, что их радиостанция (РСБ), предназначенная для самолетов-бомбардировщиков, а с началом войны приспособленная для работы на земле, никуда не годится. Нет, нельзя сказать, что ее вовсе нельзя использовать. В Средней Азии они работали на РСБ на расстоянии в тысячи километров. Но это было в Ташкенте, где всегда много солнца, света, тепла. А отражение радиоволн от ионосферы Земли сильно зависит от солнечной активности, когда ионосфера насыщена электронами.

Но Москва – не Ташкент, тем более зимой, да еще ночью. Мажоров понял это еще в октябре, когда они развернулись в районе Коврова.

Тогда на фланги выслали две группы с радиопеленгаторами километров на сто в разные стороны. Один из радиопунктов оказался под городом Муромом.

Юрий на своей радиостанции ждал сигнала из Мурома двое суток. Не дождался. Стало ясно, что прямая связь на нашей радиостанции возможна только на небольшие расстояния, так как волна быстро затухает, ее поглощают объекты, расположенные на пути распространения.

Увы, эти обстоятельства до войны почему-то никто не учитывал, и никаких пособий, инструкций по работе на коротких волнах в дивизионе не было.

Обо всем произошедшем Мажоров тогда же доложил командиру. Ответ начальства не блистал оригинальностью: «Нет связи? Устанавливай!» Но как это сделать радисту-сержанту?

Отсутствие ночной связи штаба дивизиона с пеленгаторными пунктами, видимо, мало беспокоило командование. Немцы делали налеты в основном в светлое время суток, а днем связь была. И вот фашистские летчики изменили тактику. Теперь они стараются прорваться к Москве по ночам. А в это время дивизион глух и нем: штаб не слышит пеленгаторщиков, пеленгаторщики – штаб. Выходит, радиодивизион, по сути, небоеспособен.

У Мажорова похолодело внутри. Он сам испугался этой мысли. Майор внимательно смотрел на младшего сержанта. Командир не стал говорить о небоеспособности дивизиона. Такие слова, произнесенные вслух, могли стоить ему жизни. И он это понимал.

– Значит, немцы все больше летают по ночам. А у нас ночью с пеленгаторными пунктами связи нет. Так, Мажоров? – спросил Логинов.

– Так... – кивнул совсем не по-уставному младший сержант.

В кабинете установилась тишина.

– Разрешите, товарищ майор, – сказал Мажоров сдавленным, сухим голосом и, не ожидая разрешения, стал говорить.

– Я уже докладывал, что без переделки нашей радиостанции ночью связь обеспечить

нельзя. Волны не проходят.

И тут заговорил начальник штаба, стоявший у окна и доселе молчавший.

– Волны, говоришь, не проходят, сержант? – Он раскинул руки и хлопнул себя по бокам.
– А голова тебе на что дана и руки? И волны, я тебе скажу, ни при чем. – Начштаба подошел почти вплотную к Мажорову. – Если не будет связи ночью, я тебя расстреляю.

В кабинете вновь повисла тишина.

Мажоров понимал, что подвести подчиненного под расстрел в ту пору не составляло труда. Более того, такие случаи были, и он о них прекрасно знал. Понимал Юрий и другое, что молчать нельзя, надо защищаться.

Поддавляя внутреннюю дрожь и собравшись с силами, младший сержант сказал:

– Знаю, что расстрелять меня во фронтовой обстановке не составляет труда, но связь от этого все равно не появится...

И Мажоров вновь повторил все, что знал о распространении волн, их отражении от ионосферы, зависимости от солнечной активности.

Когда он закончил, начальник оперативного отдела капитан Крылов поинтересовался:

– Так что можно сделать в этих условиях? Ты же сам понимаешь, Мажоров, мы должны найти выход.

– Он есть, – ответил младший сержант, – надо переделать нашу РСБ.

– Что тебе для этого надо?

– Нужны воздушные конденсаторы переменной емкости. Их можно демонтировать из некоторых приемников. Например, из приемника БУ-234 или СИ-235.

– Хорошо, – в конце концов, закончил командир. – Иди, работай.

Мажоров развернулся и вышел из кабинета. Его вроде и отпустили, а на душе кошки скребли.

... Недели через полторы Мажорова вновь вызвал командир дивизиона и вручил бумагу. В ней говорилось, что для выполнения спецзадания младшему сержанту Мажорову Ю. Н. разрешается работа в спецхранилище и демонтаж деталей из радиоприемников.

Юрию выделили автомашину, дали в помощь старшину Казанцева, и они выехали в деревню Черемушки, где и находилось то самое спецхранилище, в котором складировались отобранные у населения в начале войны радиоприемники.

Мажоров ехал и не знал, радоваться ему или печалиться. С одной стороны, его, наконец, услышали, дали разрешение, словом, все то, что он просил, с другой... Если он ошибается в своих расчетах и у него не получится модернизировать эту радиостанцию? Ведь он не инженер и даже не техник, его забрали на фронт с последнего курса техникума связи. У него и диплома нет.

Только он понимал, кому сегодня нужен его диплом? Нужна связь. Если ее не будет, расстрелять, возможно, и не расстреляют, но штрафбат обеспечен. Да, заманчивая перспектива.

Потом, с годами, уже после войны, он будет анализировать эту во многом парадоксальную, и в то же время весьма не простую ситуацию, которая могла закончиться для него трагедией.

Он был всего лишь младшим сержантом, и в его обязанности не входила реконструкция передающей аппаратуры. Такой аппаратуры, которая создавалась конструкторами и производителями. И тем не менее за отсутствие связи на ней спрашивали ни зампотеха дивизиона, ни старшего техника, а его. Даже грозились расстрелять.

Ответ тут только один. И командир дивизиона, и даже скорый на расправу начштаба понимали, что именно Мажоров сможет решить эту сложную техническую задачу и вытянуть РСБ на нужный уровень.

Так, собственно, и случилось.

Вот как об этом вспоминает сам Юрий Мажоров, ставший после войны ученым, генерал-

майором, лауреатом Ленинской и двух Государственных премий.

«Хранилище располагалась в здании, где до войны был институт. Оно размещалось на втором этаже. Какой-то сотрудник повел меня туда. Снял печати, открыл дверь и включил свет.

Передо мной оказались сотни приемников самых различных марок. Они стояли в шкафах, на столах, штабелями на полу.

В довоенные годы наиболее распространенными были приемники СИ-235, ЭЧС-2, ЦРЛ-10. Перед войной Минский радиозавод выпустил приемник «Пионер» и приемник более высокого класса «Маршал».

Я с собой прихватил плоскогубцы, кусачки и отвертку. Отобрал восемь приемников 6Н-1 и начал свою разрушительную работу.

Был уже вечер, а дело шло не быстро. Наблюдавший за мной соглядатай утомился и решил пойти попить чаю и отдохнуть.

Когда я закончил, мне дали подписать акт, в котором излагалось, что изъято из приемников, – а все они имели внутри копии квитанций об изъятии приемника на хранение на весь период войны.

В часть мы вернулись поздно. На другое утро я приступил к практической реализации замысла по переделке РСБ.

... Уже на следующий день с пеленгаторных пунктов сообщили об отличной слышимости на протяжении всей ночи».

Так работали радиоразведчики 490-го отдельного радиодивизиона Главного командования.

Однако в битве под Москвой разведку немецко-фашистских войск вели также воины 474-го и 480-го дивизионов, 151-й отдельной радиостанции ОСНАЗ Западного фронта, 347-й дивизион Брянского фронта.

В январе 1942 года к ним присоединился 339-й дивизион Калининского фронта.

Радиоразведчики старались добывать информацию о противнике, его группировках войск и направлении главных ударов.

В сентябре 1941 года на основании донесений радиоразведки командованию был сделан доклад о развертывании трех группировок немецко-фашистских войск, готовых к наступлению на Москву.

Части и подразделения одной из группировок располагались в районе Бобруйска, Мглина, Унечи, танковые войска – в районе Шостки.

Во вторую группировку входила 9-я армия, со штабом в г. Велиже, что в Смоленской области, и 3-я танковая группа, сосредоточенная в районе Духовщины и Андреаполя.

В районе Смоленска, Рославля, Починка, Монастырщины были вскрыты войска третьей группировки.

Начальник разведки Западного фронта генерал Т. Корнеев потом напишет в своих мемуарах: «23 сентября 1941 года разведка фронта точно установила, что противник готовится к наступлению и создал для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами.

На основании этих данных командование Западного фронта 25 сентября 1941 года отправило в Ставку первое донесение, а 26 сентября – второе донесение с указанием конкретных районов сосредоточения врага... Главную роль в обнаружении наступательных группировок выполнила радиоразведка Западного фронта...

К этому времени значительно лучше стали работать авиационная и другие виды разведки, но первенство во вскрытии оперативных и тактических резервов противника принадлежало радиоразведке».

Важно, что радиоразведке удалось установить и первые признаки непосредственной подготовки немецко-фашистских войск к наступлению. 28 сентября была вскрыта дислокация

гитлеровских аэродромов в Духовщине, Смоленске, Климовичах, Унече.

В последний день сентября «слухачи» Западного фронта зафиксировали возрастающую активность разведывательной и бомбардировочной авиации противника. 1 октября удалось установить наращивание сил ВВС Германии на аэродромах Могилева, Смоленска и Жлобина.

... Наступление немецко-фашистских войск по плану «Тайфун» началось 30 сентября на брянском и 2 октября на вяземском направлениях. В тот же день 2 октября радиоразведчикам удалось установить, что группировка, действующая из района Шостки, наступает в направлении Орла, а подвижные части гитлеровцев уже достигли железнодорожной линии Навля – Льгов.

Через два дня удалось вскрыть направления наступления частей рославльской группировки. Немцы шли на Юхнов и Медынь.

Оставалось установить направления главных ударов 9-й армии и 3-й танковой группы. 5 сентября радиоразведка доложила: войска движутся в сторону Гжатска и Ржева.

В ходе этой работы разведчики отслеживали также рубежи, достигнутые фашистскими войсками.

Следует отметить и еще одну важную особенность. Как сказал мне однажды генерал-майор Юрий Мажоров, «немцы с видимым пренебрежением относились к нашей радиоразведке. Сплошь и рядом первый и второй год войны шли передачи их разговоров прямым текстом, без зашифровки. И только в 1943 году они ввели жесткое ограничение на работу с открытым текстом».

Что ж, такое «пренебрежение» было нам на руку. Уже в октябре 1941 года части ОСНАЗ Западного фронта начали вести регулярный радиоперехват открытых переговоров пехотных и танковых частей 3-й и 4-й танковых групп, 4-й и 9-й полевых армий «Центр», участвовавших в операции «Тайфун».

В последующем все фронтовые части радиоразведки добывали ценные разведсведения, полученные именно таким путем.

Активное освоение сетей радиосвязи противника позволило выработать стройную систему перехвата открытых переговоров в тактическом звене гитлеровских войск.

Поистине неоценимый вклад в дело изучения организации и тактики радиосвязи фашистской армии внесли документы, добытые нашими солдатами и офицерами на фронтах и представляющие огромную оперативно-стратегическую ценность. Речь идет о трофейных материалах по радиосвязи, которые определяли порядок назначения и смены позывных, частот и указывали их принадлежность к определенным воинским частям.

В достаточно толстом книжном томе, который представляла собой таблица «Д», были сведены воедино тысячи позывных, расположенных по строкам и вертикальным колонкам. Строки выделялись штабам дивизий, корпусов, армий, групп армий, Ставке Главного командования.

Свои отличия имели позывные танковых войск. Вертикальная колонка отводилась на каждый день месяца.

Вскоре серьезное изучение этого документа дало свой результат – удалось «привязать» позывные радиостанций к штабам дивизий, корпусов, армий. 10 октября радиоразведчики вскрыли дислокацию штаба 2-й армии, на следующий день – штаба 4-й армии.

А вскоре радисты дивизионов ОСНАЗ пошли еще дальше. 14 октября в составе 4-й немецкой армии было обнаружено соединение, которое прежде действовало против войск Ленинградского фронта и входило в состав 18-й армии вермахта. Стало понятно, что фашисты перебросили под Москву дивизию, сняв ее с Ленинградского направления. 23 октября подобное повторилось на калининском направлении. Радиоразведкой была обнаружена часть из состава 41-го механизированного корпуса. Ее также передислоцировали из-под Ленинграда.

На следующий день удалось опознать 40-й механизированный корпус, который действовал в районе Можайска.

С 24 октября отчеты радиоразведчиков изменились: появились первые признаки того, что противник выдыхается, истощаются его силы и он начинает переброску резервов.

На калининском направлении вышли в эфир радиостанции, принадлежащие резервной группировке войск, ранее дислоцированной в Смоленске. 25 октября «слухачи» частей ОСНАЗ засекли радиосеть 19-й танковой дивизии. Ее перебросили с осташковского направления под Малоярославец. Начиналась большая перегруппировка войск. Шла замена свежими частями 4-й танковой группы. Далее войска этой группы следовали с малоярославецкого направления на можайское. 27 октября удалось вскрыть переброску частей противника через Фатеж на Орел и дальше к фронту.

Интересен тот факт, что радиоразведке Красной армии в этот сложный период удавалось не только раскрывать направления переброски сил и средств, их концентрацию, но и состояние войск. В частности, удалось узнать, что немецкие войска, наступающие на калужском и тульском направлениях в условиях распутицы и бездорожья, при недостатке автотранспорта вынуждены переходить на конную тягу. А это означало, что их поступательное движение нарушено.

Во многих танковых частях потери оказались настолько большими, что пришлось среди армейских шоферов искать бывших танкистов и пересаживать их на боевые машины. 29 октября радиоразведка доложила командованию фронта информацию о сосредоточении нескольких отрядов бомбардировочной авиации на аэродромах близ Ярцева и Вязьмы. Это говорило о том, что наступление противника на Западном фронте замедлилось из-за потерь в личном составе и технике. Противник подтягивает резервы. Также следует ожидать активизации действий дальней бомбардировочной авиации.

... 1 ноября командующий фронтом Георгий Жуков должен был ответить на вопрос Иосифа Сталина о том, позволит ли обстановка провести торжественное собрание и парад на Красной площади в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В основу ответа, разумеется, были положены различные разведданные, но надо отметить, что свой вклад внесла и радиоразведка. Во всяком случае, выводы Жукова однозначно близки к тем, которые сообщала радиоразведка.

«В ближайшие дни, – писал в своем ответе Георгий Константинович, – противник не в состоянии начать большое наступление. Он понес в предыдущих сражениях значительные потери и сейчас занят пополнением и перегруппировкой войск. Что же касается его авиации, то она может, и наверняка будет действовать».

В ноябре 1941 года фашисты готовили новое наступление на Москву. Естественно, они проводили перегруппировку своих сил.

Перед радиоразведкой была поставлена задача: вскрыть вражескую группировку и разгадать замыслы фашистов.

Что удалось сделать? С полным основанием можно сказать: сделано было немало. Радиоразведка выявила ударные группировки 2-й танковой армии под Тулой, 4-й армии южнее Наро-Фоминска, 40-го и 46-го мехкорпусов, объединенных в 4-ю танковую группу в районе Гжатска, 3-ю танковую группу северо-западнее Волоколамска, 9-ю армию и 41-й механизированный корпус западнее Калинина.

Что же касается авиации, то активизация авиационной разведки была замечена уже 5 ноября, а на следующий день вскрыто ее сосредоточение на аэродромах Вязьмы, Ярцева, Сычевки, Ржева.

Кстати говоря, о борьбе нашей радиоразведки с ВВС Германии следует сказать особо. Дело в том, что в предвоенные годы для военного руководства страны была характерна недооценка роли радиолокации в обеспечении обороны страны. Уже в 1939 году появились сообщения о том, что восточное побережье Великобритании было оборудовано радиосистемами, которые предупреждали о налетах фашистских самолетов, когда те

находились за сотни километров.

Иное дело у нас. Еще в 1937 году трое ученых – Юрий Кобзарев, Николай Чернецов и Павел Погорелко – создали первый в стране импульсный радиолокатор. Чтобы убедить военных в необходимости и ценности такого изобретения, пробивались на прием к маршалу Кулику. Он их принял. Ученые доложили, что им удалось создать локатор, который ночью, в туман, в любую погоду на расстоянии 100 км может обнаруживать самолет, сопровождать его и давать точные координаты.

Выслушав их, Кулик спросил:

– Что же вы хотите?

– Хотелось бы создать опытный образец, который потом можно запустить в производство, – ответили ученые.

– И для этого нужно? – уточнил маршал.

– Для этого надо две автомашины с фургонами и одна передвижная электростанция.

Ученые видели, как напрягся Кулик.

– У... у... две машины, электростанция, – разочарованно произнес маршал. И вдруг его лицо озарила догадка. – Эх вы, ученые, – рассмеялся Кулик, – какой локатор? Ночью-то самолеты не летают.

Ученые были в шоке от широты познаний заместителя наркома обороны. И только перед самой войной, когда Кобзареву, Чернецову и Погорелко за их изобретение была присуждена Сталинская премия, маршал Кулик зашевелился, согласился запустить в производство локатор. Но было уже поздно, грянула война.

Таким образом, осенью-зимой 1941 года система обороны Москвы от налетов вражеской авиации состояла из трех элементов: зенитной артиллерии, самолетов-истребителей и аэростатов.

Для предупреждения о приближении немецких бомбардировщиков была развернута служба ПВО – называлась она в ту пору ВНОС, что означало «воздушное наблюдение, оповещение, связь». Чтобы обнаружить самолеты, применялись звукоулавливатели, ночью к ним присоединялись прожекторы.

Аэростаты на тросах заставляли гитлеровские самолеты подниматься выше, таким образом, снижалась точность бомбометания. А вот дальность звукоулавливателей, как правило, не превышала 10-12 километров, и толку от них было мало, особенно когда враг подошел к самой Москве.

Для раннего оповещения о налетах посты ВНОС надо было иметь на территории, не занятой противником, иначе эта служба не имела возможности своевременно предупреждать о приближающихся самолетах.

Понятно, что проблема раннего предупреждения в 1941 году стала крайне важной и болезненной. Справиться с этой задачей, к счастью, удалось радиоразведке.

Как правило, на бомбежку Москвы фашистские самолеты поднимались с разных аэродромов. Чаще всего это были аэродромы Минска, Барановичей, Орши, Могилева.

Стартовав и набрав высоту, бомбардировщики выстраивались в боевой порядок. Ведущий выходил в эфир, проверял связь, вызывая ведомых.

Каждое звено отвечало ведущему, а в это время наши части ОСНАЗ перехватывали их переговоры и определяли примерный состав группы, а также пеленг самолетов.

Через 20-30 минут процедура радиосвязи повторялась. Радиоразведчики принимали и эту порцию сигналов. В результате работы становилось понятно, откуда стартовали фашисты, куда летят и, наконец, сколько их.

Подобные весьма ценные данные попадали в руки наших радио-разведчиков как минимум за час до подлета немецких бомбардировщиков к Москве. Разумеется, сразу шло оповещение штаба ПВО столицы.

Были, правда, и здесь свои трудности. Так, на первых порах достаточно просто обнаружив радиобмен между бомбардировщиками, разведчики ОСНАЗ не могли понять, почему они не слышали переговоров между истребителями. Ведь именно истребители, имея превосходство в воздухе, просто пиратствовали на дорогах. Они не только атаковали колонны, но гонялись за отдельными автомобилями, повозками и даже людьми.

«В ноябре, как-то, будучи в Москве для сопровождения документов, – рассказал мне генерал-майор Юрий Мажоров, – я случайно оказался на площади где-то в районе Большого театра. Там были выставлены для обозрения сбитые немецкие самолеты.

К самым остаткам самолетов не подпускали, но я обратил внимание, что на бомбардировщиках от стабилизатора к носу легко протянуть трос-антенну. Мне даже показалось, что там есть точки крепления. Но ничего такого я не увидел на «мессершмитте». Зато на нем был виден какой-то изогнутый, словно рог, кусок металла. У меня возникла мысль, что на истребителе нет коротковолновых станций, поэтому мы и не слышим их в эфире.

Но связь же должна у них быть! В то время не с кем даже было посоветоваться, хотя еще до войны я знал, что существуют ультракороткие волны и с ними ведутся работы. Это я узнал из журнала «Радиофронт», но эти сведения публиковались под рубрикой «За рубежом».

О работах в нашей стране ничего не сообщалось, радиовещания на УКВ не было, не слышали мы ничего и об ультракоротковолновых приемниках.

Потом, в конце 1941-го и в начале 1942 года я сам снял с «мессершмитта» рацию. Она работала именно в диапазоне УКВ. Вот почему мы не слышали и не принимали сигналов с истребителей! Не было у нас на вооружении ни приемников разведки, ни радиопеленгаторов УКВ.

Кстати, а тот приемник с «мессершмитта» очень нам пригодился. Мы научились использовать его против немцев, и весьма эффективно. Фашисты, к счастью, до конца войны верили, что у нас нет средств УКВ, и переговоры вели на ультракоротких волнах открытым текстом».

Однако вернемся к подготовке второго наступления немцев на Москву. 13 ноября радиоразведчики наших частей ОСНАЗ перехватили поистине историческую радиограмму. Штаб танковой дивизии, расквартированной в Ясной Поляне, сообщал, что их соединение выступит утром 14 ноября. На основании радиоперехвата военный совет Западного фронта предупредил войска о готовящемся ударе немцев в этот день.

Таким образом, наступление фашистских войск на Клинском, Волоколамском и Можайском направлениях возобновилось 16 ноября.

И вновь радиоразведчики отслеживали главные, ударные направления атак противника. 26 ноября части ОСНАЗ доложили о намерении фашистов обойти Истру с юга, 3 декабря – о задаче, поставленной 2-й танковой дивизии, достичь Алабушева, что в 20 километрах от Солнечногорска, 6 декабря – о планах немцев выйти на рубеж канала Москва – Волга.

В эти дни фашистское командование лихорадочно бросало в бой свои последние резервы. Обстановка на фронте сложилась крайне напряженной. Радиоразведка по 3–4 раза в сутки докладывала в штаб данные о появлении новых частей на Дмитровском, Солнечногорском, Яхромском, Истринском направлениях. Стало известно, что части, наступающие с севера, уже были снабжены крупномасштабными картами Москвы.

Однако вскоре стали приходиться первые сообщения о том, что наступление немцев выдыхается – войска понесли большие потери в живой силе и технике, не хватает оружия и боеприпасов, иссякают резервы горючего.

С 6 декабря, с началом контрнаступления советских войск под Москвой, радиоразведка ОСНАЗ стала докладывать о направлениях отхода фашистов, рубежах обороны и очагах сопротивления, о резервах.

Можно сказать, что в целом суровый, боевой экзамен в битве под Москвой

радиоразведка выдержала, она накопила боевой опыт, извлекла уроки из ошибок первых месяцев войны.

В документе ГРУ, подводившем итоги пяти месяцев войны, указывалось, что сводки радиоразведки Западного фронта содержали высокую степень достоверности.

Ленинград принимает бой

... Март уже перевалил за середину, а тепла как не было, так и нет. По утрам еще крепко подмораживало, а днем порою шел мокрый пополам с дождем снег. А хотелось весны, солнца. Но какое солнце под Ленинградом! Хорошо, если его лучи пробьются к земле в апреле.

И все-таки весна неизбежна, как говорит их командир. Старшина Дмитрий Ашурков представил себе весенний город, синюю искрящуюся под солнцем Неву, набережную Мойки... Но пока в Питере холодно и... Не хотелось даже про себя произносить это слово, но оно уже стучало в висках: голодно, голодно. Сразу захотелось есть. Впрочем, есть хотелось всегда. Их 472-й радиодивизион Ленинградского фронта снабжался продовольствием по второй норме. На уровне частей обслуживания. Это значит, зимой вместо 900 грамм хлеба по фронтовой, первой пайке, им давали всего 400 грамм. А ребята все молодые, дай им еды вдоволь – за троих съедят.

«Ну, вот опять о еде», – разочарованно подумал Ашурков, стараясь отогнать навязчивые «хлебные» мысли. Он стал внимательнее вслушиваться в эфир. Однако эфир был наполнен посторонними звуками. Немцы же, столь необходимые старшине Ашуркову, безмолвствовали.

И вдруг какой-то скрипучий, совершенно незнакомый голос произнес в эфир фразу. Неторопливо, достаточно четко летчик сказал, в общем-то, несколько простых слов:

– Иду на посадку через одну минуту...

Старшина бросил взгляд на часы: 14.07. Итак, 19 марта 1943 года в 14 часов 07 минут немецкий самолет зашел на посадку. А поскольку в радиосвязь с аэродромом вступал только флагманский пилот, с большой вероятностью можно было сделать вывод: приземлилась немецкая авиационная группа.

По данным пеленгации выяснилось, что вражеские самолеты сели на аэродром Котлы, который, кстати, они не использовали с конца ноября 1942 года. Эту фразу немецкого летчика засекли и «слухачи» 623-го радиодивизиона.

Через сорок минут на аэродроме Котлы совершила посадку и вторая авиационная группа немцев. Их «сигнал» также был принят нашими радиоразведчиками.

В разведотдел фронта и на командный пункт 13-й воздушной армии срочно направлено донесение о возможном прибытии на аэродром Котлы до двух авиационных групп противника.

Наш самолет-разведчик, вылетевший на задание, подтвердил данные радиоразведки. В Котлах насчитывалось до 20 фашистских бомбардировщиков, а также, что очень важно, отсутствовала противовоздушная оборона аэродрома.

Последовал бомбовый удар по скоплению немецких «Юнкерсов-88». В знак признательности летчики 13-й воздушной армии прислали радиоразведчикам фотоснимки с горящими немецкими самолетами. Подписи на снимках говорили сами за себя: «Друзьям-радиоразведчикам от воздушных разведчиков разведотдела 13-й ВА Ленфронта».

Таков один из боевых эпизодов деятельности нашей радиоразведки на Ленинградском фронте. Ее здесь вели 472-й и 623-й дивизионы, а также 41-я отдельная радиостанция ОСНАЗ.

Надо сразу отметить: радиоразведчики работали в очень трудных условиях. В начальный период сложность состояла в том, что существовала большая удаленность средств радиоразведки от источников. После блокады, наоборот, стабильность фронта позволила фашистам свести к минимуму применение радиосвязи в войсках. Они пользовались проводной

связью.

Уже в июле-августе 1941 года на подступах к Ленинграду развернулись тяжелые, кровопролитные бои. Однако, несмотря на сопротивление наших войск, фашисты заняли большую часть Ленинградской области. 8 сентября был захвачен Шлиссельбург и перерезана последняя коммуникация, связывающая город с «Большой землей». Ленинград оказался в блокаде. Началась его героическая 900-дневная оборона.

Тяжелые условия блокады заставляли радиоразведчиков искать новые источники получения информации, повышать эффективность разведки.

Ведущее место в этой работе занимала старейшая радиочасть Красной армии, бывший 1-й дивизион ОСНАЗ, теперь ставший 472-м. Руководил им опытный радиоразведчик, участник испанских событий Л. Сазыкин.

Дивизион комплектовался грамотными, знающими командирами и солдатами, достаточно хорошо оснащался технически. Что важно – за плечами практически у каждого из военнослужащих был опыт ведения радиоразведки в период советско-финского конфликта.

Поэтому с первых дней войны радиоразведчикам этого дивизиона не пришлось тратить время на боевое слаживание. Они сразу приступили к разведке вооруженных сил Германии и Финляндии.

Достаточно сказать, что уже в ночь на 24 июня 1941 года в разведотделе фронта была отработана карта аэродромов Финляндии и Северной Норвегии с указанием координат каждого из них, а также количеством базирующихся там немецких бомбардировщиков. В этот основополагающий документ вошли и данные радиоразведки. 25 июня вся эта армада фашистских бомбардировщиков должна была нанести мощный удар по Ленинграду. Точные разведанные позволили нашему командованию сорвать замыслы врага. Авиацией Северного фронта и Балтийского флота по аэродромам противника был нанесен упреждающий удар. На аэродромах под бомбами советских авиаторов нашли свой конец около 130 самолетов.

Так вступила в войну радиоразведка Ленинградского фронта. 11 июля, несмотря на достаточно большое удаление дивизиона от линии фронта, радиоразведчикам удалось вскрыть боевую деятельность танковых и механизированных дивизий 4-й танковой армии врага. Захватив Псков, фашисты устремились к Ленинграду, планируя с ходу ворваться в город. Однако их остановили под Лугой.

Тогда гитлеровцы решили скрытно, в обход Луги с запада, нанести удар по Кингисеппу, выйти на Копорское плато и через Красное село на Ленинград. Но и этот маневр обнаружили радиоразведчики 472-го радиодивизиона ОСНАЗ. Их данные подтвердила воздушная и войсковая разведка.

В конце августа «слухачами» Сазыкина была обнаружена переброска частей 39-го механизированного корпуса из-под Старой Руссы в район Чудова и Любани, а также сосредоточение авиации гитлеровцев на аэродромах Пскова, Дно, Порхова.

После прорыва через реку Мгу и взятия Шлиссельбурга сообщение с городом поддерживалось только по воздуху и по Ладожскому озеру. Фашисты не оставляли попыток взять Ленинград штурмом, но это им не удалось. И тогда гитлеровское руководство принимает решение о блокаде: удушении ленинградцев голодом, систематическими артиллерийскими обстрелами и авиационной бомбардировкой.

В этих условиях изменились задачи радиоразведки. На первый план выдвигалась задача добывания разведанных об авиации и артиллерии противника.

... 6 сентября 1941 года первые фашистские бомбардировщики бомбили Ленинград. Сложилась крайне неблагоприятная обстановка для борьбы с немецкой авиацией.

Командующий фронтом определил следующие задачи разведки. Об этом рассказывает начальник разведотдела штаба Ленинградского фронта генерал П. Евстигнеев: «Противник перешел к одновременному штурму наших позиций под Ленинградом и огневому штурму

города артиллерией и авиацией. Необходимо составить карту расположения артиллерии противника, вести ее ежедневно и давать начальникам артиллерии фронта, армий и командующему ВВС для постановки задач на уничтожение вражеских батарей и пунктов управления.

Противовоздушная оборона лишилась возможности своевременного предупреждения истребительной авиации, зенитной артиллерии и населения Ленинграда о приближении самолетов противника. Посты ВНОС оказались в пределах города. Фашистским самолетам требуется всего лишь несколько минут, чтобы долететь от линии фронта до жилых домов Ленинграда.

Сейчас мы основываемся на данных, получаемых от радиолокационных станций. Но их всего семь, радиус действия составляет до ста километров, а нам нужно знать о подлете вражеской авиации к городу как можно раньше. Поэтому следует подключиться к этому и разведчикам. До того, как самолеты противника будут обнаружены средствами радиолокации, нам уже надо предупредить систему ПВО о взлете их с аэродромов и взятом курсе. Это позволит организовать прикрытие города с воздуха».

Что ж, задачи, поставленные командующим, были достаточно понятны: следовало постоянно наблюдать за аэродромами, засекал время старта самолетов, устанавливал их курс и следить за ними в период движения, чтобы наши истребители могли встретить фашистов на подлете к Ленинграду.

Однако провести целый комплекс подобных мероприятий было не так просто. Радиоразведчики начали с тщательного изучения особенностей радиосвязи в немецкой авиации, установили сигналы скрытого управления при боевых вылетах, выявили признаки, указывающие на подготовку авиации к взлету и подъем в воздух, организовали обнаружение бортовых радиостанций бомбардировщиков в средневолновом и коротковолновом диапазонах.

По характеру связи флагманского самолета стали определять количество машин и их тип.

Благодаря этим оперативно-техническим мероприятиям радиоразведчики научились засекал немецкие самолеты на удалении от 150–190 км от города. Предупреждение о подлете вражеской авиации на главный пост ВНОС ПВО передавался за 25–30 минут. Таким образом, наша авиация имела возможность встречать машины врага еще над боевыми порядками фашистов.

Гитлеровцы, в свою очередь, предпринимали контрмеры: сокращали время связи самолета с наземными органами управления. Это заставляло радиоразведчиков изыскивать новые тактические приемы ведения разведки. Были созданы специальные группы поиска и наведения в приемных центрах дивизионов, на радиопеленгаторных пунктах. Для пеленгования самолетов выделялись лучшие радисты.

Однако мастеров высокой квалификации было недостаточно, и тогда в дивизионах ввели следующий порядок: при выявлении первых признаков старта вражеских самолетов на пеленгаторные пункты поступал сигнал тревоги, и лучшие радисты занимали места у аппаратов. Кстати говоря, этот опыт ленинградских радиоразведчиков потом распространили и на других фронтах.

В августе 1941 года талантливый инженер старший лейтенант Клавдий Дроздов с помощью трофейного ультракоротковолнового приемника обнаружил радиосвязь немецких самолетов. Данные, которые удалось добыть Дроздову, оказались настолько важны и ценны для определения действий вражеской авиации и дальнобойной артиллерии, что новому источнику разведки было уделено самое пристальное внимание.

Срочно сформировали специальное подразделение под руководством того же Дроздова, которое занималось разведкой авиации в УКВ диапазоне.

Бывший заместитель командира 623-го радиодивизиона по технической части старший лейтенант Петр Шмырев, после войны ставший генерал-лейтенантом, так рассказывал мне о

создании группы Дроздова и их боевой работе:

«Немецкие самолеты работали в УКВ диапазоне. Мы не умели делать станции УКВ. У нас были примитивные ротные станции, и дальше мы не поднимались. Немцы в этом отношении продвинулись гораздо дальше нас.

Так вот создали группу Дроздова. Сначала они работали с площадки Исаакиевского собора, потом расположились на юге Ленинграда, в районе Волкова кладбища. Дом пустой. На верхнем этаже разместили всю группу. У него в подчинении были хорошие переводчики немецкого языка. Например, Ольга Климова, уникальный специалист, полиглот. Знала даже японский язык.

Кроме переводчиков в группу входили опытные инженеры, техники. Сам Дроздов был прекрасным инженером, до войны работал в Ленинградском институте радиоприема и акустики, занимался мощными радиопередатчиками.

Как-то в одно прекрасное утро приезжает к нам в дивизион полковник Миронов и говорит мне: «Собирайся». Спрашивать не принято, собрался. Сели в машину, приехали на Волково кладбище, поднялись по лестнице на верхний этаж дома.

– Вот, – сказал Миронов, обращаясь к Дроздову, – старший лейтенант Шмырев. Теперь он будет твоим начальником. Прошу любить и жаловать.

Так мы начали работать вместе. Если сказать коротко, с помощью этой группы стали заранее предупреждать нашу ПВО о налетах вражеской авиации.

А Клавдия Дроздова в дивизионе любили. О нем даже скороговорку такую сложили: «Дни и ночи с УКВ в ОРД наш КИД». УКВ как расшифровать – понятно, ОРД – отдельный радиодивизион, а КИД – Клавдий Иванович Дроздов».

К словам генерала Петра Шмырева остается только добавить, что с весны 1942 года и до полного снятия блокады, которое состоялось 27 января 1944 года, не было случая, чтобы радиоразведчики Ленинградского фронта не отследили групповой вылет вражеских самолетов, которые рвались к городу или к коммуникациям фронта. Напомню, вахта эта длилась 900 дней и ночей.

Будучи командующим фронтом, Георгий Жуков в сентябре 1941 года отмечал работу радиоразведчиков по предупреждению вражеских налетов. Это он приказал начальнику разведки штаба фронта доложить в Москву об опыте разведки гитлеровской авиации. В докладе в Генштаб подчеркивалось важное значение разведки в УКВ диапазоне.

Особое значение придавалось радиоразведке гитлеровских самолетов, которые поднимались со своих аэродромов, чтобы нанести удар по «Дороге жизни». Зимой 1941–1942 года дивизионы предупредили ПВО о более 2 тысячах самолето-вылетов вражеской авиации.

С приходом весны активность фашистской бомбардировочной авиации заметно возросла. Немцы готовились к проведению операции «Ледовый удар», целью которой было уничтожение наших боевых кораблей на Неве и нанесение ударов по другим важнейшим объектам Ленинграда.

Первый массированный налет фашисты провели 4 апреля. В воздух поднялось около 150 бомбардировщиков. Однако ПВО была вовремя предупреждена. Операция «Ледовый удар» не принесла гитлеровцам ожидаемого результата. В тот апрельский день на подступах к городу и над Ленинградом они потеряли более 60 самолетов.

С открытием навигации на Ладожском озере задачи радиоразведки усложнились. Теперь командование фронтом требовало не только своевременно установить подъем авиации с аэродромов, но и выдавать направление их движения, угадывать намерения противника по поражению важнейших объектов на территории города.

Таковыми объектами стали порты, причалы, станции погрузки и разгрузки. Подсчитано, что за время навигации гитлеровские стервятники более 5 тысяч раз появлялись над Ладожским озером.

Постоянные налеты авиации, бомбежки – это лишь одна напасть, которая испытывала на прочность ленинградцев. Но была и другая, не менее страшная, разрушительная, губительная – обстрелы города из дальнобойных орудий. 4 сентября 1941 года в 11 часов утра начался первый артиллерийский обстрел города. Он продолжался до 18 часов. В этот день появились первые убитые и раненые, первые разрушения.

Основную тяжесть борьбы с гитлеровскими артиллеристами вынесли на себе советские летчики и артиллеристы. На первом этапе контрбатарейная борьба велась в основном против полевой, в том числе и крупнокалиберной, артиллерии противника. Здесь при определении координат вражеских батарей ведущую роль играла артиллерийская разведка. В этой борьбе немцы стали нести большие потери и все чаще меняли позиции, перемещая их дальше в тыл.

К концу 1942 года фашистское командование изменило тактику – теперь ставка была сделана на использование дальнобойной артиллерии и тяжелых систем, которые располагались на железнодорожных платформах.

Огневые позиции этой артиллерийской группировки находились на удалении 20–25 километров от города. Таким образом, она оказалась вне зоны досягаемости артиллерийской разведки.

Определение координат вражеской группировки осложнялось и тем, что артиллерийские системы на железнодорожных платформах выдвигались на позиции не раньше, чем за сутки, после же обстрела быстро уходили. Для их воздушной разведки времени также не оставалось.

Теперь вся надежда была на радиоразведку.

Как выполнял эту задачу 472-й дивизион, вспоминает фронтовой радиоразведчик, начальник штаба радиодивизиона Глеб Лопак: «В 472-м радиодивизионе, которым к тому времени командовал А. Толмачев, были обнаружены две радиосети управления огнем дальнобойной артиллерии, работающие в коротковолновом и средневолновом диапазонах. В этих радиосетях передавались какие-то условные сокращения и кодовые величины, понять которые было невозможно. Офицеры Ю. Буштуев, И. Дьяков, переводчица лейтенант М. Дикман обстоятельно изучили наставления по управлению артиллерийским огнем и, сопоставив теорию с упоминавшимися выше кодированными величинами, смогли их расшифровать.

В течение 1943 года, который был годом наиболее интенсивных обстрелов Ленинграда, они много раз и своевременно, за несколько часов и даже суток определяли число и время, откуда и по какому району будет нанесен артиллерийский удар.

А удары наносились по жилым районам, военным и промышленным объектам города, в том числе однажды по району Смольного, по заводу «Большевик», металлургическому заводу, по району Колпино, 5 ГЭС – основному источнику электроэнергии для Ленинграда, по мостам через Неву, по островам в Финском заливе и другим объектам».

... В середине октября 1943 года у начальника разведки фронта генерала П. Евстигнеева состоялось совещание командиров радиочастей ОСНАЗ, их заместителей по технической части и начальников штабов.

Руководство фронтовой разведки было не на шутку встревожено: фашисты начали значительное передвижение железнодорожных эшелонов к фронту и в обратном направлении. Что это могло означать? Перегруппировку войск? А может, переброску некоторых соединений на другие участки или фронты?

Словом, перед радиоразведчиками была поставлена задача – выяснить, что означают эти передвижения.

Для этого следовало уточнить группировку немецких войск перед фронтом, их оперативное построение, возможное убытие частей из мест дислокации.

Задачи такого рода требуют большого напряжения и труда. И тем не менее радиоразведчики 472-го дивизиона уверенно констатировали и подтвердили наличие в первом оперативном эшелоне «своих старых знакомых» – 26, 50, 54-го армейских корпусов. 623-й

дивизион также внимательно наблюдал за количеством вражеских соединений первого эшелона.

Все это доказывало, что противник собирается и дальше проводить блокаду Ленинграда, находясь на прежних позициях.

... В конце 1943-го и накануне январского наступления 1944 года свои основные силы радиоразведка направила на вскрытие расположения вражеских частей, их систему огня, инженерных заграждений. Предстояло прорвать хорошо укрепленную оборону противника и воссоединить сообщение Ленинграда со страной.

Если раньше радиоразведка наблюдала в основном за авиацией и артиллерией, то теперь от нее требовалось проведение мероприятий по усилению поиска и контролю за радиостанциями частей сухопутных войск. 18 января советские войска прорвали блокаду Ленинграда.

Начальник разведки фронта, оценивая работу частей ОСНАЗ, отметил: «Обычно разведывательный отдел фронта в период активных действий благодаря радиоразведке был всегда в курсе самых последних событий и очень часто информировал оперативный отдел штаба фронта и штабы армий о положении и характере действий наших войск и войск противника в самую последнюю минуту».

Действительно, в ходе проведения операции радиоразведка обнаружила отход стрелнинской группировки противника на левом фланге 18-й армии. Это случилось 17 и 18 января. 19 и 20 января 472-й дивизион заметил отвод в глубину обороны командных пунктов 50-го армейского корпуса, 9-й и 215-й пехотных дивизий и выход на рубеж южнее Гатчины 11-й пехотной дивизии противника. 23 и 24 января радиоразведчики засекли передислокацию командных пунктов 26-го армейского корпуса из Тосно в Вырицу и 56-го армейского корпуса из Сиверской в Лугу. Это говорило о спешном отходе фашистских войск на юг и юго-запад.

Надо подчеркнуть, что при ведении разведки достаточно эффективно применялись маневренные группы радиоразведки, придаваемые дивизиям, действующим на главных направлениях.

За две недели наступления советские войска продвинулись на 30–90 км и полностью освободили Ленинград от блокады. Однако, несмотря на это городу все еще угрожали финские войска, нависающие с севера. Их позиции находились всего лишь в 25 км от Ленинграда.

Чтобы обезопасить город от удара с севера, командование фронтом провело в июне-июле 1944 года операцию по разгрому войск противника в Карелии и на Карельском перешейке. В операции принимали участие 623-й и 398-й дивизионы ОСНАЗ. За два года обороны радиоразведчики хорошо изучили противника, но теперь все пришло в движение, и командованию требовались данные по изменению обстановки. 623-му дивизиону удалось установить, что перед фронтом наших войск находятся только финские части. Немецких соединений не обнаружили.

С апреля по август 1944 года 7-й отдельной армии на период проведения Выборгской и Петрозаводской наступательных операций был придан радиоразведывательный отряд достаточно большой численности. Отряд насчитывал 51 человек личного состава, имел в своем распоряжении приемный центр, два пеленгаторных пункта, подразделение связи и группу обработки сведений.

Применялся он на стыке двух фронтов и показал себя вполне боеспособной единицей.

«Группа радиоразведчиков на Свирском направлении, – отмечалось в отчете штаба 7-й отдельной армии, – за все время работы, и особенно в период начала наступательных операций, добыла много ценного материала о противнике. Личный состав группы с большой ответственностью отнесся к выполнению поставленных задач».

К концу июля наши войска, действующие на выборгском и петрозаводском направлениях, достигли советско-финской границы. Финляндия прекратила боевые действия и вышла из войны. 472-й отдельный радиодивизион ОСНАЗ Ленинградского фронта был

удостоен ордена Красного Знамени.

Первый год, он трудный самый...

Итоги первого года войны для Красной армии были далеко не утешительными. Да, врагу не удалось взять Ленинград, его отбросили от Москвы, но к началу лета 1942 года гитлеровцы вновь перешли к активным действиям. Теперь их усилила направлялись на юг страны. Они планировали овладеть районами Кавказа и Нижней Волги.

Потеря Крыма резко изменила обстановку на Черном море и южном фланге советско-германского фронта. Фашисты открыли для себя путь на Кавказ через Керченский пролив. Над Кавказом нависла угроза с моря.

В мае одновременно с боями в Крыму развернулись боевые действия и в районе Харькова. Однако успешно начавшаяся операция завершилась для наших войск неудачно, с большими потерями. Немецкие соединения заняли выгодные позиции.

Гитлеровское командование планировало окружить и уничтожить войска Красной армии на воронежском направлении, овладеть правым берегом и прорваться к Волге, перехватив эту важную водную артерию.

Фашистам не удалось полностью реализовать свой план, оно не сумело окружить войска Юго-Западного и Южного фронтов, однако в целом противник добился значительных результатов – занял Донбасс, вышел в большую излучину Дона и создал серьезную угрозу Сталинграду.

В составе своих фронтов действовали и радиоразведчики. Оценивая их боевую работу в период с мая по ноябрь 1942 года, Генштаб отмечал, что 394-й дивизион Воронежского фронта улучшил качество пеленгования и обеспечивает своевременное «вскрытие перегруппировки войск противника».

О чем, собственно, идет речь? Да в первую очередь о том, что радиоразведчикам удалось выявить переброску 3-го танкового корпуса противника на харьковское направление в мае 1942 года и выдвижение соединений и частей вермахта с воронежского направления на юг в июле 1942 года. 313-й дивизион Воронежского фронта установил прибытие частей итальянских войск на участок фронта Острогжск – Павловск, а также группировку 2-й венгерской армии. 561-й и 469-й дивизионы Сталинградского фронта умело организовали наблюдение за военно-воздушными силами фашистов, обнаружили части немецких и румынских войск.

Хуже работала радиоразведка Северной и Черноморской групп Закавказского фронта. 370-й и 513-й дивизионы не смогли в полной мере освоить обстановку в полосе разведки.

Словом, на всех фронтах от Карельского до Сталинградского радиоразведчики делали свое нелегкое, но весьма нужное дело – вели разведку противника.

Однако напомним, с чего мы начали: летом 1942-го завершился первый боевой год радиоразведки Красной армии. Какой опыт был накоплен в этот год, каковы его итоги, выводы, предпринятые меры?

Прежде всего, следует отметить знаковое событие для службы радиоразведки – в июне 1942 года был развернут 1-й отдельный радиополк ОСНАЗ Главного командования. Сформировали его на базе 490-го дивизиона, который в 1941 году использовался в интересах ПВО Москвы, а потом стал выполнять задачи стратегического характера, и 369-го радиодивизиона, переброшенного из Среднеазиатского военного округа.

Полк состоял из трех дивизионов: 1-го тяжелого для разведки ВВС, 2-го тяжелого – для разведки верховного командования немецко-фашистской армии и 3-го маневренного – для оперативно-тактической радиоразведки на главном направлении.

Командование радиоразведки понимало важность подготовки специалистов для частей ОСНАЗ. Именно поэтому в мае 1942 года 3-й запасной радиодивизион, где готовили младших специалистов, был развернут в 25-й отдельный запасной полк ОСНАЗ. В конце года здесь стали готовить девушек-радисток, которые в последующем на фронтах зарекомендовали себя самым наилучшим образом.

Война, как известно, живет по своим законам и у нее свои требования, зачастую весьма жесткие и неожиданные.

Так, в 1942 году возникла крайне острая проблема – освещение тактической глубины противника. Ведь с применением «тактики большого отрыва» значительно сокращалось время, в течение которого части радиоразведки могли работать по вскрытию дивизионных радиосетей. И если радиодивизион отрывался от переднего края на 150–170 км, то на новых позициях специалисты могли прослушивать только армейские и корпусные радиостанции. Дивизионные сети удавалось услышать, когда передний край находился на удалении 50–70 км.

Разведку тактической зоны с успехом могли бы вести армейские части, однако средства радиоразведки не были предусмотрены в объединениях. Чтобы разрешить эту проблему, попробовали из состава фронтовых дивизионов на главные направления действий войск выделять так называемые маневренные группы. Однако из-за громоздкой аппаратуры они оказались практически не пригодными для ведения разведки вблизи переднего края. На вооружении мангруппы имели ту же аппаратуру, что и в дивизионах, а им нужны были средства более компактные и мобильные. Увы, таких средств в Красной армии не существовало.

«В мае 1942 года была создана маневренная группа, – вспоминает генерал-майор Юрий Мажоров, – в задачу которой входила добыча информации с мест поближе к горячим точкам. Такой горячей точкой была подготовка к наступлению наших войск с целью освобождения Харькова.

В районе города Елец находился наш РП-3, вот туда сначала и направилась мангруппа. По-моему, нужды находиться на переднем крае не было никакой. Так я считал тогда и сейчас думаю так же. Если бы у нас оказалась аппаратура УКВ, то тогда другое дело. Но у нас такой аппаратуры не было. Так что с точки зрения военной разведки того времени не стоило посылать в район Харькова нашу маневренную группу».

И, тем не менее, положительный опыт использования мангрупп был. 469-й дивизион Южного фронта в марте 1942 года сформировал небольшую группу из четырех человек, которая занималась подслушиванием переговоров по проводам. Она имела на вооружении аппарат СП-3, связную радиостанцию и автомашину.

Работала маневренная группа в полосе нашей 9-й армии и делала рейды вглубь обороны противника на 70–100 км.

Подобные мангруппы были сформированы в 313-м и 561-м дивизионах Юго-Западного фронта.

В декабре 1942 года на Брянском фронте 347-й дивизион выделил из своего состава мангруппу, которая кроме приемных КВ и УКВ средств имела два пеленгатора. Она выявляла дивизионные сети противника и наблюдала за самолетами ближней авиационной разведки немцев.

Таким образом, опыт, приобретенный радиоразведкой в первый год войны, показал, что освещение тактической глубины противника возможно только при выдвигении подразделений радиоразведки к переднему краю. А это требовало создания малогабаритных мобильных приемных и пеленгаторных средств. Но такие средства – приемники «Виразж» и пеленгаторы «Штопор» – стали поступать в войска только со второй половины 1943 года.

Наряду с поисками способов разведки тактической зоны противника отрабатывались и вопросы использования фронтовых средств радиоразведки. Ведь теперь нередко на фронте действовали два, а то и три радиодивизиона.

Разумеется, путь этот не был усеян розами. На Западном фронте, где действовало два дивизиона – 474-й и 480-й, диапазон радиоволн разделили между этими частями, а подразделения дивизиона разместили в колее фронта шириной более 400 км. Это привело к тому, что радиочасть могла только частично вести разведку дивизионных сетей противника.

На Юго-Западном фронте поступили по-своему: радиоразведывательные средства трех дивизионов – 313, 394 и 561-го – объединили в сводные добывающие и обрабатывающие подразделения. Но, как показала практика, такое объединение оказалось не эффективным.

Обобщив опыт, Разведуправление Красной армии пришло к выводу: на фронте с двумя-тремя дивизионами каждой части определялась своя полоса, где она и вела разведку.

В 1942 году одной из наиболее острых проблем оставалось оснащение частей разведывательной аппаратурой. За первый год войны радиоразведка понесла большие потери в технике, и к осени 1942 года они были восполнены только наполовину от требуемой.

Важную роль здесь сыграло изобретение Н. Киселева, офицера 469-го радиодивизиона. Он сконструировал переговорно-командное устройство (ПГУ) для управления пеленгованием. ПГУ обеспечивало передачу команд на пеленгование непосредственно из приемного центра в микрофонном режиме каждым радистом-разведчиком.

Свое переговорное устройство Киселев создал еще в начале войны, и вот теперь оно было доработано, организован его промышленный выпуск, и в начале 1943 года ПГУ стало поступать в радиодивизионы. С этого времени оно стало обязательным элементом системы управления радиопеленгаторными пунктами.

В первый год войны шло дальнейшее освоение новых источников получения разведывательной информации, совершенствование процесса добывания и обработки полученных сведений.

Важнейшее значение имело освоение радиоперехвата передач самолетов ближней авиационной разведки на УКВ. Начало этому положили радиоразведчики Ленинградского фронта. Далее их опыт был распространен в 345, 480, 490, 541-м дивизионах. Радиоперехват на УКВ являлся новым и очень ценным каналом получения разведанных.

Примером может служить боевой эпизод из жизни «слухачей» 345-го дивизиона Волховского фронта. Здесь разведчик-радист З. Липовецкая, владеющая немецким языком, перехватила радиограмму с фашистского самолета-разведчика. Тот сообщал координаты сосредоточения нашей артиллерии – это был артиллерийский полк из резерва Главного командования.

Полк был срочно снят с позиций и переброшен в запасной район. А вскоре по этим позициям фашисты нанесли авиационный бомбовый удар.

Хитрый и коварный враг заставлял наших разведчиков еще более настойчиво изучать радиосети противника и вскрывать новые разведывательные признаки. Так, в мае 1942 года в радиосетях фашистов была введена новая система назначения сменных позывных, и наша радиоразведка утратила возможность привязки выявленных радиостанций к конкретным штабам.

«Гитлеровцы ввели в действие новую таблицу позывных «Е», – вспоминает генерал-майор А. Устименко. – Начался трудный этап раскрытия этой таблицы. Нас выручил, во-первых, золотой фонд – опытные радисты-слежечники, способные запомнить едва уловимые особенности почерка вражеских радистов, и, во-вторых, более углубленная централизованная обработка материалов радиоразведки.

Постепенно захватывались войсками и сами таблицы «Е», так что к концу 1942 года они уже были во всех радиочастях ОСНАЗ».

Постоянное совершенствование технического обеспечения, процесса добывания разведанных вскоре положительно сказалось на повышении эффективности деятельности частей ОСНАЗ. На основании изменений в составе и режиме работы радиосетей стали делаться

важные оперативные выводы. Примером может служить боевой эпизод, произошедший 5 мая 1942 года, когда в сети 4-й танковой группы фашистов была установлена работа всего одной радиостанции. На этом основании был сделан вывод о реорганизации или передислокации танкистов на другое направление. Уже на следующий день вывод подтвердился: части 4-й танковой группы оказались на курско-малоархангельском направлении.

Важно и другое. Теперь при обработке разведывательной информации учитывались и изменения в составе корреспондентов радиоузлов фашистов. Так произошло в конце мая – начале июня 1942 года, когда удалось выявить радиосеть соединения с головной радиостанцией в Харькове и подчиненными станциями в Белгороде, Обояни, Курске.

С 5 июня в Курске появилась радиостанция, работавшая в сети группы армий «Юг», а на следующий день наши радиоразведчики засекли связь станции из сети 6-й армии, расквартированной в Харькове, с радиостанциями 2-й армии. После тщательного анализа радиоразведчики доложили командованию: «Наличие постоянной связи между радиостанциями на курско-обоянском и харьковском направлениях подтверждает предположение о выходе 2-й армии из центральной группы армии и переподчинении ее южной группе противника».

Позже стало известно, что изменения были вызваны не только переподчинением 2-й армии, но и разделением группы армий «Юг» на группы «А» и «Б».

Кроме радиосетей сухопутных, танковых войск, военно-воздушных сил надежным источником для получения необходимых сведений стали и радиосети зенитной артиллерии. Ведь зенитный дивизион придавался дивизии, и штаб зенитчиков всегда располагался рядом со штабом соединения. Обнаружив штаб зенитного дивизиона, «слухачи» твердо знали: там же находится и штаб дивизии.

На Брянском фронте после тяжелых летних боев 1942-го к концу года положение стабилизировалось, обе стороны перешли к позиционной обороне. Командные сети армий и дивизий немецко-фашистских войск резко сократили свою работу, а то и вовсе переходили к режиму радиомолчания.

В обороне немцы широко использовали проводные линии. И тут уже радиоразведка была бессильна.

Одна из дивизий на левом фланге Брянского фронта перестала работать по радио, нашей разведке не удавалось добыть стоящего языка, и у командования создалось впечатление, что соединение выведено в резерв. Но радиоразведчики упорно стояли на своем: немецкая дивизия никуда не делась, она находится на том же месте. Их утверждения основывались на одном обстоятельстве: время от времени в эфир выходила радиостанция зенитно-артиллерийского дивизиона.

Почти три недели в сводках разведотдела фронта дивизия указывалась как выбывшая, а в докладах радиоразведки как дислоцированная на прежнем месте. Правоту радиоразведчиков подтвердила радиограмма, переданная зенитчиками. После ее расшифровки стало ясно: немецкое соединение находится в месте своей прежней дислокации.

За первый военный год несомненных успехов добились радиоразведчики и в добывании информации по военно-воздушным силам вермахта. Если в ходе оборонительных боев под Москвой «слухачам» частей ОСНАЗ удавалось, как правило, добыть общие данные о количестве авиационных отрядов, сосредоточенных противником на направлениях, то с конца февраля 1942 года сводки радиоразведки содержали конкретные данные о количестве самолетов. Теперь наши специалисты по особенностям построения позывных бортовых радиостанций научились различать принадлежность самолетов к определенному роду авиации, эскадрам, группам, отрядам.

Подобная информация, безусловно, укрепила авторитет радиоразведки.

Таковы краткие итоги деятельности частей ОСНАЗ за первый военный год – самый трудный год Великой Отечественной. Впрочем, и следующий оказался не легче. Впереди был

Сталинград...

Ошибка фельдмаршала Паулюса

В ночь на 1 февраля 1943 года к дому, где поселили плененного фельдмаршала Фридриха Паулюса, командующего 6-й немецкой армией, подали легковой автомобиль «эмку». Паулюса предстояло доставить в штаб Воронежского фронта. Там его ждали представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник Николай Воронов и командующий фронтом генерал-лейтенант Константин Рокоссовский.

На крыльце штабного дома Паулюс спросил переводчика Льва Безыменского, как отличить Воронова от Рокоссовского. Тот объяснил.

В избе, в которую ввели фельдмаршала, находились Воронов, Рокоссовский и начальник разведки штаба фронта генерал-майор Виноградов.

После первых ознакомительных вопросов перед Паулюсом положили две карты. Одну он узнал сразу. Это была его рабочая карта, изъятая после пленения. Взглянув на вторую карту, фельдмаршал побледнел. Казалось, его худое лицо с впалыми щеками вытянулось еще больше. С тонких губ Паулюса сползла одна-единственная фраза разочарования: «В моем штабе был крупный предатель».

Когда Безыменский перевел эту фразу, Воронов и Рокоссовский улыбнулись. Фельдмаршал ошибался. В его штабе не было предателя. Просто на второй карте операторы нанесли данные по немецкой группировке Паулюса, которые предоставила им наша разведка. Большое количество объектов на этой карте появилось после предоставления информации радиоразведкой фронта.

... Сталинградская битва продолжалась с июля 1942 года до начала февраля 1943 года. Ее можно поделить на два этапа – оборонительный и наступательный. Второй этап закончился полным разгромом 250-тысячной группировки немецких войск.

Генералы Воронов и Рокоссовский сообщили в Ставку Верховному Главнокомандующему: «Выполняя ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.02.1943 года закончили разгром и уничтожение Сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились».

«До Сталинградской битвы, – считал маршал Г. Жуков, – история не знала сражения, когда в окружение попала и была бы полностью разгромлена столь крупная группировка войск. Разгром врага на Волге ознаменовал начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом, началось изгнание вражеских войск с советской территории».

Свой вклад в победу под Сталинградом внесла и радиоразведка Красной армии. Там она была представлена 394-м и 561-м отдельными радиодивизионами ОСНАЗ.

Выполняя задачи, поставленные командованием, радиоразведчики уже в июле 1942 года вскрыли радиосвязь фашистов и определили его штабы. Впервые с начала войны они установили постоянное наблюдение за крупной вражеской группировкой – группой армий «Б», в которую входили 6-я и 4-я танковая армии.

Именно постоянное наблюдение за врагом позволило вовремя обнаружить перегруппировку войск противника. 13 июля 1942 года «слухачи» Сталинградского фронта стали отмечать связь штаба 4-й танковой армии со штабом группы армий «А», действующих перед Южным фронтом. Радиоразведчики высказали предположение о возможном переподчинении 4-й танковой армии группе армий «А».

В последующем это предположение подтвердилось. 14 и 15 июля стали перемещаться узлы связи штабов 4-й танковой армии в южном направлении. Таким образом был обнаружен маневр фашистов, который они проводили с целью окружения войск Южного фронта.

Наряду с этим немецкое командование усиливало и войска 6-й армии.

К 20 июля радиоразведкой было точно установлено, что в помощь Паулюсу прибыло два армейских корпуса – появились новые радиостанции, принадлежащие их штабам. Вышли в эфир и еще две станции – штабов 11-го и 17-го танковых корпусов.

В последующие два дня резко снизилась активность радиосвязи фашистов вплоть до радиомолчания. Это говорило о том, что враг готов к наступлению. И действительно, 6-й армия Паулюса ударила 23 июля. Наступление осуществлялось по двум направлениям – на: северо-запад в сторону Верхне-Бузиновки и Каменского и на юго-запад, на Калач. Цель – окружить войска Сталинградского фронта в большой излучине Дона и далее с ходу овладеть городом.

С первым ударом немцев их радиомолчание прекратилось. Это дало возможность радиоразведке определить, что на северо-западном направлении действуют соединения 8, 11, 17-го армейских и 14-го танкового корпуса, а на юго-западе – 51-го армейского и 24-го танкового корпусов.

Советские войска упорно оборонялись, и фашисты были остановлены. Однако вскоре немецкое командование решило одновременно с запада и юго-запада силами 6-й и 4-й танковых армий нанести удары и овладеть Сталинградом. Сразу же увеличился радиообмен между штабами армий. И это не ускользнуло от внимания радиоразведки. В штаб фронта пошел доклад о том, что не исключаются их совместные действия.

«Я и мои товарищи по команде, – вспоминал старшина Иван Захаров из 394-го радиодивизиона, – опираясь на знания тактико-технических данных вражеских радиостанций, скорости и четкости работы на ключе немецких радистов, их почерков, отличали танковые и мотодивизии от пехотных и эсэсовских.

В дни наступления фашистских танковых соединений мы замечали каждое изменение пеленгов их радиостанций. Особенно это было видно летом 1942 года на Сталинградском направлении. В один из таких дней я принял радиограмму открытого текста. В ней дивизионный радист сообщал в вышестоящий штаб, что «25 танков переправляются через Дон в район Цимлянской».

Эта же телеграмма была принята и старшим сержантом Виктором Ковалем. Содержание ее доложили командующему фронтом К. Рокоссовскому. А он, как вспоминал в одной из бесед со мною в 1970 году тогдашний начальник разведки Донского фронта генерал-майор И. Виноградов, приказал летчикам нанести бомбовый удар по переправе через Дон и танкам врага. Летчики выполнили приказ командующего. Сержант Коваль и я стали кавалерами ордена Красной Звезды. Награду вручал сам командующий фронтом».

Умелая работа радиоразведчиков дивизиона не осталась незамеченной со стороны руководства. Начальник Разведуправления генерал-майор А. Панфилов в августе 1942 года в письме начальникам разведотделов фронтов подчеркивал: «394-й отдельный дивизион, несмотря на тяжелые условия неоднократных перемещений и совершенный марш в общей сложности на 900–1000 километров, работал хорошо, беспрепятственно добывал и представлял радиоразведывательные сводки и донесения. Дивизион представляет много данных перехвата, открытых радиограмм и переговоров противника».

Для улучшения управления Ставка разделила Сталинградский фронт на два – Сталинградский и Юго-Восточный. Теперь 561-й радиодивизион вошел в состав Юго-Восточного фронта, а 394-й остался на Сталинградском. Соответственно первый работал по войскам 4-й танковой армии, второй – по 6-й армии.

Эти мероприятия потребовали от дивизионов перегруппировки сил. И она пошла на пользу. Если прежде части дислоцировались на левом берегу Дона в 150–200 км от переднего края и могли слышать только дивизионные радиостанции противника, то теперь части ОСНАЗ выдвинулись вперед, с тем чтобы лучше обеспечить разведку немецких армий.

Дивизионами также были сформированы две группы для перехвата открытых

радиопередач войсковых радиостанций на длинных и коротких волнах и для перехвата донесений с борта самолетов авиационной разведки на волнах УКВ.

Группы разместили на КП фронтов.

Важно отметить, что, несмотря на подчиненность штабам разных фронтов, дивизионы продолжали взаимодействовать между собой.

... К концу сентября бои уже шли в городской черте Сталинграда. Однако было ясно, что наступление врага выдыхается. Части 14-го танкового корпуса, понеся большие потери, перешли к обороне. Однажды радиоразведчики перехватили радиограмму, переданную открытым текстом. Она была направлена из 60-й механизированной дивизии. «Обстановка критическая. Прошу поддержать танками», – зывали немецкие радисты.

По данным «слухачей» частей ОСНАЗ, 76-я немецкая пехотная дивизия из-за больших потерь была отозвана с фронта. На ее место прибыла 113-я пехотная дивизия.

Гитлер требовал от своих генералов во что бы то ни стало овладеть Сталинградом, и потому им приходилось производить постоянную перегруппировку войск. А это значит, нашим радиоразведчикам «цепко» следить за перемещениями вражеских соединений и частей.

Радиоразведчики старались не упустить фашистов. Так им удалось своевременно обнаружить выход итальянских и румынских войск к Дону и переброску оттуда немецких частей под Сталинград. Если говорить конкретно, то было установлено, что северо-западнее 6-й армии перешли к обороне 3-я румынская и 8-я итальянская армии, а южнее Сталинграда место убывших немцев заняли части 6-го и 8-го румынских корпусов.

На появление итальянцев и румын оперативно отреагировал отдел радиоразведки Разведывательного управления Генерального штаба. Он направил в радиодивизионы фронтов переводчиков итальянского и румынского языков.

В конце октября 1942 года для усиления радиоразведки в район Сталинграда прибыл 469-й радиодивизион ОСНАЗ. Его перебросили с Закавказского фронта. Надо сказать, что специалисты дивизиона быстро освоились в новой обстановке и успешно работали по немецкой группировке, которая действовала перед правым крылом Сталинградского фронта. В свою очередь маневренная группа дивизиона, работавшая в интересах 62-й армии, вела эффективную разведку штурмовых групп фашистов на улицах Сталинграда.

В середине ноября 1942 года дивизионы ОСНАЗ отметили усиление воздушной разведки противника, как на фронте, так и в тылу наших войск. Немецкие самолеты-разведчики докладывали обо всем, что наблюдали в расположении советских войск. За этими докладами внимательно следили «слухачи» радиоразведки. Так наше командование узнавало, что известно противнику о войсках фронта. На основании анализа перехваченных докладов своевременно принимались меры к повышенной скрытности, недопущению ударов по скоплению частей и техники.

Перед переходом в контрнаступление командование в октябре-ноябре 1942 года провело перегруппировку наших войск. Все это делалось скрытно. Разведка противника не смогла обнаружить перемещение советских войск. Радиоразведчики внимательно слушали бортовые радиостанции немецкой авиации.

Перехват радиопередач самолетов-разведчиков противника являлся ценным источником для получения разведсведений. Умело осуществлял перехват переводчик 394-го радиодивизиона ОСНАЗ старший лейтенант Василий Козлов. Он грамотно выбирал позиции на высотах и добивался перехвата при полете самолета-разведчика. Пилот в свою очередь докладывал обо всем, что видел из кабины самолета: расположение частей, передвижение войск, проведение инженерных работ.

«От продолжительного нахождения на высотке, – вспоминал Василий Козлов, – от палящего солнца гимнастерка на спине выгорела до белизны простыни. А на животе была первоначального цвета хаки. Пищу готовить было некогда и негде, мне ее приносили, питался

вкусно. Но и работал, не зная перерыва. Я был рад тому, что добытые мною данные послужили благому делу Победы».

По докладам фашистских летчиков проверялось и качество маскировки наших войск. Однако фашистские пилоты не докладывали своему командованию о переброске наших соединений. И это радовало. Основываясь на этих данных, маршалы Жуков и Василевский докладывали Сталину: «Наши части, как предусмотрено планом, сосредотачиваются в назначенных районах и, судя по всему, разведка противника их не обнаружила. Нами приняты меры к еще большей скрытности передвижений сил и средств».

К началу контрнаступления дивизионы ОСНАЗ сумели достаточно полно и детально вскрыть группировку противника перед Сталинградским, Донским и Юго-Западным фронтами. 19 ноября 1942 года началось контрнаступление. Теперь главная задача для радиоразведки – боевая деятельность фашистских войск, его потери в живой силе и технике, предупреждение своих контратаках немцев, о переброске резервов.

Вот каково было содержание перехваченных радиোগрамм в те дни:

20 ноября: «Вынуждены отступить. Танки противника справа и слева. Не хватает боеприпасов и продовольствия».

22 ноября: «Весь фронт 5-й дивизии дезорганизован. Связаться с 15-й дивизией тяжело».

«Прибывшие с передовой офицеры сообщают о крайне тяжелом положении. Необходимо отстранить некоторых руководящих генералов».

20–23 ноября радиоразведка засекала переброску из-под Сталинграда в район прорыва в 44 км юго-восточнее Клетской 24-й танковой дивизии.

22–24 ноября было сообщено нашему командованию, что с Северного Кавказа на аэродром Тацинская передислоцирована 1-я штурмовая эскадра, 1-я и 2-я группы бомбардировочной эскадрильи «Эдельвейс».

23 ноября кольцо окружения фашистских войск в районе Сталинграда сомкнулось. В кольце оказались штабы 6-й армии, 4, 8, 51-го армейских и 14-го танкового корпусов и несколько дивизий.

В декабре немецкое командование предприняло отчаянные попытки деблокировать окруженную группировку. Теперь радиоразведка вскрывала состав сил немецких войск, которые гитлеровцы направляли для деблокирования 6-й армии.

Практически каждый день командующие фронтами получали доклады радиоразведчиков. 8 декабря. В районе Тормосина создана группировка войск из трех немецких дивизий из состава 48-го танкового корпуса. 10 декабря. В районе Котельниково сосредоточены части 6-й, 23-й танковых и 15-й пехотной дивизии 57-го танкового корпуса.

Эти войска входили в состав армейской группы «Гот», специально созданной для деблокирования окруженной группировки.

В числе первых радиоразведке удалось добыть сведения о том, что на этот участок фронта прибыл командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Манштейн.

С его прибытием радиоразведчикам 394-го радиодивизиона ОСНАЗ была поставлена не совсем обычная задача: создавать помехи, срывать связь между штабом 6-й окруженной немецкой армии и штабом войск генерал-фельдмаршала Манштейна.

Из войск связи фронта были доставлены передатчики, а на радиоразведчиков дивизиона возлагались задания по наведению и корректировке радиопомех, а также определению их эффективности.

Корректировку частоты передатчиков радисты передавали командами по выделенной телефонной линии условными сигналами. Эта работа требовала серьезных навыков и достаточного опыта. Однако радиоразведчики справились с заданием командования.

Для введения в заблуждение противника использовалась и дезинформация. Дивизиону был выделен радиопередатчик, по мощности сопоставимый с немецкой радиостанцией штаба

группы армий «Дон». Этот передатчик, используя соответствующие позывные, входил в связь с радиостанциями штаба окруженной 6-й армии Паулюса, принимал от них радиограммы и передавал им ложные послания. Было принято 86 оперативных радиограмм противника.

... 12 декабря немцы из района Котельниково перешли в наступление с целью прорваться к окруженной группировке в Сталинграде. Враг, пользуясь превосходством в силах, оттеснил 57-ю армию за реку Аксай, но дальше не продвинулся, был остановлен.

Теперь следовало разгадать следующий шаг противника. Радиоразведке ставится задача вскрыть дальнейшие намерения фашистов. И в этот решающий момент специалисты 561-го радиодивизиона добывают очень ценные сведения: немцы спешно перебрасывают в район Котельниково с правого берега Дона 17-ю танковую дивизию. Но возникали сомнения, дивизия прежде не воевала на этом участке фронта. И на не простой вопрос у радиоразведчиков нашелся ответ: она была переброшена под Сталинград из-под Орла, где прежде воевала против войск Брянского фронта.

Переброска 17-й дивизии говорила о готовности фашистов идти дальше, ведь до окруженной группировки, как казалось им, оставалось всего ничего, 40 километров. Но эти километры немцам не суждено было пройти. 19 ноября противник возобновил наступление, однако был остановлен войсками 2-й гвардейской и 51-й армий на реке Мышкова. 24–31 декабря полное поражение потерпела группа «Гот». 29 декабря советские войска овладели Котельниково и продолжили наступление.

В ходе ликвидации окруженной группировки в районе Сталинграда основную нагрузку несла радиоразведка Донского фронта. Она следила за деятельностью окруженных немецких войск. Специалисты ОСНАЗ первыми получали радиограммы, которые говорили о низком моральном состоянии фашистских войск, их обреченности и осознании безысходности своего положения. Вот лишь некоторые из них:

2 января. «Требую сегодня же довести до сведения солдат приказ о необходимости снижения хлебной нормы».

8 января. «Доставить в суд дивизии унтер-офицера Бретшнайдера и ефрейтора Шварца за проступки, позорящие немецкую армию».

12 января. «Наша пехота отступает. Надо задержать всех и снова повести вперед».

«Наши танки в беспорядке отступают. Срочно жду помощи. Русские на высоте 111.5. Все погибло».

Спустя годы командующего 64-й армией генерал-полковника Михаила Шумилова спросят, какой день был самым радостным для него в Сталинграде. Командарм ответил так: «31 января 1942 года, когда передо мною сидел Паулюс, первый генерал-фельдмаршал гитлеровской армии, взятый в плен Красной армией, точнее, 64-й армией».

Этот радостный для генерала Шумилова, да и для всех наших войск, день приближали и радиоразведчики. Со своей задачей, по мнению командования, они справились. Порукой этому награды Родины.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1942 года 394-й и 561-й отдельные дивизионы ОСНАЗ были награждены орденами Красного Знамени.

«Каждый осназовец нашей части, – говорил старшина Иван Захаров, – испытывал чувство сопричастности к победе на Волге».

Хорошие слова. И к ним вряд ли надо что-либо добавлять.

Создать маневренную группу...

В одном из своих приказов Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин назвал разведку «глазами и ушами армии». Надо признать, что тот, кто готовил текст приказа, попал в десятку. Более точного определения не найти. И если «глаза» это, скорее всего, воздушная, полковая и дивизионная пешие разведки, то «уши» – несомненно радиоразведка.

Так вот майор Константин Подовинников всегда считал, что «уши» разведки должны быть непосредственно в войсках. Возможно, эта его убежденность каким-то образом дошла до начальства, и теперь отозванный с Северо-Кавказского фронта он ехал в Москву и терялся в догадках.

Вскоре все прояснилось. Командир 1-го отдельного радиополка ОСНАЗ полковник Иван Миронов, старый сослуживец по довоенной службе в Ленинградском военном округе, объяснил: создается маневренная группа для ведения разведки в тактическом звене. И он, Константин Подовинников, уже имеющий опыт руководства радиодивизионом во фронтовых условиях, назначается командиром этой маневренной группы.

По сути, маневренная группа была тем же радиодивизионом, только сокращенного состава. Численность – 180 человек, из них 15 офицеров. На вооружении в основном легкая переносная техника: радиоприемники «Вираз», рамочные радиопеленгаторы «Штопор», средства радиоперехвата в УКВ диапазоне, станции подслушивания телефонных разговоров по проводам, а также средства проводной и радиосвязи.

Структура группы уже привычная – управление, оперативное отделение, приемный центр, три радиопеленгаторных пункта, узел связи, подразделения обеспечения и обслуживания.

И тем не мене, как подчеркивал полковник Иван Миронов, мангруппа – подразделение экспериментальное. Она и вправду стала прообразом будущего армейского радиобатальона. Опыт же ее деятельности послужил основой для создания в 1944 году армейских групп ближней радиоразведки.

Когда Подовинников прибыл в Москву, маневренная группа уже была практически сформирована. На сколачивание части отвели два дня, и уже 5 мая 1943 года группа убыла на фронт. Цель назначения – штаб 50-й армии. Он располагался в двух километрах от линии соприкосновения с противником на севере орловского выступа между Калугой и Брянском. Армией командовал генерал-лейтенант И. Болдин.

Северный участок орловского выступа обороняла 2-й танковая армия фашистов, а южный – 9-я армия.

Перед фронтом 50-й армии была создана глубоко эшелонированная оборона немцев. Фашисты строго придерживались режима радиомолчания. Радиоразведчикам мангруппы приходилось искать источники информации в основном в радиосетях батальонов и полков переднего края. Радиостанции этих частей и подразделений время от времени выходили на связь в УКВ диапазоне.

Немецкая разведывательная авиация, наоборот, активно использовала радиосвязь. Радиоперехват этих донесений давал возможность получать важные сведения.

Пеленгаторные средства группы разворачивались поближе к командным пунктам наших стрелковых батальонов, а управление, как правило, размещалось в районе КП одного из полков.

Два месяца мангруппа вела разведку в условиях обороны. За это время удалось установить или подтвердить расположение батальонных, полковых и дивизионных пунктов управления в полосе 55-го армейского корпуса немцев, уточнить границы районов обороны корпуса и входящих в его состав дивизий.

Ценные сведения добывались путем подслушивания телефонных разговоров по проводам. Особенно это удавалось в тех местах, где расстояние между передовыми позициями

немецких и советских войск было небольшим.

Делалось это следующим образом. Проводилась разведка боем, в ходе которой на территорию, занятую противником, забрасывались «усы» от станции подслушивания СП-5. Если «усы» попадали недалеко от немецких проводных линий связи, то возникала реальная возможность телефонного подслушивания.

Уходя в ночные рейды, разведчики также затаскивали «усы» на вражескую территорию.

Другим важным источником получения развединформации была радиосвязь немецкой авиации. Она давала возможность не только определить границы ответственности соединений, но и засекал, что же видит враг в расположении наших войск.

Командование армии с помощью мангруппы организовало активное противодействие немецкой разведке. На одном из аэродромов всегда дежурило звено истребителей. Связь с летчиками постоянно поддерживали радиоразведчики мангруппы. «Слухачи» сообщали на аэродром о каждом вылете немецкого самолета-разведчика. И это сообщение являлось по сути командой на взлет.

... В конце июня маневренная группа Подовинникова была переподчинена 11-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Ивана Баграмяна. Она оказалась на направлении главного удара Западного фронта в орловской операции. 12 июля 1943 года войска армии перешли в наступление. Резко изменилась радиообстановка. На полную мощь заработали войсковые радиостанции. Возросло значение открытого радиоперехвата, который давал сведения о положении в атакуемых войсках.

В ходе наступления маневренная группа находилась в передовых эшелонах войск. Она вошла вместе с ними в прорыв в направлении города Карачева при окружении орловской группировки врага.

«По оценке начальника разведки 11-й общевойсковой армии, полковника Лобанова, – вспоминал командир мангруппы Константин Подовинников, – сведения, добываемые группой, являлись весьма ценными и часто помогали командованию принимать правильные решения.

Мне вспоминается случай, когда в районе Карачева один опорный пункт немцев оказал упорное сопротивление, сдерживая продвижение наших войск. Было принято решение применить для его подавления бомбардировочную авиацию. Буквально за несколько минут до вылета бомбардировщиков нам удалось перехватить немецкую радиограмму о том, что противник выбит из опорного пункта, и он занят советскими войсками. Мы успели вовремя передать это сообщение в разведотдел армии и предотвратить, таким образом, бомбовый удар, который пришелся бы по своим войскам».

После армии Баграмяна маневренная группа работала в интересах 11-й общевойсковой армии под командованием генерал-лейтенанта И. Федюнинского, а потом оказалась в подчинении штаба 63-й армии генерал-лейтенанта В. Колпакчи. Мангруппа принимала участие в освобождении Брянска, Унечи, Гомеля.

В декабре 1943 года маневренная группа была преобразована в 545-й отдельный радиодивизион ОСНАЗ Белорусского фронта. Константин Подовинников передал командование дивизионом майору Константину Гудкову, сам же убыл в Москву, где вскоре принял 1-й радиодивизион 1-го отдельного полка ОСНАЗ.

В те дни, когда мангруппа Подовинникова, по сути, прекратила свое существование, 370-й радиодивизион, действующий в интересах Отдельной Приморской армии, образовал две маневренные группы.

Дело в том, что войска Приморской армии совместно с кораблями Азовской флотилии провели Керченскую десантную операцию и захватили плацдарм севернее Керчи. Для ведения радиоразведки на этот плацдарм и были переброшены две маневренные группы.

Фашисты предпринимали яростные попытки сбросить наши войска с плацдарма. В воздухе свирепствовала немецкая авиация. И бороться с ней было крайне трудно.

Гитлеровские бомбардировщики базировались в западном Крыму на аэродроме города Саки. Подлетное время до наших позиций на Керченском полуострове всего полчаса. Это затрудняло обнаружение бомбардировщиков и не оставляло времени на организацию противодействия.

Еще ближе от Керченского полуострова на аэродроме Марфовка располагалась 52-я фашистская истребительная эскадрилья. Ее самолеты стартовали, когда бомбардировщики подходили к Керченскому плацдарму и прикрывали их с воздуха.

Наши истребители базировались на Тамани, а передовой командный пункт 4-й воздушной армии находился на плацдарме. Однако несмотря на это времени для организации противовоздушной защиты наших войск совершенно не хватало.

Перед маневренной группой 370-го радиодивизиона была поставлена задача – найти возможность более раннего обнаружения взлета немецких бомбардировщиков. Для этого мангруппу разместили рядом с КП 4-й воздушной армии.

В состав группы входили офицеры-переводчики Борис Олейник и Сергей Немой.

Радиоразведчикам удалось установить, что, поднявшись в воздух, немецкие бомбардировщики связываются на волнах УКВ с аэродромом, на котором базируются истребители. Они передают кодированные указания – в какой район и сколько направить истребителей для прикрытия. Разобравшись с немецкой системой кодирования спецмангруппы доложили на КП воздушной армии о своих разработках.

Вскоре на практике представилась возможность доказать свое мастерство. В один из дней с аэродрома Саки поднялись немецкие бомбардировщики и взяли курс на Керченский полуостров. Следующий их шаг был просчитан: они связались с аэродромом в Марфовке и запросили истребители для прикрытия. Об этом немедленно было доложено на КП воздушной армии.

Тотчас же в небо взмыли наши истребители, только в большем количестве, чем у немцев. Они атаковали фашистов. Среди немецких летчиков началась паника. Пилоты бомбардировщиков истошно кричали в эфир и просили защиты. Немецкая бомбардировка была полностью сорвана с большими потерями для противника.

Офицеров мангруппы Олейника и Немого пригласили на КП воздушной армии, где командарм генерал К. Вершинин поблагодарил их и вручил ордена Красного Знамени.

Эта маневренная группа до мая 1944 года продолжала вести разведку в интересах воздушной армии, помогая нашим пилотам уничтожать фашистов.

... 10 апреля, накануне перехода Приморской армии в наступление, на переднем крае в полосе 16-го гвардейского корпуса генерала К. Привалова находилась вторая маневренная группа 370-го радиодивизиона. Ею руководил старший лейтенант Григорий Долгин.

Группа располагалась в блиндаже. На вооружении была советская и немецкая трофейная аппаратура радиоперехвата. Переводчик капитан Иван Романцев следил за радиотелефонными переговорами немцев.

Ночью резко сократились радиотелефонные переговоры. Радист Григорий Дробот доложил об этом командиру. Долгин приказал усилить внимание.

Поздно ночью Романцев в наушниках услышал голос немца:

– Адлер, я Адлер-один. Наших здесь никого нет. Собирайся и ты.

– Адлер-один, я Адлер. Вас понял. Через час-полтора снимусь. Спасибо.

Романцев разбудил Долгина. Они сидели, повторяли фразы немцев. Было сомнение, а вдруг это дезинформация. Ошибаться нельзя. Сейчас они доложат, что враг покидает позиции, артподготовку отменяют, и тогда поднимутся в атаку наши... Долгин зябко повел плечами, представив, чем обернется их просчет для наших солдат и офицеров.

И тем не менее, поразмыслив, пришли к мнению, что это не дезинформация.

Тем временем из штаба дивизиона командующему армией генералу А. Еременко

докладывали о данных радиоразведки. Теперь задумался командарм:

– Вы уверены, что противник оставляет Керченский полуостров? – спросил он радиоразведчика. – Если так, то мы отменим артподготовку и двинем войска вперед. Но кто будет отвечать за неудачу?

Представитель дивизиона подтвердил информацию, но попросил для проверки выслать вперед разведчиков.

Разведчики проникли в тыл врага. На глубину в три километра они не встретили ни одного немца.

Так подтвердились данные разведчиков маневренной группы.

Горячее лето 1943-го

Перед наступлением на Курской дуге Гитлер издал приказ. Обращаясь к войскам, участвующим в операции, он призывал: «Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом... Могучий удар, который будет нанесен по советским армиям, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этого сражения может зависеть все...»

Фашисты жестоко просчитались. На южном крыле Курской дуги немецкие войска в течение шести дней предпринимали отчаянные попытки ударами танковых дивизий прорваться в направлении Томаровки, Обояни, Курска.

Самолеты-разведчики постоянно следили за полем боя. В немецких штабах от них ждали сообщений об отходе советских войск. Но доклады были иные: отхода частей Красной армии не наблюдалось. Фашистские дивизии всюду несли значительные потери.

Безуспешные попытки добиться успеха заставили противника во второй половине дня 11 июля начать перегруппировку своих дивизий для нанесения удара на Прохоровку. Однако об этом замысле немцев советскому командованию пока ничего не было известно.

... Ночью с 11 на 12 июля командующий Воронежским фронтом генерал армии Николай Ватутин отдавал приказ командарму 5-й танковой армии Павлу Ротмистрову на переброску войск из Прохоровки на Обоянь.

В это время в землянку командующего вошел начальник разведки фронта генерал Виноградов. Он был взволнован. Услышав разговор Ватутина с Ротмистровым, разведчик обратился к генералу армии.

– Товарищ командующий, этого делать нельзя.

Ватутин удивленно вскинул брови.

– Четыре танковые дивизии противника повернули с обояньского направления и продвигаются в сторону Прохоровки.

– Откуда такие данные? – уточнил командующий.

– Сведения радиоразведки и нашего воздушного разведчика. Он видел колонны примерно в 400–500 танков, которые движутся в направлении Прохоровки.

Ватутин посоветовался с членом военного совета, начальником штаба, задал уточняющий вопрос Виноградову: можно ли доверять данным разведки? Получив утвердительный ответ, он отменил приказ о переброске 5-й танковой армии на обояньское направление и нацелил Ротмистрова на подготовку войск к бою с вражескими танковыми частями.

После доклада командующему фронтом едва генерал Виноградов успел покинуть землянку, как увидел бегущего навстречу ему начальника отделения радиоразведки Шадрин. В руках у него было донесение. Оказывается, в районе сосредоточения 5-й армии Ротмистрова

немецкий самолет-разведчик обнаружил наши танки, замаскированные под копны соломы. Вражеский разведчик насчитал до 500 танков. Об этом он и передал на землю. Радиограмму перехватили наши радиоразведчики.

Пришлось генералу Виноградову вновь возвращаться в землянку командующего фронтом. Ватутин приказал командарму 2-й воздушной армии генералу Красовскому поднять истребители и не допустить бомбардировки танкистов. Что и было сделано.

...12 июля 1943 года началось знаменитое танковое сражение у Прохоровки. В наступление перешли Брянский и Западный фронты. Они в первый же день на нескольких участках мощными ударами взломали оборону немецкой армии и стали развивать наступление в глубину. 15 июля перешел в наступление Центральный фронт. 16 июля фашистское командование начало отводить свои войска на южном фланге Курского выступа.

Воронежский фронт и введенные в сражение войска Степного фронта начали преследование противника.

Третье летнее наступление немецко-фашистской армии на Восточном фронте провалилось. Действительно, прав был Гитлер, когда в своем приказе писал, что «от исхода этого сражения может зависеть все». Так оно, собственно, и случилось.

Отрадно осознавать, что в этом решающем, переломном поединке Великой Отечественной войны очень важную роль сыграла радио-разведка Красной армии.

В Курской битве участие принимали несколько дивизионов ОСНАЗ – 347-й Брянского, 394-й Центрального, 313-й Воронежского, 480-й Западного и 442-й Степного фронтов.

На протяжении трех месяцев, предшествующих сражению, немцы применяли свою излюбленную тактику – в сухопутных войсках практически полностью перешли к проводной связи и уже в апреле ввели режим радиомолчания, как средство оперативной маскировки будущего крупного наступления. Перед Брянским, Воронежским и Западными фронтами радиосвязь была практически прекращена. Работали только бортовые радиостанции самолетов и радиосети зенитной артиллерии.

Полковник в отставке Павел Гнутиков, в период Курской битвы командир радиоприемного центра 313-го дивизиона ОСНАЗ, так вспоминал те события: «Примерно с середины апреля резко упала активность работы радиосетей противника.

Натолкнувшись на хорошо организованную жесткую оборону наших войск, противник был вынужден прекратить наступление и перейти к обороне. Его радиосвязь почти замерла. Даже на проверку связи радиостанции стали выходить очень редко, как правило, без позывных и на время, исчисляемое секундами.

Это означало, что противник перешел к управлению войсками, используя преимущественно проводно-кабельную связь.

В таких условиях вести радиоразведку сухопутных войск стало затруднительно.

Зато с этого времени немцы активизировали свою авиаразведку. Самолеты-разведчики подолгу кружили над участками нашей обороны, и вражеские летчики с борта доносили на свои КП о видимых целях. Передачи велись на УКВ в микрофонном режиме, в кодированном виде, а иногда и открытым текстом. За такими передачами мы тщательно следили».

Гитлеровская наступательная операция «Цитадель» предусматривала одновременное нанесение двух встречных ударов в направлении на Курск – из района Орла на юг и из района Харькова на север с задачей – окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов.

К проведению операции враг готовился тщательно. Особенно большое внимание уделялось сосредоточению танковых соединений. Стягивались крупные силы авиации.

Таким образом, к операции «Цитадель» германское командование привлекало 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Генерал Ф. Меллентин, начальник штаба 48-го танкового корпуса, считал, что «ни одно наступление не было так тщательно

подготовлено, как это».

Готовилась к предстоящим боям и Красная армия. Ставка намечала в летне-осенней компании разгромить группы армий «Центр» и «Юг», освободить левобережную Украину, Донбасс, восточные районы Белоруссии и выйти на линию Смоленск, река Сож, среднее и нижнее течение Днепра. В этом наступлении должны были участвовать войска нескольких фронтов – Брянского, Центрального, Воронежского, Степного, левого крыла Западного и часть сил Юго-Западного.

Главные усилия предполагалось сосредоточить на юго-западном направлении с целью разгромить немецкие войска в районах Орла и Харькова, Курской дуги.

В свою очередь накапливала силы и радиоразведка. Ей предстояло обеспечивать боевые действия в ходе сражения. С Северного Кавказа на Курскую дугу был передислоцирован 442-й дивизион ОСНАЗ. С июля 1943 года он вошел в состав Степного фронта.

Режим радиомолчания, применяемый фашистами, значительно сократил источники получения информации. Однако штабам советских фронтов нужны были разведанные. Словом, жизнь, фронтовая действительность заставляли искать иные источники информации. Какие? Да те же немецкие самолеты ближней авиационной разведки. К тому времени наши радиоразведчики научились следить за группировкой противника и определять полосы действий его армий, корпусов, дивизий. Впервые такая возможность была открыта радиоразведчиками 347-го дивизиона ОСНАЗ Брянского фронта еще в мае 1942 года. Теперь этот опыт был использован здесь, на Курской дуге. Анализ выявил строгие закономерности в организации и ведении авиационной разведки. Было установлено, что фашисты имеют специальные авиационные части ближней воздушной разведки, которые придают общевойсковым и танковым армиям. Обнаружить такую часть – означало установить наличие армии в оперативном построении противника. В свою очередь, определение полосы разведки авиачасти давало возможность вскрыть полосу действия армии. Дальнейшая работа выявила, что армейская полоса воздушной разведки делится по фронту еще на две-три полосы, каждая из которых подразделяется на три-четыре более узкие полосы. Эти полосы и соответствовали полосам действий корпусов первого эшелона армии и их дивизий.

Донесения самолета-разведчика были жестко привязаны к полосам. Так, к примеру, облетая передний край, пилот адресовал свои донесения «Грете», «Гансу», «Кларе». Облетев часть маршрута, он предлагал «Кларе» отключиться и вместо нее адресовал донесения «Фрицу», а также по-прежнему «Грете» и «Гансу».

Дальше корреспонденты сменялись следующим образом: «Грета» – «Ганс» – вместо «Фрица», шел «Франц» или «Грета» – а вместо «Ганса» – «Оскар».

Словом, пилот докладывал обо всем, что видел, сразу нескольким радиостанциям. Одна из них на протяжении всего полета получала полный комплекс донесений, остальные менялись, в зависимости от того, в чью полосу входил самолет. Стало быть, первая станция принадлежала штабу армии, остальные, например, штабам дивизий.

Самолет-разведчик, разумеется, привязывал обнаруженные объекты к местности и к карте. А это означало, что, вскрыв кодировку карты, можно установить и разделительные линии корпусов и дивизий.

Так были вскрыты закономерности в организации и ведении немецкой авиационной разведки и заложенных в ее радиосвязи разведывательных признаков. Эту работу можно признать крупнейшим достижением радиоразведки Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

Метод помог накануне Курской битвы установить изменение полосы разведки дальней авиации в интересах группы армий «Центр». На базе полученной информации в апреле 1943 года был сделан вывод о передвижении ее правой границы к югу и переподчинении 2-й армии из группы «Юг» в группу армий «Центр», что подтверждало сосредоточение основных усилий

противника на курском направлении.

В 1943 году установилось более тесное сотрудничество радиоразведки фронтов с разведкой воздушных армий. Дело в том, что воздушная разведка имела реальные возможности определить на аэродромах противника количество и типы самолетов, однако не могла узнать, какие именно авиационные части базируются на них.

В свою очередь радиоразведке было сложно вскрыть количественный состав самолетов, а вот по таблицам принадлежности позывных вскрыть нумерацию авиационных подразделений не составляло большого труда.

Взаимодействие этих двух разведок помогло с высокой точностью выявлять нумерацию частей противника и устанавливать количество самолетов.

Надо признать, что радиоразведка нередко первой отслеживала передвижения вражеских войск, вскрывала их новую конфигурацию.

Примером может служить информация, добытая «слухачами» 347-го дивизиона ОСНАЗ Брянского фронта в начале апреля 1943 года. Так вот, в эти дни радиоразведчики озадачили руководство. Они доложили, что на орловском выступе, который по хорошо проверенным данным обороняла 2-я танковая армия, появилась еще одна армия, и ей к тому же выделена более узкая часть полосы обороны 2-й танковой. Новая армия занимала эту узкую полосу южнее и юго-западнее Орла.

Подтвердить информацию другими видами разведки пока не удавалось, и у командования закрались сомнения: не фашистская ли это дезинформация? Стали разбираться, анализировать.

Оказывается, что до марта 1943 года на всем орловском выступе действовала хорошо изученная авиационная группа ближней разведки. Базировалась она в районе Орла, и это говорило об одном – орловский выступ входит в полосу 2-й танковой армии.

И вдруг в конце марта эта группа сократила свою полосу разведки. Ее самолеты теперь совершали полеты в районах севернее Малоархангельска. Несколько дней ближняя разведка к западу от Малоархангельска не велась вообще. Затем в этой полосе появились самолеты другой авиационной группы. Они отличались от прежних по позывным, характеру связи и другим признакам.

Наблюдение продолжилось. Вскоре стало ясно: новая авиагруппа весьма похожа на ту, которая обслуживала полосу 2-й танковой армии, но базировалась в районе Брянска.

Более того, удалось установить, что новая армия имеет в первом эшелоне три корпуса.

А вскоре вывод радиоразведки о создании севернее Курска наступательной группировки подтвердился. Действительно сюда была перебросена 9-я армия, ранее воевавшая в районе Ржева.

Таким образом, еще весной, за три месяца до сражения удалось вскрыть элементы оперативного замысла фашистов в наступательной операции «Цитадель», выявить новую ударную группировку, ее состав, полосы армии и ее соединений.

Научились наши радиоразведчики разгадывать и тематику разведполетов немецкой авиации. Если дальний разведчик, пролетая по тылам фронта, передавал данные об эшелонах на железной дороге, значит, фашистов интересовала интенсивность наших перевозок. А ежели пилот доносил о состоянии переправ, это означало, что противник следит за возможной подготовкой удара на этом участке.

В июне 1943 года 394-й дивизион ОСНАЗ Центрального фронта отметил интенсивность немецкой авиационной разведки южнее линии Малоархангельск – Тросна. Самолеты-разведчики вели активное наблюдение за путями подвоза, аэродромами, боевыми порядками советских войск. 4 июля радиоразведка установила: три корпуса 9-й армии сосредоточились южнее Орла, как раз в том районе, где вражеская авиаразведка проявляла активность. Значит, главный удар врага следовало ожидать именно в этой полосе.

Несмотря на режим радиомолчания, 313-й дивизион добывал сведения о группировках как сухопутных войск противника, так и их авиации. С апреля по июнь 1943 года дивизионом была выявлена переброска с Юго-Западного фронта в район Белгорода и Харькова четырех танковых дивизий, а также авиационных соединений и частей.

Перехват донесений с немецких самолетов авиационной разведки дал возможность специалистам дивизиона установить концентрацию вражеских войск и сделать вывод: главным направлением удара немцев будет Белгород, Обоянь, Короча.

Радиоразведка на белгородском направлении перед началом наступления определила местоположение штабов 4-й армии, трех армейских корпусов и нескольких дивизий. Это были основные силы немцев для удара в северном направлении.

Оперативно сработала и радиоразведка Воронежского фронта, которая 4 июля доложила о наличии в исходном районе Белгород – Томаровка шести танковых и двух пехотных дивизий. В этот же день «слухачи» дивизиона засекли выдвижение частей противника с рубежа Зыбино – Томаровка. Развединформация оказалась весьма ценной, ведь она свидетельствовала о непосредственной подготовке немцев к наступлению. Важными оказались сведения и об авиации фашистов. К началу июля радиоразведка установила переброску нескольких авиационных частей на аэродромы центрального направления. 28 июня на аэродромы Орла и Орши была перебазирована 28-я бомбардировочная эскадра, которая прежде располагалась на острове Сицилия.

На следующий день в районе Смоленска разместилась 14-я разведывательная группа самолетов дальнего действия. 2 июля из Крыма на Харьковский аэродром прибыл отряд пикирующих бомбардировщиков. Таким образом, центральное направление было усилено бомбардировщиками и самолетами-разведчиками с других фронтов. 5 июля радиообстановка в корне изменилась. Враг перешел в наступление и снял все ограничения в использовании радиосвязи. В эфир вышли тысячи немецких радиостанций. Только на орловском выступе заработало более 5 тысяч радиостанций.

Теперь нашим разведчикам следовало срочно разобраться в этом огромном многообразии вражеских станций, выявить радиосети, определить принадлежность и место источников в боевых порядках фашистов. Словом, предстояло наладить разведку радиосетей сухопутных сил противника.

Задача была не из легких. Ведь с первых часов наступления немцев советское командование требовало от разведки данных о группировке, действиях и даже намерениях противника.

К чести радиоразведчиков, армейские и корпусные штабы удалось выявить в первые сутки.

Сложнее обстояло дело с дивизионными штабами. Ведь плотность немецких войск была столь велика, что порою дивизии занимали узкие полосы всего в 3–4 км. А это крайне затрудняло определение местонахождения штабов. В ударной группировке, которая находилась южнее Орла, насчитывалось 12 дивизий. И все они наступали на фронте шириной 38 километров.

Основное внимание уделялось разведке танковых дивизий – главной ударной силы фашистов. На выявление дивизионных радиосетей ушло трое суток.

... Наступление немцев не достигло цели. Выдержав удар противника, наши войска перешли в контрнаступление. Войска Брянского и Западного фронтов нанесли удары по флангам 2-й танковой армии 12 июля, а части Центрального фронта перешли в контрнаступление 15 июля.

Уже на второй день наступления радиоразведка выявила готовую к переброске в район Волхова 18-й танковой дивизии, которая прежде шла на Курск с севера. На следующий день эта дивизия была введена в бой в районе, который указала радиоразведка. 14 июля «слухачи»

дивизиона ОСНАЗ засекали подготовку к передислокации 20-й танковой дивизии в этот же район и 2-й танковой восточнее Орла.

Три танковые дивизии, переброшенные в этот район, могли свидетельствовать о том, что враг отреагировал таким образом на успешное наступление советских войск. Более того, стало ясно, что немцы готовы отказаться от своего первоначального замысла и ослабить ударную группировку для сдерживания наших наступающих частей. 16 июля в район восточнее Орла прибыла 8-я танковая дивизия, ранее дислоцированная под Витебском. Однако дела фашистов на левом фланге 2-й танковой армии становились все хуже, и фашисты уже 18 июля перебрали в район Волхова 9-ю танковую дивизию.

Потом была передислокация еще двух дивизий в этот район, а также в район Орла.

Всего радиоразведка вскрыла переброску 13 дивизий фашистов на угрожаемые направления.

Надо отметить, что в ходе Курской битвы перехват сообщений с немецких самолетов-разведчиков помогал оценивать обстановку на фронте не только по донесениям своих войск, но и по информации противника.

Примером тому может служить боевая ситуация, сложившаяся вскоре после перехода войск Брянского фронта в наступление на Орел. Тогда в сражение была введена 3-я танковая армия под командованием генерала Павла Рыбалко. К сожалению, в первый же день наступления связь КП фронта со штабом армии оказалась потерянной. Командование не имело сведений о положении наступающих частей.

Выручила радиоразведка. Она перехватывала донесения с борта вражеских самолетов-разведчиков, которые докладывали о положении наших войск, и ставила в известность командование фронтом. 5 августа 1943 года Курская битва завершилась. Москва впервые салютовала в честь освобождения городов Орла и Белгорода. Наряду с другими воинами Красной армии свой вклад в победу внесли и радиоразведчики.

«НКВД считает целесообразным...»

14 декабря 1942 года народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия написал примечательное письмо. Оно адресовалось лично Сталину и было исполнено в единственном экземпляре.

«Красная армия... – сообщал Берия, – совершенно не занимается забивкой радиостанций противника, действующих на поле боя, несмотря на наличие к этому благоприятных условий.

В частности, нам известно, что радиостанции частей германской армии, окруженных в районе Сталинграда, держат связь со своим руководством, находящимся вне окружения...»

Берия был прав. Попытки нарушения радиосвязи немцев путем создания радиопомех предпринимались под Ельней в сентябре 1941 года, под Сталинградом зимой 1942 года. Однако это были единичные случаи, и они в конечном итоге оказались малоэффективными.

Что же предлагал народный комиссар внутренних дел?

«НКВД СССР, – писал в своем письме Л. Берия, – считает целесообразным организовать в Красной армии специальную службу по забивке немецких радиостанций, действующих на поле боя.

Для осуществления указанных мероприятий необходимо в составе управления войсковой разведки Генерального штаба Красной армии сформировать три специальных радиодивизиона со средствами мешающего действия, рассчитанными для забивки основных радиостанций важнейших группировок противника».

Шла война, и времени на раскачку не было. Уже через два дня, 16 декабря,

Государственный Комитет Обороны принял постановление о создании трех специальных частей радиопомех. 17 декабря издается директива заместителя наркома обороны о формировании 130, 131 и 132-го отдельных радиодивизионов СПЕЦНАЗ.

Позже, в июле 1944 года создается еще один дивизион – 226-й.

Работу по формированию первых частей радиопомех возглавил подполковник Михаил Рогаткин. Он стал начальником отдела радиопомех управления войсковой разведки ГРУ.

О Михаиле Ивановиче Рогаткине хотелось бы сказать особо. После войны он станет генерал-майором, лауреатом Ленинской премии, заместителем начальника управления. Вспоминая о нем, генерал Петр Шмырев всякий раз будет подчеркивать, что Рогаткин всегда был крайне чувствителен ко всему новому, передовому, поддерживал это новое, защищал, внедрял в жизнь.

В послевоенные годы именно Рогаткин обосновал необходимость создания нового направления – радиотехнической разведки, главными объектами которой стали радиолокационные и иные средства управления оружием.

В 50-е годы Михаил Иванович доказал своевременность появления самостоятельного органа по руководству радио- и радиотехнической разведкой. Так в 1955 году было организовано 6-е управление ГРУ Рогаткин – инициатор формирования воздушной радиотехнической разведки. Он был одним из первых, кто почувствовал перспективность ведения разведки из космоса и выступал за развертывание Центра космической разведки.

Доктор технических наук, профессор Александр Горелик вспоминает, что именно Рогаткин поддержал его предложения в 1963 году.

«Анализ возможных информационных каналов, – говорит он, – предназначенных для получения информации о распознаваемых космических объектах показал, что кроме радиолокационных и оптических средств... может быть использована и радиотехническая информация.

Автор (А. Горелик. – М. Б.) в конце 1963 года обратился в ГРУ ГШ, так как именно оно занималось проблемами радиотехнической разведки, где нашел (редкий случай!) полную поддержку заместителя начальника управления радио- и радиотехнической разведки генерал-майора Михаила Ивановича Рогаткина».

Но все это будет потом, после войны. И Михаил Иванович по праву останется в истории как создатель и основатель системы радиопомех, которая сегодня носит название службы радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Кстати говоря, служба РЭБ станет первой, которая вырастет «из шинели радиоразведки», отпочкуется от нее и обретет самостоятельность. В 50-е годы таким же образом из недр радиоразведки появится служба специального контроля за ядерными взрывами, а в 60-е – космическая разведка. Но о них рассказ впереди. А сейчас вернемся в 1942 год к дивизионам радиопомех.

Итак, по штату дивизионы СПЕЦНАЗ имели личного состава до 200 человек, в том числе 32 офицера. На вооружении состояли автомобильные радиостанции, оборудованные приставками для создания радиопомех, радиоприемники «Виразж» и «Чайка», радиопеленгаторы «Штопор». Дивизионы также оснащались мощными железнодорожными станциями радиопомех «Пчела».

Части радиопомех не только были рождены радиоразведкой, но и остались с ней своего рода сиамскими близнецами. Без радиоразведки они самостоятельно существовать не могли. Радиоразведка как мать давала им пищу для жизни.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что чем ближе и теснее взаимодействие радиоразведки и службы радиопомех, тем эффективнее подавление радиосвязи противника.

В ту пору отсутствовали ведомственные барьеры, взаимодействие осуществлялось на уровне оперативных отделений частей радиоразведки и радиопомех.

«После формирования дивизиона в Москве, в районе Останкино, – вспоминает командир

132-го дивизиона радиопомех полковник в отставке Алексей Бушуев, – мы выехали на фронт. Располагались в деревне Сидоровка, недалеко от ставшей потом знаменитой Прохоровки. Оттуда и вели забивку немецких радиостанций.

Было сложно. Опыт дался не сразу. Надо ведь обнаружить радиосети противника, настроиться и сорвать вражескую связь.

Нас выручала родная радиоразведка. Рядом находился 113-й дивизион ОСНАЗ, которым командовал мой товарищ Петр Костин. Благодаря ему я получал необходимую информацию, он всячески помогал нам.

Вот так создавали помехи. Противник нервничал. Знаете, когда немцы ругались, кричали в эфир: «русские свиньи», для нас это было лучшей похвалой. Значит, наша забивка достигала цели».

Первый опыт применения только что созданных дивизионов радиопомех был осуществлен в ходе операции «Полярная звезда» войсками Северо-Западного фронта против немецкой группы армий «Север». 131-й отдельный дивизион помех прибыл на фронт в феврале 1943 года. Место для развертывания было выбрано в районе поселка Селище. Дивизион создавал помехи радиосвязи штабов группы армий «Север», 16-й и 18-й армий, 6, 9, 10 и 27-го армейских корпусов, а также авиации 1-го воздушного флота и частям зенитной артиллерии.

В течение трех месяцев – с февраля по апрель – дивизион сорвал или затруднил прием около 500 радиограмм и нарушил более тысячи сеансов радиосвязи. 132-й дивизион Алексея Бушуева в ходе Курской битвы создавал радиопомехи в районе юго-восточнее Белгорода. Объектами помех была радиосвязь 4-й танковой армии, штабов танковых и пехотных корпусов и дивизий, наступающих на Прохоровку. Операторы помеховых станций срывали за смену до сотни радиосвязей противника.

В ходе последующего наступления дивизион ставил помехи радиосвязи штабов 8-й полевой и 4-й танковой армии, 48-го армейского корпуса, а также забивал связь с авиацией.

В течение Курской битвы и в последующих наступательных операциях 132-й дивизион выставил помехи и сорвал передачу свыше 3500 радиограмм гитлеровцев. Порою передачу некоторых радиограмм немцам приходилось повторять по 15-20 раз. Все это существенно затрудняло управление войсками противника по радиосвязи.

Этот же дивизион подавлял радиосвязь соединений группы армий «Северная Украина» в период проведения Львовско-Сандомирской операции 1-го Украинского фронта в июле – августе 1944 года.

Особенно отличились специалисты части в ходе Висло-Одерской операции в январе-феврале 1945 года, когда наши войска окружили группировку фашистов в городе-крепости Бреслау и в городе Глогау. Дело в том, что по наблюдению разведки 5-й и 6-й армий, которые взяли в кольцо эти города, снабжение окруженной группировки по воздуху осуществлялось регулярно. Однако радиосвязь применялась ограниченно и шла весьма неактивно.

Представитель отдела радиоразведки ГРУ Александр Устименко, который в это время находился в 132-м дивизионе, и командир дивизиона Алексей Бушуев пытались найти разгадку этому явлению. Проанализировав все обстоятельства, они пришли к выводу: враг кроме радио применяет другие средства связи. Но какие?

Разгадку удалось найти в Москве, обнаружив у специалистов схему подземно-кабельных коммуникаций Бреслау.

Вот как об этом вспоминал сам Александр Устименко: «При изучении схемы стало ясно, что крепость Бреслау располагала разветвленной телефонной и телеграфной подземно-кабельной связью со многими городами Германии. С ее помощью окруженный гарнизон имел возможность поддерживать взаимодействие с авиацией, которая снабжала его всем необходимым.

С этой схемой я срочно вылетел на фронт к Бушуеву. Вскоре разведчики 5-й и 6-й армий

вывели из строя кабели на 45 участках. Как мы и ожидали, тотчас с небывалой активностью заработали радиостанции врага. Но специалисты дивизиона радиопомех мастерски подавили эти станции: вражеские радисты предпринимали множество попыток наладить радиосвязь, но безуспешно.

Вскоре 40-тысячный гарнизон капитулировал».

Надо сказать, что спецам дивизиона удалось взломать код гитлеровских артиллеристов, и они успешно раскрывали боевые задания немцев на обстрел наших целей. К началу артобстрела советское командование выводило войска и технику из-под удара. Фашисты яростно обрабатывали пустые квадраты. 130-й дивизион радиопомех Центрального фронта под командованием капитана В. Лукачера, потом майора Е. Шергина, силы которого были развернуты юго-восточнее Мценска, «забивали» радиосвязь штабов группы армий «Центр», 2-й танковой, 9-й армий, 41-го, 47-го танковых и 23-го армейского корпусов.

Осенью 1943 года специалисты дивизиона радиопомех применили новый тактический прием: вместо излучения непрерывных колебаний или передачи цифровых групп станций радиопомех стали имитировать работу радиостанций противника. Этим они загружали радиолинии, вводили немцев в заблуждение.

В составе 1-го Белорусского фронта участвовал в наступательной операции «Багратион» в июне – августе 1944 года, ставил помехи соединениям 9-й армии гитлеровцев в районе Бобруйска, войска которой, как стало известно из перехваченных радиোগрам, готовились к прорыву из окружения.

Позже 130-й дивизион радиопомех совместно с 131-м дивизионом нарушал связь штабов соединений 105-тысячной группировки немцев, окруженной восточнее Минска.

В Висло-Одерской операции 130-й ОРД СПЕЦНАЗ «забивал» радиостанции окруженной группировки фашистов в Познани. Во время взятия Берлина нашими войсками спецы дивизиона активно подавляли радиосвязь штабов армий «Висла». 131-й дивизион под руководством майора В. Петрова участвовал в Смоленской наступательной операции Западного и Калининского фронтов.

В августе – сентябре 1943 года этот дивизион радиопомех, развернувшись в районе Дорогобужа, «забивал» радиосвязь штабов группы армий Центр, 4-й и 9-й армий, действовавших на смоленском и могилевском направлениях, 15-й группы ближней авиаразведки.

За месяц с небольшим дивизион сорвал прием более 3000 радиোগрам, стараясь нарушить устойчивость оперативного управления войсками противника.

В Белорусской операции дивизион создавал помехи радиосвязи противника из районов северо-западнее Орши. 226-й ОРД СПЕЦНАЗ, которым командовал майор И. Константинов в стратегической операции 2-го Прибалтийского фронта в августе – октябре 1944 года, создавал помехи радиосетям управления и взаимодействия штабов группы армий «Север». Эффективность подавления значительно возросла после того, как под ударами наших войск противнику пришлось отказаться от проводной связи и перейти на радиосвязь. 131-й и 226-й дивизионы радиопомех умело действовали в ходе Восточно-Прусской операции в январе – апреле 1945 года. В 30 радиосетях противника, объединяющих 175 радиостанций, были созданы эффективные помехи, препятствующие противнику в управлении войсками.

Радиопомехи были направлены на нарушение радиосетей штабов 3-й и 4-й армий, армейских корпусов и дивизий, а также радиосетей войск, окруженных юго-западнее Кёнигсберга и военного гарнизона самой крепости.

В период штурма нашими войсками города-крепости Кёнигсберг с 6 по 9 апреля 1945 года основная радиостанция осажденного гарнизона пыталась вести связь последовательно на 43 радиоволнах. Однако все они подавлялись радиопомехами. 9 апреля эта станция открытым текстом передала приказ командующего генерал-полковника О. Ляша о капитуляции.

На допросе О. Ляш показал: «В результате ужасающей артиллерийской подготовки проводная связь в крепости была выведена из строя. Я надеялся на радиосвязь с Курляндией, с Земландской группой войск и с Центральной Германией. Но эффективные действия забивочных средств русских не дали возможности использовать радиосредства для передачи радиogramм, и мои действия не могли координироваться со ставкой Верховного командования. Это послужило одной из причин моей капитуляции».

Рассказав об успешной деятельности наших немногочисленных частей радиопомех в годы Великой Отечественной войны, безусловно отдавая должное мастерству и самоотверженности специалистов дивизионов СПЕЦНАЗ, следует отметить, что немецко-фашистский Генеральный штаб допустил крупный просчет при выборе диапазона средних и длинных волн для основной радиосети оперативно-стратегического управления войсками.

Да, такая радиосвязь была устойчивой и независимой от времени суток и года. Обеспечивалась оперативность, позволяющая любому соединению связаться с вышестоящим командованием вплоть до Генерального штаба. Но в то же время такую связь было трудно защитить от помех. В этом диапазоне радиоволн прием любой радиопередачи в пределах фронтовой зоны легко подавляется. Иное дело короткие волны.

Откровенно говоря, трудно поверить, что немецкие радиоспециалисты, достаточно опытные и умелые, пожалуй, на тот период самые передовые, не подозревали об уязвимости диапазона средних и длинных волн. Скорее всего, они переоценили свои силы. Все в германской армии было подчинено идее блицкрига: посчитали, что захват будет происходить быстро, и тут уж Красной армии не до противоборства в эфире. Но действительность опрокинула их планы.

«Кадры решают все...»

Эти слова принадлежат Верховному Главнокомандующему Иосифу Сталину. Что ж, очень точные и верные слова. Жизнь, а особенно фронтовая действительность, неоднократно подтверждала их правоту. Так было и в радиоразведке. Ведь для выполнения боевых задач, стоящих перед этой службой, нужны образованные и подготовленные не только в военном, но, что очень важно, и в специальном отношении офицеры и младшие специалисты сержантского и рядового состава.

Более того, к примеру, специалисты-переводчики, получившие соответствующие языковые знания в институтах, без серьезной дополнительной подготовки по радиоразведке эффективно работать в частях ОСНАЗ не могли.

Офицеры-радиоразведчики обучались в Ленинградском военном училище связи. Там еще в 1930 году было открыто специальное отделение радиоразведки. Впоследствии это отделение развернули в учебную роту, а позже и в батальон.

Инженеров для радиоразведки готовили в Ленинградской военной академии связи. Там была специальная группа особого назначения (ОСНАЗ).

Свою квалификацию радиоразведчики повышали на курсах усовершенствования командного состава (РКУКС). Здесь радиогруппа существовала с 1929 года.

Что же касается младших специалистов – операторов пеленгаторных и приемослежечных постов, начальников радиостанций, то они проходили основную подготовку в учебных подразделениях частей, а потом совершенствовали квалификацию в оперативных подразделениях в ходе боевой подготовки и практической работы.

Командование прекрасно понимало, что от уровня подготовки младших специалистов во многом зависит боеспособность части. Неспроста в приказе №0243 от 23 июня 1941 года

народный комиссар обороны требовал: «... весь личный состав, мобилизуемый в школы радиоспециалистов, проверять комиссиями в составе представителей Главного политического управления, Управления связи Красной Армии, обкома ВКП(б), особого отдела и управления комплектования Красной Армии».

Надо признать, что до 1935 года потребности радиоразведки в офицерских кадрах практически полностью удовлетворялись за счет выпускников Ленинградского военного училища связи. Однако потом служба радиоразведки стала совершенствоваться, расширяться, и начала ощущаться нехватка офицеров-радиоразведчиков. В начале 1941 года, но сути за полгода до начала войны, некомплект офицеров в частях ОСНАЗ доходил до 30%. Особенно острой была нехватка подготовленных специалистов на должностях инженерного состава и переводчиков. В некоторых частях все эти должности порою оказывались вакантными.

Нехватку инженеров пытались восполнить за счет выпускников академии связи, а для подготовки переводчиков при разведотделах военных округов создавались курсы. Однако этого было мало.

И тогда решили активнее выдвигать на офицерские должности опытных сверхсрочнослужащих. Многие из них являлись хорошими специалистами, за плечами у которых был не один год службы в армии. Они знали военное дело и обладали определенными командными навыками.

Лучших из «сверхсрочников» стали назначать на должности командиров взводов, оперативных дежурных приемных центров, командиров пеленгаторных подразделений. В дальнейшем им давали возможность повысить свои навыки на курсах, после этого присваивали офицерские звания. Первой группе сверхсрочнослужащих офицерские звания были присвоены в 1936 году. А в 1940 году вышел приказ наркома обороны, который узаконивал и определял порядок выдвижения на офицерские должности «сверхсрочников» и младших командиров срочной службы.

Эти мероприятия в какой-то мере помогли в частях укомплектовать многие пустующие должности.

Важнейшей заботой руководства Разведуправления накануне войны была подготовка офицерских кадров для мобилизационного развертывания частей и подразделений радиоразведки. С офицерами запаса начали работать уже с 1935 года: провели приписку, организовали сборы. Но основные мобилизационные мероприятия спланировали на лето 1941 года. Здесь на сборах офицеров запаса планировали подготовить для частей ОСНАЗ более 400 командиров радиоразведки и около 390 переводчиков. Однако не успели.

С началом Великой Отечественной войны мобилизационные ресурсы Белорусского и Прибалтийского военных округов использовать вообще не удалось, а в Одесском и Киевском военных округах смогли призвать лишь половину из планируемого.

Сюда следует добавить потери первых месяцев войны, и тогда становится понятным, в каком сложном положении оказалась радиоразведка.

Руководством военной разведки были приняты срочные меры по решению этой острой кадровой проблемы. Набор курсантов в Ленинградском училище связи по профилю радиоразведки увеличили сначала до 75 человек, а с 1943 года до 100 человек. Срок обучения сократили до одного года.

Организовали выдвижение на офицерские должности лучших младших командиров.

Вот лишь один из многочисленных примеров такого выдвижения.

В ноябре 1942 года из штаба фронта в 394-й отдельный дивизион пришло указание: подготовиться к переходу на новые штаты. Также командиру майору И. Лобышеву было предписано представить лучших сержантов-радиоразведчиков к присвоению им офицерских званий.

Вскоре опытному радиоразведчику Виктору Назарову вручили погоны младшего

лейтенанта и назначили начальником узла связи. В штаб фронта также были направлены аттестации на присвоение первичных офицерских званий старшине приемного центра старшему сержанту Николаю Вересову, ответственным дежурным старшим сержантам Хаиму Шуну, Константину Зайцеву и Федору Карпухину. 28 декабря 1942 года вышел приказ по войскам фронта. Все четверо стали офицерами и в последующем успешно воевали в новых званиях.

С переходом частей ОСНАЗ на штаты военного времени в дивизионах были упразднены учебные подразделения, работа которых в условиях фронтовой обстановки была невозможна. Теперь младших специалистов рядового и сержантского состава стали готовить в двух запасных дивизионах. 1-й отдельный дивизион обучал «спецов» для частей, дислоцированных на Дальнем Востоке, 3-й отдельный дивизион – для западных фронтов.

Война опрокинула все расчеты мирного времени. Накопленные резервы оказались недостаточными для развертывания частей радиоразведки. Так, по довоенным планам потребность службы собирались удовлетворить на 50%, призывая младших специалистов из запаса, а также за счет личного состава кадровых частей.

Но, как мы уже отмечали, планомерного отмобилизования радиоразведывательных частей провести не удалось. А дивизионы западного направления понесли потери в начальном периоде боев и сами нуждались в пополнении. Они попросту были неспособны выделить из своего состава кого-либо из специалистов для развертывания радиочастей на своей базе. Таким образом, потребность в личном составе значительно возросла, а мобилизационные ресурсы в приграничных округах сильно сократились. Надо было предпринять срочные меры и форсировать подготовку специалистов рядового и сержантского состава. Для этой цели в середине июля 1941 года в г. Горьком развернули 3-й отдельный запасной радиодивизион. Возглавил его В. Грот. Дивизион готовил приемослежечников, радистов-пеленгаторщиков, радиомастеров.

Первые курсанты начали подготовку уже в двадцатых числах июля и выпустились 30 августа. Да, срок для обучения максимально короткий, но иного было не дано. Следующих три набора также обучались по полтора-два месяца, потом установили полугодовой срок обучения.

Несмотря на достаточно большое количество курсантов (первый набор, к примеру, составлял 870 человек) и до предела укороченный срок обучения, дивизион не удовлетворял потребности боевых частей в специалистах. И тогда в мае 1942 года выходит директива НКО СССР, в соответствии с которой дивизион разворачивается в 25-й отдельный запасной радиополк особого назначения. Командиром полка назначается полковник И. Абросимов.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что руководство Разведуправления и отдел радиоразведки проводил достаточно энергичную работу по решению кадровой проблемы как офицерского состава, так и специалистов рядового и сержантского звена. И тем не менее надо признать, что некомплект офицерского состава на протяжении всей войны так и не удалось ликвидировать. Причина этого явления была не только в том, что радиоразведка постоянно наращивала силы. В 1942 году при развертывании полевых управлений специальной службы радиоразведку покинули многие опытные офицеры. В 1943 году был сформирован 1-й отдельный радиополк Верховного Главнокомандования, а в следующем году 1-я отдельная радиобригада и армейские группы ближней радиоразведки.

При создании службы радиопомех также потребовались немалые офицерские силы, которые, разумеется, были взяты из радиоразведки.

Что же касается кадров младших специалистов, то отдел радио-разведки Разведуправления Генерального штаба в феврале 1942 года обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой направить в 3-й запасной дивизион слушателей комсомольской школы Осоавиахима. И вскоре 150 человек пополнили ряды специалистов дивизиона.

В следующем, 1943 году по инициативе руководителя отдела в Осоавиахиме уже проходили подготовку женщины, которые потом были направлены в запасные радиочасти.

Кстати, о женщинах. В мае 1942 года ГКО принял постановление, в котором определялись специальности рядового и сержантского состава, комплектуемые женщинами. Это были разведчики и связисты.

Надо сказать, что привлечение женщин в военное время на службу в радиоразведку планировалось еще до войны. К примеру, в штатах 1940 года в частях ОСНАЗ более 100 должностей предусматривалось замещать женщинами. Теперь, когда возникла реальная необходимость, полк ОСНАЗ принял на учебу женщин и 20 сентября 1942 года сделал первый выпуск. 10 ноября 1942 года начальник штаба 25-го отдельного запасного радиополка капитан П. Ручьев в акте проверки готовности к отправке маршевой колонны №26 писал: «Срок обучения радисток составил 4,5 месяца учебы. Прием на слух – курсанты уверенно принимают на слух при скоростях передачи в 1 минуту буквенного текста 70-100 знаков, цифровой текст – 75 знаков, смешанного текста 60-70 знаков. Общая оценка – 4,8.

Общий вывод: радистки подготовлены в соответствии с требованиями 4,5 месячного обучения с общей оценкой 4,8, причем каждая радистка имеет общую оценку отлично».

В декабре 1943 года в полку насчитывалось 679 курсантов, 217 из них были женщины.

Местные партийные организации также старались содействовать комплектованию частей действующей армии женским персоналом. Так, известно, что в апреле 1943 года вопрос о подготовке в системе Всевобуча женщин обсуждался на заседании бюро Челябинского обкома партии, а в мае 1944 года Московский обком ВКП(б) рассмотрел вопрос о призыве женщин в Красную армию и принял решение призвать в добровольном порядке 500 женщин в возрасте 20-35 лет, не имеющих детей.

Вот как о тех событиях вспоминает радиоразведчица 313-го отдельного радиодивизиона Валентина Кашкарова. Она была призвана по комсомольской путевке, потом прошла подготовку на курсах и была направлена в Ленинградское военное училище связи.

«В городе Сальске, что в Ростовской области, я закончила школу и мечтала стать инженером-конструктором самолетов. Даже документы успела отослать в институт. А тут война. Мы, выпускники школ, собрались в парке, и вдруг объявляют: в 11 часов будет выступать Молотов. Мужчины, наши ребята ушли на фронт, а девчонки остались. Я работала в Сальском райкоме комсомола, и тут приходит к нам разрядка: 40 девушек-добровольцев на учебу на курсы радистов-телеграфистов. Мы с девчонками изъявили желание.

Попали в Кабардино-Балкарию, на курсы. Проучились четыре месяца. Всех отправили на фронт, а меня и еще двух курсанток оставили. Возмущенные пошли к командиру. А тот нам говорит: «Вы лучшие, отлично освоили матчасть. Будете обучать новый набор». И как мы ни старались, не отпустил.

Ну что ж, обучали, готовили радистов для фронта. А когда началась Сталинградская битва, я опять к полковнику: «Отпустите на фронт!» А он свое гнет: «Вот что, Валя, езжай-ка ты в военное училище связи. Закончишь, станешь офицером, больше пользы принесешь».

Так я попала в Ленинградское военное училище связи, которое было эвакуировано в город Уральск. Вот тут меня и направили в 9-ю роту, в которой учились будущие радиоразведчицы. К тому времени я была уже радистом 2-го класса, матчасть знала хорошо. Проучилась полгода, присвоили мне звание младший лейтенант, и в начале 1943 года оказалась в 313-м дивизионе 1-го Украинского фронта. С этим дивизионом дошла до Австрии. Но в Берлине была. Уговорила своего командира подполковника Костина взять с собой, когда они ехали в Берлин. Расписалась на колонне Рейхстага. Хотя, откровенно говоря, Рейхстаг мне не показался. Представляла, думала – огромное здание, а он какой-то маленький, задрипанный...»

Путь, пройденный Валентиной Ивановной Кашкаровой, достаточно хорошая иллюстрация к рассказу о подготовке кадров радиоразведчиков. Оказавшись в армии по рекомендации местных комсомольских органов, она могла остаться на курсах в качестве преподавателя-инструктора или оказаться в действующей части в качестве специалиста

сержантского состава. Но она стала офицером радиоразведки. Так уж вышло, что младший лейтенант Валентина Кашкарова оказалась на западном театре военных действий. Но следует отметить и тот факт, что первый набор женщин, с которого и началась планомерная подготовка специалистов радиоразведки для частей Дальнего Востока, был осуществлен в мае 1942 года.

Подводя итог разговору о подготовке специалистов в запасных частях, надо сказать: эти части служили единственным источником пополнения кадрового состава радиоразведки. Они подготовили несколько тысяч специалистов рядового и сержантского состава. И это в условиях большой ограниченности материальных ресурсов, нехватке жилых и учебных помещений. Порою не хватало элементарного: писчей бумаги, карандашей. И тогда писали на старых газетах, заостренными палочками на копировальной бумаге. Но подготовка специалистов для фронта не останавливалась ни на час. Занимались по 10-12 часов в сутки. Неспроста за успешную подготовку кадров для радиоразведки 14 офицеров и 5 сержантов полка стали кавалерами орденов и медалей, а командир полковник И. Абросимов получил высшую награду страны – орден Ленина.

Говоря о кадровом составе частей ОСНАЗ, следует вспомнить и о той большой работе, которая проводилась по повышению квалификации радиоразведчиков.

Конечно, в первые трагические месяцы войны порою было не до боевой подготовки и тренировок специалистов. Число классных специалистов сократилось. 30 июля 1943 года начальник Разведуправления Генерального штаба издал директиву, в которой говорилось о том, что подготовке квалифицированных радиоразведчиков в частях не уделяется достаточного внимания, а специалистов высшего и первого разряда мало.

Директива требовала усилить подготовку классных специалистов, провести повторную проверку радиоразведчиков. А присвоение воинских званий сержантов увязать с классной квалификацией.

Через полгода прошла повторная проверка, которая показала возросшее число классных специалистов и особенно «спецов» высшей квалификации.

Так решалась в годы войны крайне сложная проблема обеспечения фронтовых частей ОСНАЗ офицерами, а также специалистами сержантского и рядового состава.

Противостояние

Курскую битву, о которой мы говорили ранее, историки чаще всего называют «коренным переломом» в ходе войны. Что ж, характеристика верная. Ведь именно с лета 1943 года стратегическая инициатива перешла в руки Красной армии, и немцам пришлось в дальнейшем отступать. Огрызаясь, обороняясь, яростно отстаивая свои рубежи, но отступать до самого Берлина.

Однако Курская битва – это еще и середина войны, перевал на тяжком фронтовом пути. К этому сроку наши радиоразведчики накопили опыт и началось настоящее противостояние в радиоэфире.

С горечью вспоминая 1941-й, надо было признать: командиры и личный состав частей ОСНАЗ слабо подготовились к действиям в боевых условиях. И дело не только в том, что радиодивизионы попали под огневые удары противника и частично утратили боеспособность, главное – у нас отсутствовал опыт ведения радиоразведки фашистских войск.

Немцы же, наоборот, умело развернули радиоразведку. В сухопутных войсках у них были роты радиоразведки в полевых армиях, взвода – в пехотных дивизиях, а также отдельные стационарные радиоразведывательные пункты.

Роты, на вооружении которых стояли приемники и пеленгаторы «Телефункен»,

осуществляли перехват радиопереговоров и пеленгацию радиостанций в полосе до 150 километров.

Взвода, состоящие из двух отделений перехвата радиопередач, отделения подслушивания телефонных переговоров и пункта обработки разведывательных данных, вели разведку в тактической глубине.

Немецкая радиоразведка внимательно следила за нашими войсками, использовала малейшие нарушения правил скрытого управления частями, неумелое применение радиосредств.

«В русской армии, – заявлял фашистский генерал Рендулич, – главным образом в артиллерийских и танковых соединениях, а также в инженерно-саперных бригадах, была широко распространена отдача распоряжений по радио... Русский радиокод вскоре был расшифрован. Находясь на центральном и северном направлениях Восточного фронта, я был свидетелем того, что отдельные минометные бригады являлись хорошим источником сведений. Русские радисты... нередко обменивались по радиосвязи неслужебными сообщениями, а также передавали данные об обстановке, которые часто были очень важными».

Это мнение противника. А вот и наш старейший радиоразведчик полковник В. Мухин считал, что «очень многое пришлось в первые месяцы войны «открывать» и усваивать для себя, особенно молодым офицерам службы радиоразведки в центре и на местах».

К концу 1942-го, в 1943 году ситуация изменилась. Но враг был по-прежнему силен и опытен. Так, на северном участке Орловского выступа юго-восточнее Брянска оборону занимал танковый корпус 2-й танковой армии. Странный, право же, был корпус. Войсковая разведка Западного фронта постоянно давала сведения, что в его составе находятся 6–8 дивизий (?!). В Разведывательном управлении Красной армии подобные данные вызывали сомнения.

Радиоразведка фронта тоже была в некотором замешательстве. Дело в том, что в радиосети командования корпуса ежедневно отмечалось от 15 до 20 позывных радиостанций.

Специалисты ОСНАЗ вели тщательную разработку схемы связи корпусной радиосети, и вскоре выяснилось, что немцы для маскировки назначили для каждой радиостанции несколько позывных на сутки. Достаточно сказать, что главная корпусная радиостанция ежедневно использовала 8 позывных, а дивизионные – по 4 позывных.

Начальник оперативного отделения 1-го радиополка ОСНАЗ В. Модебадзе нередко в шутку называл такие станции «радиостанциями в поле». Надо отметить, что это меткое и точное определение. Ведь в действительности радиостанций не существовало, и возникали они лишь по неопытности молодых офицеров-радиоразведчиков.

«При обработке пеленгов, – считал полковник Петр Добродий, – в оперативных отделениях частей имели место и ошибки другого рода. Так, будучи еще в информационной группе отдела радиоразведки, я был свидетелем такого случая. Уже после окончания Московской битвы одна из частей ОСНАЗ Ленинградского фронта упорно показывала танковую дивизию 4-й танковой группы на своем участке фронта, тогда как она еще в сентябре – октябре 1941 года была переброшена на московское направление для участия в операции «Тайфун».

В связи с таким положением ГРУ потребовало прислать в отдел радиоразведки все без исключения пеленги, снятые на радиостанции этой дивизии за последние месяцы. Прокладка пеленга показала, что ввиду узкой базы пеленгации радиодивизиона ОСНАЗ Ленинградского фронта, они почти в равной мере показывали как новый, так и на прежний район ее дислокации. Но при прокладке пеленгов в дивизионе офицеры оперативного отделения принимали за истинные только те пеленга, которые давали возможность «держаться» дивизию перед Ленинградским фронтом».

Да, разумеется, были и ошибки, но от месяца к месяцу мастерство наших специалистов-ОСНАЗовцев неуклонно росло. Во время проведения операции «Багратион» радисты В. Коваль и А. Бару из 394-го радиодивизиона доложили руководству, что навстречу 65-й армии генерала

П. Батова выдвигается 16-я танковая дивизия гитлеровцев. Однако командованию дивизиона и разведотделу фронта было известно, что этой дивизии не существует, она полностью разгромлена советскими войсками. Тем не менее, разведчики настаивали на том, что они узнали почерк радистов дивизии, которых изучали еще во время Сталинградской битвы. Данные своих подчиненных проверил офицер И. Васильев. Он тоже узнал радистов 16-й танковой.

Истину помогли установить коллеги из войсковой разведки. Из очередного поиска они вернулись с хорошим уловом. В их сети попал командир немецкой танковой роты. Он и подтвердил, что фашисты воссоздали 16-ю танковую, укомплектовали новым личным составом и включили в штат дивизии уцелевших радистов, старых знакомых наших ОСНАЗовцев.

По характерным чертам и тонкостям радиопочерка немецких радистов советский радиоразведчик старший сержант А. Шашин определил переброску 7-й танковой дивизии со Станиславского направления в Западную Белоруссию. Он же «вычислил» танковую дивизию СС «Викинг» северо-западнее Бреста.

Успешно действовал на фронте и старший сержант Александр Зиничев. После войны Александр Алексеевич станет полковником, доктором технических наук. А пока, накануне Курской битвы он был оператором дивизиона радиоразведки.

Дивизион дислоцировался в районе Ржевского выступа. Здесь нашим войскам противостояла 9-я немецкая армия. Зиничев вел наблюдение за радиосетями этого объединения. Обстановка была сложная. Позже, вспоминая о том времени, Александр Алексеевич скажет: «Весь эфир был до отказа забит интернациональной смесью радиосигналов. Рядом с аккуратным немцем «торчал» разухабистый итальянец, которому ничего не стоило пустить какую-нибудь шуточку открытым текстом своему напарнику. А между ними, словно пытаясь растолкать соседей локтями, влезал со своей тарабарщиной венгр. На западном же направлении эфир продолжал оставаться относительно спокойным. Лишь изредка нарушала его покой радиостанция опергруппы штаба 9-й германской армии. За ней мне теперь и надлежало вести неусыпное наблюдение...»

Зимой 1942–1943 года станция активности не проявляла, «просыпалась» несколько раз в месяц. Основное время помалкивала. И тем не менее даже в те нечастые сеансы, с которыми радиостанция выходила в эфир, старшему сержанту Зиничеву удалось изучить почерк радистов. Один из них в буквах Q и Z несколько затягивал второе тире, и от этого они звучали более мелодично. Александр был не лишен музыкального слуха, и потому радист предстал ему в образе Штрауса, и он дал ему псевдоним «Иоганн».

Второй радист напоминал старшему сержанту женщину, которая плетет тонкое кружево. В каждом своем действии она была аккуратна и точна, и потому получила псевдоним «Луиза».

Наступил февраль 1943 года. В работе «Иоганна» и «Луизы» ничего не изменилось. Они также изредка выходили в эфир. И вот в середине месяца радиосеть 9-й армии начала активную работу. Стало известно, что войска армии отошли на рубеж Спас-Деменск – Духовщина. Здесь немецкие станции оказались более мощными, и пеленги теперь определялись достаточно устойчиво.

Казалось бы, надо радоваться. Но было одно обстоятельство, своего рода ложка дегтя в бочке меда. «Иоганн» и «Луиза» куда-то исчезли. Зиничев старался обнаружить своих старых знакомых, но безуспешно. Да и в самом радиообмене было что-то странное. Но что? Ему казалось, что радиограммы, которые посылает штаб 9-й армии, никто не принимает. При сбоях в передаче, которые случаются нередко, принимающая сторона обычно просит повторить те части радиограмм, которые не дошли до адресата. А тут все наоборот, ответы свидетельствовали о вполне успешном приеме и завершении сеанса. Получался этаким спектакль в эфире, демонстрация активного радиообмена, дабы убедить противника, что армия по-прежнему находится на месте. Однако на месте остались лишь радиосети, но не сама армия.

Старший сержант Зиничев доложил свои соображения командованию. А вскоре нашелся

и его «старый друг» «Иоганн». Правда, теперь он работал на значительном удалении, совсем на другом участке фронта, где-то в районе Курской дуги.

Доклад Зиничева заинтересовал начальство. «Вскоре было приказано доставить меня в очень высокий штаб, – рассказывал Александр Алексеевич в одном из интервью. – Более двух часов знатоки строевого устава готовили меня к встрече с командованием. Судя по замечаниям этих спецов, я понял, что грядущее мероприятие непременно обернется для меня гауптвахтой. Я стал даже сожалеть о своем скоропалительном сочинительстве – мне уже виделись генеральские улыбки: есть, мол, у вас свои, доморощенные Шерлоки Холмсы!

А пеленг? Правильна ли названная мною цифра? Ведь я не проделал все операции по исключению ложного пеленга. Мало ли что не успел! Должен был успеть! Такие сомнения терзали меня целые сутки напролет и не давали вздремнуть. Вызов «наверх» казался мне уже избавлением от тяжелых раздумий.

... Человек, с которым мне пришлось иметь дело, носил генеральские погоны. Он почему-то на мою слабую строевую подготовку не обратил никакого внимания и приказал своему ординарцу напоить меня и сопровождающего офицера чаем с сушками.

После чая и сушек генерал расспросил старшего сержанта о немецких радистах, о том, действительно ли он научился различать их по «почерку», и устроил экзамен. Зиничев должен был ознакомиться с «почерком» радиста, а потом выбрать его из нескольких человек.

По окончании экзамена, ознакомившись с результатами, генерал только и сказал: «Удивительно».

А вскоре старшего сержанта Александра Зиничева перевели в радиодивизион, который был развернут в районе Курска. Задача прежняя: следить за «Иоганном» и «Луизой». А его данные о переброске 9-й армии вскоре подтвердились.

Интересный случай из своей фронтовой практики вспомнил и полковник Павел Гнутиков, начальник радиопеленгаторного пункта 313-го радиодивизиона ОСНАЗ.

«... Два дня тому назад радиопеленгаторщик сержант В. Туманов доложил:

– Товарищ старший лейтенант! Я поймал «Феликса!»...

– То есть как это?

– А так. Это он, даю голову на отсечение! Слышимость на 5 баллов. Но пеленг другой, аж 260 градусов. Обмена не вел, вышел только на проверку связи, но я его успел запеленговать.

После обстоятельного разговора с пеленгаторщиком, проверки и анализа записей у меня сложилось твердое мнение, что разведчик напал на след нашего старого знакомого – радиста главной радиостанции штаба 17-й танковой дивизии немцев.

Кто из радистов назвал эту радиостанцию «Феликсом» теперь уже трудно сказать, но пристала эти кличка к ней плотно. Прозвище это немецкий радист получил за то, что передавая ключом букву «Ф» как-то по-особому затягивал концовку знака. Этого было вполне достаточно для хорошего слухача-разведчика, чтобы выделить его из множества других.

Работу немецкой радиостанции 17-й танковой дивизии мы наблюдали последний раз в декабре 1942 года в районе нижнего Дона. Теперь же она оказалась на нашем участке фронта. А раз танковая дивизия переброшена немцами под Харьков, надо ждать наступления на этом направлении».

К этому эпизоду из фронтовой жизни остается добавить, что старший лейтенант Гнутиков в своем анализе и выводах не ошибся. Разумеется, узнало об этом и наше командование. А ведь казалось бы, всего ничего, немецкий радист этак изящно затягивал концовку знака.

Наряду с возросшим опытом и мастерством добывающих подразделений важнейшая роль принадлежала и специалистам оперативных отделений радиодивизионов ОСНАЗ. Работая в тесном взаимодействии с радистами, инженерами дивизионов, офицеры-оперативники обеспечивали необходимую завершенность общего процесса ведения разведки. Ибо что может

стоит самое ценное кодированное сообщение, если его не в силах расшифровать.

Примером тому деятельность 370-го радиодивизиона ОСНАЗ и офицера его оперативного отделения старшего лейтенанта Константина Бондаренко. Речь идет о боях в Крыму весной 1944 года.

... Ранним утром 2 мая радист центра радиоперехвата сержант Ноздрачев прибежал с листком бумаги в оперативное отделение. Он был взволнован и считал, что в кодированном тексте содержится какое-то важное сообщение.

Однако какое, Ноздрачев определить не мог, и эту загадку предстояло разгадать Константину Бондаренко.

На листке был записан текст радиограммы немецкого военно-транспортного самолета Ю-52. Адресовалось это сообщение радиостанции посадочной площадки фашистов на мысе Херсонес под Севастополем.

Радиограмма отличалась от обычной, хотя внешне напоминала служебные переговоры радистов. Откровенно говоря, Бондаренко пришлось немало потрудиться, но кодированное сообщение тем не менее удалось прочесть. Оказывается, радист самолета использовал международный летный Щ-код, но, передавая сообщение, сохранил в кодовых фразах только последний третий знак. Поняв, в чем секрет, Бондаренко быстро прочел текст. «5 мая в 4 часа утра, – говорилось в радиограмме, – из Констанцы на вашу посадочную площадку придут 30 бомбардировщиков ХЕ-111».

Да, этот текст дорогого стоил. Порадовались ему в штабах Отдельной Приморской и 4-й воздушной армий. За мысом Херсонес было установлено постоянное наблюдение. 5 мая в 4 часа утра немецкие бомбардировщики стали заходить на площадку для посадки с западной части моря. Едва приземлился последний «хенкель», как из-за восточной окраины мыса Херсонес показались наши штурмовики. Они нанесли бомбовый удар по площадке и превратили вражеские машины в груды горящего металла.

Вот такова ценность вовремя расшифрованной кодированной радиограммы.

А закончить эту главу хотелось бы словами авторитетного немецкого генерала, начальника оперативного штаба при ставке верховного главнокомандования Йоделя: «Радиоразведка – как открытый перехват, так и дешифрование – играла особую роль в самом начале войны, но и до последнего времени не потеряла своего значения. Правда, нам никогда не удавалось перехватить и расшифровать радиограммы Ставки, штабов фронтов и армий. Радиоразведка, как и все прочие виды разведки, ограничивалась только тактической зоной».

«Русские преследуют нас и атакуют...»

– Командир 545-го радиодивизиона ОСНАЗ майор Гудков доклад закончил.

Майор оторвался от карты, которая была развернута на столе, и посмотрел на генерала Трусова. Начальник разведки 1-го Белорусского фронта, насупившись, молчал. И это молчание не предвещало ничего хорошего.

– Вот что, Константин Михайлович, – со вздохом произнес Трусов. Генерал редко обращался к подчиненным по имени-отчеству, и это могло означать только одно: крайнюю степень его недовольства.

– Ты все правильно доложил. «Слухачи» твои молодцы, верно, вскрыли группировку немцев на бобруйском направлении. И карты у нас с тобой, считай, близнецы-братья...

Генерал отодвинул карту Гудкова и раскрыл свою.

– Смотри, – ткнул он карандашом, – вот штаб корпуса, вот дивизии, все семь, как на ладони. Ну и что толку?..

Трусов в упор глядел на командира дивизиона.

– Этого вчера было достаточно, а сегодня мало. Нам позарез надо выведать, что знают о нас немцы. Иначе как же мы будем наступать. Понял меня, майор?

Гудков отрапортовал, мол, понял.

– Ну тогда иди. Жду, Константин Михайлович, от тебя добрых вестей и очень надеюсь.

Командир возвращался в свой дивизион и размышлял над словами начальника разведки фронта. Действительно, теперь, когда фашисты потерпели поражение под Сталинградом и Курском, ситуация на фронте изменилась в нашу пользу. И сейчас для гитлеровцев очень важно удержать Белоруссию.

В Белоруссии немецкое командование сосредоточило крупнейшую группировку войск – группу армий «Центр». В нее входили три общевойсковые армии, одна танковая, а также часть войск из группы армий «Север» и танковой армии из группы армий «Северная Украина». Всего миллион двести тысяч человек. Враг создал глубоко эшелонированную оборону, города Витебск, Бобруйск и Оршу превратил в крепости.

По работе своего 545-го радиодивизиона ОСНАЗ майор Гудков знал, какие строгие ограничительные меры в использовании радиосвязи принимал враг. Связь между штабами армий, корпусов и дивизий была только проводная. Радиостанции этих штабов практически не работали. Даже полковые станции выходили в эфир по очень ограниченному графику.

Вот и попробуй в этих условиях выполни приказ генерала Трусова, выведай степень немецкой осведомленности о нас. Так они тебе и доложили, мол, известно, где стоит эта дивизия или тот полк.

Знал бы начальник разведки, сколько им стоило сил в условиях фашистского радиомолчания раскрыть дислокацию немецких соединений, нанесенных на его карту. И день, и ночь слушали станции приданных частей, которые, по сути, без радиосвязи не могли осуществлять обеспечение войск. Следили за станциями офицеров связи военно-воздушных сил, находившихся при общевойсковых штабах. Засекали радиостанции артиллеристов, в особенности зенитчиков.

Однако майор Гудков понимал, теперь эти станции им не помощники: ни зенитчики, ни артиллеристы, ни танкисты или общевойсковики. Выручить их может только УКВ связь немецкой разведывательной авиации, то бишь самолеты ближней авиационной разведки. Только перехваты с борта немецких самолетов-разведчиков о выявленных новых аэродромах, скоплении пехоты и артиллерии, об интенсивности движения на шоссе и железнодорожных магистралях помогут ему выполнить задание командования.

На это он и ориентировал своих подчиненных. О том, как удалось выполнить приказ,

Константин Гудков вспоминал так:

«... Шла вторая половина июня 1944 года. Погода стояла ясная, летняя, видимость, как говорят летчики, «миллион на миллион». И вот в этот период, за несколько дней до перехода войск 1-го Белорусского фронта в наступление, радиоразведчики дивизиона офицеры В. Девякин, А. Лаврова, З. Ильина, В. Макушок, отлично владевшие немецким языком, перехватили и раскрыли донесения фашистской воздушной разведки, которая обнаружила на наших фронтовых аэродромах и посадочных площадках, в основном перед правым крылом фронта, до 600 самолетов.

Немцы вскрыли также места сосредоточения наших танков по следам гусениц, которые отчетливо просматривались на мягком грунте. Эти сведения были немедленно доложены в штабы фронта и 65-й армии.

Через два дня после доклада я был неожиданно вызван на КП 65-й армии. При этом меня предупредили, чтобы я взял с собой карту со всеми нанесенными на нее результатами разведки немецкой разведывательной авиации.

Прибыв на КП армии, я был немедленно представлен человеку в генеральской фуражке и в черном кожаном пальто без погон. Как оказалось, это был генерал армии К. Рокоссовский, командующий войсками 1-го Белорусского фронта. Он коротко сказал, обращаясь ко мне: «Доложите», – не уточняя о чем, видимо считая, что это само собой разумеется.

Я достал из планшета карту, на которой было обозначено 30 наших аэродромов и посадочных площадок с указанием количества и типов базирующихся на них самолетов. Всего около 600 единиц, а также места сосредоточения танков.

Генерал К. Рокоссовский внимательно рассматривал карту, очевидно, оценивая достоверность имеющихся на ней сведений, затем оставил карту себе и приказал мне не ослаблять наблюдения за деятельностью самолетов-разведчиков, а обо всем, что они вскрывают, докладывать в штабы фронта и армии».

На следующий день, сколь тщательно «слухачи» 545-го радиодивизиона ни слушали борты немецкой разведывательной авиации, ничего существенного не смогли уловить. Растерянные фашистские воздушные разведчики на 30 аэродромах и посадочных площадках насчитали всего 7 самолетов. А танки вообще исчезли бесследно.

Как стало известно позже, по приказу Рокоссовского самолеты были переброшены на запасные аэродромы и искусно замаскированы. А следы танков заматались с помощью деревьев, которые волочились за каждой боевой машиной.

... В Белорусской операции радиоразведку осуществляли 339-й дивизион (1-й Прибалтийский фронт), 474-й (3-й Белорусский фронт), 480-й (2-й Белорусский фронт), 394,541 и 545-й дивизионы (1-й Белорусский фронт). Кроме них в границах всех четырех фронтов работали части ОСНАЗ Ставки Верховного Главнокомандования.

Три дивизиона 1-го Белорусского фронта были выдвинуты к переднему краю и действовали в полосах наступления 47, 61 и 65-й армий на бобруйском, пинском и брестском направлениях. Дивизионы размещали как можно ближе к штабам армий. Из двух маневренных групп 541-го и 545-го дивизионов была создана единая мангруппа и придана разведотделу штаба 3-й армии, на правом крыле фронта.

В составе четырех фронтов действовали 19 групп ближней радиоразведки.

Шел 1944 год. Весь предыдущий боевой опыт доказывал, что подготовка радиоразведки к такой крупной наступательной операции должна осуществляться самым тщательным образом. Так и было сделано. Отделение радиоразведки разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта разработало схему-задание, в которой были определены границы разведки дивизионов, их задачи по перехвату и пеленгованию, пункты дислокации штабов и подчиненных подразделений.

В соответствии с этим документом разработали детальные задания на каждый дивизион.

Им ставились задачи по определению дислокации штабов соединений и частей, перегруппировку войск противника, районов сосредоточения резервов, базирования авиации, маршрутов полетов.

Акцентировалось внимание на ежедневном добывании данных о танковых и моторизованных дивизиях противника.

В заданиях также определялся порядок и способы доставки донесений и обмена информацией между дивизионами.

Эти документы были тщательно изучены командирами частей, их заместителями, начальниками оперативных отделений.

... Белорусская операция, получившая название «Багратион», началась 23 июня 1944 года. Войска 1-го Прибалтийского фронта пробили брешь в обороне противника и, развивая успех, еще 22 июня вышли к Западной Двине. 3-й Белорусский фронт нанес удары по фашистским войскам на богушевском и оршанском направлениях. 25 июня северная ударная группа фронта совместно с войсками 1-го Прибалтийского фронта завершила окружение группировки врага в районе Витебска.

С началом наступления наших войск радиосети противника заработали активно. Режим радиомолчания был прерван. Пришли в движение штабы корпусов и дивизий.

Теперь главной задачей радиоразведки стало определение направления отхода сил противника, создание им группировок для нанесения контрударов по нашим войскам.

В ходе наступления радиоразведка 1-го Белорусского фронта установила, что 41-й танковый корпус фашистов, занимавший оборону южнее Бобруйска, расчленен надвое. Две его дивизии отходят на запад, а штаб и еще одна дивизия, а также соединения 35-го армейского корпуса спешно отступают на Бобруйск.

В этот период радиоразведка вовремя вскрыла выдвижение из глубины 20-й танковой дивизии из резерва 9-й армии. Информация позволила нашему командованию своевременно принять контрмеры, и дивизия, понеся большие потери, откатилась к Бобруйску.

Именно радиоразведке принадлежит заслуга в определении частей, попавших в «бобруйский котел». А там оказались штабы 41-го танкового и 35-го армейского корпусов, несколько соединений из 12-го армейского корпуса, другие пехотные дивизии и части. 26 июня радиоразведчики доложили командованию, что управление войсками, попавшими в «котел» в районе Бобруйска, взял на себя штаб 41-го танкового корпуса.

По тому как перемещались штабы, стало ясно, что фашисты сосредотачивают усилия для прорыва кольца окружения в северном направлении. Сведения были очень ценны для нашего командования, так как в это время принималось решение о направлении главного удара с целью разгрома окруженной группировки. 480-й радиодивизион, работавший в интересах 2-го Белорусского фронта, внимательно отслеживал деятельность радиостанций штабов вражеских войск.

«Вечером 29 июня, – вспоминает начальник отделения радио-разведки разведотдела штаба фронта И. Белоусов, – к генералу Виноградову прибыл с разведдонесением начальник оперативного отделения 480-го отдельного радиодивизиона ОСНАЗ И. Крупеник и доложил о том, что радиоузлы штабов 12-й пехотной дивизии и Могилевского укрепленного района не работают.

Виноградов улыбнулся с хитрецей, взял под руку Крупеника и повел его в домик, где находились пленные гитлеровские генералы. Открыв дверь, Виноградов сказал Крупенику: «Вот тот, что у окна, – командир 12-й пехотной дивизии, а тот, что за столом, – комендант укрепленного района. Вот поэтому радиоузлы их штабов и не работают. Понятно?»

«Так точно, понятно», – с нескрываемым удовлетворением ответил Крупеник. Это было приятно и ему, и мне, и генералу Виноградову, который тут же передал благодарность всему личному составу дивизиона и особенно тем, кто наблюдал за работой узла связи Могилевского

укрепленного района».

Радиоразведка в ходе наступательной операции основные усилия, разумеется, направляла на контроль за радиосетями сухопутных войск. Однако не упускала из внимания и работу немецкой авиации, тщательно отслеживала степень осведомленности противника о наших войсках.

Так, 26 июня офицер оперативного отделения 545-го радиодивизиона ОСНАЗ Лавров перехватил донесение немецкого самолета-разведчика. Пилот докладывал, что обнаружил на опушке леса, в соответствующем квадрате 27 наших замаскированных установок «Катюш». Он просил скорее направить авиацию дня нанесения удара по «Катюшам».

Понимая, что дорого каждое мгновение, командир дивизиона майор Гудков связался по телефону с командующим артиллерией 65-й армии и передал содержание перехваченного донесения.

Гвардейские минометы «Катюши» практически всю войну считались оружием секретным, и любая информация о них держалась в большой тайне. А тут вдруг какой-то майор открытым текстом говорит о районе сосредоточения установок.

Командующий артиллерией был вне себя от ярости. Он обрушил на командира дивизиона поток брани, обещал отдать столь безответственного офицера под суд трибунала.

Генерал закусил удила, и стоило больших трудов объяснить ему, что тайна его «Катюш» уже раскрыта немцами и они готовят удар. Когда командующий артиллерией остыл, и к нему вернулась способность соображать, он тут же смекнул в чем дело. Срочно было принято решение вывести «Катюши» из-под удара.

А через двадцать минут в небе показался немецкий бомбардировщик Ю-88. Он разбомбил ту самую опушку леса, где совсем недавно находились наши гвардейские минометы.

Офицер Лавров был награжден орденом Красной Звезды, а у командира дивизиона сложились самые добрые отношения с командующим артиллерией армии.

Для того чтобы задержать отступление, а порою и просто бегство своих войск, фашисты создавали заградительные отряды. Радисты северо-западнее Осиповичей перехватили сообщение, которое ярко характеризовало моральное состояние фашистских войск.

«Мы выявляем тысячи, – радировали своему командованию заградотрядовцы. – Совершенно необходимо, чтобы эти колонны были перехвачены, в необходимых случаях надо применять оружие. Некоторые стремятся захватить средства транспорта. Я не могу гарантировать оборону. Русские преследуют нас и атакуют. Немедленно вышлите грузовики для эвакуации».

Однако никакие заградительные отряды не могли остановить отступающих фашистов. Наступление Красной Армии продолжалось. 3 июля войска 1-го и 3-го Белорусского фронтов сомкнули кольцо окружения вокруг немецкой группировки восточнее Минска.

Войска 2-го Белорусского продолжали преследование фашистов. Вскоре окруженная группировка была уничтожена. 2-й и 3-й Белорусские фронты с боями продвигались на запад, форсировали Неман и приступили к освобождению Литвы.

Командование немецкой армии старалось остановить наши войска на подступах к Восточной Пруссии. Для этого им надо было ликвидировать плацдарм на западном берегу Немана. Именно поэтому сюда передислоцировали несколько дивизий врага, в том числе 6 танковых. «Слухачи» 474-го радиодивизиона вовремя вскрыли их переброску и районы размещения.

Быстрое преследование противника навязывало свой ритм действий. Радиоразведке приходилось часто перебрасывать свои силы и средства, в то же время не теряя наблюдения за радиосетями противника.

Дивизионы ОСНАЗ перемещались практически ежедневно. Чтобы обеспечить непрерывность разведки в этих условиях, приходилось перемещаться в два эшелона. Первый

эшелон перебрасывался, как правило, за 4–5 часов, весь дивизион за 12 часов. Это, естественно, снижало эффективность разведки.

Нужен был другой алгоритм действий. Но какой? Над этим думали и в Центре и в дивизионах. Известно, что радиостанции вражеских штабов наименее активно работали ночью, примерно с 22 часов до 4 часов утра. Значит, в утренние часы целесообразнее максимально задействовать все средства радиоразведки и обеспечить дежурство на них наиболее опытных операторов. А передислокацию проводить ночью.

Было принято решение так и поступать. Передислокацию осуществить одним эшелоном с ведением радиоразведки на марше. Новую схему опробовали в 545-м радиодивизионе. Лучшие «слухачи» обеспечивали наблюдение за радиостанциями противника на ходу. Пеленгование осуществлялось радиопунктами самостоятельно по заданию.

Четыре радиопеленгаторных пункта дивизиона перемещались поэшелонно: два периферийных – в конце дня, когда радиостанции противника были уже неоднократно запеленгованы, а еще два – одновременно со всеми подразделениями дивизиона.

За несколько часов вперед посылались рекогносцировочная группа для выбора позиций развертывания местного пеленгатора, антенн для приемного центра, линий связи. Все это делалось для того, чтобы прибывшие основные подразделения сразу включились в работу.

Подобная тактика оказалась наиболее продуктивной и вскоре была внедрена в деятельность всех дивизионов ОСНАЗ, в особенности, когда речь шла о наступательных операциях, сопровождающихся быстрым передвижением войск.

Правда, при высоком темпе наступления радиоперехват в УКВ диапазоне был затруднен. Его вели маневренные группы и армейские группы ближней разведки на коротких остановках, а следовало вести на ходу, в боевых порядках войск. Однако к этому тактическая радиоразведка была не готова, и в первую очередь по состоянию техники и вооружения. Но УКВ перехват самолетов ближней авиационной разведки все-таки осуществлялся.

Эти данные вместе с другой информацией позволяли радиоразведке давать более точные сведения. Примером тому может служить развединформация, полученная по 4-й танковой дивизии фашистов. Со 2 по 4 июля 1944 года по данным пеленгации немцы осуществляли переброску частей соединения с ковельского направления в район Барановичей. 4 июля с самолета ближней авиационной разведки перехватили сообщение, которое дополнило картину действий дивизии. Теперь с полной уверенностью можно было сделать вывод, на каком участке фронта это соединение фашисты введут в бой.

В двадцатых числах июля 1944 года, развивая стремительное наступление в Белоруссии, 65-я армия, завершив разгром немцев под Бобруйском, преодолела труднопроходимые леса Беловежской пуши, вышла к Западному Бугу, вклинившись в оборону фашистов.

Стало понятно, что немцы не упустят возможности нанести удар двумя группировками под основание клина, вытянувшегося вперед, чтобы отрезать передовые соединения армии, окружить и уничтожить их.

Догадки командования вскоре подтвердила радиоразведка. Она установила, что отходящие соединения фашистов действительно сосредоточились на флангах 65-й армии у основания ее клина.

Северо-западнее Бреста занимали позиции войска 23-го армейского корпуса, в который входили 5-я танковая, 35,102 и 292-я пехотные дивизии, 216-я дивизионная группа, а также дивизия СС «Викинг».

В районе Бельска сосредоточилась 4-й танковая и 28-я пехотная дивизия 1-го кавалерийского корпуса.

Чтобы воспрепятствовать форсированию нашими войсками Западного Буга, немцы перебросили из глубины 541-ю пехотную дивизию.

Таким образом, противнику удалось передислоцировать в район намеченного контрудара

достаточно сильную группировку – две танковые и пять пехотных дивизий.

Данные разведки помогли командованию 65-й армии принять упреждающие меры и сорвать контрудар врага. Его попытки вклинуться в нашу оборону успеха не принесли. Обе группировки были разгромлены советскими войсками.

В ходе боевых действий произошло событие, когда 545-й радиодивизион ОСНАЗ едва не попал под удар вражеских танков.

Командир дивизиона только что вернулся из штаба армии, как ему доложили: дежурный радиооператор местного радиопеленгатора метрах в трехстах видит три немецких танка. Судя по всему, это были танки разведдозора одного из фашистских соединений.

Дивизион подняли по тревоге и срочно вывели в запасной район. Сделано это было быстро, ведь личный состав был хорошо натренирован при свертывании и развертывании техники. Через десяток минут дивизион снялся с места и убыл в район сбора.

За успешную боевую работу в ходе Белорусской наступательной операции отличившиеся радиоразведчики были награждены орденами и медалями. Командир 541-го радиодивизиона майор Константин Гудков удостоился ордена Красного Знамени.

Полковник Тюменев и его команда

До сих пор мы рассказывали о деятельности радиодивизионов ОСНАЗ на фронтах Великой Отечественной войны. Теперь пришло время написать об отделе Тюменева. Что это за отдел?

Дело в том, что части радиоразведки подчинялись начальникам разведки фронтов, а также отделу Тюменева. Он занимался специальными, кадровыми и инженерно-техническими проблемами и входил в штат Разведуправления Красной армии.

Начальник и офицеры этого отдела поддерживали тесный контакт с разведорганами фронтов, активно работали по всем проблемам оперативной деятельности, обеспечения частей ОСНАЗ и организации взаимодействия с соседями. Отношения отдела радиоразведки с фронтовыми разведчиками носили деловой, конкретный и доверительный характер.

Правда, надо сказать, что отдел Тюменева, как самостоятельное подразделение, начал свою работу в октябре 1942 года. Перед войной функционировал отдел, который объединял руководство службами радиосвязи, радиоразведки и технического обеспечения. Его возглавляли в разное время И. Артемьев, В. Рябов.

С сентября 1942 года службы радиосвязи, радиоразведки и технического обеспечения были разделены. Радиоразведка вошла в состав управления, которое объединяло под своим началом также части ОСНАЗ, органы и радиочасти спецслужбы, созданные на базе отдельных радиостанций ОСНАЗ.

Управление это просуществовало всего месяц с небольшим. Радиочасти и органы спецслужбы были переданы в НКВД, и оно приказало долго жить.

На его месте был создан самостоятельный отдел, который и вошел в историю радиоразведки как «отдел Тюменева».

«Отдел А. Тюменева, – вспоминал А. Устименко, в период войны работавший в этом органе, – был небольшим, и многим из нас приходилось быть «многостаночниками», то есть проявлять себя в различных ипостасях: от обработки материалов, чисто инженерных проблем до организационных вопросов, вскрытия систем позывных противника, формирования и подготовки к боевой работе различных временных разведывательных групп, разработки мер по усилению разведывательных возможностей общевойсковых армий и, конечно, выездов на фронты с теми или иными заданиями».

По штату отдел состоял из двух групп. Одна из них занималась обработкой и обобщением данных разведки от частей на советско-германском фронте, до Дальнего Востока и южных границ. На основе этих материалов они каждый день готовили донесения о противнике, данные которого включались в доклад Разведуправления Генерального штаба и докладывались Верховному Главнокомандующему. Эта группа также анализировала состояние оперативной работы частей, изучала их опыт, распространяла новые методы обработки и использования радиоразведывательных данных.

В группу входили опытные, высокопрофессиональные специалисты – П. Варлыгин, Е. Кутейников, В. Кутынин, А. Кузнецов, В. Маркович, В. Львов, М. Пятков, Е. Шергин, Л. Чинаров.

Возглавил этот коллектив офицер Вениамин Мухин. Как-то в беседе со мной генерал-лейтенант Петр Шмырев назвал Мухина «блестящим аналитиком высшего класса». Участник войны в Испании, он не имел специального образования, однако был талантливым самородком. Прекрасно разбирался в радиосвязи, принимал на слух из эфира передачу со скоростью 120–140 знаков в минуту, при этом записывал принимаемый текст без единой ошибки своим четким, каллиграфическим почерком.

Во время войны он часто выезжал на фронт, в дивизионы ОСНАЗ, помогал находить ответы на самые сложные вопросы. В войсках его любили.

Вторая группа занималась кадровыми, организационно-штатными и учебными проблемами. Старшим в группе был И. Логинов. Вместе с ним трудился М. Вахнев. Курировал их работу заместитель начальника отдела И. Уханов.

Капитан, а потом и майор Александр Устименко ни в одну из групп не входил и подчинялся непосредственно начальнику отдела полковнику Алексею Тюменеву.

Алексей Александрович возглавил отдел радиоразведки еще до войны в 1940 году и командовал им до 1948 года.

Тот же Устименко отзывался о своем начальнике следующим образом: «Тюменев действовал, как дирижер большого слаженного оркестра, где инструмент четко ведет свою партию, не допуская ни малейшей фальши, ни пропуска. Он всегда был в курсе изменений в группировке войск противника, обладал редкой оперативной памятью.

Оперативность Тюменева при решении вопросов по запросам частей была мгновенной.

В качестве штриха к образу полковника Тюменева должен сказать, что он безгранично доверял подчиненным: знал, что его не подведут».

Остается только добавить, что отдел руководил всей радиоразведкой – от стратегического звена (полк, бригада Ставки ВГК) до тактического (армейские группы ближней разведки).

Вообще в отделе существовало негласное правило: офицер не должен ждать особых указаний начальства. Наоборот, зная все тонкости обстановки на порученном участке, постоянно анализируя поступающую информацию, работник отдела радиоразведки должен был вовремя вносить на рассмотрение руководства новые предложения, таким образом наращивая усилия службы.

В марте 1943 года, возвратившись из командировки в блокадный Ленинград, офицеры Мухин и Устименко доложили Тюменеву о работах радиоразведчика Дроздова по перехвату передач с борта гитлеровских самолетов-разведчиков.

Алексей Александрович горячо поддержал начинания Дроздова, и вскоре была получена заказанная в Ленинграде первая партия радиоприемников «Север-У». Таким образом, перехват УКВ-передач немецкой авиации был внедрен во всех частях радиоразведки.

Вообще в ходе войны, боевых действий возникало множество проблем, как оперативного, так и сугубо технического характера. Однако, к чести отдела радиоразведки, с ними удавалось справиться.

Так к середине 1942 года стало понятно, что все усилия фронтовых радиочастей ОСНАЗ сводятся, по сути, к нулю из-за опозданий при их передаче по Бодо. Собранные со всех фронтов и представляющие огромную оперативно-стратегическую ценность, они просто не попадали в общую разведсводку Генерального штаба за прошедшие сутки.

Почему это происходило? Да потому, что ежесуточные сводки радиоразведки передавались с фронтов в Москву только после прохождения оперативных и общих разведсводок.

Сложившуюся очередность в передаче материалов в Центр радиоразведки, естественно, изменить не могли. Но и мириться с подобным положением не хотели. Ведь данные радиоразведки теряли свою актуальность.

Выход вскоре был найден. Решили организовать связь с фронтовыми ОСНАЗ по радио и получать донесения в Москве на радиоузле Разведуправления. Отдел радиосвязи помог коллегам и взял связь с радиодивизионами на себя.

Однако и этого не хватало. Для радиосвязи нужен был код, который бы учитывал специфику передаваемого материала и позволил бы наиболее экономно его шифровать. Полковник Тюменев поручил разработку кода капитану Устименко. Он учел, что капитан еще в довоенное время служил в штабе маршала Блюхера и имел опыт работы в качестве криптографа.

Код был разработан, изготовлен для каждой из радиочастей ОСНАЗ. Вскоре с приемного центра в отдел радиоразведки по телетайпу в зашифрованном виде стали поступать разведсводки из каждого фронтового дивизиона.

Теперь в общую разведсводку Генерального штаба стали включаться самые свежие данные радиоразведки всех фронтов.

Код, разработанный Устименко, действовал всю войну. А технический ход, найденный отделом радиоразведки, позволил сделать сводки Генштаба более актуальными и оперативными.

Конечно же главной заботой Тюменева и его подчиненных был фронт, то есть разведдивизионы ОСНАЗ, действующие в боевых условиях. Усилия офицеров отдела были сосредоточены на непрерывном анализе работы каждой части. Для этого использовались данные ежедневного контроля за количеством добываемой информации. Офицеры отдела часто выезжали в войска. И необходимость в таких командировках не подвергалась сомнению. Ибо война требовала совершенствования существующих и выработке новых форм и методов ведения радиоразведки. А эти наиболее рациональные формы как раз и рождались в результате личных контактов офицеров отдела с коллегами из частей.

Так, после командировки полковника Тюменева в войска Центрального, Степного и Юго-Западного фронтов и изучения на местах условий наблюдения за крупными штабами противника он пришел к выводу о необходимости централизации обработки пеленгов на радиостанции штабов объединений немцев, за которыми вели наблюдение одновременно несколько фронтовых радиоразведывательных частей. Позже это предложение Тюменева было учтено при создании 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ.

Нередко офицерам отдела приходилось выезжать в войска, чтобы на месте возглавить работу по развертыванию и вводу в действие частей радиоразведки. Примером тому – работа Устименко на Юго-Западном фронте в конце 1942-го – начале 1943 годов.

«Меня вызвал Тюменев, – вспоминает Александр Иванович, – заговорщически, шепотом сказал, что следует быстро выехать на фронт. Задание заключалось в том, чтобы в определенном месте встретить, принять подходящую часть ОСНАЗ, обеспечить ее развертывание и ввод в действие в границах действующего там «хозяйства».

Что это за «хозяйство»? Тюменев мог строго секретно сказать только то, что это новое большое «хозяйство», штаб которого расположен в районе западнее или юго-западнее

Михайловки (район северо-западнее Сталинграда). Он обвел на карте большой круг и заметил, что сказанное представляет большой секрет.

Вот задача: ни названия, ни номера войсковой части, ни места расположения штаба, ни фамилии командующего «большим хозяйством».

Потом станет известно, что Сталинградская операция находилась под большим секретом и были приняты все меры к тому, чтобы скрытно сосредоточить крупные массы войск в излучине Дона и сформировать первый мощный Юго-Западный фронт под командованием генерала Н. Ватутина.

Не было нигде никаких указаний или стрелок, которые помогли бы найти путь в части и соединения фронта.

В тот вечер я вскочил в первый отходящий поезд с Павелецкого вокзала. Этим начался мой многодневный марафон. Но на следующее утро поезд остановил свой бег, проводница объявила, что дальше поезда не ходят и, кому нужно дальше ехать, надо пересаживаться в проходящие эшелоны.

Эшелоны везли массу войск на юго-восток.

Одним из эшелонов я добрался до узловой станции Ртищево. После долгих странствий поймал конкретную машину и через полтора суток прибыл в г. Калач, где располагался штаб Юго-Западного фронта. Быстро нашел разведотдел и начальника разведки фронта, представился ему. Это было уже 10 декабря 1942 года, к этому времени возрожденный Юго-Западный фронт уже успел замкнуть кольцо окружения Сталинградской группировки противника.

В начале января появился 469-й радиодивизион ОСНАЗ, приданный фронту. Им командовал опытный радиоразведчик Н. Матвеев».

Так началась работа Устименко на фронте. Сложностей было немало, Дело в том, что аппарат начальника разведки фронта оказался укомплектованным в основном офицерами армейского звена. Ведь штаб фронта разворачивался на базе штаба одной из армий. А это означало, что никто из офицеров разведотдела раньше с работой радиоразведки не встречался. Пришлось приобщать их к деятельности этой службы.

Процесс вхождения дивизиона в боевую обстановку тоже оказался крайне тяжелым. По сути, начинали с нуля. Отправные сведения по радиосетям противника отсутствовали. Сосед слева, начальник радиоразведки разведотдела штаба Донского фронта И. Лобышев тоже ничем помочь не мог.

Положение усугублялось еще и тем, что с января 1943 года гитлеровцы сменили порядок назначения позывных, не отменяя таблицу «Е». Пришлось, как говорят, учиться на морже.

Устименко, по сути, исполнял обязанность начальника отделения радиоразведки фронта.

Дивизион расширял сферу объектов наблюдения. Сводки предоставлялись Устименко, после обработки он их подписывал, докладывал начальнику разведки фронта. Потом по Бодо они передавались в Генштаб.

Однако Тюменев не был сторонником длительной задержки своих офицеров на фронте, в частях. Он считал так: выполнил поставленную задачу и домой, в Москву. Здесь ждут новые дела. Действительно, работы в отделе было невпроворот, а активных штыков мало.

Так случилось и в этот раз. Через месяц начальник разведки фронта полковник А. Рогов вызвал к себе Устименко и сказал, чтобы тот собирался в Москву. Александр Иванович пытался убедить Рогова оставить его на фронте, но Рогов ответил, что это уже не первая телеграмма, две предыдущих он положил под сукно. «Теперь, – сказал полковник, – я ничего сделать не могу».

Несмотря на то что Устименко не хотелось уезжать с фронта, ему нравилась живая, реальная работа, справедливости ради надо отметить: ввод в действие 469-го радиодивизиона состоялся, и, как показали дальнейшие события, эта часть действовала вполне успешно.

Полковник Тюменев торопил неспроста. Еще в войсках Устименко узнал о новой немецкой системе назначения позывных. Но что это? Действительно новая система или какой-

то вариант известной уже таблицы «Е»? Изучить и прояснить этот вопрос и было поручено Александру Ивановичу после его возвращения с фронта.

Историю немецких единых таблиц позывных Устименко знал прекрасно. Первые экземпляры таблицы «Д» были захвачены нашими войсками осенью 1941 года под Ельней.

С 1 мая 1942 года гитлеровцы ввели в действие новую таблицу позывных «Е». Трудность взлома этой таблицы наша разведка успешно преодолела. К концу 1942 года таблицы «Е» уже были практически во всех частях ОСНАЗ. Теперь наши радиоразведчики уверенно привязывали позывные к штабам соединений и объединений немецко-фашистских войск.

Но вот наступил новый, 1943 год, и противник преподнес сюрприз. Этот сюрприз и должен был разгадать Александр Устименко.

Необходимые для анализа материалы он получил из технических сводок радиочастей ОСНАЗ. В результате тщательной обработки материалов удалось выявить: в новой таблице произведен сдвиг позывных по строке для каждых суток. Иными словами, применена система «шифрования чисел».

Вскоре из Москвы в каждый дивизион была направлена методика вскрытия «шифрованного числа»: подсказка центра сработала, и до конца года части радиоразведки успешно пользовались ею.

Однако враг тоже не дремал. С 1 января 1944 года он ввел для назначения позывных новую таблицу «Р». Нашим войскам удалось захватить один экземпляр таблицы и ее передали в отдел радиоразведки ГРУ. Внимательно анализируя ее, Александр Иванович увидел ее явную схожесть со старой таблицей «Е». Потом он будет нередко шутить, мол, какой-то ленивый фриц разрезал старую таблицу на части по пять позывных в каждой, бросил эти части в мешок, перемешал и доставал их оттуда в беспорядке, наклеивая пятерки на листы бумаги.

Устименко все понял. Теперь предстояло отыскать в новой таблице местонахождение всех пятерок и составить схему перехода от таблицы «Е» к таблице «Р» и наоборот. Работа заняла пять дней и бессонных ночей, и через неделю новые таблицы ушли в радиодивизионы ОСНАЗ.

С немецкой дисциплинированностью 1 января 1945 года противник подготовил новую головоломку. Он ввел шифрант к таблице «Е», без которого пользоваться ею оказалось невозможным. Этот документ так и не был захвачен нашими частями.

Снова анализ, изучение материалов... Ночи и дни, проведенные за раскрытием шифранта. Позже Устименко скажет, что для расшифровки надо было затратить «чудовищные усилия». Тем не менее, он был взломан. Правда, на это ушло много времени, и части радиоразведки в самый напряженный период проведения операций действовали без таблицы позывных. И когда работа с шифрантом уже полным ходом шла в радиодивизионах, на одной из встреч с союзниками полковник Тюменев получил от англичан своеобразный подарок – экземпляр шифранта. Увы, случилось это буквально за несколько дней до окончания войны.

Таким был отдел радиоразведки ГРУ под руководством полковника Алексея Тюменева. Постоянная связь офицеров Центра с фронтовыми радиоразведчиками, выезды в действующую армию обогащали отдел боевым опытом, который своевременно обобщался и становился достоянием всех.

Так было, к примеру, с освоением радиоразведки военно-воздушных сил противника в диапазоне ультракоротких волн, с использованием данных о районах полетов самолетов ближней авиационной разведки для наблюдения за его группировкой, с оборудованием приемных центров и узлов связи на грузовых автомобилях, с внедрением переговорного устройства Киселева, микрофонной радиосвязи и радиостанций «Север» для управления пленгованием. В отделе также уточнялась методика разведки, совершенствовалась структура частей, определялись перспективные разработки новых технических средств.

Отделу радиоразведки ГРУ принадлежала инициатива в создании стратегической

разведки Главного командования, организации подразделений тактической радиоразведки в армиях, во фронтовых частях, в партизанских соединениях и разработки для них необходимой техники.

Тюменев и его подчиненные стояли у истоков создания службы радиопомех.

Кроме руководства подготовкой специалистов в учебных заведениях отдел умело организовывал и периодическую их подготовку, если возникала такая потребность.

Весной 1943 года была организована подготовка переводчиков для маневренных групп, создание которых планировалось в связи с поступлением на вооружение малогабаритных радиопеленгаторов и радиоприемников.

Через год, весной 1944 года отделом была проведена подготовка лучших сержантов для сдачи экзаменов экстерном за курс военного училища связи.

Однако, нельзя сказать, что в деятельности отдела радиоразведки не было недостатков. Справедливости ради следует признать, что перед войной, к сожалению, недостаточно изучалась техника радиосвязи вероятного противника. Практически не знали наши специалисты об УКВ-связи в немецкой авиации, о работе радиорелейной связи в высшем звене командования противника, о наличии радиолокационных средств и возможностях их разведки.

Александр Иванович Устименко, после войны ставший генералом и возглавивший одну из важнейших служб Генерального штаба – службу по контролю за ядерными взрывами, горько сожалел, что в Красной армии не было предпринято должных усилий по захвату теперь уже знаменитой шифровальной машины «Энигма». Корил он себя за то, что офицеры отдела радиоразведки «не подсказали командованию, что в сотнях разгромленных штабов немецкой армии наверняка были в целости и сохранности оставлены «Энигмы» и что их можно использовать для расшифровки радиোগрамм противника».

«Почему же мы, – говорил Устименко, – так беспечно прошли мимо этого факта и не дали в войска просьбу о захвате «Энигмы». Скорее всего, эти машины, имеющие вид пишущих, попали с трофеями в войска связи и не были использованы».

Наши союзники поступили иначе. И англичане, и американцы приложили немало усилий, чтобы захватить «Энигму». Британцы специально охотились за ней. И их труды увенчались успехом. Правда, успехом они не поделились с нами.

Впредь это нам урок. В нынешний век вооружения армий новыми образцами электроники, широкого применения компьютерной техники, использования космических технологий, автоматизированных средств управления ни одна из систем противника не должна остаться без внимания специалистов радиоразведки.

Только это, вместе с развитием и совершенствованием передовых средств и методов, позволит радиоразведке оставаться постоянно действующим и надежным инструментом быстрого и стабильного получения ценной информации.

А техника нам нужней...

Думаю, что не открою Америки, если скажу: радиоразведка имеет свою, присущую только ей специфику. И тем не менее считаю необходимым это подчеркнуть, поскольку служба радиоразведки, как никакая другая, зависит от качества и состояния техники. Для радиоразведчиков это аксиома.

Однако не все зависит от желания радиоразведчиков. Ибо решения о техническом оснащении частей ОСНАЗ чаще всего принимали люди, далекие от знания тонкостей этой службы. Но даже и они не все могли. Вопрос состоял в другом: могла ли наша экономика, технологии 30-х годов XX века в полной мере удовлетворить потребности радиоразведки. Ответ

заранее ясен – не могли.

Впрочем, даже там, где могли, увы, не сумели, не успели. Еще в 1936 году Разведуправление настаивало на поставках приемной и пеленгаторной аппаратуры, смонтированной на автомобилях. Ведь было ясно, что в ходе боевых действий размещение аппаратуры в ящиках снижало маневренность частей ОСНАЗ. Но просьбы военной разведки не услышали в руководстве Генштаба Красной армии.

Радиоразведывательная аппаратура, находившаяся в частях ОСНАЗ накануне войны, состояла, как правило, из радиопеленгаторов и приемослежечных радиостанций. По своим тактико-техническим характеристикам они в основном отвечали требованиям радиоразведки. Правда, как мы уже сказали, комплексов, размещенных на автомобилях, практически не существовало. Есть данные, что был выпущен только один подобный экспериментальный комплекс, состоящий из двух узлов перехвата и двух радиопеленгаторов. Он использовался в дивизионах 1-й отдельной бригады ОСНАЗ.

Надо признать, что в целом в предвоенный период радиоразведывательные части были укомплектованы аппаратурой от 85% до 92%. Довольно малой была обеспеченность частей ОСНАЗ средствами радиосвязи, автотранспортом, зарядными агрегатами. Так, к примеру, радиостанции РБ составляли всего 4,2%, а радиостанции РСБ – 22,4%, укомплектованность автомобилями – 36%.

Думается, что с такой аппаратурой радиоразведывательные части имели возможность вполне успешно воевать. Однако, война есть война. И первые же потери сильно ухудшили укомплектованность частей ОСНАЗ специальной техникой.

Быстро закрыть эту брешь не удалось. Хозяйство страны переходило на военные рельсы. Заводы, фабрики, предприятия эвакуировались в тыл. Один из основных поставщиков разведывательных радиостанций – Харьковский радиозавод – в третьем квартале 1942 года выполнил план всего на 38%, в четвертом – на 58%. Не лучше работал и завод в Александрове.

Только к октябрю 1944 года, по сути, за полгода до окончания войны, укомплектованность частей основными видами разведывательной техники достигла 100%.

Что же касается самих этих видов пеленгаторной и приемослежечной аппаратуры, то следует заметить, – всю войну наши ученые, конструкторы, специалисты, да и сами радиоразведчики старались их совершенствовать, улучшать, модернизировать.

Войну мы начали с длинноволновым пеленгатором 51па1а. За полтора года войны он был трижды модернизирован: повысилась его избирательность, значительно улучшен модуль чувствительности, не стало сменных блоков в приемном устройстве. Теперь по тактико-техническим характеристикам он значительно превосходил своего довоенного предшественника.

К сожалению, в тактической разведке такого радиопеленгатора не было. А для маневренных групп он был просто необходим. И тогда по заданию Разведуправления отдел радиоразведки НИИС разработал, а один из оборонных заводов выпустил в 1943 году рамочный радиопеленгатор «Штопор».

Летом 1943 года «Штопор» прошел испытание в 1-й отдельном радиополку ОСНАЗ и был запущен в серийное производство.

Он был рассчитан на пеленгование полковых и дивизионных радиостанций, и приспособлен для работы вблизи переднего края. Действовал «Штопор» на 50 км и вполне обеспечивал потребности тактической радиоразведки. В таком виде он и просуществовал до конца войны.

Следует сказать, что во время войны совершенствовалась и коротковолновая пеленгаторная аппаратура. В 1942 году увидел свет пеленгатор 55пк41. Правда, он был изготовлен для военно-воздушных сил и работал в качестве приводного на аэродромах. В радиоразведку попали редкие, единичные экземпляры. Зато осенью 1943 года Харьковский

радиозавод изготовил пеленгатор ПКВ-43. Он стал поступать в части в 1944 году.

Теперь о приемослежечной аппаратуре. Основным средне- и длинноволновым приемником был 45пс1. Его также модифицировали. А вот в 1942 году на базе радиоприемника «Чайка», который создавался еще до войны, выпустили радиоприемник СВ. У него были достаточно высокие тактико-технические характеристики. До конца войны он и оставался основным приемником для оперативной и стратегической радиоразведки.

Для маневренных групп ближней радиоразведки в 1943 году создали малогабаритный переносной радиоприемник «Вираз». На его базе потом осуществили выпуск рамочного слухового радиопеленгатора «Штопор».

В следующем, 1944 году «Вираз» модернизировали: был расширен диапазон, повышена чувствительность.

На базе радиоприемника «Чайка» также разработали приемник КВ. Уже в 1942 году он стал поступать в части. Радиоразведка получила эти приемники в 1944–1945 годах.

Особый разговор об обеспечении радиоразведки ультракоротковолновой аппаратурой.

До войны в советских войсках радиоразведки такой аппаратуры не существовало. В сентябре 1941 года радисты 472-го дивизиона Ленинградского фронта обнаружили работу самолетных радиостанций немцев на ультракоротких волнах. Так началось освоение фронтовыми радиодивизионами УКВ диапазона, как важного источника разведсведений.

О необходимости организовать радиоразведку на УКВ было доложено секретарю ЦК ВКП(б), члену Военного совета фронта А. Жданову.

В начале 1942 года в Ленинграде выпустили УКВ радиоприемник «Север-У». Серия оказалась весьма небольшой, поскольку изготовление приемника в блокадном городе было связано с огромными трудностями.

Вот как о том времени вспоминает полковник в отставке Евгений Павловский, который после окончания академии связи в 1941 году был направлен в Ленинград и в качестве военпреда занимался организацией выпуска радиостанции «Север».

«Главным предприятием по изготовлению радиостанции был определен радиотехнический завод имени Козицкого. Вернее то, что от него осталось после эвакуации на 5-й линии Васильевского острова. Заводу требовалось выполнить очень сложную и ответственную работу: создать надежную для фронтовых условий радиостанцию – ударопрочную, морозо- и жароустойчивую аппаратуру. Также разработать конструкторскую и технологическую документацию, естественно, с учетом оставшегося и поступившего с других предприятий станочного и измерительного оборудования. И все это в условиях крайне ограниченного ассортимента сырья и материалов.

К счастью для «Севера», если можно так выразиться, последний из железнодорожных эшелонов этого завода с оборудованием и немногими людьми из-за захвата немцами станции Мга не успели выехать из Ленинграда.

Люди работали, не уходя с завода. Умирали от голода прямо на рабочих местах, гибли от артобстрелов. Помню, я был в НИИ на Крестовском острове и говорил с начальником цеха. Потом отошел на полчаса к главному инженеру, а когда вернулся, начальник цеха был уже мертв. Умер от голода.

В феврале 1942 года в здание лаборатории попала авиабомба. На сборке работали в основном женщины, многие погибли. Во дворе было помещение, в котором снизу доверху лежали трупы.

Однако, через несколько часов после этой бомбардировки в сохранившемся неотопливаемом сарае соорудили длинные столы со скамьями, за которыми при свечах и керосиновых коптилках, с черными от сажи лицами сидели сборщицы радиостанции «Север».

Когда я там появился, одна из женщин сказала: «Мы не просим хлеба и тепла. Это невозможно. Но подключите нас к электричеству, и мы дадим продукцию, которая так нужна

фронту».

И они давали эту продукцию. С трудом, в некоторые месяцы совсем мало, но давали».

Радиостанция «Север-У» по одному-два экземпляра попадала в части ОСНАЗ. Разумеется, этого было недостаточно для полноценной боевой работы, и тогда умельцы из дивизионов старались приспособить трофейную аппаратуру для своих нужд. Нередко они сами конструировали образцы собственными руками.

В мае-июне 1944 года, когда начали формироваться армейские группы ближней разведки, потребности в УКВ-аппаратуре значительно возросли. Однако к тому времени наша промышленность уже смогла удовлетворить потребности радиоразведки. Правда, ультракоротковолновый радиопеленгатор за годы войны так и не был выпущен.

В деятельность радиоразведки, в первую очередь тактической, внедрялся и метод подслушивания противника по проводам. Немцы, к примеру, широко применяли этот метод с первых дней войны.

«Гитлеровцы упорно старались наладить подслушивание телефонных и телеграфных переговоров, – пишет в своей книге «Позывные Москвы» Иван Артемьев, наш старейший специалист по радиосвязи, генерал-майор в отставке. – Они пытались подключиться к проводным линиям, использовать принцип индукции, то есть свойство переменного электрического тока возбуждать в соседнем, параллельно идущем проводе, такой же ток, но обратного направления.

Подслушивание удавалось врагу как на линиях с нормальной звуковой частотой, так и на тех, что были оборудованы аппаратурой с высокой частотой (ВЧ)».

Не оставались в долгу и мы. Подслушивание применялось достаточно активно. Первый аппарат для подслушивания был разработан еще в предвоенное время. Радиоразведчики либо подключались непосредственно в проводную линию, либо забрасывали так называемые «усы» в электромагнитное поле, создаваемое проводными линиями немцев.

Аппарат подслушивания телефонных переговоров носил наименование СП-3, потом СП-5. Он неоднократно модернизировался.

Наши радиоразведчики в довоенное время и в начальном периоде Великой Отечественной войны встречались только с одноканальными системами радиосвязи противника. В 1942 году была обнаружена многоканальная система коротковолновой магистральной связи фашистов. В этом же году научно-исследовательский институт связи начал разработку аппаратуры радиоперехвата многоканальных передач. Правда, потом разработка этих вопросов была передана из ведомства ГРУ в другое министерство, и до конца войны подобными проблемами радиоразведка не занималась.

До войны и, особенно, в военный период шла разработка и создание аппаратуры звукозаписи. Первый отечественный аппарат механической звукозаписи пошел в серию в конце 1944 года.

Рассказывая о научно-технических разработках и о заводском изготовлении аппаратуры для радиоразведки, нельзя не отметить исключительно важную роль специалистов радиомастерских, которые функционировали в частях ОСНАЗ. Именно они выполняли тот огромный объем работ по поддержанию аппаратуры в рабочем состоянии. Очень важно, что возглавляли эти мастерские и трудились в них опытные инженеры и техники, имеющие большой довоенный опыт инженерной и научной работы в области радиотехники.

Руководили работой мастерских заместители командиров дивизионов по технической части. Интересен тот факт, что на этих ответственных должностях во многих частях ОСНАЗ служили выпускники Ленинградской электротехнической академии выпуска 1941 года. Более того, выпускники одной группы – Михаил Акулин, Николай Баусов, Игорь Бутченко, Борис Дубович, Абрам Матов, Евгений Павловский, Виктор Чайка, Петр Шмырев.

Уже первые месяцы войны дали понять, что сохранение разведывательной аппаратуры и

есть основное условие обеспечения боеспособности частей. Решающую роль в этом сыграл личный состав радиомастерских дивизионов.

В архиве ГРУ сохранился документ, подписанный начальником отделения радиоразведки Северо-Западного фронта В. Шерышевым. Он датирован февралем 1942 года.

«Шестимесячная практика войны – писал Шерышев, – показала, что устранение технических неисправностей от незначительных до крупных, дивизион вынужден делать своими силами. Войсковые радиомастерские, включая и фронтовые, отказываются производить ремонт, ссылаясь на незнание радиоразведывательной аппаратуры. К этому надо добавить оторванность ремонтных мастерских от фронта. Возникает настоятельная потребность обеспечения радиомастерских дивизиона контрольно-измерительной аппаратурой и деталями».

Действительно, радиомастерские дивизионов ОСНАЗ смогли заменить фронтовые ремонтные органы. Они занимались самыми разнообразными работами – ремонтом пеленгаторов, подстройкой контуров, перемоткой трансформаторов. Инженеры и техники радиомастерских совершенствовали аппаратуру, улучшали ее качество, адаптировали трофейные радиостанции для собственных нужд, создавали аппараты собственной конструкции.

Именно инженерно-технический персонал дивизионов ОСНАЗ в первые годы войны создал систему управления подразделениями по радио, продумал и отработал установку оборудования на автомобили. Для этого спецы дивизионов усовершенствовали антенны, переделывали маломощные передатчики, создавали системы централизованного электропитания и зарядки аккумуляторов.

Это в значительной мере повысило маневренность частей, приспособленность к фронтовым условиям, а, значит, выросли и их разведывательные возможности.

Таковым было техническое обеспечение радиоразведки накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Партизанские «пеленгаторщики»

«21 февраля на поле вблизи деревни приземлилась группа радистов со станцией пеленгования. Радистов было семеро. Командовал ими капитан Чубов».

Это отрывок из воспоминаний Героя Советского Союза Ивана Банова «Данные достоверны». Деревня называлась Сварынь, что в Пинской области. Год был 1944-й. Партизанское соединение, а точнее, оперативный центр Разведуправления Красной армии под командованием майора Банова (псевдоним Черный), готовилось к переходу на территорию Польши. Наши наступающие войска приближались к государственной границе СССР, и партизаны должны были двигаться вперед.

В эти дни Банов сообщил в Москву: «Обстановка района базирования усложняется. Противник наступает с Дорогичин и Пинска. На партизан идут две дивизии (23-я мадьярская и 5-я власовская). Буду отходить на юго-восток».

Однако там, куда собирался отходить Банов, обстановка была не менее сложной. Командиры его подразделений Степь и Гора, посланные на разведку в Польшу, радиовали: «Находимся севернее Люблина 35 км. Из-за густо насаженных гарнизонов немцев маневрируем. Каждую ночь меняем свое местонахождение. Приступили к выполнению поставленной задачи.

Поляки на вербовку идут плохо... Партизанское движение находится в зачаточном состоянии. Создаем из русских военнопленных диверсионные отряды, которыми будем маскировать свои разведывательные группы.

Совершение диверсий разведывательными группами возможно. Не имеем боеприпасов и взрывчатых веществ».

Да, такова была правда. Впереди лежала чужая территория, и ждать какой-то действенной помощи от поляков не приходилось. Более того, вскоре тот же Гора передаст весьма тревожную радиограмму: «В здешних условиях имеются подпольные организации Армии Крайовой, чье руководство спит и видит, как вернуть прошлую панскую Польшу. Оно натравливает своих подчиненных на русских... Как они выражаются, Советам в Польше делать нечего.

По-моему, эти типы скорее согласятся сотрудничать с немцами или польскими фашистами, чем станут воевать в одних рядах с нами».

Не лучшие известия приходили и от командира другой группы – Федора Степи: «В Ягодинском лесу находятся националисты, называющие себя «народовцами». Это профашисты. Численность 200 человек. Руководство из Варшавы дает им враждебные инструкции. С немцами войну не ведут».

Такова была оперативная обстановка. В тот период по решению Центра в соединении Банова появились радиоразведчики, которых он называет «пеленгаторщиками».

Десантировали их не только к майору Банову, но и в партизанское соединение А. Алексюка, которое действовало в районе Рудницкой пуши, что в Литве. Здесь группу радиоразведки возглавлял старший лейтенант Вязников.

Как же показали себя радиоразведчики, сколь эффективно они действовали в партизанских условиях?

Об этом повествует сам Банов. В воспоминаниях постоянно возвращается к «пеленгаторщикам». Вот на пути к Западному Бугу он встречается с отрядом Степана Каплуна. Думает, как двигаться дальше. «Элементарные арифметические подсчеты показали, что при нашем количестве техники и при отсутствии обоза только для переброски радиоузла и пеленгаторской станции понадобится человек пятьдесят. Еще сорок человек были необходимы, чтобы переносить ВВ и боеприпасы. Выходило, что девяносто человек в отряде станут на время обычными грузчиками. Но для них требовалась надежная охрана хотя бы шестьдесят –

семьдесят человек. У меня в наличии было не более половины этого количества людей».

Что и говорить, положение не простое, но важно, что командир в первую очередь думает о радиоузле и пеленгаторской станции, как о самых важных составляющих разведки и связи.

Когда фашисты окружили лес, в котором действовал оперативный центр Банова, люди голодали. Кончились запасы сала и муки. Осталось несколько мешков картофеля. Тяжелее всего было смотреть на голодных лошадей. Человек может стерпеть голод, лошадь – нет.

Кони глодали кору берез и осин, обдирали тонкие веточки и тоскливо ржали. Немцы, заслышав ржание, открывали огонь из минометов.

Когда было принято решение прорываться из кольца, майор Банов подал команду строиться. Позже он напишет: «Как всегда, в центре колонны радиоузел и пеленгаторская установка, вокруг них автоматчики.

– Пошли!

Опять нас выручила темная ночь».

В ходе передвижения, уже переправившись через Буг, когда, пользуясь темнотой, их бросят и сбегут польские проводники, майор Иван Банов определит движение по карте.

«Я погасил фонарик. Встал. Бойцы молча ждали решения. А какое я мог принять решение? Дорога была одна. И я сказал:

– Пойдем через Сабибур... Радиоузел и пеленгатор в середине. Я буду в центре. Все пулеметы со мной. По флангам автоматчики.

С минуту колебался, послать ли разведку. Потом решил: некогда. Если разведка, не дай бог, наскочит на гитлеровцев и завяжет бой, нам не уйти. А если навалимся все сразу – может, прорвемся».

Опять радиоузел и пеленгатор в середине, окруженные пулеметами. К тому времени Банов был опытным командиром и берег радиоузел и станцию пуще глаза.

Итак, весной 1944 года партизанское соединение Банова в районе большою четырехугольника: на востоке – был Западный Буг, на западе – Висла, на севере – Варшава, на юге – Хелм, Люблин. Центр приказал работать на железнодорожных магистралях, а также проникнуть в города – Варшаву, Демблин, Пулаву, Луков, Бяла Подляска, Хелм, Владаву. Нужна была развединформация о фашистских гарнизонах, аэродромах, депо, промышленных предприятиях.

Разобравшись в обстановке, Банов понял, что первоочередной его задачей должно стать уничтожение немецкой администрации в сельских районах. Полицейские посты очень вредили партизанам.

Потому ночью 26 апреля соединение провело операцию по уничтожению полицейских постарунков. Остальные, узнав о разгроме, бежали в города, под крыло к немцам.

... Наступило лето 1944 года. К этому времени партизаны успели нанести мощный удар по железнодорожным коммуникациям, регулярно нападали на немецкие автомобильные колонны.

Все чаще советские бомбардировщики появлялись над хорошо замаскированными немецкими объектами, которые прежде не подвергались нападению с воздуха.

Таким образом, было разрушено несколько крупнейших складов, аэродромов. Разумеется, фашистское командование понимало, что именно партизаны наводят самолеты на цели.

Да и с прибытием отрядов Банова в этот район эфир наполнялся позывными десятков новых радиостанций. Иван Николаевич осознавал, что время бездействия противника скоро закончится. Фашисты пока не предпринимали действенных мер против соединения. Разве что усилили охрану дорог, прекратили ездить по шоссе в одиночку, да перешли на дневной график движения поездов. Но тревога усиливалась.

«Напор Красной армии нарастал, – напишет потом И. Банов, – Полчища рейха отступали.

Их тылы откатывались за Западный Буг. Сюда же перемещались штабы армий и корпусов. Наш пеленгатор все чаще обнаруживал в эфире позывные новых немецких радиостанций, появившихся на пеленг Бреста, Люблина, Демблина, Хелма, Парчева.

Данные пеленгатора подтверждались наблюдением разведчиков. По логике войны гитлеровцы вот-вот должны были начать облавы...»

Стало быть, и здесь «пеленгаторщики» помогли партизанам, оказались весьма полезными со своей техникой.

Действительно, 21 июня стало известно, что лес вблизи деревни Ягодное под Демблином и лес под Луковом обложили каратели, а из Люблина, Хелма и Парчева против партизан выходят немецкие войска. 22 июня прискакали польские крестьяне и сообщили, что немцы движутся на Волю Верещинскую тремя колоннами.

Отряд был поднят по тревоге. Соседи Банова бойцы Армии Крайовой, узнав о наступающих фашистах, бросали свои позиции и бежали в лес. Пришлось сражаться в одиночестве. Наши партизаны отбили двенадцать атак. Фашисты не ожидали столь яростного отпора и отошли.

Как же оценил в конечном итоге деятельность радиоразведчиков командир партизанского соединения Герой Советского Союза Иван Банов? Ему слово.

«Чувствую, что несправедливо мало пишу о наших пеленгаторщиках. А между тем они оказали соединению неоценимую помощь. Едва прибыв на очередную дневку, бойцы капитана Чубова сразу раскидывали свою палатку, настраивали радиостанцию и, надев наушники, принимались вращать рамочную антенну. Что-то там у них попискивало, потрескивало, и, глядишь, через час-другой в штабе лежала сводка об изменениях в эфире.

Наложив пеленг на карты, мы видели, через какие села и города он проходит.

По силе и частоте звука радиоразведчики капитана Чубова нередко определяли, на каком приблизительно расстоянии находится тот или иной немецкий корреспондент. Благодаря этому все отряды, через участки которых проходил пеленг, немедленно получали указание проверить, не появилась ли возле них новая немецкая часть. А пеленгаторщики, имевшие в своем распоряжении различные таблицы из Центра, безошибочно предсказывали, радиостанцию какого штаба – фронтового, армейского, корпусного или дивизионного – надо искать. Столь же четко определяли они и полицейские радиостанции.

С появлением пеленгатора работа наших разведчиков стала более целеустремленной».

Остается только добавить, что создание групп радиоразведки в партизанских соединениях стало возможно благодаря разработке и производству переносной малогабаритной приемо-слежечной и радиопеленгаторной аппаратуры. В 1942 году были разработаны радиопеленгатор «Штопор» и радиоприемник «Виразж». С 1943 года началось их серийное производство.

Удержать Сандомирский плацдарм

В середине июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта предприняли наступление на львовском направлении. Радиоразведку в интересах фронта вел 313-й радиодивизион ОСНАЗ. Перед командиром дивизиона Петром Костиным, офицерами и солдатами стояла сложная задача. Вести разведку пришлось на фронте более 400 километров при большой плотности фашистских войск. Достаточно сказать, что в состав группы армий «Северная Украина», которые вели бои против войск 1-го Украинского фронта, входило 30 пехотных, 9 танковых и 1 моторизованная дивизии.

В подготовительный период накануне наступления перед 313-м дивизионом ОСНАЗ

была поставлена задача по вскрытию группировки противника. Радиоразведчики добыли ценные данные о перегруппировке войск фашистов. Здесь немцы использовали прямую связь между штабами армий и корпусов, и «слухачи» дивизиона умело контролировали ее. Они также осуществляли перехват радиосетей армейских групп ближней разведки.

Именно радиоразведке удалось добыть информацию о том, что противник при проведении перегруппировки изменил границы полос 1-й и 4-й танковых армий, таким образом, усилив свои войска на львовском направлении.

Враг ожидал наступления советских войск и потому активизировал воздушную разведку. Дивизион Костина плотно работал по фашистским самолетам и вовремя докладывал о радиограммах с их бортов.

Удар 1-го Украинского фронта на львовском и сокальском направлениях был мощным, и немецкие войска, не выдержав натиска, стали откатываться на запад. 313-й дивизион ОСНАЗ в этой обстановке сумел установить пути отхода штаба группы армий «Северная Украина», штабов 3-х армий, 10-ти армейских и танковых корпусов, 16-ти пехотных и танковых дивизий.

Когда 13-й корпус противника оказался в окружении в районе западнее города Броды, радиоразведчики своевременно информировали командование о месте дислокации его штаба и штабов дивизий. Специалисты дивизиона обнаружили переброску на львовское направление 3-го танкового корпуса, а потом и сосредоточение двух его танковых дивизий на юго-востоке от Львова, которые предприняли попытку пробиться к окруженным войскам.

Конец июля был ознаменован броском войск правого крыла фронта к Висле, форсированием ее и захватом плацдарма юго-западнее Сандомира.

Гитлер считал Вислу последним рубежом отступления и потому принял все меры к ликвидации сандомирского плацдарма. Усилил свои части и в течение августа предпринял четыре попытки сбросить наши войска с плацдарма. Однако важность этого клочка земли в 30 км по фронту и 25 км в глубину понимало и советское командование.

Части фронта буквально зубами вцепились в эти километры западного берега Вислы.

Роль радиоразведки и точность ее данных значительно возросла. Штаб фронта требовал оперативно выявлять силы и средства, которые враг вводил в бой на плацдарме.

С 31 июля по 4 августа немцы предприняли первую попытку отрезать наши войска на плацдарме от берега Вислы. Удар был нанесен с двух сторон, с севера и с юга у основания плацдарма. 313-й радиодивизион ОСНАЗ вскрыл сосредоточение у северного основания плацдарма 72-й и 291-й пехотных дивизий фашистов, переброску к южному основанию 24-й танковой дивизии и передислокацию в район Дембицы с люблинского направления 17-й танковой дивизии. Эти разведданные, без сомнения, помогли отразить атаки фашистов.

Через неделю, 11–12 августа, гитлеровцы предприняли еще одну попытку ликвидировать сандомирский плацдарм. На этот раз у немцев была другая тактика: ударом из районов Стопницы и Сташува они хотели рассечь плацдарм, выйти к переправам в районе Баранува и уничтожить советские войска по частям.

Для выполнения этой задачи немцы сосредоточили западнее и юго-западнее Сташува пять танковых дивизий – прежде всего 17-ю и 24-ю дивизии. 16-ю дивизию они передислоцировали из района юго-восточнее Санок. 23-ю сняли с участка обороны войск, которые действовали против 2-го Украинского фронта, 3-ю танковую перебросили из состава частей, воевавших перед 3-м Украинским фронтом.

Все эти перемещения вовремя обнаружили радиоразведчики 313-го дивизиона ОСНАЗ, и врагу не удалось достичь желаемой внезапности. Дивизии были остановлены, а потом отброшены от плацдарма.

Третью попытку овладеть плацдармом гитлеровцы осуществили 19 августа. Они ударили из района восточнее города Опатув. А за два дня до этого радиоразведчики уже обнаружили, что противник подтягивает в район две пехотные, танковую и артиллерийскую дивизии.

Почти неделю шли упорные бои, но гитлеровцы так и не добились успеха.

Четвертую и последнюю попытку очистить плацдарм фашисты провели из района лагувского выступа. Место сосредоточения соединений для нанесения удара вновь не ускользнуло от внимания радиоразведчиков. Они определили, что 1, 3 и 24-я танковые дивизии перемещаются в район западнее Опатува. Сюда же из Островца была переброшена 26-я пехотная дивизия. Северо-восточнее Лагува «слухачи» дивизиона обнаружили штаб 48-го танкового корпуса, который прежде действовал на другом направлении.

В районе Хмельника «объявился» 3-й танковый корпус. Здесь же работали радиостанции 97-й горнострелковой и 17-й танковой дивизий.

С 26 августа до 3 сентября на лагувском выступе шли тяжелые бои. Однако немцы проиграли и здесь. Плацдарм остался нашим. Более того, в результате умелых и самоотверженных действий частей 1-го Украинского фронта сандомирский плацдарм был значительно увеличен как по фронту, так и в глубину. Удержание плацдарма имело стратегическое значение. С него началась известная наступательная Висло-Одерская наступательная операция.

Что же касается радиоразведчиков 313-го дивизиона ОСНАЗ, то за успешное выполнение боевых заданий командования по форсированию Вислы и удержанию сандомирского плацдарма часть была награждена орденами Красного Знамени и Богдана Хмельницкого 3-й степени, а также отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего.

Либо грудь в крестах, либо сам... в штрафбате

Слово разведчика... От него многое зависит. Порою сотни, тысячи жизней бойцов и офицеров. А иногда и его собственная жизнь.

На фронте не раз случалось так, что информация радиоразведки противоречила всем иным данным – разведки полковой, дивизионной, авиационной, а иногда, казалось бы, и логике тактики и стратегии.

Классический тому пример – уверенность нашего Генерального штаба, что в Смоленске никак не может располагаться немецкий штаб группы армий «Центр». Скорее всего, считали штабисты, место ему где-нибудь в Орше, в Борисове или даже в Минске. Ведь Смоленск был достаточно близок к фронту. Такое мнение утвердилось в конце 1942 года и существовало до проведения операции «Багратион». И только когда в ходе стремительного наступления наших войск на Западном направлении в штабе группы армий «Центр» были захвачены некоторые документы, да в помещениях штаба остались висеть таблички с названиями служб, стало ясно: он действительно находился в Смоленске. А ведь специалисты 1-го радиополка ОСНАЗ уверенно определяли дислокацию штаба именно здесь. Но им не верили.

Нечто подобное произошло и на заключительном этапе боевых действий наших войск в Германии. Радиополк пеленговал штаб сухопутных сил немецко-фашистской армии южнее Берлина, в районе маленького городка Цоссен. Однако некоторые высокие чины и слушать не хотели такие доклады. Они считали, что этот штаб может дислоцироваться только в Берлине. И ошиблись.

Интересный и весьма поучительный случай произошел на фронте с радиоразведчиком майором Алексеем Усковым.

В 1944 году он был помощником начальника отделения радио-разведки на 3-м Белорусском фронте. Осенью Усков прибыл в 11-ю Гвардейскую армию, в группу радиоперехвата, созданную в полку связи, но оперативно подчиненную армейскому разведотделу. Группой командовал старший лейтенант Родионов.

Ночью радиоразведчики с помощью станции подслушивания по проводам засекли телефонный разговор о подвозе артиллерийских снарядов калибра 88 мм.

В ту же ночь по радиосвязи была обнаружена работа неизвестно» радиостанции с позывным, содержащим в названии букву «Й».

Оба перехвата натолкнули разведчиков на мысль, что в их районе появилась новая танковая часть или соединение. Ведь 88-миллиметровые пушки имеются только на танках, а позывные с буквой «Й» являются признаком танковых соединений.

Проанализировав полученные данные, майор Усков согласился с мнением радиоразведчиков группы.

Возвратившись с фронта, Алексей Михайлович внимательно прочел донесения, поступившие из 474-го радиодивизиона ОСНАЗ. Они также сообщали о новой радиостанции с этой же буквой в позывном. Указывали и координаты станции – в направлении город Гольдап. Более точного местонахождения засечь не удалось. Станция работала очень короткое время.

Встревожил Ускова тот факт, что раньше в этом районе танковых соединений не было. Правда, недавно авиационная разведка заметил группу танков по дороге из Гольдапа в Тильзит, но летчики насчитали всего с десятков машин. Это уж никак не соединение и даже не танковый полк.

Казалось бы, волноваться нет оснований. Но в душе поселилась тревога. Майор Усков знал: прежде позывной этой радиостанции отмечался в районе Киева и принадлежал 102-й танковой бригаде.

А что, если немцы перебросили к ним эту бригаду? Майор еще раз взвесил все «за» и «против» и написал донесение. В заключении сделал вывод: фашисты в район города Гольдап перебросили танковую бригаду.

Доложил заместителю начальника разведки фронта полковнику Бодне, поскольку начальника разведки генерала Алешина и руководителя отделения радиоразведки подполковника Снигирева на месте не оказалось.

Бодня выслушал Ускова. Алексей Михайлович считал, что немцы готовят из района Гольдап контрудар, используя для этого дефиле между двух озер.

Бодня с мнением Ускова согласился и обещал доложить начальнику штаба фронта генерал-полковнику А. Покровскому.

Не прошло и часа, как майора Ускова вызвали к начштаба фронта. Он бросился к полковнику Бодне, но тот лишь рукой махнул: «Ты эту кашу заварил, ты и расхлебывай».

Порученец начштаба отправил майора к командующему фронтом. Туда ушел генерал Покровский.

В приемной сидели генералы, полковники, но порученец командующего обратился именно к нему: «Разведчик?» «Да, разведчик». «Быстро в кабинет».

Командующий фронтом генерал Черняховский разговаривал по телефону ВЧ, а начштаба, увидев Ускова, приказал доложить суть дела.

Алексей Михайлович доложил.

– А почему в докладной записке всюду пишете «предположительно»? Предположительно может быть нанесен танковый удар. Мне надо знать точно.

– Но данные одного вида разведки надо проверять данными других видов, потому и пишу «предположительно».

Судя по всему, такой ответ не удовлетворил начальника штаба. Он не хуже Ускова знал, как надо проверять данные разведки.

– Открою вам тайну, – произнес генерал Покровский. – Кроме командующего и меня, ее знают еще шесть человек. Вы седьмой. Мы готовим наступление на правом фланге фронта, и если на левом противник готовит контрудар, нам придется ослабить ударную группировку, забрать из нее противотанковую бригаду, бригады САУ и реактивной артиллерии. Это вызовет

лишние потери наших войск.

Против же района Гольдап мы оставили лишь заслон. Вы знаете, какая там плотность наших войск?

– Расстояние солдата от солдата 50–75 метров. Есть пулеметы, легкая артиллерия.

– Верно, – согласился Покровский, – там у нас только укрепрайоны. Поэтому и спрашиваю! Так будет противник наносить контрудар или нет?

– Да, будет, – ответил Усков.

– В какое время можно ожидать нанесение удара?

Майор прикинул в уме все данные, которые знал: запрос о снарядах, время на их подвоз, время на проверку связи в немецкой бригаде...

– Ориентировочно в течение ближайших трех-четырех дней.

– Хорошо, товарищ майор, – сказал начальник штаба, – даю слово при командующем, если ваши данные подтвердятся – наградим, если нет – пойдете в штрафную роту. Вам ясно?

Что ж тут неясного. Усков развернулся и покинул кабинет командующего.

«Настроение у меня было, конечно, совсем неважное, – вспоминал Алексей Михайлович, – попасть в штрафную роту за несколько месяцев до окончания войны несладко. А вдруг противник изменит свое решение и не нанесет контрудар – тогда дискредитирую не только себя, но и радиоразведку. Положение трудное.

Прошел день, второй. Ничего. В отделе мне все сочувствовали, подменяли на дежурстве, старались успокоить. Все мы знали, что начальник штаба – человек слова, жесткий, и если что-то сказал, так и будет.

И вдруг утром третьего дня в 4 часа меня вызвали на узел связи штаба фронта. Там была срочная телеграмма из штаба армии: противник нанес удар на рассвете. Лучшей вести для меня трудно было придумать. Противник углубился в нашу оборону на 2–3 км, но был отброшен. На поле боя гитлеровцы оставили более двух тысяч только убитыми».

А через сутки наш фронт начал наступление.

Вскоре, как и обещал генерал Покровский, майор Алексей Усков был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Победная точка

Рано утром, затемно дежурный офицер разбудил начальника разведки фронта:

– Товарищ генерал, – доложил он, – вас вызывает командующий.

Евстигнеев быстро оделся и вскоре был уже в кабинете маршала Толбухина.

– Ну что, разведка, – поздоровавшись, сказал Толбухин. – Есть работа. Наступление наше проходит в высоком темпе. Начинаем преследование...

Командующий склонился над картой. Кивнул Евстигнееву:

– Только чтобы преследовать, надо знать, куда убегает враг. А он может убегать и на запад, и на юг, и на юго-запад.

Маршал помолчал, глядя на карту, потом перевел взгляд на Евстигнеева.

– Мне надо знать, куда будут отходить главные силы 18-й немецкой армии. Задача ясна?

Начальник разведки попросил на подготовку доклада полчаса. Толбухин взглянул на часы и молча кивнул.

Генерал Евстигнеев шел к себе в разведотдел и прекрасно отдавал себе отчет, находясь в ясном уме и твердой памяти, – тридцать минут, которые он выпросил у командующего, его не спасут.

Три дня назад, 17 сентября 1944 года, войска Ленинградского фронта начали

наступление, целью которого было освобождение Эстонии. Откровенно говоря, никто не ожидал, что операция станет развиваться столь стремительно. И вот сегодня вопрос: куда фашисты двинут свои отступающие силы. Как назло, – погода нелетная.

Так размышляя и прикидывая, что к чему, генерал Евстигнеев вошел в помещение, где располагался разведотдел фронта. И сразу же на глаза ему попался командир 472-го радиодивизиона Толмачев. «Радиоразведка, – подумал про себя генерал, – да тебя мне сам бог послал».

Толмачев, увидев начальника, доложил, что прибыл в разведотдел из расположения дивизиона.

– Как там у вас? – спросил Евстигнеев.

– Да все нормально, – ответил командир дивизиона, деловито вытаскивая из планшета карту и расстилая ее на столе. – Мы же понимаем, товарищ генерал, летуны не летают, погода не та, дивизионной разведке за фашистами не угнаться, быстро бегут. Выходит, только на нас надежда.

– Ну ты особо щеки-то не надуй, – усмехнулся генерал, а сам уже жадно разглядывал карту. На ней хорошо были видны штабы отходящего противника. Они явно перемещались на юго-запад в сторону Пярну, а дальше в направлении на Валмиеру.

Евстигнеев свернул карту, молча пожал руку улыбающемуся Толмачеву и бросил дежурному:

– Я к командующему!..

Глянул на часы. До назначенного срока у него было еще пять минут.

Данные радиоразведки легли в основу решения командования фронтом по распределению сил и средств. 22 сентября наши войска освободили Таллин, а 26-го от немцев была очищена вся материковая часть Эстонии. 472-й радиодивизион за образцовое выполнение заданий командования удостоился ордена Красного Знамени. Командир дивизиона А. Толмачев, его заместитель по технической части Б. Дубович, начальник оперативного отделения В. Фетисов, другие радиоразведчики были награждены орденами и медалями.

А начинался этот победный марш еще в феврале 1944-го, когда войска Ленинградского фронта, после ликвидации блокады, форсировали Нарву и захватили плацдарм на территории Эстонии.

Войска 2-го Прибалтийского фронта, наступавшие против 16-й фашистской армии, к 1 марта подошли к восточным границам Латвии.

Теперь наши части на прибалтийском направлении временно перешли к обороне с целью подготовки к новому наступлению. В этот период радиоразведке была поставлена задача: уточнить и держать под контролем состав немецкой группировки до начала летнего наступления советских войск.

Как только фронт стабилизировался, фашисты использовали свой излюбленный тактический прием. Радиосвязь применялась крайне ограниченно, в некоторых сетях даже внедрялся режим радиомолчания.

Однако разведывательная авиация, зенитная артиллерия, другие обеспечивающие подразделения не могли работать без радиосвязи. И это в полной мере старались использовать радиоразведчики. Добытые ими сведения помогли командованию получить точное представление об оперативном построении вражеских соединений. Были установлены полосы действий и границы группы армий «Север», 16-й и 18-й армий, их состав, а также силы и средства корпусов и дивизий первого эшелона.

Успешно действовали наши специалисты ОСНАЗ и против авиации противника. Были вскрыты 27 аэродромов врага и большая часть дислоцированной на них авиации – бомбардировочной, истребительной, разведывательной, транспортной.

Однако этап подготовки советских войск закончился, и в июле 1944 года в наступление

перешли силы Ленинградского и трех Прибалтийских фронтов.

На что были направлены возможности радиоразведки в данных обстоятельствах? Прежде всего, на вскрытие действий противника, который подтягивал резерв фронта, готовил контрудары. Конечно же, следовало установить и направления отхода фашистских войск.

Накануне летнего наступления наших фронтов радиоразведку значительно усилили – были сформированы 16 армейских групп ближней разведки. А это немалая сила. Если фронтовой радиодивизион имел до 29 приемных и 8 пеленгаторных постов, то армейская группа насчитывала по 4 поста. Словом, эти армейские группы были эквивалентны более чем 2-м дивизионам. Несомненно, такая разветвленная сеть армейских и фронтовых средств радиоразведки могла контролировать основные объекты противника.

Что же касается групп ближней радиоразведки, то они постоянно действовали на переднем крае, высылались на важнейшие направления и участки прорыва.

Нередко в полосе одной армии разведку вели как армейская, так и фронтовая маневренные группы. Они старались перехватывать открытые и полукодированные радиограммы, не требующие длительной обработки. Порою перехваченные данные докладывались в штабы в течение 5 минут.

Успех деятельности подобных групп зависел от двух весьма важных обстоятельств – знаний немецкого языка и надежной связи группы со своим штабом. Нарушение любого из этих обстоятельств сводило на ноль ценность перехватываемых радиограмм.

Мы неспроста уделяем особое внимание группам ближней радиоразведки. Дело в том, что во время летнего наступления наших войск в Прибалтике использование этих групп было наиболее характерным.

С переднего края в большом количестве поступали сведения о вскрытой дислокации частей и соединений противника, о состоянии фашистских войск, их боеспособности, подготовке контратак, путях отхода, готовящихся огневых налетах.

Особое внимание радиоразведчики уделяли добыванию сведений о подготовке немцами авиационных и артиллерийских налетов. Важность подобной информации осознавалась и командованием. Начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал Л. Сандалов установил порядок, когда такие сведения предоставлялись в штаб с высшим приоритетом срочности по команде «Воздух». В качестве примера эффективности деятельности групп в этом направлении приведем 4-ю ударную армию. Только в августе – сентябре штаб армии получил 56 предупреждений о предстоящих авиационных и артиллерийских ударах.

«Артиллерии подготовить заградительный огонь по опушке леса с обеих сторон Тракши и севернее этого места». Такая немецкая радиограмма была перехвачена нашими радиоразведчиками в августе 1944 года в ходе наступления войск 22-й армии.

Командование изменило направление наступления, понимая, что опушка леса хорошо пристреляна немцами.

При дальнейшем наступлении 22-й армии группами ближней радиоразведки были также перехвачены фашистские радиограммы. Немцы сообщали, что «на правом фланге наступают русские танки, а потом – «правый фланг открыт». Стало ясно: наши части действуют на стыке обороняющихся частей фашистов. Мобильно были введены дополнительные силы для развития успеха. Результат оказался весьма положительным: советские войска прорвали оборону противника, нанесли ему значительный урон и за несколько часов наступления продвинулись на 15 километров, выйдя к Крустпилсу.

А вот две радиограммы фашистов, из которых видно, как умело наше командование использовало данные радиоразведки. 17 августа одна из групп ближней разведки передала в штаб перехваченную радиограмму следующего содержания: «Батальон продвигается дальше. Нахожусь в лесу 400 м западнее шоссе. Прошу немедленно поддержать фронтальной контратакой».

Через час с той же радиостанции перехвачено новое сообщение: «Батальон находится под ураганным огнем противника».

В ходе наступления на Ригу радиоразведчики перехватили радиограмму. Это был приказ командирам боевой группы и 1-го батальона 220-го пехотного полка. Утром им предстояло «начать прочесывание леса с востока на запад».

Указывались разграничительные линии справа, слева, 1-му батальону 353-го пехотного полка предстояло прикрывать фланг боевой группы и воспрепятствовать отходу противника на север.

Начальник группы ближней радиоразведки поспешил доложить о радиограмме командарму 3-й ударной армии генералу Н. Чибисову.

Командарм по данным радиоразведки уточнил задачу стрелковому корпусу, который вводился в бой. Боевая группа фашистов была разгромлена.

«... Противник, – писал в одном из отчетов начальник разведотдела штаба 22-й армии Б. Плащин, – радиограммы адресовал командирам, чаще всего не называя нумерацию частей. Поэтому всем видам разведки ставилась задача добывать и указывать фамилии командиров частей и подразделений, что весьма оперативно осуществлялось.

Имея списки офицерского состава до командиров взводов включительно, разведотдел штаба армии легко устанавливал группировку, смену или появление новых частей противника».

Далее начальник разведотдела армии приводит пример, когда в радиограмме указывалась фамилия «Клинке». А он был командиром 31-го пехотного полка 24-й пехотной дивизии. Так удалось установить наличие этого полка на переднем крае.

8 августа наши радиоразведчики услышали в эфире фразу: «Транспорт для Аппольта прибыл». Известно, что Аппольт, командир 102-го пехотного полка 24-й пехотной дивизии. По радиограмме можно было предположить, что начинается смена частей на переднем крае. Это вскоре подтвердили захваченные пленные: 389-я пехотная дивизия сменила 24-ю дивизию.

В эти же августовские дни 1944 года в Генеральный штаб поступило донесение из 1-го Прибалтийского фронта. Разведотдел предполагал, что отрезанная от своих войск рижская группировка поддерживает непрерывную телефонную связь со ставкой Гитлера по подземному кабелю, проложенную между городами Рига – Шауляй – Кёнигсберг – Берлин. Считалось, что кабель проходит и по территории, освобожденной нашими войсками.

Первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. Антонов дал указание направить на фронт офицера-специалиста. Этим офицером-специалистом стал Александр Устименко из отдела радиоразведки ГРУ.

В помощь Устименко начальник разведотдела фронта генерал А. Хлебов выделил переводчика лейтенанта Ростислава Наумова, дал «виллис» с водителем. Не теряя времени, группа направилась в Шауляй, ближайший промежуточный узел кабельной системы, где следовало выяснить, действительно ли такая связь существовала между Ригой и Берлином.

Город был взят нашими частями всего несколько дней назад. Устименко и его товарищи находят здание междугородной телефонной станции. Тишиной встречает их линейно-аппаратный зал, в полумраке – высокие стойки, аппаратура. При свете карманных фонарей они добираются до входного и выходного щитов (кроссов) станции. Но сразу становится ясно: станция обесточена. Усилители и осветительная сеть не работает. Это значит, что никаких переговоров фашисты не ведут. Без шауляйской станции кабельная трасса работать не может.

Устименко подключается с помощью телефонов к жилам кабелей в сторону Риги и в сторону Кёнигсберга. Слышны только индуктивные наводки, это значит кабели перерублены на трассе.

Александр Иванович принимает решение ехать по шоссе в сторону Кёнигсберга до последней точки разрыва кабеля.

Не доезжая до города Таураге километров двадцать, группа видит на обочине большие

кучи свежей тинистой земли. Кабель раскопан и перерублен. Начинается прослушивание кабельных жил, уходящих в сторону противника. Слышатся отчетливые голоса фашистов, однако все гитлеровцы говорят одновременно и разобраться в этом гвалте практически невозможно.

«В условиях жесткой обороны, – скажет Александр Устименко, – когда данные о противнике приходится добывать кровавой ценой («языки», поиски, разведка боем), мы получили источник ценных сведений о противнике. Это же отлично!

Теперь нам надо терпеливо, настойчиво и тщательно использовать найденную возможность слежки за телефонными разговорами противника до тех пор, пока не будет установлено каких-либо изменений в составе юга намерениях врага. Режим телефонных разговоров в стане противника может быть изменен – и появится возможность более четкого выделения отдельных разговоров. Ведь откопали мы прямо-таки золотую жилу.

Находимся метрах в 250 от переднего края. Не прерываем прослушивания противника. Основная работа теперь ложится на Ростислава. Он, бедный, спит со спецстанцией в кабельной яме и непрерывно ведет записи разговоров, которые можно выделить из общего хора голосов.

После нескольких дней прослушивания приходим к выводу, что у немцев работают по крайней мере три или четыре коммутатора. Строим догадку – каждый из коммутаторов – это дивизия, а один из них может быть и корпус. Это значит, что гитлеровцы сосредоточили здесь на узком участке фронта около 3-4 дивизий и замышляют предпринять контрудар.

О первых наших выводах ставим в известность командира ближайшей 33-й гвардейской Севастопольской стрелковой дивизии генерала Волосатых.

После дальнейшего прослушивания немецких переговоров 15 августа мы отметили новые факты: вместо обычной рутинной картины телефонных разговоров все переговоры врага приняли более строгий характер. Из всех частей и со складов гитлеровцы стали передавать сводки остатков материалов, боеприпасов, имущества. В кабинете высокопоставленного начальника было проведено совещание офицеров.

Из контекста этих данных мы сделали вывод о том, что завтра утром 16 августа следует ждать контрудар противника в районе шоссе Рига – Кёнигсберг. Срочно информировали об этом 32-ю и 33-ю стрелковые дивизии и просили доложить наверх по команде».

Ранним утром подтвердились данные группы Устименко: противник начал обрабатывать нашу оборону. Потом двинулись немецкие танки.

В ответ заговорила артиллерия, вступили в бой противотанкисты. Сразу загорелось несколько фашистских танков. Недалеко от места, где располагались радиоразведчики, развернули позицию «катюши» и нанесли удар по врагу. Саперы быстро заминировали шоссе на глубину несколько километров. В небе появились советские «летающие танки» «ИЛ-2».

В результате длительных боев попытки немцев осуществить контрудар на узком направлении закончился неудачей. Шауляй остался в наших руках.

Так с помощью подключения к телефонному кабелю и прослушивания переговоров фашистов весьма оригинальным способом была вскрыта подготовка противника к контрудару на Шауляй из района Тураге.

Разумеется, описанный случай весьма редкий. В основном же успехи радиоразведки на Прибалтийских фронтах были достигнуты благодаря умелым, профессиональным действиям групп ближней радиоразведки. Назову лишь одну цифру в подтверждение моих слов. Во время наступления на Ригу в августе-сентябре 1944 года в одной лишь группе ближней радиоразведки 22-й армии орденами и медалями были награждены 16 человек, что составляло более половины ее личного состава.

... Наступление в Прибалтике возобновилось осенью 1944 года. Радиоразведку на Ленинградском и Прибалтийских фронтах вели 339, 345, 347, 472-й дивизионы и армейские группы ближней разведки, а также выделялась часть сил 91-го и 95-го дивизионов 1-й

отдельной радиобригады ОСНАЗ Ставки Верховного Главнокомандования.

О размахе деятельности радиоразведки можно судить по таким фактам: только 339-й и 347-й дивизионы и армейские группы контролировали радиоузлы и радиосети 87 штабов. Они 47 раз засекали перемещения армейских и корпусных штабов, 174 раза – дивизионных штабов.

Вражеские дивизии, сосредоточенные южнее Риги, которые готовились нанести контрудары из районов Елгавы и Балдоне, были вовремя обнаружены.

Через неделю радиоразведчики доложили об усилении елгавской группировки танковой и пехотной дивизиями, а на следующий день вскрыли появление в районе Риги еще двух пехотных дивизий. 29 сентября-5 октября наше командование проводило крупную перегруппировку 4-х армий и 3-х отдельных корпусов из-под Риги в район Шауляя. Важно было провести переброску скрытно. Радиоразведке была поставлена задача усиленного наблюдения за самолетами-разведчиками, контроль за скрытностью перегруппировки. 5 октября наши войска прорвали немецкую оборону и 10 октября вышли к побережью Балтийского моря в районе Лиепая – Клайпеда.

А уже через десять дней основная часть Прибалтики была освобождена от гитлеровцев, Немцы удерживали лишь Курляндский полуостров на северо-западе Латвии. Там оказались прижатыми к морю 16-я и 18-я немецкие армии и оперативная группа «Нарва».

Уничтожение этой группировки возлагалось на 1-й и 2-й Прибалтийские фронты, а после упразднения 1-го Прибалтийского с февраля 1945 года на 2-й Прибалтийский фронт.

Радиоразведка получила задачу – контролировать оперативное построение группировки и всю систему управления, вскрывать изменения в оборонительных порядках армий и корпусов, следить за возможной переброской вражеских войск на другие направления.

Удалось ли справиться фронтовым радиоразведчикам с этими непростыми задачами?

Ответ на этот вопрос дает один из докладов начальника разведотдела штаба 2-го Прибалтийского фронта:

«В течение шестидневных упорных боев в районе Ауце наше командование благодаря радиоперехватам было в курсе намерений противника и его состояния. Еще до захвата пленных, по данным радиоперехвата, стало известно о прибытии на этот участок фронта 12-й танковой дивизии противника.

Таким образом, радиоразведка значительно облегчила войскам выполнение поставленных задач».

Значительную роль в этих операциях играла и армейская ближняя разведка. В январе 1945 года количество УКВ-приемников в каждой армейской группе было увеличено от двух до шести.

С усилением армейских средств ближней радиоразведки возникла необходимость организации тесного оперативного взаимодействия всех групп между собой и фронтовыми частями. Надо было обеспечить доставку сведений не только непосредственному начальству, но и соседу. Таким образом, появилась радиосвязь между разведотделом фронта и армейскими группами.

К концу 1944 года окончательно сложилась схема размещения подразделений армейских групп для боевой работы. Группа делилась на три части. Одна из них размещалась на НП армии, две другие на НП стрелковых корпусов. Разведывательные посты группы располагались рядом с командованием армии или корпуса. Иногда они придавались дивизиям и тогда разворачивались на их командных пунктах.

Что касается пеленгования, то это осуществить в армейских условиях было сложно, ибо в группах имелись радиопеленгаторы только коротковолнового диапазона.

На заключительном этапе разгром Курляндской группировки был возложен на войска Ленинградского фронта. Командующий фронтом маршал Л. Говоров перед началом операции решил предложить противнику капитулировать. Ультиматум приказали передать всем

командующим объединений и командирам соединений по радио.

Радиоразведке поручили подготовить к утру радиочастоты немецких штабов и выйти в эфир с ультиматумом. Когда все уже было готово, радист-пеленгаторщик 347-го дивизиона перехватил немецкую радиограмму, переданную открытым текстом. Командующий войсками группы «Курляндия» генерал пехоты Гильперт сообщал, что всеобщая капитуляция принята, и запрашивал, на какой волне можно связаться со штабом Ленинградского фронта.

Радиограмма была доложена маршалу Говорову, потом в Ставку в Москву. После доклада в Ставку командующий фронтом маршал Говоров собрал Военный Совет, на котором и был выработан порядок капитуляции.

В ответной радиограмме 8 мая в 11 часов 05 минут, маршал предлагал командующему группы армий «Курляндия» выслать к 14.00 на передний край своего представителя для получения указаний о порядке капитуляции.

На следующий день 9 мая начальник отделения радиоразведки разведотдела фронта подполковник Александр Соловьянов был вызван к начальнику штаба фронта генерал-полковнику Попову.

Вот как сам Соловьянов вспоминал ту встречу: «Начальник штаба сказал, что замечаний по работе у него нет, и приказал мне отправиться на хутор, что в восьми километрах от штаба фронта, куда был доставлен командующий группой армий «Курляндия» генерал Гильперт. Там я должен был организовать его охрану и необходимое обеспечение. Туда же отправлялась группа личного состава из батальона охраны Военного Совета фронта, которую начальник штаба подчинил мне.

10 мая мне на хутор позвонил генерал-полковник Попов и приказал доставить генерала Гильперта к 10 часам в кабинет маршала Говорова. Приехав с Гильпертом в штаб фронта, я передал последнего порученцу командующего. Однако полковник Романов сказал, что мне приказано присутствовать на допросе Гильперта и вести протокол. Не скрою, я был немало удивлен столь непростому поручению, да еще полученному от самого высокого начальства.

Через несколько минут в комнату, где находились Гильперт, переводчик Наумов и я, вошли маршал Василевский, маршал Говоров, генерал-полковник Попов. Они и начали допрос пленного. Моя задача заключалась в том, чтобы записать вопросы и ответы обеих сторон. Допрос длился около трех часов.

На другой день, в одну из комнат разведотдела фронта, где находилась группа офицеров и среди них я, вошел порученец командующего полковник Романов. Он сказал буквально следующее: «Соловьянов! Маршал Говоров очень доволен вашей работой. Поздравляю!» С этими словами вложил мне в руку орден Красного Замени. Повернулся и ушел. Я даже не успел ответить, как положено по уставу: «Служу Советскому Союзу».

Так закончилась моя миссия, связанная с капитуляцией последней группировки немецко-фашистских войск в Великой Отечественной войне».

Да, такова была победная точка. Отрадно, что среди тех, кто поставил ее, был и представитель радиоразведки.

«Один из самых серьезных ударов...»

Удар 2-го и 3-го Украинских фронтов в августе 1944 года был настолько мощным и стремительным, что фашисты с первых же часов нашего наступления потеряли устойчивое управление войсками. Эфир заполнили крикливые, панические радиограммы. Это был настоящий праздник для советских радиоразведчиков.

«Нас сильно атакуют, – сообщали фашисты. – Мы не знаем обстановки на переднем крае.

У нас нет боеприпасов».

«Ужасно, мы не можем здесь оставаться, но получен приказ стоять твердо при русских атаках».

«Перехожу мелкими группами в район наблюдательного пункта дивизии. Связи с передовыми частями не имею. Командир дивизии Наста».

«Я не имею средств для контратаки противника, он форсирует Днепр справа и в центре. Жду дальнейших указаний».

Наступление войск фронтов обеспечивали два радиодивизиона – 442-й и 469-й. Они внимательно следили за радиообстановкой и докладывали разведсведения о состоянии войск противника.

Командующий 3-м Украинским фронтом в ночь на 27 августа послал к окруженным немецким войскам в районе Кишинева своих парламентариев. Однако они не нашли никого, кто бы имел полномочия его принять.

После ликвидации окруженной группировки радиоразведка, тем не менее, продолжала следить за противником. Ведь возможно было передвижение резервов из глубины. Однако немецкое командование мало чем могло помочь терпящим поражение. Они направили 4-ю горнострелковую дивизию, но соединение уже не могло сыграть какую-либо положительную роль.

Румыния вышла из войны. Бухарест заявил о своем присоединении к союзникам и объявил войну Германии.

Для гитлеровцев это, безусловно, был серьезный удар. Выход из войны Румынии открывал советским войскам путь в Югославию, где сражалась народно-освободительная армия Тито, и дальше – в Болгарию.

24 августа радиостанция штаба фашистского 5-го армейского корпуса передала радиограмму. Ее перехватили наши радиоразведчики: «Заключено перемирие между союзниками и Румынией. Король образовал новое правительство Санатеску и приказал закончить военные действия. Дивизиям концентрироваться со своим вооружением в районе Морцумь, Биржовень, Липовень, Баркань, Орбику, Делень, выслать делегатов для установления с русским командованием демаркационной линии или возможного прохода между русскими войсками».

Тем временем немецкие силы отступали к югославской границе. Радиоразведке удалось отследить перемещение штабов 6-й и 8-й фашистских армий в Трансильванию, в районы Дебрецина и Клужа. С помощью этих разведанных удалось разгадать замысел противника, сосредоточить свои войска для обороны в Венгрии.

Румыния была освобождена от фашистов, и Красная армия вступила на территорию Болгарии и Венгрии.

Войска 2-го, а с ноября и 3-го Украинских фронтов провели несколько операций, подошли к Будапешту и озерам Балатон и Веленце. Однако овладеть столицей Венгрии нашим войскам с ходу не удалось.

Немцы отчаянно сражались, лишь бы остановить наступление советских объединений и соединений в Австрию, и далее в южные районы Германии. Особенно ожесточенно фашисты боролись за Будапешт.

Первая операция, проведенная в конце декабря – начале января, успеха не принесла, и только 26 декабря войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов удалось соединиться в районе Эстергома и окружить вражескую группировку в столице Венгрии.

В кольце оказались два армейских корпуса, семь дивизий.

Желая разблокировать окруженные войска, немецкое командование в январе 1945 года нанесло три контрудара.

Радиоразведку в этот период в интересах 2-го и 3-го Украинских фронтов вели 370, 442,

469-й дивизионы и 97-й дивизион 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ.

Этим частям оказывал помощь 545-й дивизион 1-го Белорусского фронта. Дело в том, что под Будапешт фашисты перебросили 3-ю танковую дивизию СС «Мертвая голова» и 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», которые раньше действовали против войск фронта и были хорошо изучены радиоразведчиками этого радиодивизиона. Как только радиостанции эсэсовских соединений появились в эфире, их тут же засекли радист Кочетов и радиопеленгаторщик Моляр. Сделать это оказалось очень трудно из-за острого угла засечки. Но выручило мастерство наших специалистов. Дивизии были запеленгованы под Будапештом. Кстати, и Кочетов и Моляр за своевременное обнаружение дивизий СС «Мертвая голова» и «Викинг» удостоились орденов Красной Звезды.

Первый контрудар враг наносил из района Комарно, что северо-западнее Будапешта. Радиоразведчики следили за немецкими дивизиями. Именно они первыми обнаружили усиление группировки частями 8-й танковой дивизии, а 6 января засекли отход фашистских войск.

4 января неожиданно активно заработали радиостанции 1-й и 23-й танковых дивизий в районе города Мор. Это были первые признаки подготовки контрудара. 7 января фашисты действительно бросили свои танки в атаку. Однако их вновь ждала неудача.

В период подготовки к третьему контрудару с целью деблокирования окруженной будапештской группировки фашисты пошли на хитрость и применили радиодезинформацию. Гитлеровское командование имитировало перемещение дивизий СС «Мертвая голова» и «Викинг» из-под Будапешта на север и северо-запад. Сделано это было путем перемещения не самих войск, а некоторых радиостанций названных соединений.

16 января работа дивизионных сетей прекратилась, а через два дня радиостанции вышли в эфир, но уже, по данным пеленгования, в 30-35 км севернее и западнее Комарно.

К сожалению, наша радиоразведка попала на эту уловку и не смогла раскрыть дезинформацию.

А в это время в режиме полного радиомолчания враг перебрасывал дивизии в район между озерами Балатон и Веленце, готовясь нанести мощный удар в направлении Сексфехервара.

И тем не менее, несмотря на существенный просчет, радиоразведчики уже 17 января отметили, что усилия ближней авиационной разведки из района Эстергома были перенесены в район Чаквара, что на озере Балатон. На следующий день наши «слухачи» обнаружили перемещение радиостанции штаба 1-й танковой дивизии к переднему краю юго-западнее озера Веленце, а также ее связь со штабом 9-го корпуса, находившимся в окружении в Будапеште.

Начальник маневренной группы 469-го дивизиона М. Терентьев проанализировал эти разведданные и доложил в штаб 5-й гвардейской армии свои выводы: немцы готовят новый контрудар между озерами Балатон и Веленце.

20 января наши радиоразведчики установили, что в предпринятом третьем контрударе принимают участие 1, 3 и 23-я танковые дивизии, а также танковые дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг». На следующий день радиоразведчики перехватили радиограмму штаба дивизии «Мертвая голова». Она предназначалась штабу 6-й дивизии. Это означало согласование их действий по разблокированию окруженной группировки.

Третий удар оказался достаточно сильным, но и он не достиг цели. Окруженные немецкие части в районе Будапешта вскоре были разгромлены.

Советские войска готовились к полному изгнанию врага с территории Венгрии. Однако гитлеровцы даже после стольких неудач не собирались сдаваться. В условиях тщательной секретности немецкое командование готовило мощнейший контрудар по войскам 3-го Украинского фронта.

Позже И. Сталин напишет в письме президенту США Ф. Рузвельту следующие слова: «Главный удар немцев готовился и был осуществлен в районе озера Балатон. В этом районе

немцы собрали до 35-ти дивизий, в том числе 11 танковых. Это был один из самых серьезных ударов во время войны, с такой большой концентрацией танковых сил».

Право же, Верховный Главнокомандующий знал, что говорил.

Итак, 6 марта 6-я полевая армия и 6-я танковая армия СС двинули свои части. Три шестерки – вот такое «звериное число». Операция называлась «Фюрер – наступление».

6-я танковая армия СС под командованием генерал-полковника Зеппа Дитриха была скрытно передислоцирована из Франции под Будапешт. Надо отдать должное, немцы предприняли все меры маскировки, дабы советское командование не смогло определить ее переброску. Справедливости ради следует отметить, что им удалось обмануть фронтовых радиоразведчиков, но выручила 1-я радиобригада ОСНАЗ. Именно их специалисты вскрыли новую радиостанцию в сети немецкого генштаба.

Вот как о том эпизоде вспоминает полковник Петр Добродий: «В феврале 1945 года немцы перебросили с Западного фронта в район южнее Будапешта 6-ю танковую армию СС, в связи с чем оперативное отделение 1-й радиобригады ОСНАЗ сразу же вскрыло появление в радиосети генерального штаба новой радиостанции армейского типа, хотя другие части ОСНАЗ факт появления этого штаба своевременно установить не смогли.

Вскоре эта армия, совместно с 6-й полевой армией, нанесла контрудар в районе озера Балатон.

По заданию командира 1-й радиобригады ОСНАЗ И. Миронова я был командирован в действовавший на этом участке радиодивизион бригады.

Проанализировав совместно с офицерами оперативного отделения дивизиона все имеющиеся сведения по радиосвязи немецко-фашистских войск, мы установили, что переброшенный в район Будапешта штаб 6-й танковой армии СС и его радиоузел были совмещены в целях маскировки со штабом и радиоузлом 6-й полевой армии. Это являлось основной причиной того, что радиосети этих штабов связи «вниз» не были должным образом разделены и сгруппированы в системы двух армий, а добытые данные о появлении западнее озера Балатон новой радиостанции армейского типа не были должным образом оценены...»

Ожесточенная балатонская битва длилась десять суток. За это время фашисты прошли 30 километров вдоль канала Шарвиз и всего 12 километров у озера Веленце, однако до Дуная так и не дотянулись. Они понесли тяжелые потери и 15 марта перешли к обороне. Однако укрепиться не успели. 3-й Украинский фронт перешел в контрнаступление.

В начале апреля Венгрия была освобождена от фашистов.

«Неприступный бастион немецкого духа» – пал

На заключительном этапе Великой Отечественной войны кроме непосредственного штурма Берлина были проведены три наступательных операции, вошедшие в историю как Висло-Одерская, Верхне-Силезская и Восточно-Померанская.

Всюду в интересах наступающих фронтов действовали радиодивизионы ОСНАЗ.

Висло-Одерская операция началась 12 января 1945 года. В подготовительный период радиоразведка велась в условиях полного радиомолчания противника. Перед 1-м Белорусским фронтом подтверждалась только 25-я танковая дивизия фашистов. А перед войсками 1-го Украинского фронта по радиосвязи не было засечено ни одного штаба.

Такое тотальное радиомолчание противника объяснялось не только отсутствием активности в действиях сторон. Как раз в этот период происходила передислокация из района севернее Варшавы в сторону Будапешта 4-го танкового корпуса СС в составе дивизий «Мертвая голова» и «Викинг». И естественно, враг желал сделать это тайно.

Группировка радиоразведки в составе 313, 394, 541, 545-го дивизионов, а также 91, 93 и 95-го дивизионов отдельной радиобригады ОСНАЗ следила за противником по радиосвязи тыловых и обеспечивающих подразделений, ближней авиационной разведки. Именно так была установлена передислокация штаба 9-й армии из Скерневице в Томашув.

В начале января 1945 года радиоразведчики доложили руководству: на плоньском направлении севернее Варшавы остался один 20-й армейский корпус. 4-й танковый корпус СС сменил дислокацию. Об этом говорили данные полетов ближней авиационной разведки: вместо двух корпусных полос осталась только одна. Более того, основные усилия авиаразведка противника направила на районы к северу и югу от Будапешта в полосах Украинских фронтов, а также в полосах Белорусских фронтов, действовавших против войск в Восточной Пруссии.

Отмечалось и другое – разведку на центральном направлении немцы вели менее активно. Это давало возможность надеяться на то, что подготовка операции проходила секретно от врага, и он не располагал истинными разведсведениями относительно намерений советского командования.

Правда, в первой половине декабря немецким самолетам-разведчикам удалось обнаружить в прифронтовой полосе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов активное движение автотранспорта и более интенсивное передвижение железнодорожных составов. Это могло навести противника на мысль о подготовке наступления. Были приняты незамедлительные меры по усилению маскировки, и вскоре фашистские воздушные разведчики уже не обнаруживали ничегостораживающего.

С началом наступления маневренные группы стали перехватывать тревожные радиogramмы противника:

«Русские вклинились в мое расположение».

«Ураганный огонь усиливается. Нет возможности показаться из блиндажей».

«Неожиданное наступление расстроило все».

«Отходите через Секерка вдоль речки в северо-западном направлении».

Висло-Одерской операции был присущ высокий темп наступления. Танковые войска прорывались вперед, не давая возможности фашистам закрепиться на новых рубежах.

Однако уже через неделю после начала наступления сведения радиоразведки качественно изменились. Дивизионы ОСНАЗ стали докладывать о появлении новых радиостанций штабов корпусов и дивизий. Такие группировки были обнаружены в районах Познани, Калиш, Коньске, Сохачева.

Ценные сведения дали радиоразведчики по новой группировке, созданной фашистами в Силезском районе Польши. 18 января здесь были вскрыты радиоузлы двух корпусов, пяти дивизий, а также радиосеть 20-й танковой дивизии, которая прежде действовала против войск 2-го Украинского фронта. Эти разведанные своевременно поступили в штаб 1-го Украинского фронта, и командующий принял решение развернуть на юг танковое объединение, ударить в тыл этой группировки. Маневр удался, враг был разгромлен.

Но фашисты не дремали. 24 января радиоразведчики стали добывать данные о появлении новых частей противника на рубеже реки Одер. Так, в районе Кюстрина «слухачи» ОСНАЗ засекали радиосети вражеского корпуса. Доложили, что радиостанции двух дивизий были запеленгованы на восточном берегу Одера, а одной – на западном. Но в штабе 8-й гвардейской армии этой информации не поверили, так как по данным других видов разведки новых дивизий здесь не ожидалось.

Однако командир 545-го радиодивизиона проявил настойчивость, добился личной встречи с командармом генералом Василием Чуйковым и доложил ему о местонахождении вражеских соединений.

Командарм согласился с доводами радиоразведчика и дал указание в штабы корпусов о возможном появлении на фронте новых дивизий.

Но уже утром следующего дня местоположение соединений врага изменилось. Все они были запеленгованы на западном берегу Одера. Как показали пленные, дивизии, входившие в 5-й горнострелковый корпус, прибыли в район Кюстрина с задачей форсировать реку, упредив части Красной армии, и занять оборону на рубеже восточнее Одера. Вот только выполнить приказ они не успели, и потому обе дивизии, переправившиеся на восточный берег, получили указание спешно отойти на западный берег.

Работа радиоразведчиков в Висло-Одерской операции была высоко оценена командованием. 480-й дивизион удостоился ордена Красного Знамени, 545-й – ордена Красной Звезды, 394-му дивизиону присвоено почетное звание «Варшавский», 561-му дивизиону – «Горлицкий».

Наступательные бои 1-го Украинского фронта, продолжавшиеся уже после окончания Висло-Одерской операции, завершились окружением и уничтожением группировок фашистских войск в районах Глогау и Беслау с выходом правого крыла фронта на реку Нейсе. Левый фланг значительно отстал. Войскам не удалось преодолеть одерский укрепительный рубеж к югу от Оппельна.

Оперативное положение сил 1-го Украинского фронта, нацеленных на Берлин и Дрезден, в этих условиях оказалось крайне невыгодным. Чтобы исправить положение, потребовалось проведение наступательной операции, получившей название Верхне-Силезской.

Началась операция 15 марта и завершилась к концу месяца. Войска фронта вышли к предгорьям Судет и взяли города Ратибор и Беслау. Радиоразведку в этой операции обеспечивал 541-й дивизион и часть сил 93-го дивизиона 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ.

Еще за несколько дней до начала операции радиоразведчики предупредили штаб фронта о появлении двух новых дивизий противника в районах к юго-западу от Гротткау и севернее Нейса. По показаниям пленных это были танковая дивизия СС «Герман Геринг» и 10-я моторизованная дивизия.

Всего же в период подготовки к проведению операции радиоразведка засекала передислокацию в полосе левого крыла 1-го Украинского фронта 7-ми танковых и 1-й моторизованной дивизии, раскрыла их тактический маневр, добыла данные об усилении танковыми частями вражеских группировок.

Верховный Главнокомандующий в приказе от 31 марта 1945 года среди отличившихся назвал и связистов майора И. Гуславского. Это и были радиоразведчики 541-го дивизиона ОСНАЗ.

Восточно-Померанская наступательная операция была проведена в феврале-марте 1945 года. Она проходила в условиях благоприятной стратегической обстановки. И тем не менее гитлеровский генштаб решил использовать несколько растянутое положение армий правого крыла 1-го Белорусского фронта и нанести удар с севера во фланг. Для этой цели фашисты начали срочно создавать сильную группировку войск в Восточной Померании. Как раз таки выявить эту группировку и помогла радиоразведка.

Вновь отличились спецы 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ. 25 января они обнаружили в районе Хойнице, что в 55 км восточнее Нойштеттина, узел связи армейского типа. Потом этот узел засекался в движении: через три дня он был запеленгован в районе Хаммерштейна, а еще через три дня – в Штеттине. Удалось определить и принадлежность узла связи к штабу группы армий «Висла».

По некоторым разведывательным признакам и организации связи было выявлено, что в состав «Вислы» входит 2-я армия, прежде действовавшая в районе Гданьской бухты. Состав этой армии удалось вскрыть «слухачам» 480-го дивизиона 2-го Белорусского фронта.

Но группа армий «Висла» не могла состоять из одного соединения. Так что радиоразведчикам предстояло установить теперь к другим соединениям и частям и выявить их дислокацию.

Было понятно, что фашисты попытаются скрытно сосредоточить силы и средства для нанесения удара. Поэтому главные усилия радиоразведчики сосредоточили в узком секторе на наиболее вероятном направлении удара. Под постоянное наблюдение был взят весь диапазон частот, в котором могли работать радиостанции противника. Но немецкие радиостанции молчали. Пришлось усилить контроль вспомогательных радиостанций. 3 февраля была перехвачена очень важная радиограмма: «Комендант города Нойведель приказ от командира танкового корпуса получил и меры к обороне принял».

О чем говорила эта радиограмма? Прежде всего о том, что в районе Нойведель, юго-восточнее Штаргарда, находится танковый корпус.

А вскоре в районе юго-восточнее и юго-западнее Драмбурга было установлено до 4-х танковых и моторизованных дивизий.

В середине февраля радиоразведка отметила работу фашистских самолетов-разведчиков в полосе Штаргард, Каллис. Наблюдением за самолетами ближней разведки и за работой немецких радиостанций удалось установить, что перед правым крылом 1-го Белорусского фронта немцы сосредоточили 3 корпуса, 2 из которых танковые.

Все говорило о том, что контрудар готовится именно в этом направлении.

Накануне контрудара по тому, как активно заработала войсковая связь взаимодействия, удалось уточнить: перед правым крылом действует армия в составе 4-х корпусов, два из которых в 1-м эшелоне и один – во втором.

В тот же день, 18 февраля, немцы действительно нанесли удар на штаргардском направлении, но успеха не достигли.

Восточно-Померанская операция закончилась выходом наших войск к побережью Балтийского моря, овладением крупными опорными пунктами врага и полным окружением фашистских частей в Восточной Пруссии и Курляндии.

Дивизионы ОСНАЗ устанавливали состав в окруженных группировках противника, помогая скорейшему их разгрому.

За умелые и профессиональные действия 480-му дивизиону подполковника И. Максимова было присвоено почетное наименование «Померанский».

Одновременно с проведением Восточно-Померанской операции войска 3-го Белорусского фронта начали разгром фашистов в Восточной Пруссии. 474-й дивизион ОСНАЗ отличился в боях за освобождение Кёнигсберга.

Гарнизон города составлял около 130 тысяч личного состава, почти 4 тысячи орудий и минометов, 100 танков, и штурмовых орудий.

Город был сильно укрепленной крепостью с тремя оборонительными рубежами и долговременными сооружениями.

Штурм Кёнигсберга начался 6 апреля 1945 года. В первый день в ходе жестоких, кровопролитных боев наши войска продвинулись на 3–4 км, заняли несколько фортов, перерезали железную дорогу на Пиллау.

8 апреля командующий 3-м Белорусским фронтом маршал Александр Василевский обратился к фашистам с предложением сдаться.

Вечером того же дня «слухачи» 339-го и 474-го дивизионов перехватили открытую радиограмму коменданта Кёнигсберга генерала Лаша. Он приказывал немецким войскам в 6 часов утра 9 апреля прекратить сопротивление и сложить оружие.

Подлинник радиоперехвата был доставлен в штаб фронта. Правда, часть гарнизона утром возобновила огонь, и только к исходу 9 апреля Кёнигсберг пал. Враг лишился на востоке, как заявлял Гитлер, «абсолютно неприступного бастиона немецкого духа».

Вперед – Берлин!

В истории Второй мировой войны Берлинская операция занимает особое место.

«В течение всей войны, – писал в своих воспоминаниях маршал Георгий Жуков, – мне пришлось быть непосредственным участником крупных и важных наступательных операций, но предстоящая битва за Берлин была особой, ни с чем не сравнимой операцией. Войскам фронта нужно было прорвать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей, начиная от самого Одера и кончая сильно укрепленным Берлином. Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем.

В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Развитые подземные сооружения давали вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно».

Хочется добавить, что свой вклад в составление этих карт и схем внесли и радиоразведчики. В Берлинской операции их силы были немалыми: 480-й дивизион действовал в составе 2-го Белорусского фронта, 394-й, 545-й дивизионы вели разведку в интересах войск 1-го Белорусского фронта, 313-й и 541-й дивизионы контролировали сети противника перед наступающими соединениями и частями 1-го Украинского фронта.

В этой грандиозной наступательной операции также были задействованы 91, 92, 93, 95-й радиодивизионы 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ Ставки Верховного Главнокомандования. Активно работали и армейские группы ближней радиоразведки.

К началу наступления радиоразведка сумела вскрыть систему обороны немецких войск как на подступах к Берлину, так и непосредственно в самом городе. Были установлены места дислокации 4-й танковой и 17-й армий группы армий «Центр», 3-й танковой и 9-й армий группы армий «Висла», а также корпусных и дивизионных штабов.

Не ускользнула от внимания «слухачей» частей ОСНАЗ и авиация 4-го и 6-го воздушных флотов. Контроль их радиосетей осуществлял 95-й дивизион 1-й отдельной радиобригады.

Внимательно следили радиоразведчики за деятельностью ближней разведывательной авиации противника. Так были установлены линии соприкосновения армий и корпусов практически на всем советско-германском фронте от Балтики до Карпат. Эти данные имели важное значение. Они исключали возможность проведения скрытого маневра соединениями и частями фашистских войск.

В этот период, казалось, всем было ясно, что победа Красной армии близка и фашизм обречен. И тем не менее противник весьма активно проводил радиодезинформацию. Немцы спланировали спецоперацию с целью введения в заблуждение нашего командования. Используя возможности средств радиосвязи, противник весьма профессионально имитировал создание мощной группировки войск между Одером и Берлином. Немцы создали ложные радиосети, пытаясь убедить штабы Красной армии в том, что здесь сосредоточены силы двух танковых корпусов и нескольких дивизий.

Однако на дворе стоял уже не 1941-й год и немецким разведчикам противостояли опытные, знающие спецы ОСНАЗ. Они сразу отметили некоторые особенности работы радиостанций фашистских танковых дивизий. Немецкие радисты действовали излишне старательно, я бы сказал, навязчиво, рассчитывая на то, что их обязательно заметит советская

радиоразведка. Так и случилось, заметила, но не поверила.

Наше командование получило обоснованное заключение, что танковые корпуса «Берлин», «Бранденбург», пехотная дивизия «Эльба», 10-я танковая дивизия являются уловкой вражеской радиоразведки, и что никакой крупной танковой группировки на пространстве от Одера до столицы Германии не существует.

14 апреля, за два дня до начала Берлинской операции, Гитлер, пытаясь воодушевить войска, в своем воззвании писал:

«Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии... Берлин останется немецким».

Однако пожелание фюрера не сбылось. Маршал Жуков впоследствии так напишет о начале наступления советских войск:

«Гитлеровские войска были буквально потоплены в море огня и металла. Сплошная стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить...»

Донесения с немецких разведывательных самолетов, перехваченных нашими «слухачами» ОСНАЗ, подтверждают слова Жукова. Вот некоторые из них:

«Налет сорока русских штурмовиков и крупных соединений бомбардировщиков на район перед плацдармом западнее Кюстрина. Населенные пункты в этом районе горят. Русские танки атакуют в районе Альттухебанд и у дороги на Мюнхен. Русские бомбардировщики бомбят наши колонны на шоссе Кюстрин – Берлин».

«Земля в районе плацдарма на западном берегу р. Одер покрыта сплошными разрывами снарядов и бомб противника. Столб дыма поднимается очень высоко».

Обстановка в тактической глубине немецких войск была такова, что фашисты зачастую не имели времени на шифрование своих донесений. Они передавали открытую информацию. Это облегчало деятельность нашей радиоразведки. Перехват сообщений противника давал возможность наиболее полно освещать картину сражения.

Радиостанции корпусного и дивизионного звена фашистов пестрили сообщениями следующего содержания:

«Двадцать русских танков атакуют в районе Врицен. В районе наших позиций прорвались пятнадцать танков типа «Сталин». Немедленно открыть артиллерийский огонь».

«Я нахожусь под угрозой окружения в районе западнее Кунерсдорф. Разрешите сменить позицию».

«Не разрешаю. Вести огонь до конца».

«Полк отступает в беспорядке, отвожу пехотные орудия».

«На шоссе северо-западнее нас прорвались двадцать танков Т-34. Срочно нужны подкрепления».

«Вокзал и южная часть Фихтенау заняты русскими. Веду ожесточенный бой».

Что касается боевой работы противника в звене полк – батальон – рота, то они хорошо освещались по результатам перехватов в УКВ диапазоне армейскими группами ближней радиоразведки.

Вот несколько примеров:

«Где вы находитесь? Вся наша пехота бежит...»

«Я нахожусь под «О» в Гольцов».

«Задержитесь на высоте, рассредоточьтесь и обстреляйте наступающую пехоту».

«Это сейчас невозможно. Наблюдайте за известковым заводом. Где наши танки?»

«Наши танки справа от известкового завода».

«Группа танков у известкового завода по этим данным радио-разведки была накрыта огнем нашей артиллерии».

«Внимание! Противник готовится к большой атаке. Наша пехота продолжает отходить».

«Остановить противника не удалось. У танков не хватает боеприпасов».

Данные групп ближней разведки были крайне ценны для принятия решений нашим командованием, ведь радиоперехваты сообщали об истинном положении на поле боя: рубежах выхода танков и пехоты, времени продвижения вперед, силу сопротивления противника, потери, которые несут фашисты, запасы их боеприпасов, состояние техники, моральный дух.

Вот один из случаев умелого использования результатов перехвата:

«Срочно прошу огня по району между Гросс – Глобич-Зее и Шварцер-Зее перед дамбой», – услышали наши радиоразведчики. Доклад срочно пошел в штаб армии. Оттуда последовало предупреждение в войска, которые находились в этом районе.

Или еще один перехват:

«Запросите сосредоточенный огонь по южной части треугольника леса западнее Фридерсдорф», – просили в радиограмме фашисты. Разумеется, наши части были предупреждены о предстоящем огневом налете немецкой артиллерии.

Дивизионы ОСНАЗ и группы ближней радиоразведки постоянно докладывали в штабы маршруты отходящих к Берлину войск.

Вскоре советское командование обладало полными данными о составе окруженной в столице Германии группировки. Здесь сосредоточились моторизованная дивизия «Мюнхен», 11-я моторизованная дивизия СС, 18-я и 20-я моторизованные, 309-я пехотная и 9-я авиационная дивизии, а также штаб 56-го танкового корпуса.

В районе Беесков и Шторков в окружении оказалась еще одна группировка фашистов. По данным радиоразведки, в ее состав входили моторизованная дивизия «Курмарк», 23-я моторизованная, 169, 286, 303, 712-я пехотные дивизии. В этом же районе засекли штабы 11-го танкового и 5-го горнострелкового корпусов СС, 9-й армии.

Войска группировки предприняли попытку вырваться из окружения, однако потерпели неудачу. 1 мая разгром группировки был завершен и их радиостанции замолчали.

2 мая капитулировал окруженный гарнизон Берлина. На следующий день прекратили работу все радиостанции фашистов, действовавшие перед войсками 2-го Белорусского фронта. Перед 1-м Белорусским фронтом изредка выходили в эфир отдельные вражеские радиостанции, а перед 1-м Украинском фронтом работали лишь радиостанции штабов двух танковых дивизий «Герман Геринг» и 20-й дивизии, которые дислоцировались севернее Дрездена.

Радиообстановка отражала состояние полного разгрома немецко-фашистских войск в полосе наступления наших фронтов.

Работа немецких радиостанций в эти дни продолжалась пока в Норвегии, Италии, Чехословакии, Курляндии, а также в сети верховного командования Германии – в районе Зальцбурга, Гростенс (Дания) и во Фленсбурге.

Заключительные радиограммы войны были перехвачены нашими радиоразведчиками 5 мая 1945 года. Они весьма интересны по своему содержанию. В них представители немецкого верховного командования предписывали своим войскам не оказывать сопротивления американским и английским частям, но сражаться до последнего против Красной армии.

Так, генерал-фельдмаршал Кейтель приказывал: «... Прекратить военные действия военно-морскому флоту, обслуживающей авиации, войскам СС, находящимся в Голландии, включая также войска на Западных и Восточных Фризских островах, о. Гельголанд, в Шлезвиг-Гольштейне и Дании».

В тот же день было перехвачено обращение адмирала Деница к группе армий «Центр» и «Юг», соединениям в Курляндии с призывом «противостоять напору большевиков».

6 мая в сети Верховного командования появилась радиограмма: «Против противника на западе оружие не применять. Аэродромы не уничтожать. По отношению к противнику на востоке вести себя, как раньше: аэродромы при наступлении противника уничтожать».

Несмотря ни на что фашистская Германия была разгромлена. Представители немецкого

командования подписали акт о безоговорочной капитуляции.

По результатам Берлинской операции действия радиоразведчиков были высоко оценены командованием: 394-й и 545-й дивизионы 1-го Белорусского фронта и 541-й дивизион 1-го Украинского фронта соответственно удостоились орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого 3-й степени.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 3 мая 1945 года в числе войск 2-го Белорусского фронта, отличившихся в боевых действиях в Померании, названа часть подполковника М. Юркова. Это 92-й дивизион 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ. Дивизиону было присвоено почетное наименование «Штеттинский» и он награжден орденом Красной Звезды.

Последние радиogramмы Второй Мировой...

После нападения фашистской Германии взоры советского руководства были обращены к Японии. На протяжении десятилетий японский империализм был ярким врагом нашей страны. Создав в Маньчжурии плацдарм, японцы развернули здесь соединения Квантунской армии численностью в миллион человек.

Япония, находясь в блоке с Гитлером, оказывала фашистской Германии постоянную помощь. Токио снабжало немецкое командование ценной секретной информацией о численности, дислокации и резервах Красной армии, об экономическом положении СССР, о состоянии военного производства.

Японское руководство чинило всяческие препятствия судоходству нашей страны. За период войны японские военные корабли около 200 раз незаконно задерживали советские торговые и рыболовные суда. 18 транспортов они потопили.

Продолжались провокации и на дальневосточных рубежах СССР. Только в 1944 году было 144 случая нарушения нашей границы и 39 случаев обстрела советской территории.

Учитывая все эти факторы, Советский Союз вынужден был держать крупную группировку сил на Дальнем Востоке.

В такой обстановке на радиоразведку дальневосточного направления возлагались ответственные задачи. Главные ее усилия были направлены на вскрытие планов командования вооруженных сил Японии по развязыванию войны против СССР, а также на ведение разведки группировки японских войск в Маньчжурии, на Южном Сахалине и Курилах, в Корее.

Накануне фашистской агрессии против Советского Союза на Дальнем Востоке, вдоль государственной границы от Забайкалья до Приморья было развернуто пять отдельных радиодивизионов – 366, 447, 453, 462 и 464-й.

В 1941 году здесь дополнительно удалось развернуть 321, 322, 328, 329 и 335-й дивизионы, а также 1-й запасной дивизион. Генеральный штаб Красной армии не забывал о дальневосточных радиодивизионах. Удара от японцев можно было ожидать в любой момент, и потому данные разведки особенно ценились. Даже в такое трудное время, как зима 1942 года, управление войсковой разведки Генштаба приняло директиву: «О задачах радиоразведки на Дальнем Востоке».

«За прошедший период Великой Отечественной войны, – говорилось в директиве, – отдельные радиодивизионы ОСНАЗ Дальневосточного и Забайкальского фронтов добились значительных успехов в разведке радиосетей японской армии. Улучшилось качество разведывательных сводок, увеличилось количество разведывательных сведений по данным пеленгации».

Такая оценка деятельности дальневосточных радиоразведчиков была вполне

объективной. Они добывали много ценных данных.

Весной 1942 года начальник разведывательного отдела Забайкальского фронта докладывал в Генштаб о том, что 453-й дивизион, контролируя радиосети японской армии, установил дислокацию в Маньчжурии 7 новых, вновь сформированных дивизий, 7 авиационных бригад, 11 бомбардировочных авиационных отрядов и 12 бомбардировочных эскадрилий.

Радиодивизион также подтвердил наличие в Маньчжурии, Японии, Китае, на острове Тайвань и в Индокитае 7 армий, 17 пехотных и 1 авиационной дивизии, 3 авиационных бригад и других частей.

Эти данные помогли нашему Генштабу верно оценить группировку японских войск.

Возможную переброску сил и средств японской армии на маньчжурский плацдарм отслеживали и спецы радиоразведывательного отряда Г. Гончарова. Этот отряд накопил большой опыт работы против японцев. Еще в 1938 году его направили в Китай для оказания помощи китайской армии в налаживании разведки. «Слухачи» отряда наблюдали за радиосетью главного командования сухопутных войск Японии, а также за работой узлов связи штабов армий.

Опыт ведения радиоразведки на Западном театре военных действий эффективно внедрялся на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Здесь были проведены мероприятия по подготовке частей ОСНАЗ к выполнению задач в условиях войны. Органы управления, сбора и обработки данных радиоразведки стали размещать на специально оборудованных автомобилях. Разведывательную и связную аппаратуру устанавливали в кузовах автомобилей. В каждом дивизионе появилась подвижная радиомастерская.

Части ОСНАЗ учились на маневрах, в ходе которых отрабатывались методы ведения радиоразведки с учетом боевого опыта военных действий. Управление пеленгаторными подразделениями происходило по радио, усилия оперативных отделений были сосредоточены на изучении радиосвязи японской армии, выявлении разведывательных признаков радиосетей потенциального противника.

В 1943 году в составе сил Дальневосточного фронта развернули 2-й отдельный радиополк ОСНАЗ. Он возник на базе 322, 329, 366-го дивизионов. Во главе полка был назначен С. Трусов.

321-й дивизион попал под расформирование, а его офицеры и солдаты убыли на Запад и пополнили 1-й отдельный радиополк ОСНАЗ.

Развертывание 2-го радиополка повысило эффективность ведения разведки. Этой части ОСНАЗ были поставлены задачи наблюдения за радиосетями верховного командования сухопутных войск, главных командований авиации и Квантунской армии, военного министерства Маньчжоу-Го и его военных округов, воздушных армий и дивизий, военно-транспортной и гражданской авиации, штабов 3, 5, 19, 20-й японских армий.

Добытые данные использовались командованием на Дальнем Востоке, а также Генштабом Красной армии.

В течение последующего 1943 года радиоразведчики-дальневосточники продолжали тщательную работу по рассекречиванию и детализации группировки японских войск. Ведь советскому командованию нужны были не только разведданные по штабам округов и армий, но и по дислокации полков, батальонов, отрядов, гарнизонов, арсеналов.

В марте 1943 года управление войсковой разведки Генштаба в своем докладе отмечало, что в составе группировки войск в Маньчжурии и Корее, по данным радиоразведки, были отмечены впервые и подтверждены 267 соединений и частей, в том числе 15 дивизий и 60 пехотных, танковых, артиллерийских, зенитно-артиллерийских и авиационных полков.

Начальник разведотдела Дальневосточного фронта в отчете за 1943 год сообщал: радиоразведка постоянно держала под контролем радиосети японских войск в Маньчжурии и Корее, наблюдала за подготовкой сухопутных войск и сил авиации, следила за проведением

фронтовых, армейских и дивизионных учений.

Она вскрыла факт прибытия нового пополнения в части Квантунской армии, установила, что на маньчжурском плацдарме активизировалось строительство новых аэродромов, железнодорожных путей и автомобильных дорог.

1944 год прошел в напряженной работе. В ноябре отдел радиоразведки Разведуправления Красной армии доложил, что части ОСНАЗ Дальневосточного и Забайкальского фронтов к выполнению разведывательных задач в военное время готовы.

«В настоящее время, – сообщал начальник отдела радиоразведки, – все дивизионы умеют правильно классифицировать большинство вновь появляющихся радиосетей по родам войск, службам, соединениям».

Силы дальневосточной радиоразведки на тот период состояли из 2-го отдельного радиополка ОСНАЗ, развернутого на фронте в 1200 км, и ведущего разведку японцев в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и на острове Хоккайдо.

Дивизионы Дальневосточного фронта выполняли задачи по радиоразведке на муданьцзянском, приханкайском и сахалинском направлениях.

Части ОСНАЗ Забайкальского фронта вели разведку на хайларском, солуньском и калганском направлениях, а также наблюдали за радиосетями японцев в глубине их расположения.

Специалисты дальневосточных и забайкальских частей ОСНАЗ хотя и не имели боевого опыта, но подготовлены были вполне удовлетворительно. 75% офицеров имели военную и специальную подготовку, получив знания в войсковых училищах и на курсах. 70% сержантов, прослужив в войсках радиоразведки от пяти до семи лет, также были хорошими специалистами.

Не лучшим образом обстояло дело с состоянием техники. Шла тяжелая война, и технику в первую очередь отправляли на фронт. Требовали замены многие коротковолновые пеленгаторы, приемники. И надо отдать должное – эта замена поступала и была завершена весной 1945 года.

... В ходе подготовки к разгрому Квантунской армии на базе двух фронтов были развернуты три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. 335-й и 447-й радиодивизионы, а также 389-й дивизион, переброшенный с Запада, вошли в состав 1-го Дальневосточного фронта. Эти части ОСНАЗ вели разведку на приханкайском и муданьцзянском направлениях.

Разведку японских войск, противостоящих 2-му Дальневосточному фронту, вели 2-й отдельный радиополк ОСНАЗ и 464-й дивизион. Полк выполнял задачи на широком фронте и на большую глубину в интересах Главного командования Красной армии, главкома советских войск на Дальнем Востоке и командующего фронтом.

464-й дивизион работал на сахалинском направлении.

В составе Забайкальского фронта радиоразведку обеспечивали 328-й дивизион на хайларском и солуньском направлениях, 462-й дивизион на калганском направлении и 453-й дивизион вел радио-разведку в полосе Забайкальского фронта.

До начала наступления радиоразведчики уточняли группировку войск Квантунской армии. Против войск, находящихся в Приморье, развернулись 3-я и 5-я армии, на севере Маньчжурии дислоцировались силы 4-й армии, еще две армии находились в центральной Маньчжурии. Во внутренней Монголии дислоцировалась Калгано-Сюйюньская армейская группировка.

Радиоразведке удалось отследить секретную информацию о срочном призыве резервов в японскую армию. Усиленными темпами проводилась подготовка командных кадров для частей Квантунской армии. Группировка войск перед 1-м Дальневосточным фронтом была усилена за счет формирования новых соединений в Маньчжурии и Корее. Все маньчжурские дивизии перевели на штаты военного времени. Из других районов перебрасывались силы для укрепления

авиационной группировки.

... 9 августа 1945 года на всех фронтах началось наступление Красной армии. Удар наших войск был столь мощным, что управление в соединениях Квантунской армии во многом было потеряно. Некоторые радиосети прекратили свою работу.

«Стремительное наступление Красной армии, – писал в своем отчете начальник разведотдела 2-го Дальневосточного фронта, – вынудило японцев сразу же начать массовое отступление, ведя арьергардные бои силами мелких подразделений. В результате такого характера военных действий с первого же дня начали одна за другой прекращать работу радиостанций действующих радиосетей в приграничной полосе. Появление новых радиосетей почти не наблюдалось. Радиостанции, прекратившие работу в новых пунктах, как правило, не обнаруживались».

Начальник отделения радиоразведки разведотдела штаба 1-го Дальневосточного фронта В. Плошай еще более конкретизировал сказанное своим коллегой.

«В период военных действий, – сказал он, – радиосвязь частей Квантунской армии развернуться полностью не смогла, так как стремительное наступление наших войск лишило командование Квантунской армии возможности использовать радиосвязь».

В ходе наступления для командования первоочередным всегда является определение направления, куда отступает противник. Так вот и с этой задачей успешно справилась дальневосточная радиоразведка: уже к исходу 11 августа, наблюдая работу радиостанций штабов Квантунской армии, 1-го фронта, 3-й и 5-й армий, 4-й отдельной армии, она установила общее направление отступления японцев. Квантунская армия уходила в центральные районы Маньчжурии.

К 19 августа войска Красной армии расчленили силы японцев в центральной Маньчжурии и завершили их окружение. Штаб Квантунской армии заявил о своей готовности капитулировать.

Однако оставались еще отдельные группировки противника. Радиоразведка определяла их в районах западнее и юго-западнее Калгана, севернее Цзямусы, Гайхуа, Датун, западнее и юго-западнее Мукдена.

30 августа разоружение Квантунской армии было закончено.

2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Результаты работы радиоразведки на Дальнем Востоке были оценены по достоинству.

«Радиоразведка с началом активных действий наших войск, – писал в своем отчете начальник разведотдела штаба Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, – следила за работой радиосетей противника и по ним вскрывала передислокацию штабов. При отходе войск противника из пограничной полосы вглубь Маньчжурии радиоразведка также давала необходимые данные о направлениях перемещения крупных штабов».

... Закончилась Вторая мировая война. Завершилась деятельность радиоразведки в военный период.

Часть третья

Командировка на корейскую войну

Июнь 1945 год. Парад Победы на Красной площади. Великая Отечественная война ушла в историю. Однако опыт ее подтвердил, что успешное ведение современной войны невозможно без применения радиоразведки.

Боевые действия на фронтах показали ее лучшие качества. Радиоразведка умело вскрывала намерения противника, перегруппировку войск с целью их предстоящего ввода в бой, переброску частей и соединений с Запада. Эффективно действовали радиоразведчики и против фашистских военно-воздушных сил.

Руководство службы, офицеры-фронтовики понимали: радиоразведка нуждается в постоянном совершенствовании, дальнейшем развитии методов анализа материалов, обновлении технических средств.

Именно поэтому радиоразведка ГРУ не могла оказаться в стороне от военных событий, которые начались на Корейском полуострове летом 1950 года.

Ударная южнокорейская группировка, обученная и вооруженная американцами, насчитывала в своем составе 8 дивизий. Офицеры и солдаты этих соединений участвовали в приграничных стычках на линии разграничения двух корейских государств, больше известной как 38-я параллель. Кроме того, США размещали в этом регионе крупный воинский контингент – несколько дивизий, более 800 самолетов, 300 кораблей ВМФ.

Северокорейцы, вступив в войну, надеялись, что боевые действия станут внутренним делом Кореи. Однако они просчитались: уже на одиннадцатый день войны американцы выступили на стороне южнокорейцев.

Вооруженное вмешательство в гражданскую войну в Корею Соединенным Штатам удалось прикрыть ширмой ООН и втянуть в войну армейские контингенты Великобритании, Франции, Канады, Австрии, Бельгии, Голландии, Колумбии и других стран.

В свою очередь китайские добровольцы выступили на стороне северокорейцев.

Таким образом, гражданская война разрослась в большой международный взрывоопасный конфликт.

Советский Союз поддержал КНДР. Он поставлял северным корейцам оружие, боеприпасы, медикаменты. В частях Корейской народной армии работали наши советники, летчики-истребители отражали разбойничьи налеты авиации США.

Первый период войны был удачным для КНА. Удалось освободить почти всю территорию Южной Кореи и прижать южнокорейские войска к морю. Однако с ходу овладеть портом Фузан не удалось, и победа ускользнула из рук северокорейцев.

В сентябре 1950 года 8-я армия США при поддержке более 500 танков и 1000 самолетов перешла в наступление. 10-й корпус США высадился в тылу северокорейских войск. Был захвачен Сеул, и части КНА оказались в сложном положении.

На помощь пришли китайские добровольцы. Чаша весов качнулась в другую сторону – войска КНА вместе с китайцами освободили Пхеньян, Сеул, другие города. Были отражены попытки американо-корейских войск провести новое наступление.

Фронт стабилизировался вдоль 38-й параллели в середине 1951 года. Шли бои местного значения. Однако американцы не успокаивались. Они постоянно бомбили северокорейские города и села. До появления наших летчиков делали это безнаказанно, пользуясь превосходством в воздухе, после размещения авиационного корпуса под командованием И.

Кожедуба – только по ночам.

Все аэродромы в Северной Корее были выведены из строя, и наши летчики базировались на близлежащей к КНДР китайской территории в районах Аньдуна и Мяу-Гоу.

Летом 1952 года из Москвы в Корею вылетела группа офицеров Министерства обороны. В ее состав вошли представители нескольких Главных управлений, научных институтов. Среди них находился подполковник Александр Устименко, сотрудник ГРУ, радиоразведчик.

По данным советской разведки, американцы воевали в Корее теми же радиостанциями, радиолокационными средствами, что и в период Второй мировой войны. Однако эти данные нуждались в проверке.

В помощь Устименко в Корею была командирована небольшая группа со средствами радио- и радиотехнической разведки из состава уссурийской части. Командовал ею капитан Лисиченко.

Группа размещалась недалеко от пограничного китайского городка Ялуцзян. Ей предстояло отслеживать полеты американской стратегической бомбардировочной авиации.

Изучив обстановку в эфире, спецгруппа вскоре обнаружила на коротких волнах позывные американских самолетов. В штаб нашего авиационного корпуса стали регулярно поступать данные об их вылетах на бомбежку объектов в Северной Корее. Командный пункт получал такие сообщения за 3 часа. Однако, к сожалению, наши летчики мало чем могли ответить на эти ночные бандитские налеты американских бомбардировщиков Б-29. Дело в том, что в составе корпуса не было ночных истребителей, оборудованных специальными оптико-радиолокационными прицелами. Наши МиГи летали только днем.

В одну из таких темных ночей операторы Лисиченко «засекли» взлет с аэродрома Наха, что на острове Окинава, примерно четырех сотен стратегических бомбардировщиков Б-29.

Самолеты, долетев до юго-западной оконечности Корейского полуострова, делали контрольный выход в эфир и устанавливали короткую радиосвязь с наземным пунктом управления. Здесь еще раз их отслеживали наши радиоразведчики. А через час от бомбежки задрожала земля – американские Б-29 «обрабатывали» соседний корейский городок Синжсю, который находился в каких-нибудь пяти километрах от места расположения группы Лисиченко.

Потом Александр Устименко, вспоминая ту ночь, напишет: «Б-29 поочередно заходили на цель и методично сбрасывали свой смертоносный груз на беззащитный мирный городок так, что даже в нашем гарнизоне все ходило ходуном. И, главное, мы были бессильны что-нибудь предпринять: находившаяся рядом армада истребителей МИГ-15 в непроглядной южной ночи была «слепой», а наши зенитные орудия имели потолок стрельбы 7 км, тогда как американские Б-29 спокойно и безнаказанно летали на высоте 9 км. Это, конечно, увеличивало ошибку при бомбометании, но она компенсировалась массивностью удара».

Постоянным, жестоким бомбардировкам подвергался и Пхеньян.

Надо отдать должное, группа радиоразведки вскрыла один из самых страшных, трагических налетов на гидроэлектростанцию Сунундон на реке Ялуцзян, но это не убергло от гибели 90 наших зенитчиков. Радиоразведка велась круглосуточно, и она была надежным стражем истребительной авиации, но, увы, сама авиация оказалась «слепой».

Днем же наши летчики сражались героически. Американцы успели перевооружить свои ВВС более современными самолетами Ф-86 («Сейбры»), но, несмотря на это, советские пилоты с успехом сбивали американцев.

Главнокомандующий вооруженными силами США на Тихоокеанском театре военных действий генерал Макартур вынужден был доложить Комитету начальников штабов, что американские пилоты впервые столкнулись с военной техникой, значительно превосходящей американскую, боевой дух их падает, а налеты не приносят прежнего эффекта.

Подполковник Александр Устименко помнил и о задаче, полученной в Москве.

«Можно честно признать, – напишет он по возвращении из командировки, – что за более

чем полугодовой срок у нас не пропал даром ни один день. Мы не ограничились только организацией радио- и радиотехнической разведки, а колесили по корейской земле и охватили многие штабы и учреждения, где можно было получить какие-либо трофейные документы, образцы оружия и техники.

Ездили днем и главным образом ночью, в основном по западному побережью страны. Днем проявляла активность американская тактическая авиация. Иногда блуждали в ночи без карт, и китайский переводчик, не знающий корейского языка, спрашивал местного корейца, рисуя ночью на дорожном песке иероглифы при свете автомобильных фар. Оказывается, при иероглифическом способе общения они лучше понимали друг друга.

Я часто приезжал в штаб КНД, размещенный в шахте в центре Корейского полуострова, приходилось посещать и ставку Ким Ир Сена, которая находилась в штольне, вырубленной в гранитной горе. Бывал и в одном из лагерей для американских военнопленных, где по нашим вопросам опрашивали американцев».

Так вот однажды на допросе американский летчик с самолета Б-29 показал, что его сбитый бомбардировщик был начинен всякой разведывательной радиоаппаратурой. Со слов пилота удалось установить район, где упал самолет. Подполковник Устименко и его помощники решили отыскать место падения машины. А вдруг там найдется что-нибудь полезное.

Искать пришлось долго. Колесили по горным дорогам, где невозможно было проехать на машине, передвигались пешком. Наконец им улыбнулась удача. Они вышли к горному склону, на самом гребне которого лежал обгоревший Б-29. Видимо, встречный поток воздуха слегка погасил скорость падающего самолета и сбил с него пламя.

Увидев обгоревший планер бомбардировщика, Александр Иванович вспомнил, что ему уже приходилось видеть нечто подобное. Восемь лет назад, в 1944 году он находился в командировке в 313-м отдельном радиодивизионе ОСНАЗ, которым командовал подполковник Петр Костин. Было это под городом Бунцлау, где похоронено сердце М. И. Кутузова. Так вот у всех на виду, среди бела дня пролетавший над ними союзнический американский самолет Б-29 начал оставлять позади дымный шлейф. Видимо, он был подбит истребителем, впрочем, которого никто не видел.

Словом, экипаж, одиннадцать человек, покинул борт горящего самолета, а бомбардировщик начал плавно снижаться и вскоре упал на землю невдалеке от них. Командир дивизиона уехал подбирать членов экипажа самолета, а Устименко смог убедиться, что от Б-29 вскоре ничего не осталось.

Теперь, подойдя ближе к самолету, Александр Иванович понял: бомбардировщик падал так же, как и тот Б-29 восемь лет назад. Пройдя по следу падения самолета, разведчики нашли несколько обгоревших блоков радиоаппаратуры. По сохранившимся указателям на блоках установили: на борту Б-29 находился уже знакомый советской разведке комплекс радио- и радиолокационной аппаратуры.

В период боев на Корейском полуострове американцы очень хотели заполучить наш МиГ-15 в качестве трофея. Они даже назначили вознаграждение сначала в 100 тысяч долларов, потом – в миллион. Об этом сообщалось в американских листовках, которые Александр Устименко держал в собственных руках. Их разбрасывали с самолетов ВВС США. Однако мечте американцев не суждено было сбыться.

А к нам в руки Ф-86 «Сейбр» попал, что называется, целехоньким. Его сбил наш ас Евгений Пепеляев, впоследствии ставший Героем Советского Союза.

Американец получил пушечный залп и стал падать. Пилот дотянул до моря, сел у кромки воды на гальку, обнажившуюся во время отлива. Летчика подобрала служба спасения, а через час – другие американские штурмовики подвергли район посадки «Сейбра» бомбежке. Но к этому времени начался прилив и самолет поглотило море.

А ночью наши летчики вытащили «Сейбр» и замаскировали под стог сена. Переждали

день и следующей ночью обрезают крылья самолету и по узкой дороге доставили его на аэродром Альдун.

Вскоре машину разобрали, упаковали в ящики и доставили в Москву. Одним из самых ценных обретений стал тот самый оптико-радиолокационный прицел, обеспечивающий самолету возможность успешно действовать как днем, так и ночью.

Кстати говоря, операторы группы Лисиченко, оснащенные станциями радиотехнической разведки «Пирамида», прекрасно засекали серии импульсов этих самых оптико-радиолокационных прицелов американских истребителей «Сейбр». Было подтверждено, что работают они в прежнем, известном нам диапазоне. Более того, анализируя последовательность серий импульсов, Устименко и его коллеги пришли к выводу, что обзор пространства в прицеле производится узким лучом, движущимся по гипоциклоиде. Этот способ казался наиболее рациональным, дабы избежать запаздывания в обнаружении цели при высоких скоростях полета.

... Пролетели месяцы командировки на Корейскую войну. Группа офицеров возвратилась в Москву. Руководству было доложено: американцы воевали в Корее теми же радио- и радиолокационными средствами разведки, которые они применяли во Вторую мировую войну. В области авиационных средств подтвердилось использование нового типа истребителя Ф-86 «Сейбр». В артвооружении американцы применяли инфракрасный стрелковый прицел.

Таким образом, задачи, которые ставились перед группой, были выполнены.

Правда, представитель радиоразведки Александр Устименко в своем отчете записал: «Жаль, что мы задействовали такое ограниченное количество средств радио- и радиотехнической разведки в Корее и не послали туда полнокровный дивизион или полк, который позволил бы охватить наблюдением радиосвязь как сухопутных войск, так и тактической авиации, а также их взаимодействие. Такой опыт был бы ценным для нашей службы».

«Полярники» из ГРУ

Осенью 1954 года заместитель командира 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ полковник Петр Шмырев был вызван в управление кадров ГРУ.

– Вот что, Петр Спиридонович, – лукаво улыбнулся кадровик Павел Васильев, – наглаживай шнурки и вперед к порученцу министра. Он тебя ждет.

– Порученец министра? Меня? – удивился Шмырев.

– А чего растерялся, не хочешь пообщаться с генерал-лейтенантом Потаповым? – продолжал в том же тоне Васильев.

Но Шмыреву было не до улыбок. Он ровным счетом ничего не понимал. С какой это радости генералу Потапову захотелось побеседовать со скромным заместителем комбрига. Казалось, ответ на подобный вопрос должен был дать Васильев. Но тот только руками развел:

– Поверь, сам не в курсе. Но мне кажется, что тебе предложат новое место службы. Возможно, с повышением. Просто так порученец министра не вызывает, сам знаешь...

Кадровик оказался прав. Генерал Потапов долго ходить вокруг да около не стал. Он вытащил из ящика стола какую-то бумагу, пробежал ее глазами и сказал:

– Вот, товарищ полковник, запрос на вас из главного штаба ПВО страны. Главком просит назначить Шмырева Петра Спиридоновича в аппарат начальника разведки войск противовоздушной обороны страны.

Генерал протянул ему запрос, мол, убедись сам, и кивнул:

– Вы как, согласны или хотите подумать?

Теперь Шмырев понял, откуда дует ветер. Недавно начальником разведки войск ПВО был назначен генерал-лейтенант Петр Петрович Евстигнеев. В войну он руководил разведкой Ленинградского фронта и, разумеется, знал своего подчиненного заместителя командира 623-го радиодивизиона Шмырева. Теперь Евстигнеев собирался развернуть в войсках ПВО свою радиоразведку и, видимо, вспомнил о нем.

Однако это предложение не обрадовало полковника. Ему нравилось служить в войсках. На своей должности замкомбрига он уже находился три года, чувствовал себя вполне уверенно, дело знал. С командиром Иваном Мироновичем Мироновым у него были хорошие отношения, он полностью доверял Шмыреву. Словом, работать было интересно и уходить оттуда ему не хотелось.

Собственно, это он и сказал Потапову и попросил оставить его в бригаде. Генерал отнесся к такому заявлению спокойно и отпустил Петра Спиридоновича с миром.

Шмырев возвратился в ГРУ и доложил о результатах встречи первому заместителю начальника генералу Федору Феденко. Федор Александрович был человеком грубым и невыдержанным. Рассказывая о том случае, Шмырев охарактеризовал Феденко одним словом: «солдафон».

Он напустился на Шмырева: мол, кто ты такой, тебе порученец министра предлагает, а ты ломаешься, мол, не хочу. Приказал писать объяснение. Петр Спиридонович написал.

К счастью, никаких последствий разговор этот в будущем не имел. Однако спокойная служба в бригаде для Шмырева закончилась. Вскоре его вновь вызвали в кадры и предложили перейти на службу теперь уже в центральный аппарат ГРУ – в отдел радио- и радиотехнической разведки, которым командовал генерал-майор Анатолий Зюбченко. Шмырев согласился.

Зюбченко не был специалистом в области радиоразведки. В Центр его перевели с Дальнего Востока, где во время войны он возглавлял разведку одного из фронтов.

Анатолий Константинович сменил на этом посту полковника Тюменева. Правда, после Тюменева должность руководителя отдела несколько лет исполнял полковник Иван Логинов, но начальником его так и не утвердили.

Заместителем у Зюбченко был полковник Михаил Рогаткин, легендарный радиоразведчик с довоенных времен, создатель службы радиопомех.

Отдел состоял из трех отделений, которые возглавляли полковники М. Чеканов, А. Борсяков и П. Костин. Была еще группа полковника А. Устименко. Она занималась изучением возможностей разведки ядерных взрывов.

Полковник Петр Шмырев был назначен заместителем начальника первого организационно-планового отдела. Так началась его служба в центральном аппарате ГРУ.

В тот период, в конце 40-х – начале 50-х годов атомная бомба перевернула взгляды военных теоретиков и практиков на характер ведения войны. В военной стратегии окончательно утвердилась концепция, в основу которой был положен тезис о ведущей роли ядерного оружия.

Из союзника США быстро превратились в главного противника СССР. И пока межконтинентальные баллистические ракеты, как основные носители самого мощного в мире оружия, еще только разрабатывались, на передний план вышла стратегическая авиация. И поэтому Соединенные Штаты Америки и Канада активно строили новую систему раннего радиолокационного обнаружения и управления авиацией.

К созданию этой системы они подошли основательно. Построили три радиолокационные линии. Первую – «Пайнтри лайн» из 33 станций – разместили вдоль южной границы Канады. Обошлась она в 50 млн. долларов и была завершена в 1954 году. Она обеспечивала опознавание и перехват целей над территориями США и Канады. Однако система страдала существенным недостатком – имела малую глубину эшелонирования и слабо улавливала низколетящие цели.

Вторая линия РЛС – «Макгилл фенс», – вступившая в строй в 1957 году, устранила эти недостатки. Станции перехватывали низколетящие самолеты, но, к сожалению, не обеспечивали

их устойчивое сопровождение. Стоила система 227 млн. долларов.

И, наконец, третий рубеж дальнего радиолокационного обнаружения, более известный как «Линия Дью», включал в себя цепь из 50 РЛС и обошелся казне в астрономическую по тем временам сумму – около 350 млн. долларов. Его строительство завершилось летом 1957 года.

Эта линия прикрыла все «прорехи» в ПВО США и Канады. Теперь американцы и их соседи получали предупреждение о целях противника за 2–3 часа.

Для руководства рубежами, насыщенными сложной техникой и специалистами, было создано специальное командование НОРАД. Его штаб расположили в Колорадо-Спрингс.

Естественно, о строительстве линий РЛС стало известно командованию Вооруженных сил Советского Союза. Поступали некоторые оперативные данные, но их было явно недостаточно. Американцы предприняли крайние меры предосторожности и секретности.

Генерал-лейтенант Петр Шмырев рассказывал: «Электромагнитная доступность американских объектов с наших берегов во всех диапазонах частот оказалась слабой или вообще отсутствовала. А знать эти объекты мы были обязаны. Предстояло подобраться к ним поближе и попытаться разведать силами радио- и радиотехнической разведки».

Легко сказать, да нелегко сделать. Как подобраться, каким образом? Теперь уже вряд ли удастся установить, кому принадлежала идея отправить группу радиоразведчиков в дрейф на ледовой станции. А идея, надо сказать, была весьма оригинальная и, как показало время, – продуктивная. Предлагалось трех офицеров и двух солдат, мастеров слухового приема, включить в состав дрейфующей станции «Северный полюс-4».

Подготовка всей этой операции была возложена на полковника Петра Шмырева. Петр Спиридонович с большой охотой взялся за порученное дело.

Позже Шмырев скажет: «Это поручение возвращало меня в привычный круг забот, связанных с набором и обучением людей, подготовкой технических средств, согласованием многочисленных вопросов в Главсевморпути и других ведомостях».

Старшим команды радиоразведчиков назначили майора Александра Лебедева. Майор был молод и энергичен, имел достаточный опыт службы в разведке, хорошо знал специальную технику.

Правда, следует отметить: никто из военнослужащих не был полярником, соответствующими знаниями, подготовкой не располагал. Да, они, разумеется, слышали, читали о высокополярной воздушной экспедиции «Север-1», организованной в 1937 году и руководимой академиком Отто Шмидтом, о станции «СП-1» во главе с Папаниным, но на этом их знания о зимовке на льдине заканчивались.

А ведь работа научно-исследовательских станций «Северный полюс», организуемых на дрейфующих льдах в глубоководной части Северного Ледовитого океана, проходит в очень суровых условиях. Длительная, до пяти месяцев полярная ночь, при сильных морозах до -50°C , порывистых ветрах, метелях – зимой, и туманной, влажной погодой – летом.

Опасны расколы ледяных полей. Ведь вес средней по размерам льдины составляет около 2–3 млн тонн. В постоянном дрейфе, поворотах в ледяном покрове возникают большие, мощные напряжения, вызывающие расколы. Сотни раз льдины станций «СП» подвергались таким расколам.

Персонал станции, как правило, небольшой – 25–30 человек, в состав которого входят специалисты: океанологи, гляциологи, аэрологи, метеорологи, актинометристы, геофизики, механики, радисты, повар, врач.

Результаты наблюдений и исследований станций «Северный полюс» используются в разных отраслях народного хозяйства – в морском, речном, воздушном транспорте, в промышленности, в строительстве, а также для прогнозирования погоды и условий плавания по Северному морскому пути.

Теперь к этим отраслям присоединилась и разведка. У ней были свои специфические

задачи, связанные с обороной страны. Таким образом, пятерым радиоразведчикам предстояло на 12 месяцев стать полярниками. По согласованию с Главсевморпути было принято решение включить группу разведчиков в состав коллектива станции «Северный полюс-4».

Дрейфующая станция «СП-4» начала свою работу в апреле 1954 года. Первая смена завершилась через год, в 1955-м. Радиоразведчики влились во второй состав станции.

Возглавил эту смену опытный полярник, в прошлом военный моряк Павел Гордиенко. Начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Михаил Шалин пригласил к себе Павла Афанасьевича. Обговорили все вопросы, связанные с пребыванием группы на льдине. Было решено связь осуществлять через начальника «СП», по линии Главсевморпути, но шифрами военной разведки. Об истинных задачах группы во главе с майором Лебедевым и их принадлежности к спецслужбе знал только он, начальник экспедиции.

Кроме Петра Шмырева подготовкой будущих «полярников» из ГРУ занимался Михаил Лашов. Он специалист по американской стратегической авиации, старался обучить разведчиков всему тому, что необходимо им будет в ходе работы в составе станции «Северный полюс-4». Потом, на протяжении года Лашов непосредственно руководил разведывательной группой Лебедева. В апреле 1955 года вторая смена «СП-4» высадилась на льдину. Коллектив Состоял из 27 специалистов. Среди них и представители радиоразведки.

Надо сказать, что именно станция «СП-4» оказалась долговременнее многих других. Три года длилась ее жизнь. Три коллектива полярников, посменно, работали на одной и той же льдине. Она пересекла весь Северный Ледовитый океан, пройдя около 7 тысяч километров. Как раз в апреле 1956 года, когда заканчивалась вторая смена, близко подошла к Северному полюсу. «СП-4» находилась всего в 12-ти километрах от географической точки Северного полюса.

Группа радиоразведки поработала весьма продуктивно. Петр Шмырев, руководящий этой спецоперацией, дал такую оценку деятельности офицеров и солдат: «Мы определили, где находятся, сколько их, на каких частотах работают. Важно, что группа Лебедева добыла ряд ценных сведений по строящимся объектам «Линии Дью».

В ходе этого дрейфа следили радиоразведчики и за полетами американской стратегической авиации в Арктике. В общем, экспедиция была своевременная и полезная.

Правда, не обошлось и без сложностей. Получил ожоги радиотехник старший лейтенант Бутнев. Один из полярников неумело обращался с газовым баллоном, Бутнев, к несчастью, оказался случайно рядом.

Полярный летчик, настоящий воздушный ас Илья Мазурук сделал все возможное и невозможное, чтобы в условиях полярной ночи, с разрушенного ледового аэродрома вывезти с дрейфующей станции обожженного офицера. Бутнев, к счастью, выжил и продолжил службу в радиоразведке.

Случилось несчастье и с другим членом группы, солдатом срочной службы Репиным. Его прихватил острый приступ аппендицита. Начальник станции Гордиенко и врач Сягаев приняли решение оперировать больного на месте. Операция прошла успешно, и через несколько дней Репин поднялся с кровати и приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

Вторая смена «СП-4» завершилась 20 апреля 1956 года. Дрейф продолжался 378 суток. По возвращении на Большую Землю начальник станции Петр Гордиенко доложил: специалисты-океанологи, аэрологи, метеорологи, ледоисследователи свою задачу выполнили.

О разведках он умолчал. Оценивать работу этих людей было не в его компетенции.

... Через 10 лет, в 1965 году, радиоразведка ГРУ попытается повторить дрейф «СП-4». И пусть военно-стратегическая обстановка к этому времени изменилась и теперь ведущие позиции заняли межконтинентальные баллистические ракеты, но американские стратегические бомбардировщики Б-52 упорно отрабатывали удары с северного направления. Поэтому дрейф вдоль берегов Североамериканского континента не был излишним.

Группу радиоразведчиков возглавил тот же Лебедев. Однако ледовая обстановка в

Арктике непредсказуема, и она внесла свои коррективы. Льдину раздавило, и станцию пришлось срочно эвакуировать. Люди были спасены, специальная техника тоже.

Больше попыток использовать дрейфующие льдины в целях разведки не предпринималось.

«Волос Богородицы»

Первый ядерный взрыв, как известно, был осуществлен в Советском Союзе 29 августа 1949 года. Проводился он в большом секрете. Однако уже через несколько суток о нем узнали американцы. Но как?

Вопрос о том, каким образом просочилась информация о советском ядерном взрыве, долго мучил и руководителей нашей страны, и ученых-атомщиков.

Оказалось, что ее источником стала система обнаружения ядерной энергии, созданная в США в 1947 году. Специальный датчик, установленный на самолете, совершавшем полеты из Аляски в Японию, обнаружил повышенный фон радиации в верхних слоях атмосферы. А поскольку в США в этот период испытаний не проводилось, ответ был очевиден – «Советы» взорвали атомную бомбу.

Однако ничего этого в Советском Союзе тогда не знали. Соединенные Штаты создание своей системы дальнего обнаружения, разумеется, держали в тайне. Пришлось нам самостоятельно пройти столь нелегкий и достаточно длинный путь. Но мы его прошли. И создали нашу, советскую службу специального контроля (ССК) за ядерными взрывами.

А истоки ее – в службе радиоразведки ГРУ. Здесь она делала свои первые робкие шаги, терпела первые неудачи, отсюда, из этого коллектива, вышел первый начальник и создатель ССК – доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской премии, генерал-майор Александр Устименко.

Вообще история контроля за ядерными взрывами восходит к июлю 1949 года. Когда через полвека, в 1999 году, были рассекречены некоторые материалы по советскому ядерному проекту, выяснилось, что в архивах сохранился важный документ. Речь идет о приложении №1 к протоколу № 82 заседания Специального комитета при Совете Министров СССР от 20 июля 1949 года. Так вот в этом приложении сказано: «В целях получения дополнительных данных о возможностях дальней инструментальной разведки места взрыва считать необходимым:

а) наблюдение радиопомех, производимых взрывом на приемных станциях г. Новосибирска, Омска и Алма-Аты».

Я беседовал с ветеранами ССК, исследователем и историком этой службы полковником Алексеем Васильевым. К сожалению, пока не удалось выяснить, кто проводил эти первые наблюдения и каких результатов добился. С большой долей уверенности можно считать, что итоги наблюдения были неудачными, так как первый успех по обнаружению радиопомех пришел только через несколько лет, в 1953 году.

Следует сказать, что так называемый радиотехнический метод обнаружения был одним из нескольких методов, разрабатываемых в то время. Вот как об этом сообщал академик И. Кикоин научному руководителю атомного проекта академику И. Курчатову в 1957 году:

«В настоящее время существует ряд способов обнаружения атомного взрыва, произведенного в какой-либо точке земного шара, удаленной от места наблюдения: радиоактивность, сейсмический, акустический и радиотехнический методы».

Да, в теоретическом плане посыл академика Кикоина оказался совершенно правильным. В последующем это подтвердится практикой. Но тогда, в начале 50-х годов зарегистрировать эти самые радиосигналы от атомной бомбы было ох как непросто.

В 1953 году при взрыве первого в СССР термоядерного заряда все получится. Военные связисты подполковники Е. Петухов и Г. Данилов под руководством подполковника С. Давыдова проведут успешную регистрацию радиоизлучения взрыва на удалении 70 километров от эпицентра.

О том эксперименте непосредственный участник С. Давыдов потом будет вспоминать так: «... И. В. Курчатов просил проверить, не сопровождается ли ядерный взрыв

электромагнитным излучением в диапазоне радиоволн. Игоря Васильевича уже несколько лет мучил вопрос о том, каким образом США... после события располагали исчерпывающей информацией о проведенных в СССР ядерных взрывах.

По моей рекомендации Петухов и Данилов собрали войсковые радиоприемники различных диапазонов волн, вместо наушников присоединили к ним гальванометры шлейфного осциллографа. Один гальванометр подключили к фотоэлементу, ориентированному на эпицентр взрыва. Весь комплект аппаратуры разместили в лабораторном корпусе на удалении 70 километров от места взрыва. Почти все радиоприемники в момент вспышки зарегистрировали радиоимпульсы».

Первый успех окрылил. Экспериментальное подтверждение учеными возможности дальнего обнаружения ядерных взрывов, проводимых на иностранных полигонах, заставлял двигаться вперед.

В феврале 1954 года в Министерстве обороны СССР было проведено специальное совещание. Участниками его стали ученые, военные связисты, разведчики. Обсуждался один вопрос: возможности обнаружения ядерных взрывов, проводимых США на атоллах Эниветок и Бикини, методом регистрации радиоимпульсов с использованием средств связи.

В совещании приняли участие академики И. Кикоин, А. Щукин, членкоры Академии наук Ю. Кобзарев, А. Кугушев. Министерство среднего машиностроения представлял генерал-майор Н. Павлов, войска связи – маршал И. Пересыпкин, 6-е управление Минобороны генерал-лейтенант В. Болятко.

От военной разведки были генерал-лейтенант М. Шалин, полковники М. Рогаткин и А. Устименко.

Итогом этого совещания стало создание в ГРУ Генштаба отделения специального наблюдения за испытаниями ядерных взрывов за рубежом. Организационно отделение входило в состав радиоразведки.

Возглавил отделение специального наблюдения полковник Александр Устименко.

375-й отдельный радиобатальон ОСНАЗ Забайкальского военного округа был расформирован, и на его базе развернуто четыре отряда: 2-й отряд в городе Уссурийске, 4-й в Южно-Сахалинске, 5-й – в Петропавловске-Камчатском и 6-й в городе Дальнем военно-морской базы Порт-Артур (КНР).

Каждый отряд получил штатные средства радиоперехвата, а также по два опытных комплекта специальной аппаратуры для засечки радиосигналов от ядерных взрывов.

К исходу мая все отряды были оснащены экспериментальными комплектами микробарографической аппаратуры, регистрировавшей инфранизкочастотные колебания.

Серия ядерных взрывов на атоллах Эниветок и Бикини, проводившаяся с 28 февраля до 13 мая 1954 года, была зарегистрирована сейсмическими, аэрозольными и акустическими методами. Однако отряды ОСНАЗ радиосигналов от ядерных взрывов не получили.

Осенью 1954 года вновь были проведены экспериментальные работы по регистрации атомного взрыва, произведенного в ходе учений на Тоцком полигоне, а также серии ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне.

По итогам этих экспериментов Б. Ванников сообщал первому заместителю министра обороны СССР маршалу Александру Василевскому:

«Работами, произведенными ЛИП АН совместно с Главным разведывательным управлением Генерального штаба в 1954 году, показано, что атомные взрывы сопровождаются радиосигналами, которые принимаются на расстоянии нескольких тысяч километров от места взрыва. Тем самым открывается новый метод наблюдения за атомными взрывами, производимыми на больших расстояниях. В связи с этим считаем необходимым обеспечить дальнейшую разработку этого метода и приступить к организации постоянной службы радионаблюдения за атомными взрывами.

... Ряд мероприятий необходимо провести срочно, в связи с намеченными на февраль 1955 года США испытаниями атомного оружия».

Действительно, весной 1955 года США провели на Невадском полигоне серию испытаний ядерного оружия, но зарегистрировать их радиотехническим методом вновь не удалось.

Неудача следовала за неудачей. Как и следовало ожидать, появились скептики, которые не верили в успех радиотехнического метода.

Трудно уловимый электромагнитный импульс ядерного взрыва в стенах радиоразведки ГРУ в шутку называли «волосом Богородицы», который по народному преданию дано видеть не каждому, а лишь избранным.

Начальник службы Александр Устименко всегда верил в свою избранность и заражал этой уверенностью своих коллег.

Полковник Алексей Васильев, долгое время проработавший с Устименко, скажет: «Александр Иванович Устименко среди военных яснее и глубже других понял значение разведки ядерных взрывов (ЯВ) для советского атомного проекта, Вооруженных Сил и Советского государства. Он воспринял возложенную на него ответственность за выполнение экспериментальных работ по обнаружению радиоизлучений ЯВ значительно шире, чем определили его начальники. Поэтому первые неудачи по регистрации ЭМИ ЯВ в коротковолновом диапазоне не вызвали у А. И. Устименко отчаяния и неверия в саму идею, а заставили его, как человека ищущего, творческого, целеустремленного, наоборот, собраться и искать выход из тупиковой ситуации».

И такой выход был найден. Во второй половине 1955 года с помощью новых катодных осциллографов на Семипалатинском полигоне на разных расстояниях от эпицентра взрыва три группы исследований зафиксировали импульсы радиоизлучения. Сделала это группа подполковника А. Андреюка, майора А. Баканова и В. Сокольского.

В том же 1955 году отделение специального наблюдения было преобразовано в Службу специального наблюдения. Начальником утвердили того же Устименко.

Вскоре в отрядах ОСНАЗ появились радиоприемники СДВ диапазона и были зафиксированы случаи регистрации сигналов. Однако надежное, устойчивое обнаружение импульсов от ядерных взрывов стало возможным только с введением электронного осциллографа ОК-17М.

С помощью это осциллографа в начале 1957 года и был зарегистрирован радиоимпульс от ядерного взрыва на расстоянии 2700 км от эпицентра.

Безусловно, деятельность Службы специального наблюдения ГРУ и подчиненных ей частей явно прогрессировала. Однако в руководстве стали появляться недоброжелатели и противники этого направления. Уж слишком затратными и обременительными казались работы на ее развертывание – организация новых пунктов наблюдения, расширение научных исследований. А главное, служба становилась таким непрофильным подразделением, ведь в копилку ГРУ, в том традиционном представлении о развединформации, она мало что приносила.

Теперь от нее старались избавиться. 7 мая 1957 года Служба специального наблюдения была выведена за штат. Случилось это, когда ГРУ возглавлял генерал-полковник Сергей Штеменко.

Положение спасли академики И. Курчатов, И. Кикоин и полковник А. Устименко. Они как никто другой понимали, к какой катастрофе может привести ликвидация службы.

Вскоре Служба специального наблюдения вошла в состав 6-го управления Министерства обороны. Начальником вновь назначили А. Устименко, заместителем по вооружению полковника В. Лебедева. Из ГРУ также перешли подполковники Г. Ростовцев, А. Андреюк, А. Тыртунов, из 6-го управления подполковник Д. Соболев, из ЦНИИС подполковник А. Бакланов.

Эта «великолепная семерка» и стала прообразом будущей мощной и разветвленной службы.

Но мощной и разветвленной она станет потом, с годами. А сейчас она больше была похожа на группу специалистов. Кстати, на первых порах ее так и называли – «группой Устименко».

Однако Александр Иванович прекрасно осознавал необходимость расширения службы. США, Франция, Китай наращивали ядерные испытания, и «группа» уже не справлялась с нагрузкой. Но о каком расширении могла идти речь, если в ту пору вся армия сокращалась. Первые трудности возникли уже на уровне руководства 6-го управления. Командование управлением не решилось поднимать вопрос об увеличении штатной численности службы в период всеобщего «хрущевского сокращения».

А вот Устименко решился. Он разработал проект штата полноценной службы в составе 4-х управлений, штаба и вычислительного центра. Состав около 800 человек. Даже самые близкие коллеги Устименко усомнились тогда в успехе подобного предприятия.

Для начала Александр Иванович заручился поддержкой академиков – Кикоина, Федорова, Садовского, сотрудников военно-промышленной комиссии. Они помогли ему попасть на прием к секретарю ЦК по оборонным вопросам Д. Устинову. Тот, выслушав аргументы, поддержал Устименко.

Вскоре появилось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О дальнейшем развитии службы специального контроля Министерства обороны СССР за ядерными взрывами». Следом за постановлением вышел приказ министра обороны: был утвержден штат, предложенный Устименко, дальнейшее развитие получила сеть пунктов наблюдения, в академии им. Ф. Дзержинского открыли кафедру, где стали готовить кадры для службы.

«Александр Иванович Устименко, – скажет его коллега по службе Г. Толченков, – относился к категории людей, неуклонно идущих к намеченной цели...

Безусловно, он был патриотом радиотехнического метода. Его заветной мечтой и целью было «поставить на ноги» метод регистрации ЭМИ в условиях бесчисленного количества атмосфериков, добиться его высокой помехозащищенности и надежной идентификации электромагнитного импульса. Тем не менее ни один из методов обнаружения ЯВ не выпадал из поля зрения. Зоркий взгляд Устименко замечал любую шероховатость в деятельности подчиненных и лабораторий ССК. Темпы наращивания и совершенствования Службы в целом и лабораторий непрерывно возрастали, рос авторитет Службы как научного учреждения не только в Министерстве обороны, в среде военных учебных заведений, но также в НТК родов войск, в гражданских научно-исследовательских учреждениях, с которыми приходилось контактировать, в ОКБ экспериментальных и опытных заводов.

В 1962 году А. И. Устименко заслуженно присвоили высокое звание генерала. Это было воспринято как радостное событие всем коллективом Службы...

Несомненно, А. И. Устименко относился к выдающимся личностям. Это был человек необыкновенный во всех отношениях. В нем удачно сочетались такие качества, как незаурядный ум, любознательность, всесторонняя образованность, невероятная убежденность в правильности осуществляемых им замыслов, и наряду с этим такие просто человеческие качества, как скромность, доброта, внимательное отношение и забота о подчиненных, большое умение убеждать и привлекать на свою сторону».

Служба специального контроля была его детищем, он считал ее делом всей своей жизни.

Нельзя не отметить и тот факт, что Александр Иванович Устименко внес значительный вклад в историю современных международных отношений по проблемам ядерного оружия.

В 1958 году вместе с известными советскими учеными Е. Федоровым, С Царапкиным, Н. Таммом, Н. Семеновым он принял участие в Женевском совещании научных экспертов по обнаружению ядерных испытаний. За столом совещания собрались представители восьми стран – СССР, США, Великобритании, Франции, Канады, Чехословакии, Польши, Румынии.

Так случилось, что в Женевском Дворце Наций впервые лицом к лицу встретились ученые, принимавшие самое активное участие в создании ядерного оружия: от Советского Союза – Н. Семенов и Н. Тамм, от США – Э. Лоуренс и Г. Бете, от Великобритании – Дж. Кокрофт и У. Пенни.

Это совещание положило начало международным переговорам по проблемам прекращения испытаний ядерного оружия и привело через пять лет в заключение Договора о запрещении ядерных взрывов в атмосфере, космосе и под водой – первого в ядерную эпоху соглашения по ограничению гонки вооружений и очистившего атмосферу от радиоактивных веществ.

Устименко, как называл его И. Курчатов, был «экспертом по радиометоду». А как раз-таки дискуссии по радиотехническому методу в Женеве и были очень сложными.

Вспоминая о том совещании, Владимир Шустов, чрезвычайный и полномочный посол, а тогда, в 1958 году, еще молодой атташе, занимавшийся переводом, говорил: «Мне пришлось переводить для наших экспертов беседу по методу обнаружения ядерных взрывов, которым как раз и занимался Александр Иванович.

Западные эксперты вообще пытались перечеркнуть ценность обнаружения ядерных взрывов по регистрации радиосигналов. Они утверждали, что отличить радиосигналы, возникшие при ядерных взрывах и молниевых разрядах, невозможно, и потому, дескать, этот способ обнаружения вообще неприемлем. Желая подтвердить этот тезис, американские эксперты предоставили советским ученым десять записей радиосигналов, предложив указать, какие из них относятся к взрывам, а какие – к молниям. Для наших специалистов не составило труда выдержать это испытание.

Александр Иванович, как помню, с некоторым раздражением посетовал: «Мы же не школьники!» И буквально через 15–20 минут американцам был дан исчерпывающий ответ: правильно указаны записи, относящиеся к ядерным взрывам.

Советские эксперты привели достаточное количество экспериментальных и теоретических доводов в пользу своего выбора. В результате метод обнаружения воздушных ядерных взрывов по регистрации радиосигналов занял свое законное и оправданное место в заключительном докладе экспертов и был рекомендован наряду с другими методами».

20 лет руководил Александр Устименко Службой специального контроля. После увольнения из Вооруженных сил работал начальником лаборатории по той же тематике. К концу 70-х годов он обобщил свою научную деятельность и написал диссертацию по проблемам обнаружения ядерных взрывов.

Ученым советом Института атомной энергии имени И. В. Курчатова диссертация на соискание степени кандидата физико-математических наук была признана докторской.

Так Устименко стал доктором наук.

Александр Иванович ушел из жизни в 1992 году. На его надгробном памятнике на Троекуровском кладбище выбита короткая надпись: «Создатель службы СК».

Сюрприз от «дяди Сэма»

Начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Михаил Шалин, окинув взглядом присутствующих, сказал:

– Пожалуй, начнем, товарищи...

В кабинете начальника за длинным столом собрались офицеры-радиоразведчики: полковники Михаил Рогаткин, Георгий Строилов, Петр Костин, Александр Устименко, Виктор Рябов, Петр Шмырев.

– Представляю вам начальника вновь созданного шестого управления генерал-майора Николая Михайловича Трусова. Он прибыл к нам с должности начальника разведки группы Советских войск в Германии.

Трусова в той или иной мере знали все собравшиеся на совещание. Во время войны он возглавлял разведуправления некоторых фронтов, а на завершающем этапе руководил разведкой 1-го Белорусского фронта, которым, как известно, командовал маршал Георгий Жуков.

В первые послевоенные годы Николай Михайлович был заместителем начальника ГРУ, потом уехал в ГСВГ. Теперь он возвратился из Германии и получил назначение в 6-е управление.

Нет сомнения, генерал Трусов обладал большим опытом разведработы, авторитетом, но он, как и Зюбченко, не был специалистом радиоразведки. Словом, к руководству такой специфической областью, как радио- и радиотехническая разведка, вновь пришел общевоинской разведчик.

«Очевидно, начальство считало, – позже будет вспоминать Петр Шмырев, – что специалистов в управлении хватает, а то, что во главе стоит опытный, авторитетный генерал, придаст управлению больший вес.

Кроме того, Н. М. Трусов получил при назначении ранг помощника начальника ГРУ, что еще больше поднимало его авторитет и подчеркивало самостоятельность управления. Мы, в прошлом фронтовые офицеры, воспринимали Трусова как бывшего начальника разведки фронта и ГСВГ, то есть как естественного начальника, и никаких проблем не возникало.

Со временем, когда мы, молодые руководители, начали постигать науку управления радио- и радиотехнической разведкой, стало все больше ощущаться несоответствие в уровне понимания специальных вопросов с начальником управления.

Простые вещи, на которые, казалось, и времени расходовать не надо, приходилось подолгу объяснять начальнику, писать никому не нужные справки только лишь для того, чтобы начальник управления мог чувствовать себя более уверенно при докладе руководителю ГРУ, а в случае неудачи мог бы, наверное, этой справкой как-то защититься.

Однако все это проявилось позднее, а пока под руководством нового начальника мы старались как можно лучше реализовать те новшества, которые составили основу реформирования радио- и радиотехнической разведки».

Как это случается нередко при становлении новой структуры, происходили перемещения, назначения, и в конечном итоге заместителем начальника управления стал Михаил Рогаткин. Радиотехническую разведку возглавлял Петр Костин, радиоразведку – Петр Шмырев, службу специальной радиосвязи – Виктор Рябов, службу специального наблюдения – Александр Устименко. Была развернута новая служба разведки радиотехническими средствами, во главе которой встал Георгий Строилов.

С созданием 6-го управления радио- и радиотехническая разведка обрела свой орган управления и руководства. Важно было и другое. В те годы вновь созданное управление имело весьма высокую степень самостоятельности.

Достаточно сказать, что планы радио- и радиотехнической разведки утверждались лично начальником Генерального штаба по представлению руководства ГРУ.

Начальник 6-го управления ведал всеми кадровыми вопросами, заказами спецтехники, заключал договоры, вел денежные расчеты за выполненную работу. Управление само разрабатывало штаты частей, определяло их дислокацию.

После создания управления произошло разделение частей ОСНАЗ на радиоразведывательные и радиотехнические. Смешанные полки радио- и радиотехнической разведки расформировывались.

Предстояла большая работа сугубо организационного, тылового характера. Надо было

где-то размещать новые части, проводить кадровые перемещения офицеров, солдат, сержантов.

Ветераны-радиоразведчики, вспоминая реорганизацию 1955 года, в большинстве своем признавались, что понимали искусственность разделения частей. Однако, как скажет мне однажды генерал Шмырев: «Мы, руководители того времени, думали, что, может быть, действительно стоит пожить частям раздельно, проявить свои способности, чтобы более старая и понятная радиоразведка не заслоняла дорогу нарождающейся радиотехнической разведке».

Кроме этих преобразований нельзя не вспомнить и о создании радиополигона. Думается, подобный шаг был очень своевременным. Ведь в те годы возникала крайняя необходимость в срочной разработке новых технических средств для нужд радио- и радиотехнической разведки. Следовало оперативно реагировать на изменения в радиоэлектронном вооружении противника. И разумеется, возможности весьма небольшой лаборатории ГРУ, которая разрабатывала и изготавливала отдельные образцы спецтехники, были исчерпаны и не удовлетворяли потребности войск.

Радиополигон создавался на базе и фондах управления 1-й отдельной радиобригады ОСНАЗ и планировался к развертыванию, как обычное испытательное подразделение. Но отрадно, что создатели радиополигона пошли дальше. Они планировали создать здесь службу для разработки и производства небольших партий аппаратуры для потребностей радио- и радиотехнической разведки.

Начальником радиополигона был назначен генерал-майор Иван Миронов, бывший командир 1-й отдельной бригады ОСНАЗ. Его заместителями стали однокашники Петра Шмырева по военной академии – полковники Виктор Чайка и Михаил Прокошин.

Развертывание радиополигона потребовало новых кадров. Их искали в войсках, в научных подразделениях, в военно-учебных заведениях – молодых, талантливых, склонных к научным и конструкторским изысканиям.

Занятые реформированием службы офицеры 6-го управления ГРУ еще не подозревали, что приближающаяся зима 1955–1956 годов преподнесет им много сюрпризов. Подготовили эти сюрпризы американцы. Они организовали специальную разведывательную операцию – запуск в наше воздушное пространство сотен дрейфующих аэростатов-разведчиков.

Правда, в последующие годы «янки» будут действовать еще нахальнее и бесцеремоннее. Апогеем этой агрессивной политики станет вторжение самолетов-разведчиков ВВС США в наше воздушное пространство и, в частности, шпионский полет У-2 1 мая 1960 года.

Однако той зимой еще никто не мог предположить такого поворота событий, и массированный запуск аэростатов крайне встревожил как командование вооруженных сил, так и руководство страны.

Шары-разведчики однозначно следовало сбивать, однако прежде, чем это сделать, их надо было запеленговать и передать целеуказание средствам ПВО. Но сделать подобное весьма не просто, так как аэростат имеет очень малую радиолокационную видимость. Говорят, в этой ситуации есть единственный выход – визуальное обнаружение. Но самолету «рыскать» в небе в поисках аэростата – все равно, что искать иголку в стоге сена.

Осталась единственная служба, которая могла справиться с задачей – радио- и радиотехническая разведка ГРУ.

Военные разведчики прекрасно понимали, что главными объектами, которые интересовали американцев в нашей стране, были ракетные полигоны под Волгоградом и в Средней Азии, а также Семипалатинский исследовательский центр ядерного оружия.

Аэростаты стартовали с территории ФРГ и Великобритании. Подверженные только влияниям турбулентности, они перемещались вместе с воздушными потоками со скоростью ветра. Их несло с Запада на Восток, и в среднем они преодолевали расстояние по 150 км в час. Высота полета составляла 8-10 тысяч метров.

Сегодня можно встретить публикации в СМИ, особенно в Интернете, в которых упорно

утверждается, что сбить американские аэростаты представлялось невозможным.

Скажу сразу: это вранье. Сбивали, да еще как. Войскам ПВО удалось быстро справиться со сложностями, связанными с небольшой скоростью шаров-шпионов в сравнении со скоростями современных реактивных самолетов. Что же касается малой радиолокационной видимости, то тут, как мы уже говорили, помогли военные радиоразведчики. Дело в том, что американцы установили на каждом аэростате коротковолновый передатчик. Он автоматически включался через определенные промежутки времени и в телеграфном режиме передавал позывной. Это помогало радиопеленгаторным станциям США делать проводку шара-шпиона. Радиоразведка ГРУ по сути занималась тем же, таким образом отслеживая дрейф аэростатов. И делала это, разумеется, не ради праздного любопытства.

Ветераны радиоразведки рассказывали мне, что сбитые шары свозили в научно-исследовательский институт ВВС в Чкаловской, и там можно было познакомиться со шпионским «произведением искусства».

Надо отдать должное конструкторской мысли ЦРУ. Аэростаты-фоторазведчики действительно были сделаны отменно. Судя по всему, на них затратили немало сил и финансовых средств. Они имели ярко выраженное промышленное производство. Никакой кустарщины. Это лишь подтверждает мысль о том, что спецоперация готовилась тщательно и являлась сугубо государственным заказом.

По данным нашей разведки, американцы зимой 1955–1956 годов запустили более 700 аэростатов-шпионов. Но истинную цифру, разумеется, знают только в ЦРУ.

Так что же представляло из себя это «произведение шпионского искусства»?

Разумеется, для военных разведчиков интересен был не сам баллон аэростата. Хотя к тому времени в Советском Союзе строительство аэростатов оказалось «законсервированным», и они практически не выпускались. Так вот спецоперация США по засылке шаров-шпионов дала толчок к возрождению производства отечественных аэростатов. Достаточно сказать, что уже в декабре 1956 года вышло постановление правительства, и на базе 13-й лаборатории Центрального аэродинамического института (ЦАГИ) и «Дирижаблестроя» было создано Всесоюзное опытно-конструкторское бюро, через 10 лет переименованное в Долгопрудненское конструкторское бюро автоматики.

Однако это совсем другая история, а потому возвратимся к американским аэростатам-шпионам.

Итак, разведку интересовала прежде всего шпионская «начинка» аэростата. А тут, признаться, было на что посмотреть. ЦРУ снабдило каждый шар-шпион фотоаппаратом, приборами навигации и поддержания заданной высоты полета, радиоприемником и передатчиком, источниками питания, средствами спасения.

Все было продумано толково. Вот, например, система поддержания заданной высоты. Она состояла из соответствующих балластов, заполненных железными опилками. Падала высота – открывалась заслонка, опилки высыпались. Поднимался аэростат выше, барометрические датчики срабатывали, поставляя ток в электромагниты, те соответственно закрывали заслонки.

Фотоаппарат находился в контейнере из пенопласта. Это защищало его от перегрева днем, переохладения ночью. Он имел хорошую плавучесть. Качество фотоснимков, которые попали в руки нашей разведки, было вполне удовлетворительное. Однако те, кто исследовали снимки, признавались, что зачастую на них были облака, реки, участки леса или пустыющей местности. Что ж, понятно, американцы старались достичь своих разведывательных целей путем массового запуска аэростатов-шпионов.

Что касается радиоприемника и передатчика, то американцы умело подстраховались – приемник имел достаточно качественный дешифратор команд, который защищал оборудование от сброса, если появятся радиопомехи или поступит несанкционированная команда.

Все оборудование питалось от аккумуляторов.

Перед сбросом фотоаппарата аэростат-шпион переходил на постоянный прием команды. В определенное время поступала команда, и несущая балка с оборудованием отстреливалась, выбрасывался вытяжной парашют, следом за ним – тормозная парашютная система.

Оборудование падало в море. Намокали сухие батареи и начинали давать ток. Балка отстреливалась окончательно и уходила под воду, а на плаву оставался только фотоаппарат.

Включался радиопередатчик. Из контейнера вылетала 10-метровая жесткая спиральная мачта-антенна, которая образовывала большую нейлоновую петлю. Кроме того, выбрасывалось вещество, окрашивающее воду в оранжевый цвет.

В эту точку моря вылетал самолет, используя специальную кошку, подхватывал петлю, поднимал фотоаппарат на борт и доставлял его на базу.

Вот такая сложная и дорогостоящая спецоперация проводилась спецслужбами США. Однако, как считают аналитики нашей военной разведки, аэростаты-шпионы не оправдали себя. Уже в феврале 1956 года американцы прекратили запуск аэростатов.

Летом 1958-го они попытались повторить запуск шаров-шпионов. Потом были самолеты-разведчики, известный полет Гэри Пауэрса, громкий международный скандал. На этом, собственно, полеты американских аэростатов и самолетов-шпионов закончились. Начиналась эра космической разведки.

Космическая эпопея радиоразведки

5 октября 1957 года все ведущие газеты Советского Союза опубликовали сенсационное сообщение ТАСС.

«В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, – говорилось в нем, – создан первый в мире искусственный спутник Земли.

4 октября 1957 года в СССР произведен успешный запуск первого спутника. По предварительным данным, ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость около 8000 метров в секунду. В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца при помощи простейших оптических инструментов (биноклей, подзорных труб и т.п.).

И люди действительно выходили и наблюдали это чудо научной мысли, созданное советскими учеными, – маленькую светящуюся точку, которая двигалась среди холодных и неподвижных звезд. Слушали этот удивительный сигнал – «пи-пи-пи», который транслировал спутник. Впрочем, его слышал весь мир!

Характерно, что в те октябрьские дни именинниками чувствовали себя не только ученые, конструкторы, инженеры, которые создавали и запускали на околоземную орбиту искусственный спутник, но и радиоразведчики. И по праву. Им было чем гордиться, они опять оказались на острие научной мысли, стояли у истоков нового перспективного направления – отечественной космонавтики. И пусть радиоразведчики не принимали непосредственного участия в создании ракетной техники, но тем не менее в нужный момент без них не обошлись.

Дело в том, что, готовясь к запуску первого спутника, руководители недавно зародившейся космической отрасли не имели в своем активе специальных систем наблюдения за ИСЗ. Эти системы только создавались и не могли гарантировать наблюдение за спутником в случае значительного отклонения его орбиты от расчетной. К тому же действие их ограничивалось территорией нашей страны.

Возник вопрос: кто может засечь спутник на первом, самом сложном и ответственном

витке и провести его полностью от полигона Тюратам через Сибирь и Камчатку. Прикинули возможности, и оказалось, что сделать это под силу единственной службе в стране – радиоразведке ГРУ.

И вот тогда, ранней весной 1957 года, в Главное разведывательное управление приехал подполковник Юрий Мозжорин. Это потом он станет академиком, генералом, а пока его мало кто знал. Но поручение у него было поистине государственной важности. Собравшимся офицерам 6-го управления Мозжорин сообщил, что вскоре в Советском Союзе будет произведен запуск первого искусственного спутника Земли. Кратко рассказал о технических данных спутника и обсудил возможность использования средств дальней радиопеленгации по слежению за ИСЗ во время его движения по орбите.

Было принято решение установить на спутнике радиопередатчик, работающий на частоте 20 МГц, а также для гарантированного прохождения волн через ионосферу – на частоте 40 МГц.

Первое, с чего началась работа радиоразведчиков и руководителей космической отрасли – организация полета самолета Ту-16 по маршруту Москва – Камчатка и обратно. На самолете был установлен макет радиопередатчика искусственного спутника Земли, который в период полета непрерывно передавал сигналы. Делалось это с целью ознакомления и тренировки радиопеленгаторщиков с реальным звучанием в эфире сигналов ИСЗ.

Прошла весна, лето, и по мере приближения даты запуска спутника напряжение росло, число совещаний увеличивалось.

«Настало 4 октября 1957 года, – вспоминает генерал-лейтенант Петр Шмырев. – Уже утром я получил предупреждение, что запуск состоится сегодня около 21 часа по московскому времени.

Вместе с полковником Б. Тузовым мы выехали в Климовск, чтобы самим присутствовать при первом наблюдении за ИСЗ. Борис Георгиевич Тузов в то время возглавлял группу офицеров, занятых руководством системой дальней радиопеленгации. Он любил это дело. Сам несколько лет командовал радиопеленгаторным узлом в Закавказье, был энергичен, настойчив в достижении поставленной цели. Много сделал для завершения строительства южных и северных пеленгаторных узлов, создания сети резервных узлов, расширения возможностей по радиоразведке, внедрения новых технологических средств. Трудями Тузова была значительно усовершенствована система связи радиопеленгаторных узлов.

Прибыв в Климовск, мы вместе с Б. Тузовым и командиром части полковником Викентием Плошаем проехали на радиопеленгаторный пункт, начальником которого в ту пору был Александр Иванов.

Около 21 часа нам позвонили из Центра управления и сообщили, что запуск состоялся. Минут через 15 поступило сообщение с Иркутского радиопеленгаторного узла о том, что они приняли сигнал ИСЗ, сообщалось время и пеленги. Это были обнадеживающие данные, но Центр управления ждал завершения первого витка, чтобы окончательно убедиться в успешном выводе спутника на орбиту.

И вот, задолго до расчетного времени вхождения ИСЗ в зону радиовидимости московского узла, радиооператор доложил, что слышит сигнал спутника. Вскоре на экране приемоиндикатора из шумового пятна стала вырисовываться пульсирующая полоска, а в динамике начали прослушиваться знакомые сигналы.

К моменту вхождения ИСЗ в расчетную зону радиовидимости его сигналы гремели во всю аппаратную, а визуальная отметка на экране приемоиндикатора была четкой, устойчивой, быстро перемещающейся по азимуту.

Громко крикнув «Ура!», мы тепло поздравили друг друга с успехом советской науки. Доложили в Центр управления, а вернувшись в Москву, оказались свидетелями передачи по радио сообщения ТАСС о запуске в Советском Союзе первого в мире искусственного спутника Земли. Американцы сумели это сделать спустя 4 месяца, запустив 1 февраля 1958 года свой

первый спутник «Эксплорер-1».

После успешного запуска первого спутника покорение космического пространства продолжилось. Уже через месяц, 3 ноября 1957 года, в космос улетел корабль с живым существом – собакой Лайкой. Ее полет доказал, что животное способно перенести все сюрпризы космоса – перегрузки, состояние невесомости.

«Огромный интерес, – писал в газете «Правда» С. П. Королев под псевдонимом профессор К. Сергеев, – представляет впервые осуществленное на втором спутнике изучение биологических явлений при полете живого организма в космическом пространстве.

Важным фактором явилось достаточно продолжительное нахождение подопытного животного в условиях невесомости при полете вне атмосферы на больших высотах».

4 января 1959 года с Земли стартовала станция «Луна-1». Она прошла на расстоянии 6000 км от поверхности Луны и вышла на гелиоцентрическую орбиту.

14 сентября 1959 года станция «Луна-2» впервые в мире достигла поверхности Луны в районе Моря Ясности и доставила вымпел с гербом СССР.

4 октября 1959 года была запущена станция «Луна-3», которая впервые в мире сфотографировала невидимую сторону Луны.

28 июля 1960 года в космос улетели собаки Чайка и Лисичка, 19 августа – Белка и Стрелка, 1 декабря – Пчелка и Мушка, 22 декабря – Шутка и Комета.

Что и говорить, график запусков был достаточно плотный. И всякий раз радиопеленгаторные узлы ГРУ привлекались к обеспечению наблюдения за космическими аппаратами. Разумеется, выполнение главной задачи – непрерывной, круглосуточной работы радио- и радиотехнической разведки стратегических сил США и НАТО – никто с 6-го управления и подчиненных ему частей не снимал. Таким образом, нагрузка на службу многократно возросла, и «космическое дежурство» так или иначе отвлекало специалистов радиоразведки от выполнения основных обязанностей.

Однако пока все шло, как и прежде. П. Шмырев или Б. Тузов принимали участие в совещаниях по космической проблематике, получали указания и как люди военные выполняли их.

Все изменилось, когда началась разработка космических разведывательных аппаратов. Пришло ясное и четкое понимание, что будущая космическая разведка – это новая, неизученная, неизведанная область. Она велика, сложна и специфична, а значит, требует полной отдачи сил, энергии, опыта, и заниматься ею время от времени нельзя. Словом, встала проблема, как сказал мне однажды Петр Спиридонович Шмырев: «Либо бросать старую добрую радиоразведку и переходить на космос, либо создавать какое-то новое подразделение, которое будет обрабатывать эти вопросы».

Вскоре состоялось решение: выделить из состава 6-го управления группу офицеров и поручить им заниматься изучением возможностей космической техники в разведывательных целях.

Группу возглавил полковник Александр Щепотин. Замыкалась она на заместителя начальника управления Михаила Рогаткина. Михаил Иванович всегда с большим воодушевлением брался за все новое, передовое. Обрадовался он и очередной возможности начать работать на ниве неизведанного.

Вскоре группу А. Щепотина преобразовали в самостоятельное подразделение, правда, пока в структуре 6-го управления.

Однако космические технологии развивались стремительно, и, чтобы идти в ногу со временем, в 1961 году был развернут Центр космической разведки ГРУ. Его начальником утвердили только что получившего генеральское звание Петра Костина.

К тому времени Петру Трофимовичу исполнилось 45 лет. За плечами была учеба в Ленинградском политехническом институте, откуда нескольким лучшим студентам предложили

перейти в военную электротехническую академию. Правда, их с третьего курса перевели на второй, но никто не был в обиде. Ведь студенту в 1973 году платили 65 рублей стипендии, а слушателю академии 625 рублей.

По возрасту, Петр Костин оказался самым старшим в «отделении особого назначения». Да, наряду с отделением радиоакустики, связи ВВС было в академии такое отделение. Им, молодым ребятам, очень нравилось это загадочное и романтическое название. А означало оно только одно: по выпуску им всем предстояло пойти служить в радиоразведку.

Петр был старше остальных на три года. В академию из политеха пришел уже членом партии, комсомольским активистом. Поговаривали, что он дружил с самим секретарем ЦК комсомола Косаревым.

Из академии «отделение особого назначения» выпустилось 25 июня 1941 года. В этот день у них был последний госэкзамен. Предстояла дипломная практика и вручение диплома. Им тогда сказали просто и ясно: «Вот вам, ребята, дипломы, а практику пройдете на войне». И они, поучившись еще немного на курсах усовершенствования, разъехались по фронтам.

Костин попал на Юго-Западный фронт заместителем командира 313-го отдельного радиодивизиона ОСНАЗ.

Шел дорогами войны. Со своим дивизионом принимал участие в Курской битве, в освобождении Львова, в Сандомирской и Берлинской операциях в составе Воронежского и 1-го Украинского фронта. Это именно его дивизион в кульминационный момент Курской битвы добыл особо ценные сведения об изменении направления главного танкового удара немцев с Обояни на Прохоровку.

313-й дивизион был удостоен орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого 3-й степени и отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего 18 августа 1944 года.

Ветеран радиоразведки Валентина Ивановна Кашкарова, воевавшая в составе 313-го радиодивизиона, так вспоминает о Костине: «Он не только командир был хороший, но человек добрый. Никогда не повышал голос на подчиненных. Представляете, война, всякое бывало, а он ни на кого даже не прикрикнул.

Заботливый был. Его уважали и любили. Горжусь, что 5 мая вместе со своим командиром Костиным и подполковником Воропаевым, командиром соседнего дивизиона, побывала в поверженном Берлине и расписалась на колонне Рейхстага. Такое не забывается».

После войны Костин был начальником отдела радио- и радиотехнической разведки в Центральной группе войск (Австрия), потом служил в Москве в 6-м управлении.

«Мы тогда создавали совершенно новую технику, – вспоминает сокурсник Костина по военной академии генерал-лейтенант Петр Шмырев. – Не буду скрывать, использовали немецкую разработку – уникальный радиопеленгатор, обладающий очень высокой чувствительностью, большой дальностью и точностью. Так вот немцы сделали два таких радиопеленгатора. Один был направлен на запад против англичан и американцев, другой – против нас.

Американцы захватили западный пеленгатор и сделали по образу и подобию германского свой. Мы же взяли восточный пеленгатор и поступили примерно так же. Ленинградский институт разобрался в этой системе и на его базе создал свой образец. Построили, установили его под Москвой.

Но потом вышло постановление, подписанное Сталиным. Он фундаментально подошел к проблеме и приказал установить на территории страны 30 таких аппаратов. Главному разведуправлению досталось 12 образцов, остальные распределили в НКВД, ВВС. Было решено установить их в Мурманске, Ленинграде, под Москвой, в Одессе, в Алма-Ате, Ашхабаде, Иркутске и других городах страны.

Так вот эту большую и сложную работу поручили возглавить Петру Костину. Проект получил условное название «Круг».

Петр Трофимович успешно справился с задачей».

К словам Шмырева остается добавить, что система «Круг» в 1961–1962 годах стала основным участником секретной операции, получившей кодовое наименование «Операция К». В ходе этого мероприятия следовало определить влияние высотных ядерных взрывов на состояние ионосферы и магнитосферы Земли.

С помощью ракет ядерные заряды различной мощности выводились в заданные точки в акваториях Тихого и Северного Ледовитого океанов. Производился их подрыв. А радиопеленгаторные узлы системы «Круг» вели наблюдение, фиксировали изменение уровня сигнала и пеленга. На основании их наблюдений определялось влияние высотных ядерных взрывов на характер распространения радиоволн различных диапазонов, проходящих через эпицентры взрывов.

Операция была столь засекречена, что даже в 6-м управлении ГРУ о ней знали несколько человек. Возглавлял эту группу старший офицер направления радиоразведки Н. Горбачев.

Вся обработка материалов эксперимента поручалась 16 ЦНИИС Минобороны и непосредственно полковнику Н. Булатову, видному ученому в области распространения радиоволн.

«Операция К» включала в себя несколько взрывов. Как радиоразведчики отслеживали эти взрывы, вспоминает полковник в отставке Игорь Ботнер.

«Да, действительно нам было поручено заниматься вопросами влияния ядерного взрыва на распространение радиоволн. Станция в Ташкенте выдавала немодулированный сигнал. Своего рода этакая пищалка. Послушать – один писк стоит.

Мне было поручено снимать фильм об этом эксперименте двумя камерами. Что ж, установили камеры, стали ждать команду: «Взрыв произведен».

Состоялся взрыв, и через несколько секунд на обоих приемниках сигнал погас. У нас было пять постов. На всех добавили усиление приемников. Оказалось, сигнал едва дышит, пеленговать его нельзя. В общем, умер сигнал. Но потом он постепенно появился и все восстановилось».

Эксперимент дал свои результаты: в ходе «операции К» было доказано, что высотные ядерные взрывы сильно влияют на распространение коротких радиоволн.

Значительно возрастает их поглощение в ионосфере, которое может длиться от нескольких часов до суток. Эти выводы дали возможность изготовить аппаратуру, расширяющую диапазон КВ передатчиков.

Радиоразведчики также расширили диапазон своих радиопеленгаторов.

Так, в данной операции сработала система «Круг», становлением которой и занимался Петр Костин. Когда же был создан Центр космической разведки, генерала Костина назначили руководителем этого важнейшего подразделения в системе ГРУ.

Сочетая в себе способности прекрасного организатора, высококвалифицированного инженера и опытного разведчика, Петр Костин, будучи обязательным и трудолюбивым человеком, с головой окунулся в новое дело.

А дело было невероятно сложным. Следовало научить космические аппараты работать на оборону. Практически все из того, что делал генерал Костин на посту руководителя космической разведки, засекречено до сих пор. Однако многое рассказали в печати, в своих книгах, воспоминаниях люди гражданские – конструкторы, ученые, инженеры, космонавты. Они не были в подчинении у Костина, не служили непосредственно в его Центре, но тесно работали, общались, контактировали с ним в ходе создания уникальной аппаратуры для космической разведки. Эти специалисты видели Петра Трофимовича с другой стороны, у них свой взгляд. И этим он ценен.

Вот академик Борис Черток в книге «Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны» подробно рассказывает, с каким трудом и напряжением создавался спутник для разведки.

Он вспоминает, что в 1959 году запуск ракеты «с человеком на борту» еще не был первоочередным, а вот создание спутника для фото- и радиоразведки считалось неотложной оборонной задачей.

В этом деле американцы ушли вперед, создали спутники «Мидас» для фоторазведки и «Самос» – для радиоразведки. И пусть они были недовольны первыми результатами испытаний, но продолжали упорно работать.

Работали и наши конструкторы.

«Управлять космическим разведчиком, который назвали «Зенит-2», – пишет Б. Черток, – было куда сложнее, чем «Востоками». Для гарантии попадания в поле зрения фотоаппарата нужных объектов предусматривалась довольно сложная программа управления с Земли по специальной командной радиолинии. По сравнению с «Востоками», «Лунами», «Венерами» и «Марсами», для которых управление осуществлялось с помощью разовых команд и установок (заданное числовое значение для ограниченного числа параметров), объем информации, которую надо было передавать на борт «Зенита», возрос в десять раз. Каждый сеанс фотографирования требовал своей индивидуальной программы».

Далее Борис Евсеевич отмечает, что в сравнении с «Востоками» требования к точности ориентации оказались очень высокими. Задел, имевшийся по «Востокам», здесь не помогал.

Полная автоматизация всех процессов на борту при постоянном контроле с Земли и вмешательстве с помощью программно-командной радиолинии требовала разработки системы управления бортовым комплексом на новых принципах.

Оказалось, что и возвращение «Зенита» на Землю также отличалось от возвращения «Востоков». Проблем, что называется, хоть отбавляй, но их предстояло решить, во что бы то ни стало. Все предельно ясно: советский спутник-разведчик должен заработать на орбите.

«Первый «Зенит-2» погиб, так и не выйдя на орбиту, – скажет с сожалением Черток. И тут же вспомнит Костина: – Мы благодарны Петру Трофимовичу (я имел в виду генерала Костина) за постоянную поддержку, но понимаем, что не все генералы в Минобороны такие энтузиасты, как он».

Второй запуск «Зенита-2» состоялся 26 апреля 1962 года. Спутник летал три дня и три ночи и, можно сказать, открыл эру важнейшей космической деятельности – стратегической разведки.

После проявления первых снимков генерал Костин пригласил в лабораторию ГРУ, где шла обработка и дешифровка снимков Сергея Павловича Королева. Потом «пейзажами Америки» полюбовались Черток, Цыбин, Осташев – конструкторы, которые вложили много сил в создание разведывательного корабля.

Министр обороны Родион Малиновский ознакомил со снимками Никиту Хрущева.

«На них, – самокритично писал Черток, – еще трудно было отличить грузовой автомобиль от железнодорожного вагона, но лиха беда – начало».

Следующий «Зенит-2», а для открытой печати «Космос-7» вышел на орбиту 28 июля 1962 года. Он отлетал четверо суток. Здесь уже были опробованы различные режимы фотосъемки – малыми сериями и протяженными трассами, при разной освещенности и положении Солнца.

Этот полет дал фотографии районов общей площадью 10 миллионов квадратных километров, учитывая, что вся площадь США 9,36 миллиона километров.

Неспроста на заседании одной из очередных Госкомиссий генерал Костин назвал этот фотоматериал исключительно ценным для обороны страны.

В 1962 году было произведено пять удачных пусков «Зенита-2», За три месяца 1963 года, с марта по май – четыре запуска.

Полет «Космоса-20», осуществленный 1 октября 1963 года, был последним в испытательной серии. Надежность космического разведчика была отлажена, и началась работа.

В 1967 году генерал Каманин в своем дневнике запишет: «Был у меня на приеме генерал Костин – начальник Центра космической разведки ГРУ Генштаба. Он показал альбом отличных снимков из космоса многих объектов США. Самолеты, морские корабли, ракетные установки, железнодорожные вагоны, узлы связи, мосты, заводы различаются по типам невооруженным глазом. Мы уже давно засняли всю территорию США и других стран. США еще раньше нас сделали то же самое над территорией СССР с той лишь разницей, что полученные ими снимки более четкие и с большей разрешающей способностью.

Костин предложил свои услуги в подготовке космонавтов по разведке с «Алмаза» и 7К-ВИ. Я согласился с его предложениями, подписал все необходимые документы и дал команду генералу Кузнецову организовать взаимодействие».

А это, собственно, и есть результаты работы космической разведки, о которых пишет Каманин.

12 лет возглавлял Центр генерал Петр Костин. За эти годы он по сути создал и поставил на ноги нашу космическую разведку.

С тех пор прошло много лет, но о Петре Трофимовиче помнят. Недавно в Интернете я нашел слова неизвестного пользователя. Есть только его номер 10831.

«У нас начальником по части разведки был генерал-лейтенант Костин Петр Трофимович, – пишет пользователь, – высочайшей культуры человек. Талантливый инженер, стратег и тактик незаурядный. Он никогда не ругался матом и не позволял этого подчиненным. Рядом с таким командиром культура расцветает. И космическая разведка была на уровне...»

Здорово сказал, и никаких больше слов не надо. Разве что напомнить: Петр Трофимович Костин – выходец из радиоразведки, как, впрочем, и сама космическая разведка. Так что радиоразведчикам есть кем и чем гордиться.

Кстати, напрашивается вопрос: а после создания Центра под руководством Костина и обретения им самостоятельности чем закончилась космическая эпопея радиоразведки? Да она, собственно, и не заканчивалась. Она продолжилась. Служба как следила за полетами космических кораблей, так и продолжала следить. И здесь, пожалуй, уместно добавить одно слово: «к счастью, следила». Ибо иначе действительно могло произойти несчастье. Тому достаточно примеров.

«Помню однажды, – рассказал мне генерал Петр. Шмырев, – что-то недостаточно точно сработало в системе приземления, и очередная подопытная собачка улетела далеко от расчетного района и приземлилась где-то в дебрях Восточной Сибири, в районе Подкаменной Тунгуски. Радиосигналы спускаемого аппарата были настолько слабы, что запеленговать их было невероятно сложно. К счастью, начальник радиопеленгаторного пункта в Климовске Петр Алексеевич Кашеев разработал и изготовил к тому времени устройство, позволяющее значительно повысить реальную чувствительность радиопеленгатора. Он сумел обнаружить еле уловимые сигналы спускаемого аппарата, навести на них другие, более близко расположенные к месту приземления радиопеленгаторные узлы, и определить координаты места приземления спускаемого аппарата с собачкой. Поисковая группа смогла своевременно прибыть на место в считанные часы до срабатывания системы самоликвидации. Дорогостоящий эксперимент не пропал даром».

В другом случае на карту была поставлена не только судьба «дорогостоящего эксперимента», но и жизни самих космонавтов.

... 18 марта 1965 года Алексей Леонов совершил первый в мире выход в космос.

Перед полетом на Байконуре выпал снег. Павел Беляев и Алексей Леонов вышли из гостиницы, а степь белая-белая. И навстречу им идет женщина. Дурная примета. Сергей Павлович Королев не разрешал женщинам быть на старте. Тогда Леонов и сказал Беляеву: «Ох, и нахлебаемся мы с тобой, Паша, в этом полете». И как в воду глядел.

Сначала у Леонова в космическом вакууме раздуло скафандр, и он с трудом возвратился

в корабль. Но на этом их злоключения не закончились. Перед посадкой отказала автоматическая система ориентации. Павел Беляев вручную сориентировал корабль и включил тормозной двигатель. «Восход» совершил посадку в нерасчетном районе в 180 км севернее города Перми.

ТАСС сообщил, что посадка совершена в «запасном районе», который на самом деле оказался глухой тайгой.

«Мы оказались в снегу, – будет вспоминать потом Алексей Леонов. – Смотрим друг на друга. Смешно. Одна голова из снега. А снег, как соль. Тихо, воздух такой. Развернули радиостанцию сразу. И я ключом, как навигатор, начал передавать. На корабле был телеграфный ключ. Ти-та-та-ти. Дальность большая. Несколько тысяч километров. Ни ответа, ни привета. Ничего нет».

Газеты, журналы с годами напишут, что поисковые службы добрались до них только на третий день, и космонавтам одним на снегу, в мороз пришлось ждать спасения двое суток. Это, конечно, не совсем так, а вернее совсем не так.

Вертолетчик Владимир Хомколов в марте 2008 года выступил в «Комсомольской правде» и сказал: «Я не могу больше терпеть. Должен рассказать, как было на самом деле, чтобы защитить честь своей эскадрильи.

Мы не искали Леонова и Беляева двое суток. Их запеленговали сразу после приземления вечером 19 марта, и в этот вечер вертолеты доставили к ним в помощь двух лесников».

Верно подметил вертолетчик: их запеленговали сразу после приземления. И на этот раз помог аппарат Петра Кашеева из Климовска. Поисковая команда действовала по данным радиоразведки.

И в случае с трагической посадкой космонавта Владимира Комарова радиоразведчики отметили, что спускаемый аппарат двигался необычно быстро, сообщили в Центр управления полетами.

Такова она, разумеется, в самом кратком изложении, история космической эпопеи радиоразведки ГРУ.

Куба – любовь моя...

1 января 1959 года на Кубе пал режим Батисты. Революционные войска вошли в Гавану. В ту пору советское руководство мало что знало о лидере кубинской революции Фиделе Кастро.

МИД и международный отдел ЦК партии осторожничали, опасаясь нанести вред, как говорили тогда, «духу Кемп-Дэвида». Для некоторых высокопоставленных чиновников в Москве встреча Хрущева и Эйзенхауэра в Кемп-Дэвиде символизировала новый уровень отношений между двумя сверхдержавами. А тут кубинские руководители поднимают вопрос о военной помощи. Возможно, такая просьба инспирирована противниками разрядки международной напряженности.

Никита Хрущев оказался смелее своих американистов из МИДа и международного отдела ЦК. Он не мог отказать в помощи кубинской революции. Первый секретарь ЦК КПСС одобрил продажу оружия Кубе, правда, поначалу через Польшу и Чехословакию. Но это уже, по сути, не имело никакого значения. Оружие на Кубу пошло.

Через год в Москве были подписаны советско-кубинские торговые соглашения, потом восстановлены дипломатические связи. Началось осторожное сотрудничество и по линии разведки. Кстати, следует подчеркнуть, что первопроходцами в этом деле стали радиоразведчики.

Тогда наши специалисты посчитали, что для революционных вооруженных сил Кубы будет вполне достаточно развертывание одного радиобатальона. Такие батальоны ГРУ уже создавали в Китае, в Албании, в Болгарии. Теперь техника для радиобатальона поставлялась на Кубу, туда же направлялись советские специалисты. В основном это были офицеры-радиоразведчики из военных округов.

Что же касается руководящего состава 6-го управления ГРК, то на Кубу в первые годы никто не выезжал, и вообще, как признавался генерал-лейтенант Петр Шмырев: «В ту пору своих стратегических интересов мы четко не формулировали. Причина состояла не только в недооценке Кубы, как важнейшего плацдарма для развертывания сил радио- и радиотехнической разведки против США... Руководство ГРУ более чем прохладно воспринимало любые идеи, связанные с повышением нашей активности на Кубе, видя в этом дополнительные причины ухудшения и без того достаточно напряженных советско-американских отношений, а может быть, не веря в прочность созданного на Кубе просоветского режима».

2 июля 1956 года президент США Эйзенхауэр утвердил проведение пяти глубоких вторжений самолета-шпиона У-2 в советское воздушное пространство. В течение 10 дней отряд У-2 выполнил эту программу. На высоте 20 тысяч метров один из самолетов прошел над Москвой, другой – в районе Ленинграда. В первом случае были обнаружены аэродромы базирования наших бомбардировщиков, во втором – судостроительные верфи, где возводились подводные лодки.

Радиолокационные силы Советского Союза обнаружили самолеты-шпионы, и истребители ПВО поднимались на перехват, но достать нарушителей не смогли. Потолок их полета был ниже высот У-2.

Советское правительство направило ноты протеста, но американцы и ухом не повели, они, наоборот, расширяли зону действия высотных разведывательных полетов.

... До начала первомайского парада 1960 года оставалось несколько часов, когда юго-западнее города Кировабада, что в Азербайджане, была обнаружена высотная цель. Самолет-шпион У-2 пилотировал Фрэнсис Гэри Пауэрс. Вскоре он станет печально известным на весь мир, а пока ему предстояло пролететь по маршруту Пешавар (Пакистан) – Аральское море – Свердловск – Киров – Плесецк и приземлиться в Норвегии на аэродроме Буде.

У-2 впервые засекли, когда он приближался к границе южнее города Душанбе. Дежурный генерал командного пункта ПВО страны доложил об этом Главкому ПВО маршалу Бирюзову, тот, как и положено, сообщил о самолете-шпионе министру обороны маршалу Малиновскому. Министр позвонил «Первому» – Никите Хрущеву.

В 8 часов 53 минуты в небе близ Свердловска самолет Пауэрса был сбит. Летчик с трудом покинул кабину, раскрыл парашют и приземлился. Он не воспользовался ядом, вшитым в воротник куртки. Фрэнсис Гэри хотел жить.

А вскоре в Париже состоялась встреча на высшем уровне глав государств – США, Великобритании, Франции и СССР. На этой встрече президент США Д. Эйзенхауэр публично заявил, что американские власти не имеют отношения к организации полета самолета-шпиона У-2. Хрущев выслушал заверения Эйзенхауэра и объявил, что летчик Пауэрс находится в Москве, уже дал показания. Советский лидер предъявил документы, уличающие президента США во лжи.

Разразился скандал. Встреча в Париже была сорвана. Визит Эйзенхауэра в Советский Союз, ранее намеченный на 10 июня, отменили. Советско-американские отношения ухудшились. Холодная война получила дополнительный импульс.

6 ноября 1960 года Джон Фицджеральд Кеннеди стал самым молодым в истории США президентом. На выборах он с небольшим перевесом победил Никсона.

В инаугурационной речи Кеннеди продолжил тему «холодной войны». Новая администрация считала, что обеспечить выживание США можно только укрепив свое лидерство на Западе.

Куба стала важнейшим приоритетом для молодого президента Кеннеди. Он считал, что хотя в Латинской Америке «холодную войну не выиграть, ее можно и проиграть». Так он заявил в своей предвыборной речи в штате Флорида. Так он думал и теперь, став президентом США.

... 15 апреля 1961 года бомбардировщики В-56, пилотируемые кубинскими эмигрантами, нанесли удар по кубинским аэродромам. Около тысячи контрреволюционеров высадились на Плайя-Хирон. За три дня Кастро разгромил интервентов и сбросил их в море.

Однако это не послужило уроком для США.

В 1961–1962 годах американцы форсированными темпами стали размещать ракеты «Тор» и «Юпитер» в Великобритании, Турции, Италии. Таким образом, США серьезно изменили баланс сил в свою пользу.

В ответ на установку ракет в Европе Хрущев принял решение разместить свои ракеты средней дальности на Кубе.

Американцы вскрыли размещение советских комплексов. Правительство США потребовало убрать советские ракеты с Кубы. Вспыхнул так называемый Карибский кризис. Мир оказался на пороге ядерной войны. Разумеется, все возможности ГРУ в этот период были направлены на разведку деятельности сил общего назначения, а также американской стратегической авиации на континенте и в зарубежных базах.

Активно работали советская радио- и радиотехническая службы. Но США были далеки от наших границ, и это, естественно, сильно затрудняло наблюдение за вооруженными силами противника.

«Вот тогда мы очень пожалели, – признается мне генерал Петр Шмырев, – что у нас нет на Кубе сильного центра радиоэлектронной разведки».

После завершения Карибского кризиса в руководстве ГРУ возобладали совсем другие настроения, а именно – все стали думать, как развернуть на острове Свободы достаточные силы и средства радио- и радиотехнической разведки.

Однако мероприятия эти пришлось несколько отложить. Поскольку в конце 1962 года в ГРУ разразился свой, внутренний кризис. Был арестован и изобличен как английский шпион, полковник Пеньковский.

Начальника военной разведки генерала армии И. Серова разжаловали до генерал-майора и освободили от должности. То же случилось и с его первым заместителем генерал-полковником А. Роговым.

Начальник управления кадров генерал-лейтенант И. Смоликов стал полковником и был уволен в запас. Крепко почистили весь офицерский состав ГРУ.

Все, кто учился с Пеньковским в академии, служил в центральном аппарате, работал в зарубежных командировках, просто встречался по совместной деятельности, как правило, увольнялись из Главного разведывательного управления, а то и вообще из армии.

Весной 1963 года военную разведку возглавил генерал-полковник Петр Ивашутин. Пришел он из Комитета госбезопасности с должности первого заместителя председателя КГБ.

После знакомства с управлениями, службами новый начальник ГРУ провел кадровые перестановки. Коснулись они радио- и радиотехнической разведки. Начальник 6-го управления генерал-лейтенант Николай Трусов уехал военным атташе в Чехословакию, а на его место был назначен Георгий Строилов. 10-летний период, когда радио- и радиотехнической разведкой руководили общевойсковые генералы, завершился.

Георгий Андреевич еще до войны окончил военный факультет института связи им. Подбельского, потом служил в войсках спецрадиосвязи.

После войны учился в военно-дипломатической академии, но по выпуску за рубеж не поехал, остался верен своей службе. Возглавлял направление разведки техническими средствами, являясь одновременно и заместителем начальника 6-го управления.

Одно из первых предложений, с которым новый начальник 6-го управления пришел к Ивашутину, было создание на Кубе группы радио- и радиотехнической разведки.

Надо отдать должное Ивашутину: еще в молодости окончив машиностроительный техникум, потом военно-авиационное училище, а далее поучившись в Военно-воздушной академии, Петр Иванович всегда был неравнодушен к техническим видам разведки. Он уделял им особое внимание, понимая их роль в системе добывания ценной информации. И теперь, после доклада Строилова, он сразу ухватил суть проблемы и поддержал идею.

«Нам казалось, – скажет в одной из наших бесед генерал Шмырев, – что главным направлением в деятельности кубинской группы явится радиотехническая разведка ракетно-космической полигона во Флориде.

Мы еще весьма поверхностно представляли себе всю совокупную радиоэлектронную обстановку, которая откроется нам с позиции Кубы, особенно в перспективе, и поэтому подход к тому мощному комплексному радиотехническому Центру, который впоследствии стал называться группой «Тростник», и который явился для американцев буквально «бельмом на глазу», происходил постепенно, шаг за шагом в течение ряда лет».

Да, действительно, так оно и было. Не сразу «Тростник» строился. Сначала по просьбе Петра Ивашутина министр обороны маршал Родион Малиновский написал письмо министру революционных вооруженных сил Кубы Раулю Кастро.

С этим письмом в Гавану вылетели офицеры радиоразведки В. Модебадзе и Е. Колоколов. Вместе с ними на встрече с Раулем Кастро присутствовал и поддерживал коллег советский военный атташе на Кубе полковник В. Мещеряков. Кубинцы дали добро, и в ноябре 1963 года группа «Тростник» была создана. Первым ее командиром стал бывший начальник отдела радио- и радиотехнической разведки Группы советских войск в Германии и Приволжского военного округа полковник Валентин Кудряшов.

Офицеры группы работали на правах советских военных специалистов, ходили в гражданской форме и подчинялись только консультанту министра РВС Кубы генералу Ивану Шкадову.

Кудряшова на посту начальника группы сменил подполковник Владимир Роговой. После возвращения с Кубы Рогового оставили служить в управлении, он возглавил участок работы,

непосредственно связанный с «Тростником». Через несколько лет Владимир Петрович стал во главе вновь созданного направления разведки ракетного и космического оружия. В 1977 году он был назначен заместителем начальника управления, получил генеральское звание.

В марте 1970 года на Кубу вылетели генерал П. Шмырев и полковник М. Терентьев. Это была первая поездка представителей 6-го управления в группу «Тростник». К тому времени ею уже командовал полковник А. Сутугин.

Группа имела двойное подчинение. По строевым, тыловым и другим вопросам она замыкалась на руководителя советских военных специалистов, по оперативным – на военного атташе.

Оба руководителя понимали проблемы «Тростника» и всегда старались оказать помощь группе. За эти шесть с половиной лет нахождения на Кубе группа обустроилась, набралась опыта, достаточно хорошо была укомплектована в техническом отношении, однако опытные Шмырев и Терентьев увидели и немало проблем, нерешенных вопросов.

Руководители из Москвы дали возможность высказаться офицерам группы, внимательно выслушали их. В результате откровенного, заинтересованного разговора сложилась этакая программа первоочередных мероприятий по активизации работы «Тростника».

Важно, что программа потом была выполнена.

Какие же основные задачи стояли перед группой в начале 70-х годов?

Прежде всего, это освоение новых технических средств слежения за испытаниями американских баллистических ракет морского базирования «Посейдон», с разделяющимися головными частями.

Следующей важнейшей заботой было оснащение группы средствами спутниковых систем связи.

И, наконец, третье направление – обеспечение постоянного контроля за состоянием и деятельностью средств стратегического нападения США.

Две первые проблемы способно было решить Главное разведуправление, последняя же требовала увеличения численности личного состава группы. ГРУ самостоятельно это сделать не могло.

Помог руководитель советских военных специалистов на Кубе. Из мотострелковой бригады штатная численность одной роты до 100 человек была передана в группу «Тростник». Естественно, радиоразведке не нужны были воины-мотострелки. И потому штат роты предстояло укомплектовать соответствующими специалистами.

Разумеется, все это решалось на самом высоком уровне. В период пребывания министра обороны РВС Кубы Рауля Кастро в Москве на встречу с ним приезжали бывший военный атташе в Гаване, а ныне первый заместитель начальника ГРУ генерал В. Мещеряков и начальник 6-го управления генерал П. Шмырев.

Переговоры прошли успешно, и группа значительно выросла численно.

Теперь, не в пример прежним годам, офицеры 6-го, оперативно-технического управления, а также сотрудники научно-исследовательского института были частыми гостями группы «Тростник».

Их квалифицированная помощь помогла специалистам группы значительно поднять уровень информационных материалов, особенно в оценке деятельности высших органов управления США. Особой заботой группы стали американские стратегические воздушно-космические средства нападения.

На смену первому поколению станций радиоперехвата приходили новые, переоснащалась группа и спутниковой радиотелефонной связью с Москвой. Была развернута еще одна рота радиоперехвата, созданы условия для привлечения к работе в качестве операторов жен офицеров.

Специалисты, как офицеры, так и солдаты, уезжавшие на Кубу, отбирались особо

тщательно.

Генерал Петр Шмырев с гордостью назвал имена радиоразведчиков, работавших в группе «Тростник», которые впоследствии стали генералами. Среди них Г. Батенин, И. Ключников, В. Роговой, В. Цыганков, Г. Гаджун, С. Кузьмичев, А. Лежнев.

Рассказывая об истории группы, размещенной на Кубе, Петр Спиридонович сделал акцент: «По моему мнению, кульминация в развитии группы «Тростник» была достигнута в конце 80-х годов, когда ею командовал Валентин Цыганков.

Валентин Михайлович очень удачно сочетал в себе качества способного изобретательного инженера и пытливого разведчика, стремящегося добыть наиболее важные сведения о противнике и знающего, как это сделать».

К руководству группой Цыганков пришел в мае 1985 года. Он родился в 1941 году, в семье командира Красной армии. Отец – участник финской войны. Когда началась Великая Отечественная, ушел на фронт, а мать, беременная, – в поезд и в эвакуацию. Ее высаживают в городе Семенове Горьковской области. У нее начались роды. Так впоследствии в паспорте Валентина Цыганкова в графе место рождения появится запись: г. Семенов. Хотя города того он и не помнит. Вскоре мать вместе с ним отправили в Казахстан, а побывать на родине так и не представилась возможность.

А вообще все корни их из Белоруссии. Отец, вернувшись с войны, продолжал служить в армии, и Валентин пошел по его стопам, поступил в Житомирское Краснознаменное зенитно-артиллерийское училище. Окончив его по первому разряду, имел право выбора. И выбрал Дальний Восток.

Попал служить в Приморье в зенитно-ракетный полк ПВО. Часть только формировалась, дивизиона как такового не было, и приехали они на пустое место: два домика, в каждом по восемь квартир, полуразбитая казарма, да штаб. Так начиналась его лейтенантская служба.

Потом был полигон Капустин Яр, поездка через всю страну, практические стрельбы. По возвращении сами возводили КП, обустроивали позиции. Несколько месяцев стройки – и дивизион заступил на боевое дежурство.

Через пять лет Валентин Цыганков поступил в Киевское высшее радиотехническое училище и по окончании попал в радиоразведку, в Прибалтику в г. Вентспилс.

В 1975 году уехал в академию, на факультет руководящего инженерного состава. После него стал главным инженером, заместителем командира части.

В 1979 году Цыганков назначен в Одессу командиром части. Через два года ему предлагают перейти в центральный аппарат ГРУ, в 6-е управление.

А на Кубу он уезжал в 1985-м. Возглавляет группу «Тростник».

Таким образом, ко времени своей кубинской командировки Валентин Михайлович имел за плечами достаточно солидный опыт – служил в войсках, командовал частью, работал в центральном аппарате.

«Я могу сказать, – признался при встрече со мной генерал Цыганков, – это были самые лучшие годы моей службы. На «Тростнике» действительно собрался коллектив патриотов ОСНАЗ. И этот коллектив вершил большие дела. Люди в полной мере отдавались своему делу. Заставлять работать не надо было никого.

Мы жили в поселке Новая деревня на окраине Гаваны. Фидель Кастро строил эту деревню в свое время для учителей и врачей, но отдал нам.

Большинство наших специалистов имели отдельный дом – двухкомнатный или трехкомнатный с кондиционером, холодильником, прекрасной мебелью. Помнится, мы сами выбирали эту мебель, плетеную, дорогую.

В деревне был свой бассейн, торговый центр, замечательный клуб, средняя школа. Раньше дети офицеров и прапорщиков центра учились в посольской школе, потом была организована своя.

К месту службы нас возил автобус. Так вот я скажу, что последний рейс он делал в одиннадцать часов вечера. И всегда этот автобус был перегружен.

Когда я прилетел на Кубу, первым делом определились с задачами, которые следовало решить. Так вот я принял часть с пятью параболическими антеннами, а когда сдавал должность, их количество возросло до одиннадцати.

К примеру, мы сами приняли решение изготовить антенну своими руками. И сделали 5-метровую антенну, потом вторую – 12-метровую. Настрой был, опыт».

Слушая Валентина Михайловича и представляя сделанные ими антенны, я спросил:

– А технические возможности были?

Он улыбнулся:

– Технические возможности – это «золотые» руки и «золотые» головы наших офицеров. Они провели точнейший расчет. Ведь чтобы построить антенну, нужна исключительная ровная поверхность. И мы сделали зеркало радиусом 6 метров, диаметром в 12 метров с точностью до 2-х мм по всему периметру. Это ведь не промышленные условия. Материалы собирали, закупили сами. И к декабрю сделали антенну.

8 декабря 1985 года из Москвы прилетели первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Анатолий Павлов и заместитель начальника 6-го управления генерал-майор Василий Пожарский. Они и открыли эту антенну, разрезали красную ленточку.

Следует добавить, что в этот период в группе «Тростник» был развернут новый пеленгатор, антенное поле, построено два технических здания по 380 кв. метров каждое.

Удалось решить проблему электропитания, снабдив отделы своими резервными дизелями. Автоматически переключаемые две кубинские электролинии. Если одна выйдет из строя, другая работает. Плюс у каждого отдела свой дизель. Что и говорить, резерв достаточно солидный. А ведь если вспомнить, все начиналось с 20 человек. В одном здании находился штаб, комната дружбы, кабинет боевой работы и одна-единственная антенна.

В 1988 году закончилась командировка на Кубу Валентина Цыганкова. Он возвратился в Москву. Вскоре Валентин Михайлович стал заместителем начальника 6-го управления ГРУ.

А вот что случилось потом, пожалуй, лучше самого генерала Цыганкова не расскажет никто.

«Пришел 1991 год. Год крайне сложный. К этому времени в группе «Тростник» практически не было замен. Вы же помните тот раздрой, который шел в государстве и в умах людей.

Я был в отпуске в сентябре 1991 г. Смотрел телевизор. Где-то числа 6-го телекомпания Эй-Би-Си организовала телемост Москва – США. В американской студии собрались жители из Нью-Йорка, Майами, Чикаго, Детройта и других городов. В Москве в студии были Горбачев и Ельцин. Разные задавали вопросы, а потом один кубинский эмигрант спросил напрямую – будут ли войска Советского Союза убраны с Кубы. Этот кубинский эмигрант просил ответить именно Ельцина. Борис Николаевич со свойственной ему прямоотой и непосредственностью сказал, мол, уберем, ничего там не будет.

Горбачев пытался сгладить, но Ельцин стоял на своем.

Так началась борьба за спасение радиоэлектронного центра на Кубе. Все понимали, какие будут потери, если центр закроют. Начальник Генштаба Михаил Колесников, начальник ГРУ Федор Ладыгин готовят служебную записку на имя президента. Согласовали с министром обороны, МИДом, директорами ФАПСИ и СВР. Я сам был с этой бумагой у Примакова и у директора ФАПСИ.

Доложили Ельцину, а тот на нашей бумаге написал: «Это старый идеологизированный подход. Прошу передоложить».

Пришлось переработать. Начать словами: «Уходя от старого идеологизированного подхода, считаем целесообразным...»

Опять обошли по кругу всех руководителей заинтересованных ведомств, передоложили Ельцину. Был сокращен весь личный состав, остались только офицеры. Кое-что объединили, слили, ужали, но российский радиоэлектронный центр удалось спасти».

Да, тогда центр устоял. Но в 2002 году он был закрыт. Что можно сказать по этому поводу? Я не встречал пока ни одного радиоразведчика, кто бы горько не сожалел об этом.

Место службы – пустыня Гоби

Начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Петр Ивашутин слушал молча. Заместитель начальника 6-го управления генерал-майор Петр Шмырев докладывал, что побывал в Дальневосточном и Забайкальском округах, на месте изучил обстановку, потребности войск в средствах радио- и радиотехнической разведки.

Обстановка, надо прямо сказать, была крайне сложной.

– Вместе с начальником разведки Дальневосточного округа Поповым, а вы знаете, он старый, опытный дальневосточник, вооруженные силы Китая знает как свои пять пальцев... Словом, мы оценили наши возможности в радио- и радиотехнической разведке.

Шмырев умолк, взяв паузу. Ивашутин оторвал взгляд от карты, поднял голову, вопросительно посмотрел на генерал: мол, что дальше?

– Возможности наши не очень велики, товарищ генерал-полковник. Подсчитав количество источников и объектов с точки зрения радиоразведки, мы пришли к выводу: для разведки только одного Шеньянского военного округа Китая нам потребуется усиление радиополка личным составом и техникой, а в последующем развертывание его в бригаду.

Ивашутин опять склонился над картой. Шмырев показал карандашом те места, где стояли подписи.

– Начальник штаба округа генерал-лейтенант Петров и командующий генерал-полковник Толубко согласились с нами. Вот их подписи.

Комментариев со стороны начальника ГРУ не последовало. Он спросил:

– А что в Забайкальском округе?

– В ЗаБВО еще хуже. Там мы вообще не имеем средств оперативной разведки. С начальником разведки Ляпуновым определили зону радиоразведки. Это Пекинский и Ланчжоуский военные округа Китая. Провели расчет сил и средств. И даже вот несуществующий радиополк разместили в Даурии.

Шмырев обвел район предполагаемого развертывания полка.

– Начштаба генерал Югов и командующий генерал Белик тоже поставили свои подписи в знак согласия. Только вот Белик меня сразу предупредил, что штатной численности для формирования радиополка не имеет.

– Вот то-то и оно, – отреагировал Ивашутин. – Вы тут все правильно просчитали, только, кто ж нам даст бригаду в ДВО и полк в ЗаБВО. Фантастика!

– А ведь обстановка требует, – сказал Шмырев и в ту же минуту пожалел, что брякнул лишнее. Не ему учить оценивать обстановку начальника ГРУ.

В это время на столе Ивашутина зазвонил телефон. По репликам Петра Ивановича Шмырев понял: на проводе был министр обороны маршал Андрей Гречко.

Начальник ГРУ собрал документы, карту Шмырева и направился к министру. Тогда, выходя вместе с Ивашутиным, Петр Спиридонович и предположить не мог, что их «фантастические» планы примет маршал Гречко, согласится с ними и поставит свою размашистую подпись на его карте. Так быстро, без волокиты решился вопрос усиления радиоразведки на Дальнем Востоке и создание ее в Забайкалье.

А случилось это на стратегических учениях в 1969 году, в штабе маневров в Иркутске. Что ж, принятое решение было, без сомнения, адекватно обстановке.

В Поднебесной в эти годы в разгаре «великая культурная революция». Советский Союз объявлен врагом номер один, военная и экономическая помощь забыты, наши советники выдворены из Китая. Советские дипломаты подвергаются оскорблениям и нападкам.

Китай усиливал свою военную мощь, создавал ракетно-ядерные силы. На полигоне Лобнор проведено испытание первой атомной бомбы, осуществлены пуски ракет средней

дальности.

Нагнетаемая антисоветская кампания сопровождается постоянными территориальными претензиями. Пришлось Советскому Союзу повернуться на Восток – начать укрепление наших оборонительных рубежей в приграничных с Китаем районах, усилить войска округов, начать радио- и радиотехническую разведку китайских вооруженных сил.

Прежде Главное разведуправление никогда не работало против дружественных стран. Это было запрещено.

Запрет сыграл с нами злую шутку. Когда возникла крайняя необходимость узнать о китайских вооруженных силах больше, оказалось, что исходных данных с точки зрения их электронного обеспечения радиотехническая разведка имела очень мало.

Как ни странно это звучит, но радиоразведку китайской армии пришлось начинать практически с нуля. К счастью, на Дальнем Востоке еще сохранились некоторые специалисты, которые имели опыт разведки гоминьдановского Китая.

Однако это была лишь одна сторона дела. Другая состояла в том, что свободные силы для разведки Китая на Дальнем Востоке отсутствовали.

Радиополк ДВО работал по вооруженным силам США, Японии, Южной Кореи, полк в ТуркВО был занят Средним Востоком, где постоянно сохранялась напряженность. В ЗабВО частей оперативной радиоразведки и вовсе не существовало.

«Поначалу, не осознав всей сложности проблемы, – рассказывал генерал-лейтенант Петр Шмырев, – мы хотели ее решить быстро, малыми силами, выделив в дальневосточном полку несколько разведывательных постов на разведку объектов Китая...

Для того чтобы охватить разведкой не только восточные, но и западные районы Китая, в Туркестанском военном округе, в границы которого в ту пору входил весь Казахстан, был сформирован радиобатальон, который размещался севернее Алма-Аты, в Ченгельды. В задачу батальона входила разведка вооруженных сил Китая в Синьцзяне.

Довольно быстро мы поняли, что Китай – это самый сложный с точки зрения радио- и радиоразведки объект и его, как говорится, голыми руками не взять. Нужны большие силы, нужно время, нужна специальная подготовка людей. И первое, что мы сделали в этом направлении – целиком освободили дальневосточный полк от всех заданий, сосредоточив его полностью на разведке Китая. Провели где надо передислокацию подразделений, перестроили боевую подготовку, изменили вооружение. Дело начало продвигаться вперед.

Прежде всего следовало осмыслить разведку нового объекта. В постоянном поиске, разрабатывая один источник за другим, радиоразведке ГРУ удалось вскоре разобраться с организацией радиосвязи в сухопутных войсках, ВВС Китая, в генеральном штабе. Потом под контроль были взяты радиосети пограничных войск, военных округов, корпусов».

Понятнее стала система назначения позывных и частот, условных наименований воинских частей, определения разведывательных признаков.

В 1967 году была сформирована экспедиция «Горизонт», ставшая основным средством стратегической радио- и радиотехнической разведки. Разместить ее решили в Монголии. Инициатором создания и развертывание экспедиции начальник 6-го управления генерал Георгий Строилов. До Великой Отечественной войны Георгий Андреевич проходил службу в этой стране, хорошо знал и понимал ее выгодное географическое расположение, и теперь не мог упустить возможность использовать Монголию для ведения радиоразведки.

Экспедиция объединяла под общим руководством радиолокационный центр, лабораторию наблюдения за ядерными взрывами, группу радиотехнической разведки, авиационный отряд, разумеется, узел связи, подразделения обеспечения и обслуживания.

Первым командиром экспедиции «Горизонт» стал полковник Вячеслав Шигин, его сменил Григорий Иванов, потом Владимир Молчанов.

В зоне особого внимания экспедиции, разумеется, был китайский атомный полигон

Лобнор и ракетный полигон Шуанченцзы. В Центре осознавали, что из Улан-Батора эту задачу не решить и средства радиоразведки надо приближать к китайскому ядерному полигону, размещая их на юге Монголии.

«Даже выдавшие виды монголы пришли в ужас, – признавался генерал Шмырев, – увидев, что наши солдаты и офицеры живут в 30-градусный мороз в пустыне Гоби в армейских утепленных палатках. Монгольские друзья срочно поставили на позиции несколько юрт... Веками приспособивались кочевые народы жить в степи, в пустыне в мороз и в жару в юртах – этом великом изобретении кочевников.

Однако на позиции нужно было капитально обустроиваться, для чего потребовалось несколько лет, примерно с 1971 по 1975 год...»

Трудами многочисленных энтузиастов-инженеров и оперативников в пустыне Гоби был создан сильный разведывательный центр, оснащенный средствами радиоперехвата, радиотехнической разведки, радиолокационными станциями, приборами оптического и инфракрасного обнаружения, надежными средствами радиосвязи, своим аэродромом.

Все это дало свои положительные результаты: ни один пуск ракеты с полигона Шуанченцзы не остался без внимания наших радиоразведчиков.

В 1973 году экспедиция «Горизонт» одной из первых в системе ГРУ была удостоена вымпела министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть».

А ведь и вправду надо иметь большое мужество, чтобы решиться офицеру с женою и детьми ехать на службу ратную в дикую пустыню Гоби. И ведь ехали, и служили.

Когда однажды в беседе с тем же патриархом радиоразведки генералом Шмыревым я попросил назвать имена лучших офицеров, о которых следовало бы написать, Петр Спиридонович усмехнулся:

– Да о них обо всех писать надо. Хотя я и понимаю, что это невозможно. Впрочем, начните с Игоря Васильевича Ботнера. Он, пожалуй, наиболее заметный в истории экспедиции «Горизонт» командир южного подразделения.

Я разыскал полковника в отставке Игоря Ботнера. Игорь Васильевич служил срочную службу в полку связи Таврического военного округа. Оттуда поступил в Ульяновское училище связи. Окончил, попал в батальон ОСНАЗ, который дислоцировался в Белой Церкви в Киевском военном округе.

Когда батальон расформировали, оказался в Климовске на пеленгаторе, потом на командном пункте.

В 1974 году стал главным инженером – заместителем командира части, в 1984 году Ботнеру предложили поехать в Монголию, в экспедицию «Горизонт». Да не просто поехать, а возглавить часть, которая размещалась в той самой пустыне Гоби, рядом с границей, в местечке под названием Обото-Хурал.

– Но мне 49 лет, через год в запас, – удивился Ботнер.

– Ничего, – успокоили его, – мы продлим вам срок службы.

Игорь Васильевич дал согласие.

«Словом, приехал я в Обото-Хурал, посмотрел, – рассказывает Ботнер, – а обстановка там очень сложная.

Во-первых, Забайкальский округ не выполнял распоряжение Генерального штаба по призыву. В распоряжении было определено, что служить здесь в радиоразведке должны призывники из средней полосы страны. А в части основной личный состав – буряты. Да еще такие, что в семье кто-либо сидел в тюрьме или отбывал наказание в лагере. Там за высший шик среди солдат-бурят считалось нахватать как можно больше наказаний, а еще лучше угодить в дисциплинарный батальон. Иначе по возвращении домой тебя и за человека считать не будут.

В общем, дежурный по части ночью не очень-то охотно заглядывал в казарму, ибо из темного угла вполне мог получить сапогом по голове».

С таким положением новый командир части мириться не желал. Собрал начальников отделов, их подчиненных офицеров и спросил напрямую: «Вам не надоело так жить? Если надоело, надо переломить ситуацию».

Заместитель командира по политчасти оказался, к сожалению, человеком слабым. Он больше дослуживал, чем служил. Словом, обошлись без него.

По поводу призыва пришлось свою позицию отстаивать и в Москве, и перед начальником штаба округа. Порою, даже очень жестко отстаивать. Зато в первый призыв 1985 года в часть уже пришли студенты, в основном ребята-москвичи. Удалось поработать и с ними. Распределили их по ротам, разбивали бурят. В общем, начали выправлять положение. А в 1986 году часть Ботнера уже оказалась в числе передовых по дисциплине в системе «Горизонт».

Привлек к работе Игорь Васильевич и женщин, жен офицеров. Открыли свой детский сад, потом начальную школу. Стали обустривать городок. А в городке проблем хоть отбавляй: казарменный, жилой фонд – все вместе. Воды, что называется, кот наплакал: одна скважина 54 метра глубиной.

Быстроходные дизельные электростанции на высоте 1500 метров над уровнем моря просто захлебываются, им не хватает воздуха. Приходится трубы с коллекторов выводить в окно. С раннего утра до позднего вечера над городком стоит рев дизелей. Но что поделаешь – электричество нужно всем: и аппаратным на позиции, и казарме, и городку.

Нельзя сказать, что предшественники Игоря Ботнера не хотели исправить ситуацию. Хотели. Даже затеяли строительство водовода, пробурили скважины – одна на 108 метров, другая на 112 метров.

Прокопали траншею, сделали станцию второго подъема и остановились.

Та же ситуация и с дизельной. Заложили фундамент, возвели стены, даже дизель завезли и бросили на полдороге.

Ботнер поинтересовался у предыдущего командира, когда принимал дела:

– Почему бросили?

Вздыхнул, развел руками:

– Деньги не выделяют!

Посмотрел Игорь Васильевич – пробурены две скважины, вода великолепная. Полетел в Улан-Батор, к начальнику системы «Горизонт»: что же мы бедствуем, быт не обустриваем. В общем, убедил, деньги нашлись.

Потом поехал к строителям. Те говорят, мол, мы не против, построим, но вашим предшественникам это не нужно было. «А мне нужно», – ответил Ботнер.

В общем, поставили на сопке емкость для забора воды, большую железнодорожную цистерну. Положили трубы, запустили автоматику. Сразу и работа для жен офицеров появилась, четыре места на станции второго подъема.

Потом решили проблему с дизелями. Ботнер как-то помог директору местного монгольского интерната с соляркой, а местные власти потом ему с подъемным краном. Правда, такой тяжелый кран был один на весь район, но помогли, дизеля установили.

Дальше – больше. Своими силами построили клуб на 350 мест. Ботнер набрался смелости и, будучи на военном совете в округе, подошел в перерыве к начальнику политуправления, мол, клуб сами построили, а экрана нет, киноаппаратуры тоже. Генерал почесал затылок и сказал:

– Сейчас не обещаю, но подумаю, как тебе помочь.

А через две недели звонок: встречайте из Читы самолет. Встретили. На борту два кинопроектора и большой экран.

«Вот в таком виде я и сдавал часть, – улыбается Игорь Ботнер. – Была школа, детский сад, клуб, а также свет и вода. Что еще надо для жизни?»

Действительно, в 1987 году Игорь Васильевич сделал свое дело и с чистой совестью

написал рапорт на увольнение. К тому времени ему уже было 52 года. Как говорят, и честь надо знать.

Однако не тут-то было. Не увольнение в запас ему предложили, а должность начальника экспедиции «Горизонт». И не просто предложили, а попросили. Что ж, надо значит надо. Опять согласился.

Штаб экспедиции располагался в Улан-Баторе. Перебрался туда. Это уже не Обото-Хурал, город, столица. Специалисты-радиоразведчики опытные, китайцев по почерку знали. Ведь в свое время кто обучал китайцев? Наши спецы. А это значит – у китайцев наш стиль: бесконечная смена частот, позывных.

Работают несколько часов на одной частоте, потом переходят на другую. Далее по графику меняют позывные. И монголы их теряли. Звонил их начальник службы, просил Ботнера прислать в помощь своих офицеров. Присылал. И как бы китайцы ни меняли частоты, позывные, наши четко знали – тот Ван-Мин, а этот Бан-ду. Словом, помогали монгольским товарищам.

Командировка полковника Игоря Ботнера закончилась в июне 1990 года. А вскоре наши войска начали выводить из Монголии. Не уцелела и экспедиция «Горизонт».

«Жаль, что такое серьезное разведывательное соединение, – говорил генерал Шмырев, – перестало существовать. И не только потому, что жаль многолетних трудов большого коллектива, но и потому, что за соседом большим и сильным надо посматривать, дабы какие-либо неосторожные шаги не омрачили добрососедских отношений».

Гори, гори, моя... «Звезда»...

Мы по праву гордимся тем, что запустили в космос первый искусственный спутник Земли, первого человека. Американцы оказались намного прагматичнее нас. Они с первых шагов рассматривали космос, прежде всего как военную составляющую. Ведь космическое базирование разведывательных средств обладает поистине уникальными возможностями. Разведспутники могут вполне законно приближаться и наблюдать за любым объектом на чужой территории на расстоянии в 100 км. Поскольку международно признанный суверенитет государств распространяется только на атмосферное пространство над их территорией.

Эти возможности, как в США, так и в СССР политики, ученые, военные осознали еще до начала космической эпопеи.

За несколько месяцев до того, как президент США Эйзенхауэр во всеуслышание заявил о намерении его страны запустить научный искусственный спутник Земли, командование военно-воздушных сил при поддержке ЦРУ объявило конкурс на создание стратегической спутниковой системы для получения детальных изображений земной поверхности.

Запуски американских спутников наблюдения, разумеется, не вызвали восторга у руководителей Советского Союза. Никита Хрущев угрожал, что спутники-шпионы постигнет участь самолета У-2. Однако американцы знали: достать их космические аппараты СССР не сможет. Более того, они еще активнее стали развивать свою шпионскую космическую программу: наряду с аппаратами «Дискаверер» стали запускать спутники «Самос», предназначенные для ведения обзорной фоторазведки.

9 августа 1960 года директор ЦРУ А. Даллес подписал директиву о создании комитета по воздушной и космической разведке.

В 1961 году США выведет на орбиту 32 спутника, в том числе 12 спутников «Дискаверер», 5 – «Эксплорер», 3 – «Танзит», 2 – «Лидас», 1 – «Самос».

Разумеется, не все они были разведывательными. Некоторые использовались для

исследования метеорологических условий, навигации, связи, засечки ядерных взрывов. Однако их становилось с каждым месяцем все больше, и жизнь выдвигала важнейшую и в данном случае первоочередную задачу – понять, что за спутники летают над нашей территорией, научиться отличать активно действующие аппараты от ступеней ракет-носителей и спутников, прекративших свою работу. В целях обороны и безопасности страны следовало разобраться в предназначении каждого аппарата и определить степень угрозы, которую он несет с собой.

Радио- и радиотехническая разведка были в числе первых, кто осуществил слежение за иностранными космическими аппаратами. Не все в ГРУ однозначно положительно относились к этим работам. Ведь и вправду прямого указания следить за спутниками-шпионами США не было. С другой стороны, энтузиасты этого дела понимают ли – пока в нашей стране кроме них наблюдать за космическими шпионами некому.

Горячим сторонником привлечения радио- и радиотехнической разведки к подобной работе стал все тот же генерал Михаил Рогаткин. По его инициативе в радиотехническом полку Прибалтийского военного округа, в некоторых других частях провели эксперимент – изучили возможность приема радиоизлучений бортовых средств спутников-шпионов. Оказалось, сделать это совсем не трудно даже с помощью обычных штатных радиоприемных устройств.

Важно было узнать возможности разведывательных аппаратов США, ответить на вопрос, который волновал всех: что же видят американцы на нашей территории из космоса, срабатывает ли система маскировки или она бессильна перед всевидящим орбитальным оком.

Это говорило о том, что пришло время создавать специальную систему технических средств разведки иностранных космических аппаратов.

Что требовалось от системы? Прежде всего, чтобы она путем анализа радиоизлучений спутников-шпионов определяла предназначение аппарата и его жизнеспособность, а также вела радиоперехват информации, сбрасываемой на Землю.

Системе было присвоено наименование «Звезда».

Что ж, задачи, стоящие перед новой системой, были поистине грандиозными. Иначе не скажешь. Начальник отдела распознавания иностранных ИСЗ научно-исследовательского института №45 (ЦНИИ-45) доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии Александр Горелик задавался вопросом: «... Как быть, если целью системы будет не спутник-мишень, а спутник вероятного противника, орбитальные параметры которого с помощью радиолокаторов рассчитать будет несложно, однако как определить его назначение, как распознать его, как установить, для решения каких задач он запущен в космическое пространство? Кроме того, может быть, обнаруженный космический объект (КО) вовсе не спутник, а ракета-носитель, или фрагменты, образовавшиеся в результате запуска ИСЗ (например, обтекатели). Более того, если обнаруженный КО и есть ИСЗ, но, может быть, он уже прекратил свое активное существование.

Отсутствие ответов на эти вопросы ни мало, ни много ставило вообще под сомнение целесообразность создания системы...»

Стали искать ответы. Иного просто было не дано. В отделе развернули несколько направлений – оптическое, радиолокационное и радиотехническое.

На математической модели распознавания ИСЗ оценили, каким образом изменится вероятность правильного распознавания спутников, если помимо радиолокационной и фотометрической информации использовать также и радиотехническую. Исследования показали, что анализ радиоизлучений иностранных космических объектов почти в два раза повышает вероятность правильного определения типа аппарата.

«Вооружившись этими данными, – вспоминает Александр Горелик, – я в конце 1963 года обратился в ГРУ Генерального штаба, так как именно оно занималось проблемами радиотехнической разведки, где нашел (редкий случай!) полную поддержку заместителя начальника Управления радио- и радиотехнической разведки генерал-майора Михаила

Ивановича Рогаткина...

Совместными усилиями ГРУ VIII и КГБ при поддержке 4-го ГУМО было инициировано принятие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании системы радио- и радиотехнической разведки в составе трех пунктов и Центра обработки информации».

Работу по разведке радиоизлучений космических объектов в 6-м управлении ГРУ возглавил полковник Евгений Колоколов. Это был прекрасный инженер, с большим опытом работы. Он трудился в НИИ Военно-воздушных сил в Чкаловской, выезжал в Китай, где служил советником, находился в составе советской военной миссии связи в ФРГ.

Ему помогали офицеры И. Кузьмин и В. Журавлев из технических подразделений ГРУ.

Поскольку предназначение «Звезды» состояло в том, чтобы перехватывать радио- и радиотехническую информацию, которую американские спутники-шпионы сбрасывают на свои приемные станции, пункты системы следовало разместить в крайних точках нашей страны – на западе и востоке.

На западе рассматривали три точки: Калининград, Венспилс, Мукачево. Остановились на Венспилсе.

На востоке сначала выбрали Чукотку. Но когда все детально просчитали – транспортные расходы, суровый климат, решили перенести пункт в Приморье, в Яковлевку.

Место дислокации центрального объекта, откуда и будет вестись управление всей системой, определили в Московской области.

Началось строительство основных сооружений, и в первую очередь в Венспилсе.

Однако, следуя народной поговорке, Венспилс, как и Москва, строился не скоро и не сразу. Да, здесь возводили объекты хорошо и добротнo, и темпы были высокие, но действительность заставляла искать наиболее быстрые пути доступа к спутниковым линиям радиосвязи, пока капитальные сооружения в Венспилсе не были готовы.

Так появилась «Звездочка». В районе Одессы в Чабанке, на территории радиотехнического полка возвели станцию разведки и радиоперехвата спутниковых систем с антенной в 12 м, которая, по расчетам ГРУ, должна была вести радиоперехват, как военных, так и коммерческих систем спутниковой связи.

«В 1971 году станция «Звездочка» была готова, – расскажет мне генерал Петр Шмырев, – сформировали небольшую по численности воинскую часть, которую возглавил В. Рождественский. Долго не удавалось добиться реального приема сигнала... Все было ново, не апробировано на практике. Приходилось, что называется, решать одно уравнение со многими неизвестными».

Это самое уравнение и решал офицер радиоразведки инженер Юрий Крестовский.

Вот что о той большой научной и инженерной работе вспоминает сам Юрий Вениаминович: «Вопросам освоения принципиально новых источников разведсведений в 6-м управлении ГРУ всегда уделялось первостепенное значение.

Когда стало известно, что США готовит к запуску три стационарных искусственных спутника земли ДСЦС-2 военного назначения в зонах Атлантического, Индийского и Тихого океанов, ЦНИИ-18 Министерства обороны ставится задача разработать и изготовить комплект аппаратуры для приема этих ИСЗ.

В отличие от коммерческих ИСЗ «Интелсат», по которым было достаточно открытой информации о местонахождении космических объектов, конкретных частотах, на которых они работали, о структуре сигналов, энергетических параметрах, по ДСЦС-2 информация практически отсутствовала.

Так что работа предстояла не простая. Я возглавил тогда научный отдел и был назначен руководителем оперативного заказа по изготовлению станции разведки американского стратегического спутника ДСЦС-2.

Аппаратуру удалось сделать в короткое время, меньше чем за год. Примечательно, что ее

собрали полностью на отечественной базе, ни одной иностранной детали.

В общем, техника была создана и доставлена в Чабанку под Одессу. Чаша там уже оказалась готова, павильон под аппаратуру тоже. Стали монтировать – облучатель, малошумящий усилитель, в общем, волноводную систему. А также размещать аппаратуру.

Монтаж шел сложно, но это еще полбеды. Главное случилось после монтажа. Начался мучительный поиск спутника. Вот тут и пришлось решать задачу с тремя неизвестными. Рабочие частоты – неизвестны, координаты подспутниковых точек тоже, но самое главное – неизвестно, достаточен ли по своей энергетике малошумящий усилитель, собранный полностью на отечественной элементной базе.

Сигнал искали пять суток. Сначала в зоне Атлантики, потом в зоне Индийского океана. Не нашли. После этого стали осуществлять сканирование по частоте и в пространстве, по тут же разработанной собственной методике.

А в Москве кто-то уже поторопился и доложил, мол, станция смонтирована. А коли смонтирована, почему нет результатов ее работы. И нам каждый день из управления идут депеши одна за одной: ускорить, усилить и т.д.

Наконец после недельного бессонного поиска удалось впервые принять сигналы американского военного стратегического спутника ДСЦС-2. А какая была информация, передаваемая по каналам спутника! Откровенно говоря, она стоила бессонных ночей: американцы докладывали о деятельности Государственного департамента, стратегического авиационного командования. Все это мы, разумеется, отправили в Москву.

Впоследствии все полученные нами данные были усиленно использованы при внедрении системы «Звезда».

Кстати говоря, следует отметить, что строительство «Звезды» шло своим чередом. Центр разведки иностранных космических объектов в Венспилсе вступил в строй в 1975 году. Потом был сдан в эксплуатацию пункт на Дальнем Востоке в Яковлевке, за ним – Закавказье в Казахе.

За создание системы «Звезда» Государственной премии СССР были удостоены начальник 6-го управления ГРУ генерал-лейтенант Петр Шмырев, первый командир системы полковник Евгений Колоколов и сменивший его полковник, впоследствии генерал-майор Степан Терновой, полковник Александр Горелик из 45-го СНИИ МО.

Система «Звезда» эффективно функционировала и интенсивно развивалась и совершенствовалась в последующие годы.

6-е управление ГРУ всегда держало в поле зрения пространственный поиск наиболее информативных ретрансляторов, проводило эксперименты, располагая средства разведки в различных точках нашей страны. Так, эксперименты, проведенные на Чукотке, дали хорошие результаты, и в 1984 году на радиопеленгаторном узле в Беринговском был организован еще один пункт системы «Звезда». Так удалось обеспечить доступ к новым источникам развединформации.

В следующем, 1985 году на реконструированном и расширенном радиопеленгаторном узле в Иркутске был открыт первый объединенный пункт систем «Звезда» и «Круг».

Через несколько лет, в 1989 году «Звездочка», располагавшаяся в Чабанке, и радиопеленгаторный узел «Круг» в Дальнике были объединены и включены в систему «Звезда».

Казалось бы, система «Звезда» вполне жизнеспособна и ничто не может помешать ее поступательному развитию, но...

«Произошли события 1991 года, – с горечью скажет генерал Петр Шмырев, – опрокинувшие все наши планы. Развал Советского Союза нанес сокрушительный удар по системе «Звезда». Она потеряла больше половины своих добывающих средств: крупнейший пункт в Венспилсе, только что созданный пункт в Одессе, пункт в Казахе.

Конечно, на территории России построят новые пункты, они будут оснащены более совершенной техникой, однако утрату западных и юго-западных форпостов вряд ли удастся

возместить. Координаты спутников-ретрансляторов не изменились, а доступ к ним ухудшился».

По следам «Пуэбло»

Важнейшим этапом в истории ГРУ было создание больших кораблей радиоэлектронной разведки.

Прежде разведывательные корабли, построенные на базе вспомогательных судов, имела лишь разведка Военно-морского флота. Но за два дня до нового, 1970 года все изменилось. Головной корабль проекта 394-Б водоизмещением 4 тысячи тонн поднял флаг. Он получил наименование «Крым» и вошел в состав Черноморского флота.

Следом за ним в строй вступили корабли «Кавказ», «Приморье», «Забайкалье». Первый остался на Черном море, второй и третий ушли на Тихоокеанский флот.

Так началась новейшая история теперь уже морской радиоэлектронной разведки. Хотя, впрочем, началась она несколько раньше и была связана... с американским разведывательным кораблем «Пуэбло», который в конце 60-х годов стал печально известен всему миру.

Итак, обо всем по порядку.

... Выход в море американского корабля «Пуэбло» из японского порта Сасебо был назначен на 11 января 1968 года. Накануне командир Ллойд Бучер собрал экипаж и провел инструктирование матросов. Ничего особенного он не сказал, однако заметил, что плавание их вполне законно, легально и морякам беспокоиться нечего. А вот маршрут плавания и его цель им знать необязательно. Впрочем, члены экипажа особенно и не рвались узнать лишнее, следуя старому военному принципу: меньше знаешь, крепче спишь.

Разумеется, «спуки», как называют на флоте операторов радиоперехвата, знали побольше рядовых матросов, но они как всегда загадочно помалкивали.

«Пуэбло» был одним из семи кораблей-шпионов, так называемых вспомогательных экологических исследований (Auxiliary General Environmental Research – AGER). Он состоял из морского экипажа и специалистов радиоразведки из Naval Security Group. Операторы-«слухачи» несли круглосуточную вахту, сменяя друг друга.

Надстройка корабля была набита аппаратурой, которая способна принимать электромагнитные сигналы средств связи и радиолокации на дальних расстояниях. Перехваты записывались на магнитную ленту. По возвращении из плавания бобины с лентой передавались в центр дешифровки.

Корабль так же регулярно посылал оперативные донесения в разведотдел штаба ВМС США в Японии.

«Пуэбло» представлял собой транспорт водоизмещением около 900 т, со скоростью в 12 узлов, длиной 53 метра. Вооружение состояло из двух 12-мм пулеметов, которые тщательно маскировали в надстройках.

Во время последнего ремонта мачты корабля были усилены с целью установки антенны большей мощности и эффективности.

Море встретило «Пуэбло» неласково. Уже в первые сутки похода, едва Цусимским проливом они вошли в Японское море, в борт ударил шторм. Кораблю предстояло выйти в оперативный район, ограниченный 39-м и 42-м градусами северной широты. Предписывалось полное радиомолчание и только в сложной ситуации разрешалось выйти в эфир.

Задача «Пуэбло» состояла в наблюдении за радиотехнической обстановкой восточного побережья Северной Кореи, вскрытии районов размещения береговых радиолокаторов. Разумеется, следовало контролировать появление советских военных кораблей, выявлять цель их присутствия в этом районе.

Командир корабля-шпиона Ллойд Бучер чувствовал себя вполне уверенно. Он и представить себе не мог, что найдется такой безумец, который посмеет напасть на американский военный корабль.

Правда, там, на берегу, у Бучера были некоторые сомнения. В качестве командира корабля (да еще какого корабля-разведки!) он уходил в поход впервые. До этого Ллойд служил на подводных лодках, и даже стал старпомом, потом протирал штаны в штабе, и вот теперь, наконец, он назначен командиром. И потому Бучер, желая обезопасить себя и свой экипаж, пытался добиться хоть какого-то прикрытия. Однако командующий военно-морскими силами США в Японии контр-адмирал Фрэнк Джонсон не поддержал стремления командира «Пуэбло». Адмирал успокоил Бучера, объяснив, что все подобные корабли ходят под вывеской транспортов, мол, русские под видом рыболовецких судов и гидрографов постоянно таскаются за американскими эскадрами и даже подходят к берегам США.

«Да, было несколько инцидентов, – подвел итог командующий, – но все они закончились благополучно». Бучер понял: боевого прикрытия ему не видать. Корабли поддержки останутся у причала, а истребители «Фантом» не будут находиться в постоянной готовности на авиабазе Фучу на острове Окинава.

Через несколько дней командиру «Пуэбло» пришлось приучить себя к мысли, что якобы существует некая негласная договоренность между противостоящими военными группировками, по которой и те и другие стремятся избежать конфликтов между собой.

Словом, его миссии была назначена категория «минимальный риск». С тем он и вышел в поход. Теперь, когда шторм поутих, Ллойд Бучер направил свой корабль в направлении северокорейского порта Чхонджин. Он прибыл туда 16 января и дрейфовал в этом районе в течение двух суток. Эфир, как ни странно, был пуст, разведка радиолокационных станций тоже не дала положительных результатов.

«Пуэбло» двинулся на юг, но и там ничего не обнаружил. Потом он взял курс на Хонвон, где и находился до 21 января.

В этот день радиолокатор корабля-шпиона обнаружил судно. Вскоре сигнальщики доложили командиру, что это малый противолодочный корабль советского производства, который двигался с большой скоростью. Корабль прошел в трехстах метрах от «Пуэбло» и скрылся в направлении Вонсана. Возник самый главный вопрос: идентифицировал ли он «Пуэбло»? Ведь внешний вид его после ремонта стал иным.

В это время погода стала ухудшаться, налетели порывы ветра со снегом. Бучер приказал спуститься южнее. 22-го утром «Пуэбло» подошел к Вонсану и начал перехват прибрежных радиолокационных станций.

Во второй половине дня к «Пуэбло» приблизились два северокорейских рыболовецких траулера. Суденышки были выкрашены в серый цвет. Они несколько раз обошли корабль-шпион, то приближаясь к нему совсем близко, то удаляясь. Бучер понял: зря он надеялся. Северокорейские моряки разглядели в нем шпиона.

А тут еще свободные от вахты моряки высыпали на палубу, решив подразнить корейцев.

Вскоре, правда, матросов удалось согнать с палубы, но у корейцев могло возникнуть подозрение, почему на такой малой посудине столько людей.

Бучер приказал доложить командующему об опасном маневрировании северокорейских судов. Однако из-за загруженности радиосети радиогамма ушла только ночью.

Утром 23-го контр-адмирал Джонсон подтвердил получение радиогаммы.

Ближе к полудню, за кофе в кают-компании командир получил доклад: морская цель в восьми милях, идет курсом на «Пуэбло».

Бучер поднялся на мостик. Вскоре корабль появился на горизонте. Это был северокорейский малый противолодочный корабль.

Командир объявил боевую тревогу. В вахтенном журнале появилась запись: «Наблюдаю приближение корабля класса «сабчайзер» советского производства под флагом Северной Кореи».

Вскоре МПК поднял флажный семафор. Он приказывал застопорить ход и указать

национальную принадлежность.

На «Пуэбло» ответили сигналом: «Ведутся гидрографические работы».

В это время служба радиоразведки флота США перехватила радиограмму с корейского МПК: «Я уверен, – сообщил командир, – что это разведывательный корабль. Вооружения не видно, но это не гидрографическое судно».

Северокорейцы подняли новый, более угрожающий сигнал: «Отвечайте, или открываю огонь...»

Бучер приказал поднять звездно-полосатый флаг. Он еще утром составил радиограмму и приказал капитан-лейтенанту Харрису быть в готовности к ее отправке с грифом «Critic». Это означало, что телеграмма немедленно поступает в Пентагон и в Белый дом.

Теперь момент наступил. Однако в текст пришлось внести изменения. В это время на помощь противолодочному кораблю подошли три торпедных катера. И потому командир Бучер закончил ее словами: «с минуты на минуту они откроют огонь».

Один из торпедных катеров направился к «Пуэбло». На палубе его можно было увидеть вооруженных моряков, готовых к высадке.

Что мог предпринять Ллойд Бучер в этой обстановке? Последовать примеру командира крейсера «Варяг» капитана 1-го ранга Руднева – открыть кингстоны и затопить свой корабль? Но Бучер не открыл кингстоны.

Он приказал матросам уничтожить секретные документы. Правда, машина работала медленно, ящиков для уничтожения бумаг не хватало, и тогда Харрис приказал мешки с документами выбрасывать за борт.

Командир «Пуэбло» надеялся, что северокорейцы не посмеют открыть огонь, да и «Фантомы», которые обещал прислать адмирал, подспеют. Увы, его надеждам не суждено было сбыться.

Из-за облаков вынырнули два МиГа, спикировали на корабль и выпустили по нему несколько снарядов. Но не попали.

В этом момент прозвучали залпы с МПК. Снаряды прошили корпус корабля. Разрывом насмерть убило моряка, были ранены Бучер и еще двое членов экипажа. «Пуэбло» подавал сигналы SOS. Корабельная радиостанция передала радиограмму: «Имею трех раненых и одного человека с оторванной ногой. Не применял никакого оружия, включая пулеметы. Как насчет срочной поддержки, эти парни задумали неладное».

Вскоре грохот снарядов сменился шумом двигателей подходящих катеров и оглушительными криками.

Последнее сообщение с «Пуэбло» поступило в 14.32: «Северные корейцы на борту. 4 человека ранено, один в критическом состоянии. Ухожу из эфира и разрушаю передатчик».

Солдаты, захватившие корабль, согнали американцев в носовую часть корабля. Те сидели на корточках, руки на затылке. Потом им завязали глаза и спустили вниз по трапу. На берегу, толпа с криком и ревом встречала американцев.

Их доставили на вокзал, погрузили в вагон и повезли. По дороге, с помощью переводчика начались первые допросы.

24 января поезд прибыл в Пхеньян. Американских моряков определили в тюрьму и сразу развели по камерам. Началось одиннадцатимесячное пребывание в плену.

А что же произошло с кораблем? Не будем делать вид, якобы он никого не интересовал. Интересовал, да еще как. И советскую разведку, и китайскую, да и самих корейцев тоже.

В книге «На грани мировой войны. Инцидент «Пуэбло»» Михаил Вознесенский пишет: «Есть две тенденции в оценке интеллектуальных залежей, обнаруженных разведками трех социалистических стран на борту империалистического морского шпиона.

Согласно первой, преимущественно американской, ценного нашлось не так уж много. Почти все это, имея тугой кошелек, советская разведка могла приобрести в Соединенных

Штатах свободно или через подставных лиц.

Вторая, оптимистическая версия, оперирует исключительно превосходными степенями. Якобы шестиметровые антенны «Пуэбло» были настолько чувствительны, что улавливали сигнал корейских радаров... отраженный от поверхности Луны, и напрямик транслировали перехват в штаб-квартиру АНБ в штате Мэриленд. Все бы ничего, только непонятно, зачем лунные отражения ловить под носом у корейцев. У себя бы в Форт Мид и ловили, сидя в безопасности за тремя оградами высоковольтной «колючки».

В Сити можно встретить очень похожие на мистификацию описания странного длинного троса, волочившегося в воде за кораблем. Собрали специалистов-электронщиков со всего СССР...»

Ну что тут сказать, покопавшись в глубинах всемирной паутины, не такое встретишь. Стоит ли это выносить на свет божий и туманить мозги обывателю?..

А как было на самом деле, и какие в действительности «интеллектуальные залежи» нашли на «Пуэбло», могут рассказать только те люди, которые сами разгребали эти залежи. Таких, живых и здоровых, на сегодня нашлось двое. Оба они выезжали, правда, в разное время в Корею и работали с аппаратурой «Пуэбло». Обоих удалось разыскать, побеседовать с ними и записать их рассказы.

Но прежде чем непосредственно переходить к воспоминаниям очевидцев, хотелось бы уточнить: никаких электронщиков со всего Советского Союза не собирали. В Северную Корею выезжали две группы специалистов. В начале февраля 1968 года в Пхеньян вылетели офицеры ГРУ полковник В. Бунин, подполковник В. Кириллов и майор А. Родичев. Их командировка длилась десять дней.

Следом за первой группой были командированы специалисты из научно-исследовательских институтов – полковники Ю. Мажоров, И. Евсиков и П. Безкорвайный. Их сопровождали несколько сотрудников из КГБ, но они занимались своими делами и техникой с «Пуэбло» не интересовались.

Вот, собственно, и все электронщики. Теперь слово им самим.

Полковник в отставке Владимир Кириллов:

«В тот период я служил в институте, который входил в систему ГРУ, в должности начальника отдела. Вызвал меня к себе начальник 6-го управления генерал-лейтенант Строилов и сказал: «Собирайся. Надо лететь в Корею, посмотреть аппаратуру на «Пуэбло», оценить, выдать свои предложения».

Приказ есть приказ. Собрались, полетели из Москвы в Пхеньян. Нас встретили, отвезли в порт Вонсон. Корабль еще стоял там. Правда, название корабля корейцы уже закрасили. Но аппаратура находилась на своих местах, на судне.

Было там помещение, и на довольно высоких стойках, в два ряда с проходом размещалась аппаратура. Побили, покрутили американцы ее основательно. Действовали, скорее всего, кувалдами, но очень эффективно.

Кое-что осталось. Например, шифровальные аппараты. Но разобраться в них оказалось крайне сложно, потому, что основные элементы – кодирующие шифровальные блоки – отсутствовали.

На судне находился специальный люк, идущий до самой воды, как раз из этого помещения. Видимо, когда начался штурм корабля, эти шифровальные блоки выбросили в люк, в море. Поверьте мне, старому, с военных времен шифровальщику.

Что же касается аппаратуры радиоэлектронной, то чего-то необычно нового мы не нашли. Ну, разве что широкополосная записывающая аппаратура для записи сигналов широким спектром. Тогда еще не было магнитофонов, а на «Пуэбло» уже стояли машины записи, мне кажется, на дюймовую пленку.

Пленка обычная, но с поперечной записью.

Важно, собственно, другое, не новинки электроники. Их там не было. Побывав на этом корабле, а он стоял еще у стенки, теплый, электричество работало, я сделал для себя очень важный вывод: какое большое значение уделяют американцы радиоэлектронной разведке с позиций корабля. У нас в ту пору таких кораблей не было.

Когда я возвратился из Кореи и докладывал первому заместителю начальника ГРУ генерал-полковнику Хаджи Мамсурову, начальнику 6-го управления генерал-лейтенанту Георгию Строиллову, начальнику направления генерал-майору В. Модебадзе, пытался донести до них именно эту мысль. Тем более, как показало время, мы оказались способны создать корабли радиоэлектронной разведки и получше, чем у американцев».

Руководителем второй группы, которая улетела в Пхеньян следом за первой, в том же феврале 1968 года назначили талантливого ученого, главного инженера ЦНИРТИ имени академика А. Берга полковника Юрия Мажорова. Кстати, по возвращении из Кореи Юрий Николаевич возглавит этот институт.

Командировка группы затянулась почти на три месяца. Но надо сразу сказать, не по вине наших ученых.

А теперь слово генерал-майору в отставке, лауреату Ленинской и Государственных премий Юрию Мажорову:

«Начало 1968 года ознаменовалось громким международным скандалом. У берегов Северной Кореи был захвачен разведывательный корабль «Пуэбло». Вся пресса бурно обсуждала это происшествие. Нам, конечно, было любопытно узнать, что за аппаратура использовалась американцами для задач разведки. Но я даже и предполагать не мог, что буду иметь хоть какое-то отношение к этому инциденту.

Однако вскоре мне сообщили о командировке в Северную Корею. Летели мы спецрейсом, поэтому в самолете пассажиров было немного. Разместились в заднем салоне, а аппаратура, которую мы брали с собой, оказалась увезенной в МИД, опечатанной и отправленной дипломатическим багажом.

Летели мы довольно долго, с посадками в Свердловске, в Новосибирске и в Иркутске.

Над Китаем шли на высоте 10 тысяч метров, но видимость была хорошая. В иллюминаторе внизу виднелась безжизненная пустыня с редкими населенными пунктами.

В Пхеньян прибыли утром следующего дня. Из аэропорта нас привезли в советское посольство. Представили послу, военному атташе. Посол сообщил, что обстановка в стране достаточно сложная и нам предстоит какое-то время провести в посольстве. Посоветовал часто за территорию посольства не выходить.

Военный атташе сказал, что в стране нагнетается обстановка. По ночам часто стреляют зенитки, но по каким целям, неизвестно.

Прошла неделя. Нас никуда не допускали. Атташе сказал, что корейцы готовят аппаратуру для осмотра, но когда это будет, он и сам не знал. Ситуация непонятная. А что, собственно, готовить? Мы стали роптать – ведь не в заключении находимся. В конце концов, нам разрешили выход в город.

Наступил март, но до дела нас не допускали. И вот, пришел тот день, когда нас повезли для ознакомления с разведаппаратурой «Пуэбло». Однако вместо порта, где находился корабль, доставили в какую-то воинскую часть и привели в большой спортзал. В центре стояли столы в два ряда и на них сложены различные блоки радиоаппаратуры. Сбоку от столов лежали груды кабелей, вдоль стен собраны антенны и мачты. Мы остолбенели: зачем все разобрали? Через переводчика спросили, есть ли схемы соединений блоков. Оказалось, нет. Им просто поставили задачу все разобрать и привезти сюда. Они выполнили приказ, а как было смонтировано – не знают.

Я и до сих пор уверен, вряд ли это сделали по глупости или недосмотру. Скорее всего, корейцы не очень-то хотели, чтобы мы изучали аппаратуру. Но напрямую отказать не посмели.

Надеялись, что мы не разберемся в этих кучах блоков и антенн. Теперь стала понятна и причина с нашим долгим допуском к работе. Видимо, не один корейский руководитель думал, как отделаться от этих русских. Отделаться не удалось.

Для начала мы решили сгруппировать отдельные блоки в предполагаемые комплексы аппаратуры. В ход пошли внешние признаки: окраска, разъемы, надписи. В общем, нам удалось привести все в систему и установить состав разведывательной аппаратуры.

Первое, что бросилось в глаза, – это типовые серийные блоки. Значит, американцы не разрабатывали аппаратуру специально для «Пуэбло». У нас же аппаратура для военно-морского флота разрабатывалась по особым требованиям. И выполнение этих требований нередко приводило к ее утяжелению.

Вывод был прост – американцы свою аппаратуру под требования моряков не дорабатывают. Вместо этого создают соответствующие механико-климатические условия на объекте эксплуатации.

Теперь по самой сути аппаратуры. Здесь мы, к сожалению, не обнаружили ничего нового. Я без больших затруднений вычерчивал блок-схемы этих радиоустройств, устанавливал их основные тактико-технические характеристики. Свою работу сопровождал фотосъемкой блоков, узлов для будущего отчета. Сделано было около 2500 снимков.

Справедливости ради следует признаться, что один блок доставил мне немало тревоги. Он был большим и тяжелым, но на его передней панели практически ничего не располагалось, за исключением одной лампочки под красным колпачком. От блока отходил единственный кабель. Назначение его стало понятным не сразу. Сначала подумал, возможно, это блок с аккумуляторами. Но через переводчика удалось выяснить, что располагался он среди магнитофонов. На стенке рамы, где стояли магнитофоны, была инструкция для экипажа об их действиях в случае захвата судна. В этом случае предписывалось уничтожить аппаратные журналы, устройства регистрации, а также приводить аппаратуру в негодность – разбить лицевые панели и шкалы на них.

Собственно, это экипаж и делал. Все записи были сожжены, или выброшены за борт, блоки – разбиты. Сопоставив факты, мы пришли к выводу: непонятный блок есть не что иное, как ликвидатор. В нем находится взрывчатка и взрыватель.

Потом вместе с Евсиковым мы продумали как его вскрыть и при этом остаться в живых. Это удалось.

Действительно, в блоке находилась взрывчатка. Однако капитан ею не воспользовался».

К этим словам генерала Юрия Мажорова остается добавить, что он предложил корейцам, чтобы те отдали аппаратуру с «Пуэбло». «Что вы будете делать с этой кучей полуразбитой аппаратуры? Не лучше ли ее отдать в Советский Союз?» – предложил он однажды сопровождающему их офицеру.

На следующий день кореец ответил, что аппаратуру они восстановят, и с ее помощью будут бороться со своим заклятым врагом – американским империализмом.

«Мне было смешно и грустно это слышать, – вспоминал Мажоров. – Вряд ли Корея в то время располагала такими специалистами, которые были бы способны вдохнуть в нее жизнь».

Вскоре миссия наших ученых была завершена. Отъезд прошел без осложнений. Документы и материалы отправили в Москву дипломатическим багажом.

Еще две недели пришлось потратить на написание отчета. Получились две книги текста и фотографий. Материал оказался интересным. Какой вывод сделали авторы отчетов? Они заключили, что отставания в создании аппаратуры радиоэлектронной разведки у нас от США нет. Однако некоторое отставание в современной элементной базе налицо. Обратили внимание и на конструкторскую унификацию.

Все материалы были направлены в Главное разведуправление.

А что же дальше? Дальше произошли события поистине (не побоюсь этого слова)

исторические, которых доселе не знала наша разведка. Прежде всего, был сделан однозначный вывод: корабли, подобные «Пуэбло», обладающие высокими разведывательными возможностями, необходимо иметь и нашей радио- и радиотехнической разведке, чтобы добывать ценную информацию на удаленных от нас приморских объектах.

Предложение ГРУ поддержал министр обороны и Центральный Комитет партии. И уже 1 декабря 1968 года вышло совместное постановление ЦК и Совмина СССР о строительстве четырех кораблей радиоэлектронной разведки.

Корабли – это гордость разведки

Летом 1968 года капитан Юрий Крестовский ждал вызова из Академии связи имени С. М. Буденного. Он собирался поступать в очную адъюнктуру. Как и положено, представил научный реферат, получил отличную оценку и по всем срокам уже должен был укладывать чемоданы и брать билет на поезд в Ленинград.

Однако вызов где-то задерживался. Он маялся, ждал, ходил в секретную часть. Секретчик, глядя на его мучения, сжалился над капитаном и шепнул: мол, есть вызов, но командир приказал молчать.

Возмущенный Крестовский пошел к командиру. Тот, видя, что дело принимает неприятный оборот, признался: «Да, письмо из академии есть, но поступила команда из Управления никуда тебя не отпускать».

Командир даже по секрету сказал, мол, слышал, что это личный приказ заместителя начальника Управления генерала Шмырева.

«Странно, – подумал Крестовский, – с чего это сам генерал Шмырев занялся моей капитанской персоной». И поехал в Москву в 6-е родное управление.

Шмырева, как назло, на месте не оказалось, вместо него оказался полковник Гудков, начальник первого направления. Однако он ничего вразумительного сказать не мог, поскольку был не в теме.

На счастье или на беду, пока Крестовский беседовал с Гудковым, в кабинет вошел генерал Шмырев. Поздоровался с обоими и, обращаясь к Гудкову, спросил:

– А что это у нас тут Крестовский делает?

Гудков отвечает:

– Да вот говорит, что его в адъюнктуру не пускают.

– И правильно не пускают, нечего тебе в адъюнктуре делать. – сказал, как отрезал, Шмырев. – Хочешь защищать диссертацию, пиши, защищайся в нашем институте. А то будешь там учить, как кси на пси умножать.

Юрий Вениаминович на всю жизнь запомнил эти шмыревские «кси на пси». В тот момент вроде обидно и досадно стало, мол, не пустили в науку. И только с годами он понял – генерал Шмырев ничего просто так не делал.

Судя по всему, он уже тогда подбирал кандидатуру офицера, кому мог бы доверить новое, неизведанное дело. Да еще какое дело! Без лишнего пафоса можно сказать – дело государственной важности – создание кораблей радиоэлектронной разведки.

Крестовского Шмырев знал хорошо. И пусть между ними была дистанция огромного размера, как по возрасту, по жизненному и профессиональному опыту, так и по воинскому званию, по служебному положению, но Петр Спиридонович давно приметил этого пытливого, любознательного и упорного офицера.

Помнится, во время итоговой проверки на объекте в Климовске он побывал в отделении исследования радиопередач. Начальником отделения и был инженер-капитан Крестовский.

Ничего особенного от этого отделения генерал не ждал. По докладам командира части специалисты собрались здесь грамотные, свои обязанности выполняют добросовестно. И тем не менее Шмырев поинтересовался, чем отделение занимается в настоящее время. Доклад Крестовского приятно удивил и обрадовал Петра Спиридоновича. Оказывается, они проводили технический анализ только что обнаруженной многоканальной передачи, все каналы которой были заняты не понятной пока для нас системой под названием «Stelma». Сама станция по данным пеленгации дислоцировалась где-то на юге Африки, в районе Йоханнесбурга. Она работала круглосуточно и только в 3 часа ночи в течение двух минут открытым текстом передавала служебное сообщение и наименование самой системы «Stelma».

Шмырев заинтересовался работой системы, просмотрел немалый накопленный материал и сразу все понял: ребята неспроста вцепились зубами в эту систему, у них есть профессиональный нюх, ибо вскрытие открывало большие перспективы. Но сделать это было непросто, ведь в ту пору не существовало персональных ЭВМ, и Крестовский со своими подчиненными обрабатывал материал вручную. Сидел на работе, засиживался по ночам дома. Жена, порою с тревогой заглядывая через плечо в его бесконечные расчеты, говорила: «Юра, ты только с ума не сойди от этих плюсов и минусов».

– Нет, ребята, – сказал им тогда Шмырев, – вручную вы это не поднимете. Я договорюсь с институтом, и мы поручим им обработать этот массив информации с помощью стационарной ЭВМ.

Институт в течение трех месяцев проводил технический анализ накопленных отделением Крестовского материалов, но так и не смог добраться до смысловой составляющей.

Потом, с годами станет понятно, что это были первые испытания одной из систем цифровых передач, получивших впоследствии название «digital program».

И пусть тогда эксперимент Крестовского не удался, генерал Шмырев заметил этого офицера.

Знал бы генерал, чего стоил Юрию Вениаминовичу этот эксперимент. Жил капитан с женой и детьми в сельском доме в пяти километрах от места службы. Вечером возвращался со службы, таскал из колодца воду, носил дрова, топил печь и ложился спать. В час ночи поднимался, чтобы добираться пешком до объекта и услышать сигналы неразгаданной «Stelma» из далекого Йоханнесбурга.

Словом, генерал Шмырев выбрал Крестовского. Примерно через неделю после того, как он отказал Юрию Вениаминовичу в поступлении в адъютантуру, капитана вызвали в Управление.

Принял его сам начальник генерал-лейтенант Строилов. Здесь же в кабинете находился и Шмырев. Спросили, знает ли он об инциденте с «Пуэбло». Разумеется, Крестовский слышал об этом инциденте. А вот о том, что у нас будут строиться корабли радиоэлектронной разведки, он не знал. Начальники коротко ввели его в курс дела: принято решение ЦК и Совмина построить четыре корабля.

После этого была небольшая пауза, и генералы вопросительно посмотрели на него.

– Поскольку вы все время занимались специальной техникой, отлично знаете ее, – сказал Шмырев, – именно вам поручается подготовить проект технического задания на спецтехнику для будущего корабля. В общем, надо хорошо продумать, сколько постов разместить, что за посты, какую технику поставить. В помощь вам мы приготовили кое-какие документы, материалы, отчеты.

Шмырев кивал на соседний стол, где лежала пирамида из книг, альбомов, папок с бумагами.

– Старшим будет офицер нашего управления полковник Смирнов Александр Арсентьевич.

– Когда приступать? – спросил Крестовский.

– Сегодня и приступайте, время не терпит, – ответил начальник Управления.

Юрий Вениаминович вышел из кабинета и, не чуя под собою пола, шагнул в коридор. Вот так задачка! Ему, человеку сухопутному до мозга костей, предстояло оснастить электроникой первый корабль ГРУ. А впрочем? Жизнь порою делает такие замысловатые зигзаги. Ведь он, Юрка Крестовский, с тех пор как осознал себя, хотел стать моряком. Ходил в морскую школу ДОСААФ, учил семафорную грамоту, греб на шлюпке. Был даже старшиной шлюпки. И поступать, конечно, подался в знаменитую «Дзержинку» в Ленинграде.

Больше всего боялся медкомиссии, врача-окулиста. Заранее достал и выучил всю таблицу, по которой проверяют зрение. Но врачи оказались не лыком шиты, раскололи

кандидата в моряки и дали полный отказ.

Тогда Юрка подался в Ульяновск, в училище связи. Поступил. Окончил училище уже в Череповце, куда их перевели на последнем курсе.

После этого служил в полку радиотехнической разведки в Прибалтике, учился в Академии связи, вновь служил – теперь уже на объекте в Климовске. Подумать только, судьба, сделав круг, вывела его опять к морю, к кораблям. Вот уж воистину мистика какая-то...

Впрочем, долго рассуждать о мистике и о кругах судьбы времени не было. Обложившись документами, Крестовский засел за составление техзадания. Вот тогда впервые он изучил словно под микроскопом снимки аппаратуры с «Пуэбло», прочел их описание, характеристики.

По мере освоения материала возникали десятки вопросов. Юрий Вениаминович понимал: ответы на них придется искать ему, и только ему, ибо никто в Советском Союзе не размещал средства радиоэлектронной разведки на корабле. Все будет впервые.

Он уложился в десять отведенных дней и принес техзадание Шмыреву. Тот, внимательно прочитав его, сказал: «По сути, тут все верно, но по форме нет. Поезжай в наш институт, посмотри, как оформляется техзадание. И воплоти в нужную форму».

Крестовский так и сделал. Кстати говоря, тогда он впервые оказался в институте, в котором потом будет работать.

Далее события развивались следующим образом. Проектирование аппаратуры для корабля было поручено «Связьморпроекту», который располагался в Ленинграде. Исходили, видимо, из того, что именно эта организация проектировала корабельные средства связи. Но связь это одно, а разведка – другое. И вот тут возникли первые сложности. «Связьморпроект» никогда не занимался разведывательной проблематикой, да и вообще наша промышленность прежде не устанавливала средства радиоэлектронной разведки на судне. А теперь вот предстояло это сделать.

Главным конструктором проекта назначили Николая Мячева. Человек с трудной судьбой, после гибели Кирова оказался в лагерях и вышел оттуда только после смерти Сталина. Трудился он над этим проектом самозабвенно, жаль, что не увидел дело рук своих – умер накануне сдачи проекта.

28 постов предложил сформировать Юрий Крестовский: тут и пеленгаторные посты, и по радиотехнической разведке, и по обработке данных.

В этот период Юрий Вениаминович практически все время проводил в командировках в Ленинграде. Девчат-проектировщиц знал по имени. Разбуди ночью, он доложит, что Надежда отвечает за посты 11, 14 и 15, а Светлана за посты 2, 4 и 18. Именно они оформляли творческие идеи Крестовского строгими рамками ГОСТа.

Были и свои сложности. Проектировщики люди с опытом, но они не знают специфику радиоэлектронной разведки, и им в сущности все равно, где первая категория техники, где вторая, как, к примеру, поставить питание – вверх или вниз, анализатор установить с боку или как-то иначе. Поэтому приходилось следить, подсказывать, самому делать первичные чертежи установки аппаратуры.

К производству аппаратуры для кораблей были привлечены ведущие предприятия страны из Москвы, Ленинграда, Ростова, Николаева, Воронежа и других городов страны.

Корабельную часть проектировало Севастопольское КБ. За основу был взят корпус большого морозильного траулера, а вот все переборки, надстройки делались с учетом той самой электронной части. Главным конструктором был назначен опытный кораблестроитель Р. Цитоловский.

Сам корпус корабля, двигатели, управление строились в Николаеве, на Судостроительном заводе имени Носенко. Директором на этом заводе в ту пору был легендарный организатор и руководитель, лауреат Ленинской премии А. Ганкевич.

Помимо сугубо технических сложностей, проблема состояла в том, что корабли

радиотехнической разведки строились в невиданно сжатые сроки.

«За всю свою многолетнюю службу в ГРУ, – признается генерал Шмырев, – я не помню случая, чтобы промышленность исполнила такой сравнительно крупный заказ в столь короткие сроки. Все работали увлеченно, старательно, с каким-то особым подъемом. То ли увлекала новизна тематики, то ли желание поспорить с американцами, но дело двигалось быстро, хотя в нем принимал участие не один Николаевский завод. Нужно было... полностью перепланировать все внутренние помещения корабля, палубные надстройки, установить большое количество радиотехнических средств. Все это нужно было выполнить с учетом жестких корабельных требований по устойчивости, радиоэлектронной совместимости и хотя бы элементарных требований маскировки.

Наши офицеры, занятые непосредственно строительством и оборудованием кораблей, Ю. Крестовский и А. Смирнов, буквально не вылезали с Николаевского завода. Им приходилось решать прямо на месте тысячи практических вопросов, сплошь и рядом вносить уточнения в проектные решения, когда что-то не устанавливалось или не совмещалось.

Ни Смирнов, ни Крестовский не были моряками, что вызывало иногда разногласия при принятии ими нетрадиционных для флота решений, но инженерная эрудиция, здравый смысл и, самое главное, желание обеих сторон найти наиболее разумное решение приводили к быстрому преодолению возникающих проблем».

После того как техника стала поступать на корабль, возникла еще одна из тысяч проблем, как справедливо сказал Шмырев. Однако эта проблема оказалась весьма острой и болезненной – предприятия, которые должны были начать монтаж, отказались это делать. Они сослались на приказ министра обороны, другие нормативные акты, что им запрещено заниматься установкой аппаратуры на морские объекты. Мол, они «спецы» сухопутные.

Что ж, нашли выход и из этого положения. В Климовске организовали бригаду из своих инженеров и техников, и отправились в Николаев. Правда, свои «спецы» тоже никогда не производили монтаж на кораблях, но, как говорится, лиха беда начало.

Оказалось это даже удобно и весьма полезно. В ходе монтажа сами же устраняли проекционные ошибки, которые трудно было предусмотреть на этапе проектирования. Например, куда и как уложить большие объекты кабелей, проводов, которые в теории и представить себе было сложно.

Несмотря на все трудности, монтаж разведтехники был завершен успешно. Большую роль в этом сыграла бесперебойная поставка аппаратуры.

«Во многом это состоялось благодаря полковнику Смирнову, – говорит Юрий Крестовский. – Он в управлении занимался серийной техникой. То есть через него шли поставки аппаратуры, которая была в ГРУ. И Александр Арсентьевич определял, куда ее послать. Знаете, с новой техникой всегда была напряженка. Ее не хватало, она нужна в частях. Но Смирнов понимал важность скорейшего ввода в строй кораблей и отправлял технику в первую очередь в Николаев».

После того как вопросы поставок и монтажа техники были решены, пришло время испытаний корабля. ГРУ обратилось в некоторые профильные институты с просьбой провести анализ возможностей эксплуатации высокочувствительной техники. Ведь вся аппаратура была установлена очень компактно. И это было сделано впервые.

Снова отказ. Институты заявили: чтобы провести такое исследование, понадобится 2–3 года.

Полковник Смирнов решил провести испытания собственными силами. Откровенно говоря, он серьезно рисковал. Никто не мог предположить, как поведет себя разведывательная аппаратура, если, например, включить ее вместе с передатчиком. Не выйдет ли она из строя? На этот вопрос никто ответить не мог.

Во время ходовых испытаний было предусмотрено выполнение большой программы:

установление связи с подводной лодкой, с самолетами. И требование таково – испытания проводятся только в штормовую погоду. Шторм не менее 6 баллов.

«И вот дождавшись такой качки, – вспоминает Юрий Крестовский, – мы вышли в море. Морячков наших почти всех укачало. Те, которые в постах работали, тоже не очень себя чувствовали. Но несмотря на это все делали свое дело.

Александр Арсентьевич Смирнов принял команду на себя, и мы включили посты. Для начала не все, выборочно. К нашей радости, все сработало, ничего не сожгли. Потом включили по максимуму, на полную мощность. Провели испытания с подводной лодкой, с самолетами. Контрольные радиogramмы посылали туда и обратно. В разных диапазонах. Все это, разумеется, проходило в динамике. Команда сработала неплохо».

Так родился на свет первый корабль радиоэлектронной разведки. Государственная комиссия приняла его. Он стал называться «Крым» и вошел в состав Черноморского флота.

Командиром корабля был назначен опытный флотский офицер, капитан 2-го ранга Иван Ефимович Бочарин.

Он окончил Бакинское высшее военно-морское училище имени С. М. Кирова. Служил на эскадренном миноносце «Огневой», потом на миноносце «Лютый». С «Лютого», где Бочарин был старпомом, его назначили командиром малого разведывательного корабля, потом среднего разведывательного корабля. И в 1969 году Иван Ефимович принял под свою команду корабль радиоэлектронной разведки «Крым».

Экипаж был под стать своему боевому командиру. Отбирали сюда офицеров очень тщательно.

Вот как об этом вспоминает Юрий Крестовский:

«Однажды посылает меня Шмырев в Главный штаб военно-морского флота. Задача: подобрать личные дела морских офицеров для перевода их на новый корабль «Крым».

Договоренность уже была с начальником управления кадров. И вот приносит мне офицер-кадровик личные дела. Я просматриваю. Из 50 человек выбираю восемь.

– Почему так мало? – удивляется кадровик.

– Не все подходят в разведку. Этот развелся, тот за пьянство наказан.

А он вздыхает и говорит:

– Дорогой мой, это же флот! Эти вещи у нас не считаются большим недостатком. Женился – развелся, выпил. Что поделаешь, служба такая. Тяжелая служба. Ты по деловым качествам смотри.

Отобрал я еще несколько человек, привез дела Шмыреву, передал. А у него была такая особенность, открывает личное дело и внимательно, долга смотрит на фотографию. Потом говорит:

– Нет, это отложим.

Потом берет второе дело. Смотрит.

– Вот этого офицера стоит посмотреть в деле, как он работает.

Петр Спиридонович очень тщательно относился к подбору офицеров. Так что на «Крым» случайные люди не попадали».

Сам капитан 1-го ранга в отставке Иван Бочарин считает так же. При первой же нашей встрече Иван Ефимович показал мне грамоту. Надо сказать, грамота знатная, подписана легендарным Главкомом Военно-морского флота СССР адмиралом флота С. Горшковым. В ней сказано: «капитану 1-го ранга Бочарину И. Е. за инициативные, смелые, дерзкие действия при выполнении задач боевой службы».

Вот так, «за инициативные, смелые и дерзкие действия». Откровенно говоря, много я видел грамот, но нечасто встретишь вот такие эпитеты. Что ж, все, кто знают Бочарина, говорят, что он вполне заслужил такую оценку.

Вслед за «Крымом» на воду были спущены корабли «Кавказ» – командир К. Иванов,

«Приморье» – командир Б. Иванов, «Забайкалье» – командир А. Козьмин.

Из Николаева корабли «Приморье» и «Забайкалье» к себе на Тихоокеанский флот шли разными путями: один вокруг Африки, другой – вокруг Южной Америки.

В ходе этих дальних океанских походов выявились и некоторые недостатки в конструкции судов. Во-первых, скорость хода была невелика, всего 12 узлов. Но учитывая, что это корабли разведки и в районе они, как правило, ложатся в дрейф, с таким недостатком можно было мириться.

А вот отсутствие резервной двигательной установки и наличие одного гребного винта – недостатки серьезные. Последующая практика эксплуатации судов подтвердила опасения: однажды в период боевой службы в Тихом океане у корабля сорвало гребной винт, он потерял ход, и только умелые и профессиональные действия командира, офицеров и матросов экипажа позволили провести ремонт своими силами и добраться до базы.

Разведывательные суда легендировались под корабли связи, не американцев трудно было обмануть, они сразу окрестили их как «Russian electron ship ELINT».

Штаты сугубо морские не совсем подходили для разведки, потому, учитывая ценность кораблей, а также для привлечения лучших офицеров, руководство ГРУ старалось создать соответствующие условия для длительной службы. Были установлены более высокие штатно-должностные категории для офицеров. Командир корабля, к примеру, имел категорию капитана 1-го ранга.

Кроме привычного старпома была введена должность заместителя командира по разведке.

Для руководства деятельностью кораблей в 6-м управлении создали морскую группу из двух офицеров. На эти должности пришли опытные, знающие морские специалисты – Б. Привалов и И. Суворов.

Корабли-черноморцы «Крым» и «Кавказ» вели разведку в средиземноморском регионе. Главной их заботой были страны НАТО и Израиля.

Тихоокеанцы «Приморье» и «Забайкалье» сосредоточились на разведке американского ракетного полигона, где проходили испытания межконтинентальных баллистических ракет и противоракетного оружия. Полигон протянулся от базы Ванденберг в Калифорнии до атолла Кваджелейн в группе Маршалловых островов.

На островах были размещены радиолокационные станции, установлены системы радио- и спутниковой связи.

Сложность состояла в том, что район разведки находился достаточно далеко от базы приписки – Владивостока. Корабли уходили в поход на полгода. А поскольку сроки испытания ракет американцами зачастую переносились, проводились с опозданием, пребывание в океане приходилось продлевать. Это было тяжелое испытание для экипажа.

Так работали корабли радиоэлектронной разведки ГРУ. Они всегда были в боевой готовности, и тем не менее настоящей, если хотите, фронтовой проверкой для них стала арабо-израильская война 1973 года.

У далеких берегов

Старший лейтенант Михаил Шатберашвили, оператор службы обработки разведанных корабля «Крым», с утра заступал на дежурство. День предвещал быть спокойным, ведь сегодня, 6 октября 1973 года, в Израиле отмечался один из самых главных религиозных праздников – Йом Киппур. А в выходные и в праздники израильские военные самолеты не летают и катера стоят у стенки. Уж сие он знает прекрасно. Как ни крути, это четвертая его боевая служба.

Шатберашвили попал на корабль радиоэлектронной разведки в 1970 году после окончания военного института иностранных языков. «Крым» только что вернулся из своего первого похода, и неожиданно выяснилось, что ни французский, ни немецкий языки, которые он учил пять долгих лет, на корабле никому не нужны. А нужен иврит. Ну что ж, иврит так иврит. Дали ему преподавателя, командир освободил от всех нарядов, сказал: «Учи язык». И Михаил учил, иногда по восемь часов в день.

Первый поход, по сути, только этим и занимались. А вот на следующий год к ним на стажировку уже прибыли курсанты из его родного военного института, которые осваивали иврит. Они-то и поступили под команду Шатберашвили.

Заместитель командира по разведке капитан 2-го ранга Виктор Попов и начальник службы капитан 2-го ранга Анатолий Титяев «нарезали» ему свой участок – перевод и обработка данных радиоперехвата в сетях ВВС Израиля, при переговорах пилотов с центром управления полетами и между собой при отработке задач боевой подготовки, а также в период военных действий.

Так что дежурство Шатберашвили принял с легким сердцем. Тем более при приеме – передаче дежурства ничего необычного в радиоэлектронной обстановке не отмечалось.

Однако старший лейтенант Шатберашвили многого в тот момент не знал, да и знать не мог. А события развивались следующим образом.

В мае 1973 года Израиль отпраздновал свой 25-летний юбилей – день рождения еврейского государства отмечался необычно пышно широко и торжественно.

Большой военный парад продемонстрировал мощь Израиля. Казалось, что страна находится на пике своего могущества и славы.

Теперь, спустя много лет некоторые историки не устают твердить что тогда, в 1973 году, израильская разведка все-таки «проморгала» войну В какой-то мере это справедливый упрек. Но только в какой-то...

Все-таки разведка извещала свое руководство о подготовке к боевым действиям египтян и сирийцев. Иное дело, как реагировало на эти предупреждения руководство страны. Ведь мобилизация – дело непростое, дорогостоящее, в конечном итоге отражающееся на экономике страны. Поэтому лидеры Израиля склонялись к мнению, что арабы блефуют и развязать войну не решатся. Конечно, присутствовал и некий синдром непобедимости: считалось, что Израиль в военном отношении чрезвычайно опытен и силен, и его позиции на Голанских высотах непоколебимы.

В первых числах октября разведка вновь выявила опасное сосредоточение египетских и сирийских войск на Суэце и Голанах. Однако и эту развединформацию правительство Израиля проигнорировало. Возможно, теперь свою роль сыграло предупреждение заокеанских союзников, которые во избежание эскалации конфликта посоветовали израильтянам не открывать огонь первыми. Ведь если бы Израиль вновь выступил в роли нападающего, США не просто было бы защитить их с трибуны ООН.

Словом, на принятие именно такого решения кабинетом Голды Меир все-таки воздействовали многие факторы.

Сама же Меир только 3 октября возвратилась из поездки в Европу. Ей доложили

ситуацию, однако выводы, которые сделали израильские военные, несколько удивили премьер-министра. Генералы пока советовали не предпринимать резких движений.

Однако уже на следующий день по дипломатическим каналам пришло тревожное сообщение: из Сирии в срочном порядке эвакуируются семьи советских советников и специалистов.

5 октября собрался кабинет министров. Однако никаких решений в тот день принято не было.

Одним из первых забеспокоился начальник генерального штаба Давид Элазар, который получил сообщение из надежного агентурного источника о том, что египтяне ударят завтра, 6 октября.

Но военный министр Моше Даян был иного мнения: объявить мобилизацию и ударить первыми, как предлагал его начальник генерального штаба, – это и есть тот самый агрессивный шаг, о котором предупреждали американцы.

И тем не менее Элазар не успокоился. В 10 часов утра военного министра и начальника генштаба приняла премьер-министр Голда Меир. Выслушав генералов, она приняла точку зрения Давида Элазара и приказала начать мобилизацию. Сообщила о своем решении американскому послу в Тель-Авиве, предупредив при этом, что Израиль не ударит первым.

Таковыми были события в Израиле. Что же касается советского корабля радиоэлектронной разведки «Крым», то он в начале октября находился в египетском Порт-Саиде.

Судно стояло в полусотне метров от берега. Отсюда, с этой якорной стоянки было удобно вести радиотехническую разведку южных районов Израиля, примыкавших к египетской границе.

На берег никто, кроме командира корабля капитана 2-го ранга Ивана Бочарина, не сходил, но напряженности не чувствовалось. Да и радиоэлектронная обстановка были обычной, если можно так выразиться, будничной.

Матросы корабля, правда, засекли переправу египетских танков на Синайский берег канала, но мало ли случается передвижений воинских частей. Решили, что это связано с боевой подготовкой сухопутных войск Египта. Хотя, разумеется, в Москву доложили.

В ночь с 4 на 5 октября, как мне рассказывал Иван Ефимович Бочарин, внезапно на «Крым» поступил приказ: покинуть Порт-Саид и выйти в море. В связи со срочным выходом экипаж не успел получить от портовых служб в полном объеме продукты и пресную воду. Бочарин помнит до сих пор, что ему недодали 200 кг картошки.

Однако топливные цистерны были заправлены под самую завязку.

А что же в это время происходило в Москве, в Главном разведывательном управлении, и почему был дан приказ кораблю срочно покинуть Порт-Саид?

«Для того чтобы следить за развитием событий на Ближнем Востоке, – вспоминал о том времени генерал Шмырев, – в начале сентября 1973 года в Средиземное море и к берегам Израиля вышел разведывательный корабль «Крым» под командованием И. Бочарина. За месяц, предшествовавший войне, кораблю удалось достаточно подробно выявить изменения в радиоэлектронной обстановке, найти новые источники, что сыграло немаловажную роль в успешном проведении похода.

Вообще мы на многих примерах убеждались в том, что только заблаговременное развертывание сил радио- и радиотехнической разведки в каком-либо кризисном районе дает положительные результаты. Надо успеть проследить радиоэлектронную обстановку мирного времени, разобраться в ней, после чего станут понятными изменения, возникающие при обострении ситуации.

Если же опоздать с развертыванием сил разведки, что в жизни не раз случалось, то хороших результатов ожидать трудно.

Вечером 5 октября 1973 года меня срочно пригласил к себе первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Лев Толоконников, замещавший находившегося в отпуске генерала армии Петра Ивашутина.

Когда я прибыл к нему, в кабинете уже находились начальник недавно организованного ближневосточного управления генерал-майор Анатолий Павлов, начальник информации генерал-лейтенант Николай Зотов.

Толоконников, только что вернувшийся от министра обороны, был заметно возбужден. Он сообщил нам, что сегодня президент Египта Анвар Садат уведомил советского посла в Каире о решении египетского руководства вернуть утраченные территории и Суэцкий канал военным путем. Лев Сергеевич довел до нас указание министра – принять необходимые меры по усилению разведки в связи с тем, что война между Египтом и Израилем может начаться в любой момент.

Корабль «Крым» находился в Порт-Саиде, где пополнял запасы. Было решено в целях безопасности немедленно вывести его в море.

На выходе из канала два израильских самолета «Фантом Ф-16» прошли над кораблем на предельно малой высоте, преодолевая сверхзвуковой барьер.

Министерство морского флота дало предупреждение о закрытии для судоходства акватории, прилегающей к Израилю, Сирии и Египту. Потому «Крым» взял курс не к обычной точке на траверзе израильского порта Хайфа, а западнее, где и лег в дрейф. На корабле были развернуты и приступили к работе все посты радио- и радиотехнической разведки.

Командование флота приняло меры для обеспечения безопасности корабля разведки. Из состава Средиземноморской эскадры был выделен морской тральщик «Дизелист», который в полной боевой готовности следовал по курсу «Крыма», постоянно находясь в пределах видимости.

Молодые офицеры службы обработки разведывательных данных, заступавшие на дежурство на 5–6 раз в месяц, были рады израильскому праздничному дню. Среди них находился и старший лейтенант Михаил Шатберашвили.

День начала войны он вспоминает так:

«Да, действительно, заступив на оперативное дежурство, я рассчитывал провести его без суеты и нервотрепки. Но уже очень скоро с мечтами о спокойном дежурстве пришлось распрощаться.

Позднее мы узнали, что накануне командир и его заместитель по разведке капитан 2-го ранга В. Попов (по возвращении с боевой службы он был удостоен ордена «Красной Звезды») неоднократно вели переговоры с Москвой, в ходе которых наши начальники из Генштаба ориентировали их на возможный перевод вооруженных сил Израиля в повышенную боевую готовность и начало боевых действий.

Капитаны 2-го ранга В. Попов и А. Титяев, начальник службы № 4, постоянно находились на посту оперативного дежурного, анализируя данные радиоперехвата и характер работы разведываемых семей сухопутных войск, ВВС и ВМФ».

После 10 часов утра корабль радиоэлектронной разведки «Крым» отметил включение средневолнового маяка обеспечения полетов авиации Израиля «Рафах», который располагался на израильско-египетской границе. Это говорило о том, что минут через 40–50 начнутся полеты израильской авиации.

Ожили в эфире и станции наведения ракет «Габриэль» класса «корабль – корабль». По данным разведпризнакам можно было сделать заключение: из Хайфы вышли в море четыре современных ракетных катера типа «Саар-4». Два из них – «Решет» и «Кешет» – были идентифицированы «слухачами» корабля радиоэлектронной разведки.

И вот, наконец, массовый подъем авиации Израиля. Первым эту стратегическую информацию принял старшина смены радиотелеграфистов главстаршина Н. Сушеница. По

возвращении из похода он будет награжден медалью «За боевые заслуги».

Информация передана на пост оперативного дежурного. Здесь ее принимает заместитель командира по разведке.

Что было дальше, вспоминает Михаил Шатберашвили:

«С кратким, но исключительной важности донесением, со всех ног бегу в каюту командира. Командир читает, перечеркивает слово «Срочное» и ставит высшую категорию срочности в Вооруженных Силах СССР – «Воздух!».

Каюта шифровальщика рядом с командирской, и через минуту шифротелеграмма отправлена адресатам.

Так жаркой осенью 1973 года началась война».

Это был пятый поход корабля в Средиземноморье. Многие офицеры, мичманы накопили немалый опыт радиоэлектронной разведки противника. Правда, выходя в море в конце августа, никто и предположить не мог, что придется работать, по сути, на войне, в ходе арабо-израильского конфликта. А поход в самую горячую точку Средиземноморья продлится пять месяцев, вместо запланированных ста суток.

В этом походе, как и прежде, кораблю «Крым» следовало принять на борт до 50 солдат срочной службы. Их направляли на судно из полков ОСНАЗ Одесского и Закавказского округа. Обычно военнослужащие прибывали в Севастополь, их там переодевали в морскую форму, и они вливались в экипаж.

В этот раз, к сожалению, все пошло не по плану. Наш МИД уведомил соответствующие турецкие органы о прохождении через Босфор гидрографического судна «Крым». Турки подтвердили разрешение на проход. А тут, как назло, погода нелетная, и солдат-осназовцев из Тбилиси доставить к назначенному часу не смогли. Корабль отвалил от севастопольской стенки без них.

Уже в море «Крым» догнала радиограмма, что солдаты следуют на другом корабле и их надо принять на борт в западной части Средиземного моря. Но дело в том, что прежде советские корабли радиоэлектронной разведки выходили в восточную часть. Американцы привыкли к этому маршруту, и вдруг «Крым» следует совсем другим курсом. Но куда и зачем? Это не на шутку взволновало американцев. На горизонте появились эсминцы ВМС США, самолеты то и дело облетали корабль. Все стихло и американцы исчезли за горизонтом, когда советский крейсер встретился с кораблем радиоэлектронной разведки и морские офицеры США в собственные бинокли увидели перелезающих на борт «Крыма» бойцов.

В свою очередь, приняв осназовцев, корабль лег на заданный курс и вскоре оказался в районе разведки.

Надо сказать сразу, что для 6-го управления ГРУ основным источником развединформации в период арабо-израильской войны являлся корабль «Крым».

Что же касается хода боевых действий, то израильские войска, занимавшие оборону по восточному берегу Суэцкого канала, не ожидали удара со стороны египтян и, таким образом, были застигнуты врасплох.

По некоторым данным, линию Барлева прикрывала тысяча израильтян, по другим – две тысячи и всего несколько десятков танков. Египтяне стянули сюда силы, значительно превосходящие войска противника.

Первые часы войны благоприятствовали египтянам: они в нескольких местах форсировали канал, сначала на десантных лодках и катерах, потом на самоходных паромов переправили боевую технику.

Песчаный вал линии Барлева попросту размыли из гидромониторов и таким образом проделали проходы. И если арабские солдаты применили этот неожиданный способ и добились успеха, то израильтяне, наоборот, не получив приказа от вышестоящего командования, не успели выпустить из резервуаров горючую жидкость и поджечь ее. Таким образом, важный

оборонительный рубеж был потерян.

В первый же день войны израильские части оказались в сложном положении. Не было привычного перевеса в технике и живой силе, превосходства в воздухе. Египтяне в этот раз навязали свои правила игры.

Южная группировка израильской армии понесла значительные потери, командующий утратил контроль над ситуацией, и его пришлось заменить другим военачальником. Во главе фронта встал известный в будущем Ариель Шарон, получивший прозвище «Бульдозер».

На третий день боев правительству пришлось признаться, что линия Барлева оставлена, а война получила название Йом-Киппур. Было сказано также, что война не будет короткой.

Египтяне назвали эту войну по-своему. У них тоже в эти дни отмечался праздник – годовщина битвы при местечке Бадр. Исход этой битвы помог пророку Мухаммеду взять святой город Мекку. Отсюда и название «Операция Бадр».

В мире же арабо-израильский конфликт получил свое наименование: «Октябрьская война 1973 года».

Итоги трех суток войны для израильтян были неутешительны. Особенно большие потери были в авиации.

Пехотные части, оказавшиеся без резервов в пустыне, под постоянным огнем воздействием противника, надеялись только на авиацию. И израильские самолеты штурмовали вражеские колонны, попадая под обстрел арабских ПВО.

Тем временем, продвинувшись вперед, египетские войска закрепились на достигнутых рубежах, перебрасывая армейские резервы.

Израильские войска пытались контратаковать, однако чаще всего их усилия были тщетны. Так контрудар израильтян по 2-й египетской армии закончился провалом. 190-я израильская бригада потерпела неудачу и была разгромлена.

На сирийском фронте события развивались не менее драматично. 6 октября после успешно проведенной артиллерийской подготовки войска перешли в наступление. Надо сказать, что оно развивалось весьма успешно. Оборона была прорвана, и сирийским дивизиям удалось продвинуться вперед на 4–7 км.

Правда, подтянув резервы, израильтяне вскоре остановили наступление сирийцев, и бои шли с переменным успехом.

Вскоре израильское командование бросило на этот северный участок фронта практически все свои резервы. И это дало результат. Уже 10 октября израильтяне вышли на линию перемирия. Более того, приняв под свое командование несколько свежих бригад, израильтяне в следующие дни продвинулись еще на 20 км.

Однако сирийские войска, перейдя к обороне, остановили противника. Не видя перспектив в действиях частей на сирийском фронте, израильское командование сняло значительную часть войск и перебросило их на юг.

Советский Союз помогал Египту поставками оружия и боевой техники. Разумеется, положение на фронте очень интересовало советское руководство. А это означало, что у корабля радиоэлектронной разведки «Крым» было много работы.

«Мой рабочий день, как начальника управления, – вспоминал генерал Шмырев, – начинался в 7 часов утра и заканчивался в 23 часа. В таком же режиме работали начальник ГРУ, начальник информации, начальник ближневосточного управления и некоторые другие генералы.

Боевые действия на Синайском полуострове начинались в 7 утра по московскому времени с подъема в воздух израильской авиации.

Этот факт моментально фиксировался кораблем, а через несколько минут донесение поступало в 6-е управление. Почти одновременно раздавался звонок от начальника ГРУ и нетерпеливый голос Петра Ивановича спрашивал: «Что там?» Я докладывал время и количество

поднятых в воздух израильских самолетов. Начинался очередной напряженный день звонков, докладов, одобрений и замечаний».

В этой войне США активно выступили в поддержку Израиля. Тяжелые военно-транспортные самолеты, образовав воздушный мост, взлетали с авиабаз в США и с промежуточной посадкой на Азорских островах достигали аэродрома Лод в Тель-Авиве. Интенсивность полетов была очень высока. Не хватало военных самолетов, привлекались гражданские машины, арендованные у авиакомпаний.

И все перелеты четко отслеживались как по военно-транспортной авиации, так и по переброскам в Израиль американских истребителей Ф-4, штурмовиков А-4 и А-7.

Разумеется, в этой работе принимал участие не только корабль «Крым». Ту же разведку перелетов военно-транспортной авиации США начинала группа «Тростник» на Кубе, а заканчивал корабль радиоэлектронной разведки в Средиземном море.

«Самая напряженная обстановка, – рассказывает Михаил Шатберашвили, – была в период активных боевых действий с 6 по 24 октября. Тут бывало всякое: израильские истребители демонстрировали воздушную атаку на корабль, и ракетные катера «Саар» подходили, включая станции наведения ракет.

Но главное ведь не внешнее воздействие. Дело в том, что ведение боевых действий – это особая фаза. Идет огромный массив информации. А информационная служба, как известно, мозг корабля. Приходилось много работать. Времени на отдых практически не оставалось. Поспишь 2–3 часа и снова на пост.

Да и Центр прессирует, постоянно требует новой информации. Говорят, что все разведанные по конфликтам докладывали Председателю Совета Министров Алексею Николаевичу Косыгину.

Как-то после очередного такого требования «давай-давай» из Центра не выдержал наш кэп Бочарин: «Знаете, разведывательный корабль это не переполненный троллейбус в Москве, чтобы туда-сюда ходил. У корабля определенный лимит и выше голова не прыгнешь».

И тем не менее, несмотря на сложности военного времени, думаю, мы со своей задачей справились.

Суточное донесение отправлялось в 20.00 по московскому времени. А еще масса донесений. Обнаружен американский транспорт, идет курсом на Хайфу. Сообщаем. Засекли пролет самолета «Фантом», преодолел звуковой барьер, удалился... Сообщаем. Всплыла подводная лодка, погрузилась, также отправляется донесение.

У меня, например, в суточном донесении был свой раздел – действия авиации. Там я писал о состоянии радиомаяков, самолетов, сколько машин поднялось в воздух, сколько перелетов осуществлено. Разумеется, резкие внезапные изменения в обстановке отражались в срочных донесениях».

Середина октября – это тот период, когда обстановка на египетско-израильском фронте изменилась в пользу Израиля.

15 октября израильская армия при поддержке авиации нанесла удар по египетским войскам. Израильтянам удалось потеснить правофланговую пехотную бригаду 2-й египетской армии и в районе станции Хамса прорваться к Большому Горькому озеру. Эти озера – Большое и Малое – занимали центральную часть Суэцкого канала. Здесь и сосредоточились разведчики передового отряда израильтян вечером 16 октября.

Отряд был сравнительно небольшой: несколько плавающих танков и бронетранспортеров, и в них – пехотинцы-разведчики. Переправившись на ту сторону, разведподразделение к удивлению не обнаружило на западном берегу египетских войск. Все резервы были брошены в бой.

Просчетами египетского командования быстро воспользовались израильтяне. Ночью на захваченный плацдарм переправили танки. Сначала их было три десятка. Потом цифра

удвоилась. Израильские войска расширили плацдарм.

Осознав всю серьезность положения, египтяне бросили на разгром подразделений израильтян две бригады. Но противник уже успел закрепиться и успешно отражал атаки.

Ночью 19 октября саперы израильтян навели через канал два моста, по которым на западный берег были срочно переброшены свежие подразделения. К утру здесь уже находилось несколько тысяч израильтян и около 200 танков. Руководил ими энергичный и смелый генерал Ариель Шарон. Его мобильные группы, прорывая оборону египтян, устремились вперед. К 22 октября израильтяне приблизились к Суэцу и почти окружили его. 3-я египетская армия оказалась в кольце.

Правда, и сама израильская группировка оказалась в весьма сложном положении. Стоило египтянам перерезать коммуникации, и на западном берегу израильтян ждала катастрофа. Однако арабы коммуникации не перерезали и решающего удара не нанесли. Более того, из Каира все чаще поступали команды: «Прекратить огонь».

В ситуацию вмешались США, и госсекретарь Киссинджер предупредил Садата, что Штаты не потерпят поражения Израила.

В столь драматической ситуации президент Египта А. Садат обратился за помощью к Советскому Союзу.

Вскоре делегации США и СССР выступили с совместной инициативой и представили проект резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении огня и перемирии на Ближнем Востоке.

Так закончилась арабо-израильская война 1973 года, самая крупная локальная война на Ближнем Востоке по численности участвовавших в ней войск, боевой техники, по количеству потерь.

Корабль «Крым» пробыл в море пять месяцев, что было значительно дольше запланированного. Большая нагрузка легла на плечи офицеров и матросов корабля. Однако «фронтной экзамен» радиоразведка выдержала с честью.

В следующем, 1974 году отличился экипаж другого корабля радиоэлектронной разведки «Кавказ» под командованием капитана 1-го ранга Л. Шульпина.

20 июня 1974 года 4-я турецкая армия начала вторжение на Кипр, что привело к разделу Кипрской республики на греческую и турецкую части. «Кавказ» в этот период уже находился в районе Кипра, команду его укомплектовали значительным количеством специалистов, владевших турецким и греческим языками. Находились тут и знатоки иврита. Так, на всякий случай. Кто знал тогда, как поведет себя Израиль в этой ситуации.

Словом, составом своих лингвистов «Кавказ» мог по праву гордиться.

Конечно, радиоразведку турецкой агрессии против Кипра вел не один наш корабль, но его вклад оказался весьма значительным.

Остается только добавить, что корабли радиоэлектронной разведки «Крым», «Кавказ», «Забайкалье» и «Приморье» прослужили более четверти века и успешно вели разведку в акваториях Атлантического и Тихого океанов в непосредственной близости от берегов США, а также обеспечивали добычу ценной информации в бассейне Средиземного моря.

Гибель «Титана»

Середина 70-х годов прошлого века характеризовалась сложной военно-политической обстановкой в мире. Противостояние между СССР и США нарастало, страны-участники НАТО наращивали свой военный потенциал, постоянно вели испытания ракетного оружия и средств противоракетной обороны, отработывали тактику нанесения ядерных ударов с надводных и подводных кораблей.

Руководство Генерального штаба Вооруженных Сил СССР трезво оценивало сложившуюся ситуацию и понимало: для обеспечения безопасности страны требуется большее количество сил и средств радиоэлектронной разведки морского базирования. То есть нужны были новые разведывательные корабли, оснащенные самыми совершенными техническими средствами.

Эту мысль министр обороны донес до членов Политбюро ЦК КПСС. Состоялось решение высшего партийного органа страны, а в 1976 году и постановление Правительства СССР, которым предусматривалось строительство самого большого в мире разведывательного корабля-атомохода проекта «Титан».

Главным вдохновителем и организатором создания такого поистине уникального корабля-гиганта стал начальник направления разведки ракетного и космического оружия, а потом и замначальника 6-го управления генерал-майор Владимир Роговой.

К этой важной тематике Владимир Петрович пристрастился еще будучи начальником группы «Тростник» на Кубе. Он стал настоящим профессионалом в этом вопросе, хорошо изучил все тонкости проблемы, обладал несомненным инженерным талантом. Руководство управления всячески поддерживало смелые инициативы Рогового, Научно-исследовательский институт Военно-морского флота разработал более полутора десятков вариантов компоновки корабля и представил их на рассмотрение Главных управлений кораблестроения ВМФ и разведки Генштаба.

После долгих обсуждений был выбран вариант корабля с атомной силовой установкой, которая обеспечивала по сути неограниченную автономность плавания и огромную энергетику, необходимую для работы разведывательного комплекса, в состав которого входил уникальный корабельный локалатор.

Сам радиолокатор обладал колоссальной мощностью, фазированной многофункциональной решеткой, способной отслеживать одновременно движение большого числа компонентов сложной баллистической цели.

Кроме локалатора на корабле планировалось установить комплексы радио-, радиотехнической и оптико-электронной разведки. Все они управлялись из единого центра обработки и анализа данных.

Корабль «Титан» строился с большим трудом – около 10 лет на Балтийском судостроительном заводе им. С. Орджоникидзе в Ленинграде. В его возведении принимало участие около 300 научных и производственных предприятий, входящих в состав 15 министерств.

Самым сложным, как и ожидалось, оказалось создание радиолокатора. Его мощность обеспечивала дальность наблюдения до 700 км. Можно с уверенностью сказать, таких корабельных локалаторов тогда не существовало не только в нашей стране, но и в мире.

Несмотря на все трудности, на корабле, получившем наименование «Урал», в январе 1989 года подняли военно-морской флаг. Он был принят в состав флота и совершил переход к месту своего базирования в бухту Абрек под Владивостоком. Первым командиром атомохода стал капитан 1-го ранга Илья Кешков.

Военная разведка возлагала на этот уникальный корабль большие надежды. Однако

старания организаторов строительства и проведения испытаний обеспечить его боевое использование ни к чему не привели, «Урал» оказался невостребованным.

Генерал-майор Юрий Крестовский вспоминает характерный случай, произошедший на одном из высоких совещаний в Министерстве обороны в те годы.

«Все, кто принимал участие в создании «Урала», не могли понять причину такого безразличного отношения к кораблю, на создание которого был потрачен не один десяток миллионов рублей.

Будучи уже начальником оперативно-технического управления ГРУ, мне довелось участвовать в совещании, которое проводил начальник Генштаба генерал армии Михаил Моисеев. Оно было посвящено рассмотрению проекта очередного пятилетнего плана по государственным заказам техники.

На совещании присутствовали главкомы видов Вооруженных сил, родов войск.

Открывая совещание, генерал Моисеев обратился к Главкому военно-морского флота адмиралу Чернавину:

– Хотелось бы знать, кто является хозяином корабля под названием «Урал».

Чернавин отвечает, что строило корабль Главное разведуправление Генштаба.

Тогда генерал Моисеев спрашивает начальника ГРУ Михайлова. Тот говорит, что, когда строился корабль, его в ГРУ не было.

Повисает пауза, и в следующую минуту звучит замечание генерала армии Моисеева о том, что его в тот период в Генштабе тоже не было.

На этом обсуждение судьбы «Урала» завершилось. Перешли к рассмотрению повестки дня.

Разумеется, на совещании были офицеры, которые могли профессионально и компетентно ответить на все вопросы, касающиеся корабля «Урал», но это уже никого не интересовало».

И, тем не менее, как мы уже сказали, флаг на «Урале» был поднят в начале 1989 года, а спущен в сентябре 2008-го. До своего 20-летия уникальный корабль не дожил всего три месяца. Но как он «жил» все эти годы? Чтобы ответить на столь не простой вопрос, мы попросили нашего коллегу во Владивостоке военного журналиста Виктора Щербину разыскать тех, кто в разные годы служил на корабле. Вот что рассказали ему офицеры, чья жизнь и служба была связаны с «Уралом».

Капитан 2-го ранга запаса Вячеслав Глушак. На корабле с 1993 по 1997 г.

– Мы служили на корабле, опередившем свое время. Он являлся самым удивительным и уникальным не только в Военно-морском флоте СССР, но и в мире. Задумка была грандиозная, воплотить ее в жизнь могла только советская система военной науки и промышленности. Огромный, трехмачтовый атомный корабль-разведчик. 1000 человек – экипаж. Если бы СССР потянул еще два таких гиганта, то системой глобального слежения можно было бы охватить всю планету.

Когда девчонки спрашивали на танцуйках наших матросов: «Где служите?», те отвечали: «На «Урале»». И с гордостью добавляли: «Наш «Урал» может американские ракеты разворачивать и обратно в Америку посылать!»

Представьте себе, огромная ЭВМ через весь поперечник корабля! Анализируя разведанные, она с определенной вероятностью выдавала прогноз: из какой точки, во сколько будет нанесен удар, каким оружием и по каким объектам. Вот так.

Даже бытовые условия были уникальны для боевого корабля. Сауна, русская парная, бассейн, в котором можно устраивать заплывы, спортзал для игры в баскетбол и мини-футбол, бильярдная, 2 салона игровых автоматов, телецентр.

Теперь о людях. Я служил под началом капитана 1-го ранга Михаила Тагана-Барановского. Очень противоречивая личность, но личность! Он был достойным преемником

первого командира «Урала» капитана 1-го ранга Ильи Кешкова, которого экипаж называл папой. К сожалению, я его не застал! Говорят, был блестящий морской офицер.

Однако в условиях безвременья, в которых оказался «Урал», придя в «Техас» (так на флоте называют поселок Тихоокеанский, а ныне – город Фокино), понадобились более жесткие командирские приемы. На моих глазах Таган-Барановский рвал и давил «уральцев», как тузик грелку. И люди зашевелились, подтянулись. Если бы в 1993-м страна чуть-чуть дала средств на завершение проекта, уверен, наш корабль стал бы гордостью ВМФ и отечественной военной науки и был бы в строю до сих пор. Возможно, что сегодня всю ЭВМ «Урала» заменит какой-нибудь японский чемодан, но в 80-х – 90-х это были уникальные комплексы... Кстати, в «Техасе» сразу построили многоэтажку для специалистов из Питера, которые должны были довести корабль до ума, но начались лихие 90-е, и стало не до этого!

Корабль был головной болью для эскадры, мне кажется, что в ту пору комэски его тихо ненавидели. Как-то в 1995-м к нам приехала правительственная комиссия решать дальнейшую судьбу корабля! Они просто обалдели от наших масштабов, одних офицерских кают 4 палубы! Уже не помню фамилию молодого политика, который в ту пору что-то решал, но мысль его запомнил: «Давайте заведем «Урал» и поставим в линию на Малайзию. Будем возить мешочников, он за год себя окупит, и еще на ремонт заработает!» Согласитесь, мысль в стиле лихих 90-х. Почему-то не срослось. Потом долго витала идея сделать из корабля плавучую атомную электростанцию для Приморья, когда начались перебои в подаче электроэнергии.

Конечно, были у нас проблемы, с которыми экипажи других кораблей не сталкивались. Многие выпускники сухопутных военных училищ, обслуживающие специальные комплексы, как к нарушению свободы личности относились к ограничениям схода на берег, и не видели для себя перспектив в службе на корабле. Я по-своему пытался поддерживать нормальную атмосферу в коллективе, даже Якубовичу на «Поле чудес» писал. Леонид Аркадьевич на всю страну заявил, что берет над «Уралом» шефство, правда, его телевизоры и футбольные мячи так до корабля и не дошли. Наверное, в Москве оказались нужнее. Еще немного о людях. Из тех, на ком держался корабль – офицеры Сергей Бакунец, Анатолий Моисеенко, Игорь Садов, Сергей Гейне, Николай Ермилов, Сергей Савченко, Сергей Шкурупий, Василий Кваско. Такими людьми страна должна гордиться.

Капитан 2-го ранга запаса Геннадий Ивасько. Службу на «Урале» проходил с августа 1991 года по август 1998 года. Командир дивизиона радиотехнической разведки.

– БАРЗК «Урал» был действительно уникальным кораблем разведки. Но вся его беда, по моему глубокому убеждению, в том, что был построен не в то время и не в той стране. Любая другая страна такой корабль расположила бы заботливо у стенки, обеспечила всем необходимым, отправила в море и держала бы его там годами. Большинство офицеров и мичманов мечтали выйти в море на «Урале».

Я пришел на корабль в 1991 году лейтенантом. Но еще на 5-м курсе военно-морского училища проходил стажировку на «Урале». Перед выпуском из Калининградского ВВМУ командование факультета провело опрос курсантов-выпускников. Я честно признался, что хочу после выпуска попасть на ТОФ, именно на «Урал». Недавно в Интернете прочитал какую-то статью про флот. Коснувшись судьбы моего корабля, автор высказал гнусное мнение, мол, на «Урал» ссылали офицеров-неудачников. Категорически не согласен.

Мой первый наставник капитан-лейтенант Андрей Побегайлов – образцовый корабельный офицер. Всегда спокойный, выдержанный. Толково все объяснит, покажет. Если надо, повторит дважды, трижды. Компанию поддержит, но без фанатизма.

Мой непосредственный командир Юрий Чиликов имел широчайший кругозор и обладал энциклопедическими знаниями, за 7 лет совместной службы никогда не повысил голос. Чем злее он становился, тем тише говорил. Иногда даже приходилось ему говорить: «Юра, не шепчи!»

Большой удачей в своей жизни считаю встречу с капитаном 3-го ранга Вячеславом Глушаком. В дальнейшем он стал нашим заместителем и моим другом. Заместителем командира с большой буквы. Умел не только «сжать экипаж» в один кулак для решения поставленной задачи, но и настроение людям поднимал. Писал песни, рисовал, отличный собеседник и душа любой компании.

Как можно назвать неудачником хирурга от Бога старшего лейтенанта медицинской службы Мовсеса Габриеляна? А командир БЧ-5 капитан 3-го ранга Сергей Сенькин при мне учил правилам борьбы за живучесть штабного адмирала. Умница механик!

И матросы у нас служили хорошие, ответственные. Из подчиненных особо хочется отметить старшего матроса Андрея Янкаева, последнего из служивших 3 года, уволившегося в 1992 году. Родом Янкаев из Узбекистана, Гулистанская область. До службы у него дома не было ни радио, ни магнитофона. По его словам, он телевизор видел только у соседей.

За время службы Андрей с помощью офицеров стал высококлассным радиометристом. Перед увольнением в запас собрал своими руками портативный магнитофон. Вот что среда технарей делает с человеком, казалось бы, далеким от техники. А еще это говорит об отношении к военной службе матросов и пользе военной службы для молодых людей.

Это уже после того, как корабль разграбили, махнули на него рукой, после того, как поставили к пирсу умирать – сюда стали списывать «самых лучших» на флоте моряков. Сейчас, находясь в запасе, я нисколько не жалею, что попал служить на «Урал». Я был частью этого уникального корабля. Да, обидно, что не удалось выйти на нем в море. Обидно, что корабль умер. Но я получил огромный жизненный опыт. В жизни бывают разные ситуации. Но в моей памяти об «Урале» сохранилось только хорошее.

Капитан 2-го ранга запаса Александр Палий. Заместитель командира по воспитательной работе БАРЗК «Урал» с 1998 по 2008 г.

– На момент перехода корабля «Урал» с Балтики на Тихоокеанский флот в районе Красного моря был обнаружен запуск баллистической ракеты американцев. В течение пяти минут об этом доложили на КП флота, за что получили благодарность Михаила Горбачева.

Корабль сам по себе уникален вот почему. Во-первых, большой экипаж, только офицеров триста человек, почти столько же мичманов и от шестисот до восьмисот человек личного состава.

Во-вторых, это корабль практически неограниченной автономности. В силу того, что на нем стоит атомный реактор, он может ходить где угодно и сколько угодно, единственное – пополнение запасов продовольствия. Вода своя, на основе реактора работают опреснители. Есть как холодная, так и горячая вода. Созданы прекрасные условия для личного состава.

Центр управления почти такой же, как центр управления космическими полетами.

Почему он остался единственным – наверное, был построен не в то время – перед развалом Советского Союза. Корабль создали, но не создали инфраструктуру. Как у американцев: вернулся корабль из похода, стал к стенке, отключился, перешел на береговое питание. Так же должен был делать и «Урал», и наши выработавшиеся на рейдах авианосцы.

Второе, «Урал» перебрасывали из одного управления в другое. А ведь по предназначению он должен был замыкаться на разведку флота. Но его передали эскадре, затем дивизии. То есть никто не был готов эксплуатировать корабль по полной программе. Кроме того, на «Урале» нужен был, как на подводных лодках, сменный экипаж. А где найти столько офицеров и мичманов? Заметьте, когда они пришли на ТОФ, было процентов 30 «зеленых» офицеров (я имею в виду сухопутных). Видимо, поэтому каждый год «Уралу» планировали, обещали походы, а в итоге случилось то, что случилось.

Потом, когда конкретно встал вопрос – что с ним делать дальше, – были предложения, начиная от плавучей атомной электростанции для Приморья до неподвижного узла разведки. Но для этого опять же, нужно было восстановить механику, запустить реактор, практически на 50–

60 процентов восстановить корабль. «Минатом» репу чесал-чесал по поводу плавучей электростанции, но так ничего и не решил, потому что надо было вкладывать деньги, а денег на тот момент... Хорошо, что хоть выжили. И постепенно-постепенно мы пришли к тому, что экипажа на корабле уже нет, корабль стоит в заводе.

По моему мнению, молодой специалист должен приходить служить на боевой корабль. Учитывая тот факт, что ныне в период обучения в училище курсанты в море практически не ходят, что им дадут две недели практики на корабле? Командир посмотрел – толку от них... Лейтенант ничего не знает, кроме теории. По моему разумению, лейтенант, сразу попав на боевой корабль, должен пойти в море, все увидеть и пощупать своими руками. А сейчас что он может? Специальностью своей не занимается, в общем, гибнет как офицер. Но каждый год нам продолжают лейтенантов присылать, в то время как исчерпавшие свой ресурс корабли ржавеют у причальных стенок. Ну а что касается места, которое в моей судьбе занимает «Урал», – так десять отданных ему лет не могли пройти бесследно. Я очень люблю свой корабль и, как и большинство моих коллег, глубоко опечален его судьбой.

Капитан 1-го ранга Сергей Бакунец. Последний командир большого атомного разведывательного корабля «Урал». В 1994 году он принял должность командира артиллерийской батареи, а 27 сентября 2008 года спустил Андреевский флаг на родном корабле.

– Вся моя служба прошла на большом атомном разведывательном корабле «Урал». От командира артиллерийской батареи до командира корабля. Хотел бы я пройти этот путь еще раз, так же, если бы была возможность? Скорее да, чем нет. И о службе на этом корабле не жалею. А еще, очень хотелось бы выйти на нем в море. Мне известно много мнений и высказываний о корабле, его судьбе и экипаже. Далеко не со всеми согласен. Например, я не считаю судьбу корабля драматичной. Скорее, она была тяжелой, трудной. В неудачное время он был создан. ВМФ СССР в годы постройки БАРЗК «Урал» интенсивно развивался, поступали новые образцы вооружения и военной техники. Флот был океанским, выполнял задачи во всех уголках мирового океана. А для этого флоту, и не только ему, необходима полная, достоверная, оперативная и своевременная информация. Корабль такие задачи решать мог в любой точке мирового океана. Ведь с этой целью и создавался.

Уникальность корабля была в его оснащении, например, в совершеннейшем радиолокационном комплексе, создание которого явилось воплощением самых передовых идей военно-технической мысли того времени, в выдающемся электронно-вычислительном комплексе. И, просто, «Урал» был первым и единственным.

Наш родной корабль, к сожалению, стал кораблем одного похода. Я уже говорил, что в неудачное время довелось ему входить в состав ВМФ. Политические потрясения начала 90-х годов прошлого столетия сыграли отрицательную роль в его судьбе. Сокращение финансирования флота и в целом вооруженных сил страны повлияло на распределение денежных средств. Они направлялись на решение, как считалось тогда, других более важных задач. И «Урал» с его «уникальностью» стал не нужен.

Все попытки командования флота, объединения, соединения и корабля доказать обратное, к сожалению, не увенчались успехом. Знаете, корабль не был «тяжело больным». Кораблю и Экипажу (с большой буквы) жилось трудно. Были годы, когда на его содержание вообще не выделялось никаких средств. Я не имею в виду денежное довольствие офицеров и мичманов, которое иногда не выплачивали по полгода. Но люди честно делали свое дело несмотря ни на что. Экипаж содержал огромный корабль, обеспечивал его живучесть, ядерную и радиационную безопасность. И делал это, не имея даже самого необходимого количества материальных и технических средств.

Корабль в последние годы держался на самоотверженном, добросовестном труде людей, их инициативе, изобретательности. Очень много достойных офицеров, мичманов, старшин и матросов служило на корабле. Их большинство. На их честном труде держался корабль. Но

труднее всего было механикам. Им моя особая благодарность. Не считаю, что к экипажу БАРЗК «Урал» было какое-то иное отношение, чем к другим. Поэтому обеспечение жильем «уральцев» было не лучше и не хуже, чем у других тихоокеанцев. Правда, есть в городе Фокино целый многоквартирный 9-этажный дом, который был построен для экипажа корабля, и называют его «уральским». Но всех его квартир едва ли хватило для трети наших офицеров и мичманов. Имея или не имея жилье, служили на «Урале» офицеры и мичманы честно. Изю дня в день добросовестно «тянули ляжку». И никакая «аварийная» ситуация не могла заставить их уклониться от выполнения своего долга. Это не красное словцо. Это правда. Это то, чего очень многие не замечали или делали вид, что не замечают, считая труд «уральцев» и не трудом вовсе, а времяпрепровождением. Потому и не было, и не возникло, и не могло возникнуть на нашем корабле никакой чрезвычайной ситуации. Экипаж делал все, что мог, даже больше. Особенно в последние годы.

Каким было настроение людей? Большинство моих офицеров и мичманов, старшин и матросов хотели пойти в море. Особенно желали это молодые офицеры. Конечно, мы понимали, что кораблю уже не оторваться от причала. Но уныния не было. Флот живет. И все, кто хотел продолжать службу на кораблях, продолжают ее сейчас в других экипажах. И мне не стыдно за моих людей. Не стыдно за то, как они служили на «Урале».

Чтобы корабли жили, они должны ходить в море и для них должна быть создана система базирования. Для БАРЗК «Урал», как и для «Минска» и «Новороссийска», планировалось создание береговой инфраструктуры. Но события начала 90-х не позволили это сделать. В завершение скажу, что другого корабля в моей судьбе и службе не было. Не довелось пойти в море... К сожалению, пришлось совершить на корабле последний «поход», не самый славный, но не постыдный.

Что добавить к словам офицеров-«уральцев»? Собственно, и добавлять нечего. Они сказали все.

На Западном направлении

Середина 70-х годов в истории радиоэлектронной разведки ознаменована важным событием – объединением радио- и радиотехнической служб. Собственно, со времени создания радиотехнической разведки многие специалисты высказывали мнение о единстве этих двух очень близких направлений. И действительно, в начале 50-х годов такое объединение произошло, но уже с 1955 года в ГРУ вновь возобладало желание их разделить. Так и было сделано.

Но время, как известно, не стоит на месте. С годами менялась радиоэлектронная обстановка, источники, методы добывания развединформации. Анализ показывал, что лучших результатов добивались подразделения, где сливались воедино методы и средства радио- и радиотехнической разведки. Примером тому могли служить экспедиция «Горизонт» и группа «Тростник», корабли «Крым», «Кавказ», «Забайкалье», «Приморье».

С годами сильно изменился и офицерский состав в радиоэлектронной разведке, увеличилось количество грамотных высокопрофессиональных инженеров. Они зачастую отслеживали все источники, не задумываясь, относятся ли они к источникам радио- или радиотехнической разведки. Да и сами эти понятия стали трудноразделимы, особенно при разведке автоматизированных систем управления.

Опыт некоторых учений также говорил о необходимости объединения.

Однако подобная ломка дело не простое. Понимал это и руководивший в ту пору 6-м управлением ГРУ генерал-лейтенант Петр Шмырев.

«Лично я, – говорил Шмырев, – был полностью убежден в необходимости организационного слияния полков радио- и радиотехнической разведки в единое соединение, но не старался форсировать события. И тому было много причин.

Структура 6-го управления сама предопределяла разделение службы на радиоразведку и радиотехническую разведку. Значит, эту структуру надо было менять, что, естественно, затрагивало интересы начальников направлений, которые предпочитали в вопросах объединения сохранять вежливый нейтралитет.

Командиры полков тоже не рвались в бой, понимая, что кто-то из них будет командовать бригадой, а кто-то останется не удел или, в лучшем случае, займет должность заместителя.

Не выражал особого энтузиазма и начальник ГРУ, которому я не раз докладывал соображения по объединению радио- и радиотехнической разведки. Он видел в этом ряд преимуществ, особенно в плане управляемости силами радио- и радиотехнической разведки фронта, но, будучи человеком осмотрительным, не спешил ломать то, что сегодня надежно работало, в угоду чему-то лучшему, но чего еще нет.

И как часто бывает, для решения вопроса потребовался случай, который представился в 1975 году».

Что же это за случай? Да, собственно, ничего особенного – зимой 1975 года в ГСВГ проходила обычная комплексная проверка. Возглавлял ее сам генерал Петр Ивашутин. Побывав в полках ОСНАЗ, которые дислоцировались в Гере и Торгау, и особенно на передовых позициях, на горах Броккен и Шнеекопф, начальник ГРУ убедился, что полки радиоразведки и радиотехнической разведки используют в значительной мере одни и те же разведисточки, наблюдают за общими объектами противника, а значит, и проблемы и заботы у них очень схожи. Возникал естественный вопрос: не лучше ли эти проблемы решать в рамках единого соединения?

Здесь же начальнику военной разведки были представлены расчеты, доказывающие необходимость объединения полков в бригаду.

Идею создания такой бригады поддержал и Главнокомандующий ГСВГ генерал армии Е. Ивановский, определив место дислокации в Торгау.

Директива министра обороны о создании радиотехнической бригады ОСНАЗ вышла 1 декабря 1975 года, а через два месяца соединение уже было сформировано.

Следом за ГСВГ радиотехнические бригады создавались во всех военных округах. В армиях также вместо двух батальонов были сформированы армейские радиотехнические полки ОСНАЗ.

Создание бригад ОСНАЗ в округах, оснащение их новой техникой – самолетами радиотехнической разведки, станциями различных модификаций, вычислительной техникой формировало систему радиоэлектронной разведки, нацеленную на решение сложнейших задач.

Следует сказать, что западное направление для радио- и радиотехнической разведки в те годы оставалось ведущим. А поскольку основные источники получения сведений использовали УКВ и СВЧ диапазоны, доступ к которым обеспечивался с передовых позиций на горах Броккен и Шнеекопф, было ясно, что этих позиций недостаточно.

Наши вероятные противники уже в начале 70-х годов в непосредственной близости от границ с ГДР в зонах оккупации США, Англии и Франции создали 8 специальных высотных технических сооружений и вели радиоэлектронную разведку ГСВГ. С этих башен просматривалась практически вся территория ГДР, до польской границы.

Руководство военной разведки осознавало, что создание подобных разведцентров на территории ГДР значительно расширит наши возможности за счет доступа к новым источникам получения информации как в ближней зоне УКВ диапазоне, так и в СВЧ диапазоне за счет обеспечения радиоперехвата каналов военных радиорелейных и тропосферных магистральных правительственных линий связи.

Построить такие дорогостоящие объекты своими силами Главное разведуправление не могло, а получить «добро» руководства Минобороны, а потом и Правительства было непросто.

Опять помог счастливый случай. В одной из поездок по частям ГСВГ министр обороны маршал Советского Союза Дмитрий Устинов рассматривал проблемы раннего предупреждения о внезапном нападении.

Начальник ГРУ генерал Петр Ивашутин, докладывая о положении дел, обратил внимание министра на построенные вдоль границы с ГДР странами-участниками НАТО разведывательные башни радиоэлектронной разведки.

Надо отдать должное: маршал Устинов всегда быстро и жестко отвечал на действия США и их союзников. Он-то и принял решение построить в приграничных районах ГДР две башни с радиотехническим оборудованием.

Вскоре вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров о строительстве этих стационарных разведцентров. Расположить 40-метровые вышки было решено в Дисдорфе и Эйгенридене.

Техническое задание разработало 6-е управление совместно с оперативно-техническим управлением ГРУ. Им же поручили монтаж и настройку специальной техники. Проектирование и строительство возлагалось на 9-е управление Генштаба, ведавшее строительством и эксплуатацией защищенных пунктов управления.

«Начальник ГРУ Петр Ивашутин, – вспоминал генерал Шмырев, – полагал, что мы ограничимся какими-то временными сооружениями, строительство которых не потребует больших капиталовложений. Мы же, наоборот, получив впервые возможность построить в ГДР капитальные разведывательные объекты, развернулись, что называется, во всю мощь. Да и 9-е управление Генштаба не привыкло мелочиться и делало все основательно.

Строительством башен в 6-м управлении активно занимались заместитель начальника управления генерал-майор А. Рябов и главный инженер полковник Ю. Крестовский».

В процессе проектирования и строительства этих центров возникало множество непредвиденных и весьма сложных проблем. Да и в ГСВГ не все с пониманием отнеслись к инициативе ГРУ. Ведь на многих больших и малых начальников в группе войск в Германии это масштабное строительство накладывало дополнительные хлопоты, заботы, обязательства.

Одним из первых, кто столкнулся в ГСВГ со столь «теплым приемом», и был полковник Юрий Крестовский.

«Вместе с начальником разведки группы войск, – вспоминает Юрий Вениаминович, – мы пришли к начальнику штаба ГСВГ генерал-полковнику Гринкевичу. Однако у того было совсем иное настроение: мол, вам нужно, вы и делайте.

Пришлось напомнить генерал-полковнику, что это наше общее дело, и в первую очередь службу в разведцентрах будут нести офицеры группы.

На что начштаба в сердцах ответил, якобы у них для разведки и так объектов хватает. А Крестовскому пригрозил: «Я вас сейчас вышлю назад»».

Угроз Юрий Вениаминович не испугался, ответил только, что выполняет задание командования.

Проект, который был утвержден, значительно отличался от типовых проектов, а это означало, что его следовало согласовать во многих инстанциях.

Так, на заключительном этапе пришлось полковнику Крестовскому побывать на согласовании в управлении строительной безопасности Генштаба. Специалисты этого управления во всем разобрались и заявили: ваши объекты в случае пожара сгорят за 6–8 минут, и никто из персонала на вышках не спасется, так как лифты будут заблокированы. Выход предлагался единственный – все лифтовые кабели должны находиться в жидком азоте, разумеется, с соответствующей техникой контроля и автоматического резервирования.

Вот так требование! Ведь процедура помещения кабелей в жидкий азот очень

дорогостоящая, а выделенный лимит на строительство центров уже исчерпан.

Доложили генералу Шмыреву. Тот сумел убедить начальника ГРУ выделить дополнительные средства.

Забегая вперед, следует сказать, что деньги были потрачены не впустую. За время существования центров не произошло ни одного сбоя в работе лифтов.

Возникали большие проблемы и с обеспечением связью строящихся центров радиоразведки. Генералу Рябову и полковнику Крестовскому пришлось побывать у начальника войск связи маршала Белова, чтобы согласовать схемы связи.

Маршал принял разведчиков и, рассмотрев их разработки, к большому удивлению офицеров-связистов, присутствующих на совещании, предложил свой вариант связи с использованием новейшей, весьма дефицитной в ту пору аппаратуры, которую он пообещал выделить из фондов.

Возведение центров радиоэлектронной разведки в Дисдорфе и Эйгенридене сулили большие перспективы.

«Поскольку длительное время в своей практике мне пришлось заниматься анализом сигналов, – рассказал генерал Юрий Крестовский, – я не мог удержаться и в свободное время, в основном ночью, находясь на вышке, следил за сигналами, которые были доступны в каналах радиорелейных и тропосферных линий связи.

В последующем, в ходе работы был найден путь к новым источникам и, в частности, к системе ядерного складирования вооруженных сил США в Европе».

Итак, за три года в приграничной зоне ГДР, на севере – в районе Дисдорфа и на юге – в районе Эйгенридена были возведены два центра, основным техническим сооружением которых являлись 40-метровые вышки с установленной на них радиоэлектронной аппаратурой разведки.

Эта аппаратура размещалась на трех этажах и перекрывала широкий диапазон волн. Кроме вышек, городки включали жилые и служебные помещения, подъездные дороги, средства связи, электрическое и водоснабжение.

В 1982 году на базе армейских радиобатальонов в ГСВГ были развернуты два радиотехнических полка ОСНАЗ. Построенные башни передали этим полкам на эксплуатацию.

Создание этих центров разведки, как показала жизнь, оказалось правильным и весьма эффективным. Включение их в первый эшелон системы раннего оповещения совместно с передовыми позициями Броккен, Шнеекопф, Ремхильд было оправдано и обеспечило надежное слежение за радиоэлектронной обстановкой на берлинском и ганноверском направлениях.

Опаленный Вьетнам

Еще в 1959 году на одном из совещаний руководитель Китая Мао Цзэдун сказал: «Мы должны покорить мир, это наша цель. Мы должны любыми средствами захватить Юго-Восточную Азию, в том числе Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. Этот район богат сырьем, которое себя с лихвой окупит...»

В конце 60-х годов плоды этой политики на себе ощутил Советский Союз – события на о. Даманский, на Дальнем Востоке и в районе населенного пункта Жаланашколь, что в Казахстане. Через 10 лет после них Китай развязал войну с Вьетнамом.

Готовясь к этой войне, Пекин делал ставку на свою «пятую колонну» – хуацяо, китайцев-эмигрантов, которых в регионе насчитывалось несколько миллионов. С их помощью китайские власти стремились создавать экономические сложности для Вьетнама. В мае 1978 года правительство КНР приняло решение отменить поставки оборудования для республики Вьетнам. Ограничивались транзитные перевозки для СРВ из Европы через территорию Китая.

В июне того же года Китай закрыл вьетнамские генеральные консульства в городах Хангжоу, Наньнин, Куньмин и выслал их сотрудников из страны.

Усилилась напряженность на китайско-вьетнамской границе.

Советский журналист, востоковед Михаил Ильинский, многие годы проработавший корреспондентом «Известий» в Индокитае, в своей книге «Вьетнамский синдром. Война разведок» приводит выписки из своего блокнота. Они ярко характеризуют предвоенную обстановку того времени.

«Вторник. 24 октября 1978 года.

В пограничных районах провинции Хоанглиеншон китайские отряды совершили разведывательные рейды вглубь вьетнамской территории, похитили 6 вьетнамских граждан.

Четверг. 21 декабря. Китайские власти в одностороннем порядке прекратили перевозки пассажиров и грузов на международной железнодорожной линии, связывающей Вьетнам и Китай.

Четверг. 28 декабря. Во время вооруженного налета на деревню Лунгной провинции Каобанг убит вьетнамский пограничник...

Воскресенье. 31 декабря. Журналисты и дипломаты, собравшиеся для встречи Нового года в ханойском ресторане «Бохо» на берегу озера Возвращенного Меча, считали, что война неизбежна. Расхождения были лишь в вопросе о сроках начала китайского вторжения... Называлась возможная дата: середина февраля 1979 года. Точнее 15–19 февраля.

Понедельник. 8 января 1979 года. В три часа утра китайская моторная баржа водоизмещением в 40 тонн углубилась в территориальные воды Вьетнама в районе острова Чако уезда Монгкай. Вьетнамские пограничники потребовали от китайцев немедленно покинуть территориальные воды СРВ. В ответ раздались выстрелы. В 11 часов к барже присоединились два китайских военных корабля. Не напоминали ли эти действия тонкинскую операцию ЦРУ? Да, но в меньшем масштабе.

Суббота. 13 января. В пять часов утра китайские налетчики вторглись на 500 метров на территорию уезда Монгкай. Убит один рабочий, двое тяжело ранены.

Воскресенье. 28 января. Обнаружено скопление китайских военных в районе Монгкай, в провинции Куангнинь. Они разбросали тысячи листовок. Провокаторы бросили несколько гранат.

Понедельник. 29 января. Более 150 китайских солдат вторглись на территорию СРВ в районе ворот «Хыунги», в провинции Лангшон. В 10 часов 30 минут налетчики открыли минометный и автоматный огонь. Несколько вьетнамских бойцов ранено.

Вторник. 30 января. Во время Тэта – традиционного Нового года по лунному календарю, отмечавшегося как в Китае, так и во Вьетнаме, пекинские провокаторы не прекратили вооруженные вторжения, обстреливали вьетнамское население вдоль всей протяженности границы.

Воскресенье. 4 февраля. В 5 часов 30 минут провокационному налету подверглись пограничные районы провинции Лангшон. Под прикрытием оружейно-пулеметного огня более 200 китайских солдат углубились на несколько сот метров на вьетнамскую территорию в секторе Шосау.

Вторник. 6 февраля. Китайские подразделения численностью до роты атаковали пограничный пункт, на котором находилось 13 вьетнамских солдат. Трое солдат убиты, шестеро ранены и четверо вывезены в Китай. Пограничный пункт разрушен».

Таковы были события в предвоенные недели. Разумеется, не только журналисты и дипломаты прогнозировали начало войны. Это осознавали и разведчики.

Еще летом 1978 года во Вьетнаме побывала советская военная делегация. Ее возглавлял заместитель министра обороны маршал Сергей Соколов. В состав делегации входил и начальник управления ГРУ генерал Ткаченко. Было решено, что вьетнамцы до конца года

развернут два радиобатальона ОСНАЗ, которые встанут на прикрытие восточной и западной части вьетнамо-китайской границы. Для них Советский Союз обещал поставить технику радиоразведки. Пообещали мы оснастить техническими средствами и радиополк Генерального штаба вьетнамской армии. Должны были приехать туда и наши специалисты для обучения местных радиоразведчиков.

В конце января 1979 года в Ханой вылетело трое сотрудников ГРУ: начальник 6-го управления генерал-лейтенант Петр Шмырев, его подчиненный, начальник направления оперативной разведки полковник Винике и полковник Ковалев из оперативно-технического управления.

Их по-братски встретили коллеги-вьетнамцы – начальник разведки армии генерал-майор Фан Бинь, его заместитель полковник Ле Куант Ву. Они были опытными разведчиками, не один год действовавшими в тылу американских войск. Потому и работа с первых дней пошла активно.

К радости Шмырева и его коллег, учить вьетнамцев азам радиоразведки не пришлось. Они имели хорошие навыки и опыт, приобретенные еще во время войны с американцами. Радисты разбирались в технике, были обучены приему на слух, офицеры владели мастерством обработки разведданных. Вот только китайский язык, как ни странно, знали плохо.

Стало быть, следовало научить вьетнамцев главному – как вести разведку по сути нового для них объекта – вооруженных сил Китая.

По совету наших специалистов вьетнамцы выделили часть сил радиополку, который располагался под Ханоем. Этот полк теперь сосредоточил все свои усилия на разведке Китая. Радиоразведка Таиланда, Индонезии, Японии была возложена на радиобатальон, развернутый в Хошимине.

В помощь руководящей тройке из Москвы во Вьетнам прилетели лучшие специалисты-дальневосточники, те, кто прежде служил в Монголии на экспедиции «Горизонт», в частях радиоразведки округа.

«Такие оперативники, – вспоминает генерал Шмырев, – как В. Попов и подъехавший несколько позднее В. Степанюк, буквально открывали вьетнамцам глаза на особенности и разведывательные признаки китайской военной и почтово-телеграфной связи, помогали делать важные оперативные выводы.

Особенно следует отметить В. Попова, нашего специалиста по Китаю номер один, на которого вьетнамцы были готовы буквально молиться. Большую помощь в добывании сведений оказали офицеры, работавшие непосредственно на разведывательных постах. Об этих людях – моих непосредственных помощниках в этот период времени – хотелось сказать особо. Меня всегда удивляла настойчивость и изобретательность А. Цуканова в достижении цели, в преодолении, казалось бы, неразрешимых трудностей, диктуемых местными условиями.

... Я помню майора П. Шпака, который, прекрасно ориентируясь в эфире, сидя сам за приемником, находил китайскую радиосеть, давал ее послушать вьетнамским радиоразведчикам, пояснял, что означает каждая переданная фраза. Люди его понимали без переводчика.

И так поступали все наши специалисты».

Мне удалось найти радиоразведчика-ветерана, одного из тех, кто был во Вьетнаме в период войны и после нее, полковника в отставке Владимира Шугаева.

Генерал Петр Шмырев так охарактеризовал его: «С этим офицером я много раз ездил в командировки не только на Восток, но и в другие края. Его работоспособность и трудолюбие подкупали всех. Оказать помощь товарищу, даже в ущерб своему отдыху, было для него нормой».

Так вот Шугаев, коренной москвич, после окончания военного института иностранных языков попал на Дальний Восток. Служил переводчиком центра обработки развединформации.

Позже его перевели в подмосковную часть, а потом в центральный аппарат – в 6-е управление ГРУ.

«Я был во Вьетнаме, – рассказывает Владимир Шугаев, – в период войны в феврале-июне 1979 года. Потом уехал в Москву. Месяц мне дали отдохнуть, и опять туда же – с августа 1979-го по март 1980-го года.

Что же касается войны, то я прилетел туда накануне боевых действий. В моей группе работали два человека, офицеры Валентин Лыков и Василий Черников. Они были командированы во Вьетнам из наших частей радиоразведки.

Ребята хорошие, специалисты высококлассные, умело принимали на слух. Там ведь есть свои сложности: китайцы не могут иероглиф передать так, как мы букву. Поэтому существует специальный код, иероглифы передаются цифрами.

Принимали сначала цифры, переводили их в иероглифы, а уж потом читали. Я обрабатывал, писал донесения.

Мы вскрывали северную группировку китайских войск.

А вторую командировку, когда боевые действия уже были остановлены, вел наблюдение, не замышляют ли китайцы новую агрессию».

Кроме наших сухопутных спец-радиоразведчиков во Вьетнаме работали также офицеры из радиоразведки Тихоокеанского флота. С их помощью разворачивали радиопеленгатор «Сосна», учили вьетнамцев на нем работать.

Обучение, надо прямо сказать, давалось тяжело. Затруднение вызывали команды на пеленгацию, настройка приемоиндикатора, выдача пеленга.

С началом войны доклады в Москву начальнику ГРУ стали постоянной обязанностью генерала Шмырева. Связь осуществлялась через спутники и была достаточно качественной.

Несмотря на начало боевых действий, обстановка в столице Вьетнама оставалась спокойной, а вот в Москве события на вьетнамо-китайской границе воспринимались значительно тревожнее.

22 февраля в Ханой прибыл Главный военный советник генерал армии Г. Обатуров. Его сопровождала группа генералов и офицеров. Был среди них и представитель радиоразведки – полковник А. Охтырский.

Тем временем войска численностью 600 тысяч солдат и офицеров, поддерживаемые танками и артиллерией, уже шли по вьетнамской земле. Правда, продвигались они медленно. За два дня боев из намеченных для захвата трех провинциальных центров взят был лишь один – Лаокай. Китайские войска несли значительные потери.

Дальше на отдельных направлениях китайцам удастся вклиниться на территорию Вьетнама на 20–30, а отдельным диверсионным группам – на 50 километров. Наибольший успех был у воинских частей КНР, дошедших до населенного пункта Фолу, расположенного в 34 километрах от границы. Блицкрига не получилось.

Однако из Москвы события виделись несколько по-другому. Видимо, здесь свою роль в оценке обстановки играли не только доклады нашей разведки, но и непосредственно самих вьетнамцев. А они, судя по всему, нередко сгущали краски.

Мне рассказывал генерал Шмырев, что при очередном докладе встревоженный начальник военной разведки Ивашутин спросил, мол, не захватят вас китайцы в Ханое? На что получил уверенный ответ, что до этого не дойдет.

...5 марта из Пекина прозвучало заявление, что начинается вывод китайских войск.

Группа генерала Шмырева возвратилась в Москву, но часть специалистов осталась в Ханое. Интересы советских и вьетнамских радиоразведчиков совпадали: одни хотели обрести необходимый опыт, других интересовал Китай и его вооруженные силы, особенно его южные гарнизоны, к которым имела доступ вьетнамская радиоразведка. Так что наши специалисты закрепились там надолго.

В свою очередь, 6-е управление ГРУ старалось отправлять во Вьетнам своих лучших, наиболее опытных офицеров, таких, к примеру, как командир радиополка полковник М. Касимов или заместитель командира радиотехнической бригады полковник К. Бусел.

Вьетнамцы ценили в специалистах именно профессионализм, который и был присущ нашим офицерам, командированным в эту страну.

«Ступив за хребет Гиндукуша...»

В 1957 году министр обороны СССР маршал Георгий Константинович Жуков, утверждая план радио- и радиотехнической разведки, вычеркнул Афганистан, как дружественную страну, из списка объектов наблюдения.

С тех пор прошло более 20 лет. 12 декабря 1979 года было принято решение о вводе советских войск в Афганистан. Начальник 6-го управления ГРУ генерал-лейтенант Петр Шмырев получил приказ: сформировать радиобатальон для ввода в Афганистан. Все мероприятия по развертыванию батальона проводились на базе радиотехнического полка Туркестанского военного округа, которым командовал полковник В. Гадалов.

В Ташкент вылетела группа офицеров 6-го управления ГРУ. Предстояла большая работа. Офицеры радиоразведки, прибывшие из Москвы, как и местные специалисты, разумеется, не могли предвидеть всю масштабность предстоящих военных действий. В декабре 1979 года все виделось несколько иначе. И, тем не менее, они понимали: батальон должен быть полностью готов к выполнению боевой задачи. А это значит – укомплектован техникой, специалистами, как офицерами, прапорщиками, так и солдатами. Военнослужащие срочной службы – в подавляющем большинстве местные: узбеки, таджики.

Словом, после всех проведенных мероприятий батальон выглядел весьма солидно. Когда стали формировать колонну для выхода из городка, оказалось одних спецмашин около шестидесяти – тут и пеленгаторы, и средства связи, и мобильные комплекты для радиоперехвата, и другая, необходимая в боевых условиях техника.

Командиром батальона был назначен майор В. Ковалец.

В радиотехническом полку, тем паче в батальоне, ни для кого не являлось секретом место предстоящей командировки. Все знали: часть готовится к вводу в Афганистан. Скрыть это было попросту невозможно, да никто и не скрывал. Многие офицеры полка подавали рапорты, просили включить их в штат батальона. А вот солдаты... Накануне отправки «за речку», как говорили тогда, они преподнесли неприятный сюрприз.

«Ночью, перед отправкой батальона в Афганистан, – вспоминает генерал-майор Юрий Крестовский, который в эти дни находился в Ташкентском полку, – мне не спалось. Как-то было тревожно на душе. Часа в четыре утра прихожу к дежурному по части. Тот докладывает: «Пятнадцать солдат из состава отправляемого батальона попали в больницу». Все узбеки, таджики. Как так? У всех приступ аппендицита. Спрашиваю командира: «Гадалов, как же ты такое допустил?» А он разводит руками, объясняет: «Среди ночи приезжает «скорая», якобы для оказания срочной медпомощи. Увозит одного, второго, третьего... Оказывается, в местной больнице уже заранее была договоренность, видимо, проплатили, и накануне выхода из батальона выбыло полтора десятка человек».

Вот так начиналась афганская война для батальона радиоразведки ГРУ.

И, тем не менее, несмотря на все трудности, часть майора Ковальца по железной дороге прибыла в Термез, а оттуда через перевал Саланг своим ходом в Кабул. К счастью, столь длительный марш по зимней горной дороге прошел без происшествий.

В феврале 1980 года батальон развернулся на севере афганской столицы, начал обустриваться. Место расположения между собой солдаты называли «Теплым станом».

Батальон состоял из двух рот. Одна работала в коротковолновом диапазоне и вела разведку объектов на территории Афганистана, Ирана и Пакистана.

Поскольку как такового фронта не существовало, и объекты разведки могли быть где угодно, развернули радиопеленгаторные центры в Кабуле, Кандагаре, Шинданте, позже – в Гардесе.

Взаимодействовали с батальоном и пеленгаторные центры ташкентской бригады в

Курган-Тюбе и Кушке.

Другая рота работала в УКВ диапазоне. Ее посты находились непосредственно на месте расположения части. Однако несколько БТРов постоянно выезжали в места боевых действий, принимали самое непосредственное участие в операциях советских войск.

Располагались роты в палатках, кровати в два этажа. Здесь же находилось оружие, которое можно было использовать при отражении нападения противника.

А нападения такие были. Хотя часть не боевая, обстреливали и батальон. В основном доставалось артиллеристам и мотострелкам, которые квартировали по соседству, но порою подъехавшие на автомобилях моджахеды поливали из пулеметов и палатки радиобатальона. Приходилось, особенно в ночное время, выдвигать в окопы дежурную смену солдат в полной экипировке – в бронежилетах, в касках, с автоматами.

И тем не менее это лишь эпизоды войны. Неприятные, опасные... Однако главным для батальона была радиоразведка. И вот в этом состояла основная трудность. Помните маршала Жукова и его росчерк пера? Поистине исторический росчерк. И потом более 20 лет радиоразведка не работала по Афганистану. То есть начинать надо было, по сути, с нуля. Только вот знать бы, где этот ноль!

«Сложной оказалась проблема, – вспоминал в беседе со мной начальник 6-го управления генерал Шмырев, – с чего начать радиоразведку, что искать? Как отделить радиосвязь афганских бандформирований от военной афганской радиосвязи, какими разведывательными признаками следует руководствоваться? Строили различные гипотезы, исходя из технических и оперативных соображений. Но КВ радиосвязь бандформирований в руки не давалась. Почти год блуждали в потемках, не имея конкретных результатов.

Не удалось выйти с ходу и на УКВ радиосвязь, хотя для этого вроде были все условия. Большую помощь оказала переброска в Афганистан дешифровальной лаборатории из Ташкента, начальником которой был подполковник Леонов. В лаборатории сохранились кадры, знающие Афганистан как объект радиоразведки с давних времен. Особенно я бы отметил подполковника Салмона Джамолова. Уже немолодой, таджик по национальности, для которого афганский язык дари практически родной, Салмон Джамолович владел также вторым языком Афганистана – пушту, был мастером криптографической службы. Скромный, культурный человек, вызывал у меня неизменное уважение и симпатию.

Под стать ему был и другой специалист подобного профиля – В. Ярко. Он обладал завидной работоспособностью... Как и Джамолов, Ярко много и с пользой поработал в различных передовых точках.

Вот так, благодаря своему упорству и поиску, помощи дешифровальной лаборатории, мы к 1981 году вышли на след радиосвязи бандформирований, а ухватившись за одну радиосеть, стали, как клубок, разматывать всю систему. Началась осмысленная и целенаправленная работа по разведке в КВ диапазоне».

Вот как вспоминает эту работу в одной из региональных газет Валерий Сафонов, оператор, служивший в батальоне в 1980-1982 годах.

«Радиоразведка – это поиск в эфире работающих радиостанций противника, определение пеленгаций района их нахождения, перехват передаваемого ими материала, его перевод и обработка. Кажется, просто, но в огромном эфире надо найти нужную станцию, оценить ее информативность, а уж потом следить за ней и не потерять. А слышно было многих. За счет переотражения радиоволн от горных пиков мы слышали и китайских военных, и иранских таксистов, и многих других. Каждое утро в разведотдел штаба армии отправлялось донесение с полученными за сутки данными о конкретных пунктах или районах дислокации бандформирований, их численности и вооружении, адреса подпольных исламских комитетов, данные о местах перехода бандами пакистанской или иранской границы, нахождение лагерей подготовки душманов в Пакистане.

Поиск и перехват велся круглосуточно. Попробуйте представить работу радиста летом, когда температура в аппаратной кабине, прикрытой маскировочной сетью, постоянно была 40-50 градусов и выше. Вентиляторов было мало, да и они быстро выходили из строя. «Солдат должен стойко переносить тяготы и лишения военной службы», – говорилось в присяге. Вот мы и переносили. А уж чая за два года в Афганистане было выпито столько, что я до сих пор его пью очень редко».

Дальше Валерий говорит о том, как радиоразведчикам батальона удалось вычислить, в каком афганском штабе работает душманский шпион. А однажды выяснили, что в населенный пункт на сопредельной территории прибыл вооруженный отряд моджахедов. Было ясно, что такой крупный отряд пакистанцы долго не станут держать на границе. Просчитали место перехода, и разведанные с нарочным доставили в разведотдел штаба армии. Руководство согласилось с выводами радиоразведчиков, и в Кандагарскую бригаду поступил приказ: организовать засаду на путях выдвижения бандитского отряда. Все было организовано четко и грамотно. В результате ночного боя душманы потеряли 87 человек.

Такова эффективность работы радиоразведки.

Командиром роты КВ диапазона в том же 1981 году был назначен капитан Сергей Никеров.

Он закончил Череповецкое училище связи, служил в Прибалтике, в городе Лиенае. Потом был направлен для дальнейшего прохождения службы на Крайний Север, в город Печенгу. Оттуда попал в Афганистан. Хотя мог и отказаться, поскольку жена была беременна на седьмом месяце. Однако не отказался и вскоре прибыл в радиобатальон майора Ковальца.

Рота, которую принял Никеров, находилась на круглосуточном боевом дежурстве. 15–17 радистов занимались радиоразведкой в слуховом режиме и вели пеленгацию. Информацию обрабатывали на командном пункте, обобщали ее и представляли начальнику разведки 40-й армии, а также передавали в Москву.

Солдаты роты, прежде всего, несли боевое дежурство. 6 часов дежурство, 6 – отдых, два часа – занятия по профессиональной подготовке. В ночное время – охрана объектов от внезапного нападения противника.

«Служба была тяжелая, – признается Сергей Никеров. – Кроме боевого дежурства – учеба. Организовали радиокласс: пульт, микрофоны, старый магнитофон М-64. И учили, проверяли бойцов на скоростной прием. Заставляли солдат тренироваться, чтобы не теряли форму.

Физподготовка – дело обычное. Хотя на этих ребят больно было смотреть: тощие, худенькие. Кормили-то нас первые годы плоховато, надо прямо сказать. Суп из консервов в томате, на второе – порошковая картошка. Стучишь по ней ложкой, а она отскакивает, как от резиновой. Ну и кисель.

Донимали болезни, желтуха. У меня в роте процентов 10–15 переболели гепатитом.

Да и само место, где мы располагались, было 1800 метров над уровнем моря. Там минут 15 в футбол поиграешь, дыхалка сбивается.

И политзанятия, конечно, проводили, конспекты писали.

Тяжко, но ничего, люди не отчаивались. Все были настроены на работу, на добывание информации».

Что же касается другой роты, то ею в этот период командовал капитан Геннадий Белозеров. Радиоразведчики вели интенсивный поиск в диапазоне УКВ с целью выхода на ближайшую радиосеть бандформирований. Начинали с Кабула, однако столица ожидаемых результатов не дала. И тогда маневренные группы роты стали выезжать на боевые операции наших войск.

Разумеется, те, кто организовывал радиосвязь моджахедов, понимали, что им противостоит наша радиоразведка. Даже на УКВ диапазоне открытых текстов было немного,

радиопередачи закрывались шифром, хотя и не очень сложным. Однако без опыта и знаний и такой шифр мог служить преградой для его вскрытия. Существовала и еще одна болезненная и практически не решаемая в тех условиях проблема. Поистине бесценный опыт, который накапливался за два года службы в Афганистане, с увольнением солдат в запас, по сути, исчезал.

Заменялись в Союз и офицеры-разведчики, а на их место приходили новые, как говорили в Афгане, «не обстрелянные». И все начиналось заново.

Кстати, фронтовики – ветераны Великой Отечественной в беседах с автором книги часто обращали на это внимание. Действительно, разве можно было сравнить радиоразведчиков 1941 года и, к примеру, 1943-го. В начале войны они мало что знали и умели, а через два года, как сказал генерал Шмырев, «немецкую радиосвязь читали, как открытую книгу».

Увы, «за речкой» дело обстояло иначе. Однако все познается в сравнении. Если в Афганистане офицер служил год, полтора, то в Чечне смена происходила намного быстрее. Как правило, он задерживался здесь на несколько месяцев. И этого было достаточно, чтобы нахлебаться настоящей фронтовой жизни. Поэтому подавляющее большинство офицеров, прапорщиков, естественно, хотели быстрой ротации. По-человечески их можно понять, если бы не одно обстоятельство: от коротких командировок, конечно же, страдало дело.

Говоря о радиобатальоне, нельзя не вспомнить и о ротах радио- и радиотехнической разведки 5, 108 и 201-й мотострелковых дивизий. Руководство 6-го управления ГРУ понимало, что опыта ведения разведки ни у офицеров этих рот, ни у личного состава нет, и потому было принято решение разместить их рядом с радиобатальоном и пеленгаторными центрами. Так они скорее могли обрести боевой опыт.

Что, собственно, и произошло, например, с радиоразведчиками 108-й мотострелковой дивизии. Через год она была переведена в Баграм и там успешно работала.

Неплохо показала себя и рота 201-й дивизии, пока дислоцировалась рядом с пеленгаторным пунктом в Желалабаде. Однако после передислокации ее в Кундуз, где располагался штаб дивизии, эффективность ее работы значительно снизилась.

Рота радиоразведки 5-й мотострелковой дивизии, к сожалению, в ходе марша из Кандагара в Шиндант понесла серьезные потери и с поставленными задачами впоследствии справлялась с трудом.

Скажу сразу, что это не моя оценка, как автора книги, а руководства радиоразведки ГРУ.

Справедливости ради надо сказать, что 6-е управление ГРУ в 60-е – 70-е годы старалось выстроить единую систему дивизионной тактической радиоразведки. Генерал Петр Шмырев неоднократно говорил мне, что он любил дивизионную радио- и радиотехническую разведку. Так оно и было. По сути, Петр Спиридонович явился и инициатором ее создания. И в данном случае война в Афганистане стала очередным, пусть и весьма важным, этапом оптимального поиска выстраивания этой системы.

В свое время 6-му управлению удалось развернуть в радиополку Центральной группы войск батальон тактической разведки, куда сводились все роты дивизии. Правда, эксперимент шел недолго, и тем не менее он подтвердил правильность теории Шмырева.

Успешная деятельность радиороты 108-й мотострелковой дивизии в Баграме еще одно тому подтверждение.

«Таким образом, – напишет в одной из своих работ генерал Шмырев, – опыт боевого применения рот радио- и радиотехнической разведки дивизий в Афганистане убеждал нас в том, что роты должны являться составной частью единой системы радиоэлектронной разведки армии. Они должны входить в состав армейского полка, в нем учиться, получать оперативное и техническое обеспечение. Офицеры дивизионных рот должны видеть перспективу службы в армейской и фронтовой радиоэлектронной разведке, а не бежать из дивизионной роты на первую открывшуюся вакансию, чтобы не остаться на многие годы взводным командиром».

Что и говорить, старый, опытный генерал зрит в корень. Через много лет в Интернет-пространстве, в одном из блогов появится запись, на мой взгляд, человека весьма профессионального, у которого также болит душа за нашу тактическую радиоразведку. Запись эта была сделана в 2005 году неким «Эстом». Хочется привести отрывок из нее.

«Советская радиоразведка, – пишет «Эст», – имеет два «крыла». Большая – бригады, полки, центры ОСНАЗ – почетное, и во многом привилегированное крыло. И малая – тактическая радиоразведка, роты при общевойсковых и танковых дивизиях.

Для офицера-радиоразведчика служба в ОСНАЗе («большой» разведке) была намного привлекательнее. Это почти гарантированная возможность попасть за границу (группы войск, Куба, Сирия и т.д., правда, включая и Монголию). Эти части подчинялись ГРУ, а это особый статус, в том числе и для кадрового продвижения.

Они укомплектовывались бойцами с особыми требованиями. В рамках одной структуры (той же бригады) была возможность пройти кадровый путь от лейтенанта до полковника (не было кадровых тупиков). Плюс статус выполняемых задач – разведка особо важных объектов вероятного противника. «Большой» ОСНАЗ во времена холодной войны решал задачи раннего предупреждения, т.е. выживания страны в случае крупного военного конфликта. ОСНАЗ был заточен на задачи стратегического уровня (в крайнем случае – оперативного). ОСНАЗ был блатным (в хорошем смысле), или, лучше сказать, благодатным, местом для радиоразведчика.

Другое крыло – малая радиоразведка, роты при дивизиях. Назначение выпускника военного училища в такую роту считалось не самым удачным началом служебной карьеры. Тоже, разумеется, радиоразведка, но в подчинении у сухопутных войск. Это значит, что путь от взводного до ротного можно пройти быстро, но потом кадровый тупик. Дальше рост как радиоразведчика проблематичен. Большие сложности при поступлении в военную академию. А ведь именно в малой радиоразведке сосредоточен основной парк разведки в УКВ диапазоне, разведки на поле боя, способной работать не в интересах «высочайших инстанций», а в интересах дивизии – полка – батальона. И как раз таки «наземная», «приземленная» радиоразведка на поле боя оказалась наиболее востребованной и в Афганистане, и в Чечне).

Да, горько сегодня признаться, но давние беспокойства генерала Шмырева были небезосновательны. А апогеем стало то, о чем пишет блогер «Эст»:

«В Афганистан входили части радиоразведки, укомплектованные по штату военного времени. В Чечню – «сборные», собранные по кусочкам подразделения, надерганные из разных частей.

В Афганистане радиоразведка была укомплектована в подавляющем большинстве командными кадрами по профилю «радиоразведка», а в Чечне (для примера) одним из первых подразделений тактической радиоразведки была группа из Московского военного округа, из Таманской дивизии. В Северо-Кавказском округе работоспособной группы не нашлось. Но и в лучшей Таманской дивизии ротой радиоразведки командовал офицер с базовым образованием общевойскового училища, а командирами подразделений были вообще офицеры без военного образования после гражданских вузов».

Однако вернемся в Афганистан. Здесь с первых шагов организации радиоразведки значительные силы выделялись на создание маневренных групп, количество которых вскоре стало исчисляться десятками. Эта новая тактика армейской радиоразведки еще раз подчеркивала ее органическую связь с разведкой дивизионной.

Не было операции, куда бы ни направлялись маневренные группы.

Правда, надо отметить, что технические средства этих самых маневренных групп не отвечали требованиям дня. Переносимые средства были тяжелы и громоздки. Подвижные тоже показали себя не лучшим образом. Спецмашины не прикрывались броней, сами комплексы оказались сложными и ненадежными в боевых условиях.

«Наша техника, к сожалению, в начале афганской компании, – говорит генерал-майор

Юрий Крестовский, – не удовлетворяла радиоразведчиков ни по дальности, ни по габаритам, да и по оперативным возможностям. У моджахедов к тому времени уже были портативные средства связи с возможностью быстрой перестройки.

Что говорить, военная доктрина ориентировала на ведение крупных, стратегических войн. А локальные войны не были отработаны».

Первые же месяцы боевых действий в Афганистане обнаружили еще одно слабое звено – нехватку воздушных средств для ведения радиоразведки. Правда, в конструкторском бюро Антонова удалось быстро изготовить самолет, оснащенный средствами радиоразведки, – АН-26рр. Однако он оказался не самым удачнымобретением. Его поисковые возможности оказались крайне ограниченными, а пеленгация отсутствовала вообще.

Лучше в Афганистане показали себя вертолеты с комплексами радиоразведки – МИ-8МТЯ. Их было изготовлено всего четыре единицы, но поработали они неплохо. Над созданием разведывательных вертолетов, их испытанием, выработкой способов применения трудились офицеры А. Виникс, И. Ключников, Б. Бутенко, А. Якуба.

Исходя из афганского опыта, можно заключить, что роль авиации в тактической радиоразведке в ходе локальных конфликтов будет возрастать. Ведь без самолетов и вертолетов разведки вряд ли удастся добиться высокой подвижности тактической разведки, а также местоопределения объектов.

В 1984 году батальон радиоразведки 40-й армии удалось развернуть в радиополк. По своей численности и оснащению новой, современной техникой полк стал, пожалуй, самой крупной и сильной частью радиоразведки вооруженных сил.

Специалисты радиополка занимались перехватом информации, связанной с выходом и передвижением караванов с оружием и боеприпасами, с подготовкой засад и огневых налетов против наших войск. Многие из этих данных носили упреждающий характер. Где находятся банды моджахедов, когда они уходят в Пакистан за оружием и возвращаются назад, как организуются засады – все эти ценные сведения наше командование использовало для оперативного принятия контрмер и сохранения жизней советских солдат и офицеров.

«Мой родной отдельный радиотехнический полк особого назначения, которым мне довелось командовать в 1984–1987 годах, – рассказывает полковник в отставке Валерий Дунаевский, – вел круглосуточную разведку деятельности бандформирований как на территории Афганистана, так и сопредельных государств – Пакистана и Ирана.

Из 26 афганских провинций 14, то есть более половины, находились под непрерывным наблюдением маневренных групп отдельных радиопеленгаторных и радиотехнических центров полка, рот радио- и радиотехнической разведки разведбатальонов дивизии, организованно сведенных в единую систему через объединенные координационные центры в населенных пунктах Шиндант, Баграм, Кундуз, Кандагар, Герат и Джелалабад.

Наиболее тесное взаимодействие полк осуществлял с бригадами спецназа, дислоцированными в Джелалабаде (Семархейль) и Лошкаргахе, их отрядами в Асадабаде и Газни.

Об эффективности работы полка ОСНАЗ можно судить по тому, что командующий фронтом «Панджшер» Ахмад шах Масуд уделял особое внимание противодействию советским средствам радиоразведки, предупреждая свои войска об их присутствии. В частности, работа координационного центра в Баграме была настолько эффективной, что слежение за Ахмад шах Масудом и охота за ним привели к его ранению и контузии.

Приведу некоторые данные по результатам участия полка только в 16 операциях. В 42 случаях удалось предупредить нападения мятежников на наши гарнизоны, в 47 случаях – нападения на колонны и другие диверсионные акции, 32 раза были вскрыты маршруты движения караванов, перевозящих оружие, боеприпасы и материальные средства.

Удалось выявить 6 агентов в государственных органах и штабах вооруженных сил ДРА,

5 планируемых встреч с представителями иностранных государств, 24 случая передислокации групп и отрядов мятежников, 97 районов нахождения моджахедов, 10 районов организации засад».

Подводя итог всему сказанному, хочется отметить: советская радиоразведка в Афганистане из фрагментов радиосвязи моджахедов пыталась построить единую систему. Но, увы, этой системы не существовало.

«Как не было в Афганистане классических войсковых операций, так не было и классической разведки».

Этот вывод сделал крупнейший специалист в области радиоэлектронной разведки, лауреат Государственной премии, генерал-лейтенант Петр Спиридонович Шмырев. И не верить ему у меня нет оснований.

Пеленг генерала Шмырева

Эта глава полностью посвящена легенде радиоразведки – Петру Спиридоновичу Шмыреву. По ходу повествования я неоднократно говорил о нем, обращаясь к его мнению. Однако, как мне кажется, этого мало. Генерал Шмырев – человек уникальный. Полвека в армии, и все полвека – в радиоразведке. Тридцать два года в центральном аппарате ГРУ, пятнадцать из которых во главе службы.

За эти 50 лет советская радиоразведка прошла гигантский путь, и вместе с нею этот путь прошел Петр Спиридонович.

Так что история жизни генерала Шмырева и есть по сути история радиоразведки нашей страны.

Отделение особого назначения

1939 год. Ленинград. Электротехническая академия имени С. М. Буденного. Только что возвратившиеся из отпуска слушатели толпятся у стенда, на котором вывешено расписание занятий.

– Так, где тут наш родной третий курс? – медленно, с растяжкой, делая ударение на слове «третий» произносит кто-то за спиной у Петра Шмырева.

Этот кто-то Петя Костин, однокурсник Шмырева, и голос его он может узнать из тысяч голосов. Давит Петр на слово «третий» совершенно правильно: теперь они – третьекурсники.

Пробежав взглядом знакомые предметы, Шмырев словно спотыкается: «А это что? Такого еще не было».

Костин тычет кулаком в бок.

– Смотри, новые отделения – радиоакустики, отделение связи ВВС...

Но Шмырев не слушает товарища, он уже уцепился взглядом за название. – Прочел раз, другой. «Отделение особого назначения».

Доходит, наконец, и до Костина: «Ух, ты! Гляди, Петруха, отделение особого назначения».

Шмырев оглядывается и видит перед собой круглолицего, покрасневшего от возбуждения сокурсника.

– Хотел бы попасть?

– Куда? – делает вид Шмырев, словно не понимает вопроса.

– Да ладно тебе прикидываться, – обижается Петр.

– Конечно, хотел бы... – сдается Шмырев.

– Ну, так в чем же дело, будем учиться в этом... ООН, – торжествующе произносит Костин, словно зачисление в столь интригующее отделение – дело решенное.

– Я двумя руками «за», – хитро улыбается Шмырев, – только вот ты случайно не знаешь, что это такое, ООН?

Костин скорчил грустную физиономию.

– Петя, ты все испортил своим рациональным вопросом. Ну какое это имеет значение – знаем, не знаем. Зато как романтично звучит: «отделение особого назначения».

И они оба рассмеялись.

К счастью, долго мучиться в неведении не пришлось. Уже на следующий день на утреннем построении старшина курса, вытащив из нагрудного кармана листок бумаги, прочитал фамилии: Акулин, Баусов, Бутченко, Дубович, Костин, и в конце назвал его – слушателя Шмырева. Всего двадцать человек. «Это и есть отделение особого назначения», – понизив голос на полтона, закончил старшина.

А потом их собрали в учебном классе, пришел начальник курса капитан Степан Акопович Ягджян.

Они любили своего начальника курса. И через 70 лет, вспоминая Ягджяна, у Петра Спиридоновича Шмырева теплели глаза: «Чудесный был человек, – говорил он, – Чудесный, внимательный. Заботился о нас. Настоящий командир».

Когда началась война, капитан Степан Ягджян, выпустив в свет свой курс, попросился на фронт. Его назначили начальником связи в одну из кавалерийских дивизий, которая вела бои на Кавказе. Воевал. Тяжелораненый попал в плен. Выжил. Был направлен в концлагерь, во Францию. Из концлагеря Ягджян бежал, примкнул к движению Сопротивления, вступил в партизанский отряд французских МАКИ. Вновь воевал умело и храбро. Стал командиром партизанского отряда.

После освобождения Франции союзники интернировали капитана Ягджяна на Родину. Ну а Родина, знамо дело, встретила героя французского Сопротивления «с распростертыми объятиями». Из армии Степана Акоповича выгнали, из партии исключили. В тюрьму, правда, не посадили. Что ж, и на том спасибо.

Кое-как устроился их бывший начальник курса на питерскую фабрику «Светлана». Так бы и жил Степан Акопович с клеймом пленного, что в ту пору, почитай, к предательству приравнивалось, да повезло ему. К 30-летию Великой Победы вспомнили о нем французы. Приехали в нашу страну ветераны – летчики из знаменитого полка «Нормандия-Неман» и говорят: «Живет у вас капитан Ягджян Степан Акопович, герой Сопротивления, очень уважаемый во Франции человек. Наш президент наградил его орденом за мужество, проявленное в боях с фашистами».

«Ну как же, как же, знаем, – мило улыбаются наши чиновники, – Степан Акопович и у нас очень любим и уважаем. Давайте орден, мы вручим».

Но французы орден не отдали, сказали, что им поручено лично вручить награду герою.

Судорожно стали искать Ягджяна. Где он, Степан Акопович? Наконец, нашли в Ленинграде. Тихо живет себе в коммуналке, честно работает на фабрике. Но как же такую высокую делегацию в коммуналке встречать? Срочно выделили Ягджяну квартиру. Надо отдать должное, после отъезда французских ветеранов и вручения ордена квартиру не отобрали, оставили.

В том же 1975 году генералу Шмыреву попался в руки журнал «Огонек». Развернул его Павел Спиридонович и ахнул: на фото их начальник курса в окружении французов с орденом на голубой ленте.

В первый же приезд в родной город Шмырев разыскал своего начальника курса Степана Акоповича Ягджяна. Они обнялись по-братски и уже больше не расставались – дружили,

встречались, созванивались.

Однако в далеком 1939 году Шмырев был пока еще слушателем академии, Ягджян – его командиром, и никто не знал, что ждет их в будущем.

Начальник курса вошел в класс и, окинув взглядом своих подопечных, сказал совсем коротко: «Вас интересует, что такое отделение особого назначения? Это разведка».

Капитан сделал паузу и продолжил:

– После академии вы пойдете служить в разведку. Если будете достойны, конечно.

Они и вправду оказались достойными. Однако на этом пути случалось всякое. Учились старательно, не раз завоевывали первые места в академии по успеваемости, получали призы. Как-то, получая приз победителей, Ягджян говорил о них с гордостью и назвал отделение «маленьким, но дружным коллективом». А после такого всеакадемического триумфа случилось то, что называется головокружением от успехов. На следующей сессии они провалили первый же зачет. Над ними тогда еще долго подшучивали в академии, вон, мол, идет «маленький, но дружный коллектив».

... Дипломы об окончании академии они должны были получить летом 1941 года. 22 июня началась война. 25-го выпускники сдавали последний государственный экзамен. Предстояла преддипломная практика. Однако война изменила привычный порядок. Им сказали ясно и четко: «Вот вам, ребята, дипломы, а практику пройдете на войне».

Слушатели привинтили к петлицам по третьему «кубарю» и стали воентехниками первого ранга, сфотографировались отдельно и вместе. Эта уникальная фотография, как дорогая реликвия, хранится в доме Петра Спиридоновича Шмырева и по сей день. На ней 15 выпускников Электротехнической академии имени С. М. Буденного.

Семеро из них станут генералами, а еще учеными, лауреатами различных государственных премий. Петр Костин будет стоять у истоков создания нашей космической разведки и закончит службу генерал-лейтенантом, заместителем начальника ГРУ; Виктор Чайка также получит высокое звание генерал-лейтенанта, возглавит оперативно-техническое управление, потом Гостехинспекцию. Михаил Прокошин станет начальником службы спецрадиосвязи, дослужится до генерал-майора; Владимир Афанасьев за свою научную работу будет удостоен Ленинской премии и звания Героя Социалистического Труда. Борис Дубович получит назначение на ответственную должность начальника европейского управления военной разведки, ему присвоят звание генерал-лейтенанта.

Сам же Петр Шмырев как начнет свой путь воентехником в радиоразведке, так и закончит генерал-лейтенантом, начальником этой службы. Но все это будет потом, через много лет.

А тогда, в 1941 году, путь молодых офицеров лежал на вокзал. Их ждали в Москве, в Главном разведывательном управлении Красной армии.

На Ленинградском фронте

В столицу они прибыли поездом ровно через месяц после начала войны. При подъезде к городу попали под бомбежку, и ночь провели в метро на станции «Комсомольская». Рано утром 23 июля 1941 года явились в отдел кадров Главного разведуправления по адресу: улица Карла Маркса, дом 17.

В тот же день их отправили в летний лагерь разведуправления, в поселок Загорянка. Там располагались курсы усовершенствования офицеров военной разведки. Практические занятия проходили, но основательно усаживать за парты «академиков», как их тогда называли, никто не собирався, а вот приглядывались к ним внимательно.

Вскоре в их группу из Москвы прибыл подполковник Рукавицын и предложил: «Есть три вакантных должности заместителей командиров дивизионов по технической части на Ленинградский фронт.

Желающие есть?» Желающих было много. Надоело сидеть на курсах, все рвались в бой, но на этот раз повезло троим, ленинградцам – Игорю Бутченко, Борису Дубовичу и Петру Шмыреву. Видимо, руководство решило, что именно ленинградцам будет сподручнее служить на земле малой родины.

Вскоре пришел приказ, что все они назначены на Ленинградский фронт. Однако попасть к месту службы было не так просто. К тому времени кольцо блокады вокруг города на Неве замкнулось. И трое воентехников словно повисли в воздухе. Юридически они уже были в Ленинграде, в Загорянке их сняли со всех видов довольствия, денег не платили. А кушать, однако, очень хотелось.

Как-то начальник отделения радиосвязи и радиоразведки генерал Рябов, заметив, что молодые воентехники не торопятся на обед, поинтересовался:

– Вы что, ребята, в столовую не идете?

– Не хочется что-то, – замялись ребята.

– Может, у вас денег нет?

– Денег, товарищ генерал, у нас давно нет...

Рябов понимающе кивнул и раздал каждому по тридцатке. Шмырев запомнил ту тридцатку на всю жизнь – купюра большая, ярко-красная, с портретом Ленина. Кто-то из них тогда пошутил, мол, после войны вернем.

Генералу шутка понравилась.

– После войны? Согласен, а сейчас дуйте в столовую.

И воентехники дунули. Ох, и вкусный же борщ был в тот день!

... Однако время шло, а отправить воентехников к месту службы не представлялось возможным. Им стали уже намекать, мол, можно написать рапорта и перевестись на другой фронт. Но ленинградцы хотели защищать родной город и рапорта писать отказались наотрез.

Наконец, в последний день сентября Бутченко, Дубовича и Шмырева подняли по тревоге, они погрузились в машину и отправились на центральный аэродром, который располагался тогда на Ходынке. Там стоял готовый к полету «Дуглас», который должен был доставить каучук, закупленный в Индонезии, для ленинградского завода «Севкабель».

Полет от Москвы до Ленинграда прошел вполне благополучно. Правда, стрелок время от времени стрелял в темное ночное небо, но это скорее для поддержания боевого духа, поскольку даже гула вражеских самолетов они не услышали. Приземлились на северо-восточной окраине Ленинграда, на аэродроме Всеволожское. Договорились, что хоть на часок забегут к своим родным, а уж потом на службу.

У Петра Шмырева в Питере, на улице Скороходовой жила мама. Отец умер еще в 1932 году, от инфаркта, или, как тогда говорили, от разрыва сердца. Он заведовал столовой на заводе им. Сталина и, возвращаясь из Москвы, с совещания работников общественного питания, почувствовал себя плохо. Не выдержало сердце.

Без отца жилось тяжело. Спасибо тетке, маминой сестре. Она жила в Минске, и каждое лето Петя Шмырев проводил там. Тетка кормила, обувала, одевала его, словом, поддерживала материально.

А когда Петр подрос и закончил школу, мама уговаривала пойти в военно-медицинскую академию, но он решил по-своему. И вот теперь воентехник Шмырев ехал к маме.

Вера Алексеевна встретила его со слезами радости, а он, обняв мать, деловито открыл вещмешок, вытащил оттуда московские подарки: консервы, тушенку, сгущенку, печенье, и главное – хлеб. Он помнит, как смотрела его мама на обычную буханку ржаного хлеба. Тогда впервые в душе шелохнулась тревога: выходит, в Москве он мало что знал о ленинградской

блокаде.

... В разведотделе фронта, который располагался недалеко от Исаакиевского собора, на Красной улице, его встретил подполковник Иван Миронов. Он получил это звание недавно, которое, собственно, и было введено после финской компании. В петлицах у Ивана Мироновича красовались три шпалы. Должность – помощник начальника разведотдела фронта по радиоразведке и специальной радиосвязи.

После беседы с Мироновым воентехник получил предписание в 623-й отдельный радиодивизион особого назначения. Дивизион располагался на Звенигородской улице, дом 5.

Петр Шмырев был назначен, пожалуй, на одну из самых ответственных и сложных должностей в дивизионе – помощником командира по технической и хозяйственной части. Однако техническая часть его вовсе не пугала, а вот хозяйственная... Откровенно говоря, в свои неполные 22 года хозяйственными вопросами воентехник Шмырев никогда не занимался, в академии этому тоже не учили. Помог ему Николай Иванович Лебедев, начальник продслужбы дивизиона. По возрасту он годился Петру в отцы, призван был с гражданки, где до войны руководил крупнейшим гастрономом в Ленинграде. По сути, он и взвалил на себя все дивизионное хозяйство, а Шмырев занимался техникой.

«Знаете, – сказал как-то в разговоре Петр Спиридонович, – в войну нам очень помогал, а точнее, спасал Ленинград».

Поначалу я не понял, что имел в виду Шмырев, переспросил: «В каком смысле спасал?» «Да в прямом, – ответил он. – Представьте, у нас на обычных сержантских должностях в войну служили опытные радиоинженеры из научно-исследовательских институтов, с заводов. Умнейшие люди, инженеры от Бога, они могли блоху подковать. Только в радиотехнике, конечно... Так что интеллект Ленинграда крепко помогал его обороне».

Дивизион – хозяйство не малое, как людское, так и техническое. Личного состава около 200 человек. Из них – 25 офицеров. Состоял он из радицентра, который вел перехват передач противника; радиопеленгаторных пунктов, вынесенных на периферию и осуществляющих засечки для определения местоположения работающих станций фашистов. По координатам станции соответственно определялись данные штаба немцев. Третьим составляющим в системе дивизиона был узел связи.

В дивизионе служили не только инженеры экстра-класса, но и столь же опытные, знающие переводчики. Петр Спиридонович до сих пор помнит их по именам: например, Ольга Николаевна Климова, владевшая добрым десятком иностранных языков, Марта Алексеевна Ахменайнен, в совершенстве знавшая финский язык.

А однажды к ним в дивизион прямо из военкомата привезли изможденного, голодного, еле живого парня. Фамилия его Колодников. Родители умерли от голода, а он чудом остался жив. До войны парень учился в спецшколе, хорошо владел немецким языком. Вот военкоматские офицеры и попросили забрать к себе, иначе ведь пропадет парень.

В дивизион его взяли, откормили, и он стал прекрасно работать. Перед зимним наступлением 1944 года командование дивизиона создало радиопеленгаторный пункт. Но чтобы работать в ультракоротковолновом диапазоне, надо иметь прямую видимость на противника, и потому для Колодникова устроили площадку на самой высокой сосне, закрыли ее плащ-палатками. Там он располагался, следил за передачами противника.

Как-то Шмырев, приехав в дивизию, которая действовала на Стрельненском направлении, решил посмотреть на работу Колодникова. Дали ему провожатого, чтобы на переднем крае не заплутал, прошли они лесом, к сосне, где и был устроен радиопеленгаторный пункт. А там висит указатель, поднятый вверх, на котором написано: «Хозяйство Колодникова». Вот так, целое хозяйство.

Вообще обстановка на Ленинградском фронте была такова, что любой выезд на пеленгаторный пункт превращался в своего рода небольшую спецоперацию. Когда кольцо

блокады окончательно сжалось, пришлось на Ораниенбаумский плацдарм перебросить два пеленгаторных пункта. Лед на Финском заливе уже подтаял, но другого выхода не было.

Чтобы проехать на пункт в Лисьем Носу, на КПП машину тормозили и заставляли побелить. После этого ставили в командировочном удостоверении штамп: «Въезд в военноморскую крепость Кронштадт разрешен». И только после этого машина выезжала на лед. Регулировщик спрашивал у водителя: «Ну что, солдат, быстро ездить умеешь?» «Умею». «Тогда гони». И солдат гнал по ледяной дороге, обозначенной слева и справа вешками. Повезет – проскочишь. Не повезет – значит, геройски погиб за Родину. Воентехнику Петру Шмыреву везло.

... После прорыва блокады Ленинграда и взятия Выборга обстановка на фронте резко изменилась. 472-й радиодивизион ушел под Нарву, в Прибалтику. Там он отличился в боях и был удостоен ордена Красного Знамени, а в 623-й дивизион, в котором продолжал служить Шмырев, остался в Выборге.

Финляндия вышла из войны, немцев погнали на Запад, и после напряженных фронтовых будней установилось непривычное затишье. Шмыреву даже показалось, что о них забыли. Однако он ошибался. Вскоре пришла телеграмма из Москвы: начштаба дивизиона Лопакону и помпотеху Шмыреву прибыть в столицу.

Приказ есть приказ. Прибыли. И узнали: полковник Миронов (тот самый, который встречал их в разведотделе в 1941 году) формирует 1-ю отдельную радиобригаду. Дивизионы этой бригады располагались на разных фронтах. Лопакону назначили на 1-й Белорусский фронт, а Шмырева – на 2-й Украинский, в 97-й дивизион этой бригады.

Свой дивизион Петр Спиридонович догнал уже в Бухаресте. Румыния вышла из войны. Запомнились плакаты, развешанные на улицах румынских городов. Заголовок гласил: «Члены Антигитлеровской коалиции». И в центре плаката крупные портреты короля Михая и его мамы, а под ними небольшие фото остальных членов коалиции – Сталина, Черчилля, Рузвельта.

Войну Петр Шмырев закончил под Братиславой, в деревне Мадьярский Бель. Там собралось несколько радиодивизионов – два фронтовых, один бригадный, да еще дивизион НКВД. Что и говорить, многовато для мирного времени. Все прекрасно понимали: их ждет скорое сокращение или передислокация, перевод в другие регионы.

Случилось и то и другое. Комбриг, теперь уже генерал Миронов, издал приказ: по дивизиону остаются в Германии и в Австрии, а 97-й отправляется в Болгарию. Остальные части подлежат сокращению.

Годы свершений

... В Болгарию дивизионная колонна добиралась через Сербию. На границе в городе Церебрوده сербские пограничники долго проверяли документы советских военнослужащих, попросили выйти из машин, проверили по списку личный состав подразделения и наконец, пропустили.

Болгары, наоборот, встретили с распростертыми объятиями. Встречавший Шмырева офицер тут же предложил обменяться личным оружием.

– Какой у вас пистолет? – поинтересовался.

– Отличный пистолет, «зауэр», трофейный.

– Махнемся?

Махнулись. Так начиналась служба на территории Болгарии.

Место дислокации дивизиону определили под Софией: на так называемой вилле журналистов. В этом большом красивом здании и расположился штаб и другие подразделения.

Там у Шмырева было много интересных встреч, но одна запомнилась особенно. Как-то в парке встретил он человека с ведром в одной руке и со штативом от фотоаппарата в другой. «Фотограф, наверное», – мелькнула мысль. Когда подошел ближе, «фотограф» на русском языке приветствовал его:

– Здравствуйте!

Павел Спиридонович ответил.

– Как там у вас Семен Михайлович поживает? – спрашивает.

– Какой Семен Михайлович?

– Буденный.

– А вы его знаете?

– Как же... В одном полку служили. Он был вахмистром, а я – фельдфебелем. Когда Гражданская война началась, он к красным подался, а я к белым.

Говоривший умолк, потом вздохнул:

– Теперь он у вас маршал, а я здесь фотограф...

В 1946 году майора Шмырева впервые за много лет отпустили в отпуск. В конце сентября со своей будущей женой, врачом части, они улетели в Ленинград.

В самолете, где собрались офицеры-отпускники из разных подразделений, летела вместе с ними женщина, подполковник медицинской службы. Гадала на картах летчикам.

Петр Спиридонович, приглядевшись, послушав, заинтересовался, хотя в гадания не особенно-то верил. Попросил и ему погадать. Подполковник согласилась, но сказала: «Подождите, карты устали, пусть отдохнут».

После «отдыха» карты устами подполковника-медика нарекли ему будущее. Да такое, что исполнилось точь-в-точь.

– Эта женщина, с которой вы летите, – сказала гадалка, – не ваша жена. Но она станет женой. Вы проживете с ней долгую и счастливую жизнь.

Так и случилось. Они прожили вместе 55 лет.

– Вы, скорее всего, ленинградец, а не москвич, – продолжала подполковник. – Но в Ленинграде вы не останетесь служить. Получите повышение и уедете в маленький городок недалеко от Москвы.

Насчет будущей супружеской жизни Павел Спиридонович возразить ничего не мог, что же касается предстоящей службы, то лишь усмехнулся про себя: «Промахнулась гадалка. Под Москвой у нашей бригады частей нет». Уж это он знал точно.

Однако гадалка знала точнее. Уже состоялось решение, и в состав их бригады вошел учебный полк, расквартированный в небольшом городке Спасск-Рязанском.

После отпуска ему прикажут сдать дела другому офицеру, а самому следовать в этой самый Спасск, на должность заместителя командира полка по технической части. Гадалка оказалась права.

Четыре года прослужил Петр Шмырев в Спасск-Рязанском, а новый, 1950-й уже встречал в Москве – заместителем командира бригады по технической части. Командовал бригадой все тот же генерал Иван Миронов.

1-я отдельная радиобригада ОСНАЗ имела в своем составе три полка и батальон. Полки были развернуты в Германии, в Австрии и на территории Советского Союза – на Кавказе. Батальон располагался под Москвой.

Расстояния между частями огромные, задачи не менее масштабные, но работалось, как говорит сам Шмырев, – «в удовольствии». Комбриг – опытнейший командир, умел руководить, управлять, доверять. А Петр Спиридонович ценил доверие, командира не подводил. Словом, жили они душа в душу.

Шмырев получил звание полковника, квартиру. Рядом была любящая жена, подрастал сын. Казалось бы, живи, служи и радуйся.

Однако судьба распорядилась по-своему. Ему неожиданно предложили перейти в войска противовоздушной обороны страны. Он отказался, не хотел покидать родную бригаду. И тем не менее пришлось уйти, правда, на повышение, в центральный аппарат ГРУ, в отдел радиоразведки. В этом же отделе трудился и его сокурсник, товарищ по академии Петр Трофимович Костин.

О службе Шмырева в центральном аппарате рассказывать трудно. Он проработал здесь 32 года. Был начальником направления, заместителем начальника управления, а в 1972 году возглавил 6-е управление. И в этой должности трудился полтора десятилетия.

При начальнике ГРУ генерал-полковнике Михаиле Шалине Петр Спиридонович поработал недолго. В начале 1956 года военную разведку возглавлял генерал-лейтенант Сергей Штеменко. Человек со сложной судьбой, крепко битый жизнью, Сергей Матвеевич еще молодым, сорокаоднолетним генералом возглавил Генеральный штаб. Однако через несколько лет его неожиданно перевели с понижением в Группу Советских войск в Германии, а потом, после ареста Берии, и вовсе понизили в звании и направили в Сибирский военный округ.

Вытащил его из Сибири новый министр обороны маршал Георгий Жуков. Он назначил Штеменко начальником ГРУ.

Несмотря на все удары судьбы, Штеменко не потерял вкуса к службе и взялся за новое дело с охотой. А дело, откровенно говоря, требовало много сил и энергии. Взять ту же радиоразведку, которую недавно возглавил Шмырев. Со времени окончания войны прошло более десяти лет. Первая послевоенная система вооружения радиоразведки оказалась не самой удачной и тяжело приживалась в войсках.

Некоторые технические средства были слишком громоздкими, конструктивно несовершенными, сложными в эксплуатации. Словом, к середине 50-х годов они морально устарели. Это особенно остро чувствовали специалисты-радиоразведчики. Но чувства, как говорят, к делу не пришьешь. Проблему следовало довести до ушей начальства и сделать так, чтобы она стала и их проблемой и заботой.

У Петра Шмырева это получилось. Они заранее договорились с начальником радиотехнической разведки Костиным и на первой же встрече с новым руководителем ГРУ сосредоточили основное внимание именно на техническом перевооружении.

Судя по всему, убеждали они Штеменко горячо и профессионально. И убедили. Ибо то, что было сделано потом, иначе как огромной победой назвать нельзя.

Подготовленную в недрах военной разведки директиву Штеменко лично подписал у министра Жукова. Теперь ГРУ предоставлялось преимущественное право на получение современной разведтехники, оно становилось прямым получателем новейших образцов наряду с видами вооруженных сил. А по некоторым образцам на главк возлагались обязанности генерального заказчика. Директива открывала дорог у 6-му управлению ГРУ в Госплан. Иными словами, новая система помогала максимально использовать возможности Министерства обороны для перевооружения радиоразведки.

Тогда, в 1957 году, полковник Петр Шмырев и представить себе не мог, что все последующие три десятка лет он будет постоянно заниматься этой проблемой. Ибо ведение радиоразведки, а тем более освоение новых источников получения разведсведений немислимо без передовой, современной техники.

Его подчиненный и сослуживец, сам впоследствии ставший начальником управления, генерал-майор Юрий Крестовский об этом скажет так: «Шмырев, хорошо ориентируясь в оперативной обстановке, зная в совершенстве реальное состояние выполнения разведзадач, был еще и инженером высокой квалификации. Поэтому вопросы по совершенствованию оснащения частей 6-го управления новой специальной техникой, которые ставились им, были конкретны и требовали практической реализации в короткие сроки. Для офицеров управления проблемы техники были всегда на первом плане».

В подтверждение сказанному – строительство четырех кораблей радиоэлектронной разведки, которые были спущены на воду в рекордно короткие сроки. И хотя в осуществлении этого уникального для нашей разведки проекта были задействованы сотни специалистов, главной направляющей и организующей силой был он – генерал Шмырев.

Тот же Крестовский очень высоко оценивает роль Шмырева в «судьбе» кораблей.

«Мне неоднократно приходилось присутствовать на совещаниях, – рассказывает он, – которые проводил Шмырев со специалистами-корабелями особенно на начальном этапе создания судов, когда было очень важно определиться со сроками и объемом проектных и строительных работ. Петр Спиридонович обладал всеми необходимыми знаниями, а главное – умел убеждать, и потому очень грамотно, тактично, без лишнего давления добивался согласия кораблестроителей. Хотя первоначально мы встречали их отчаянное сопротивление.

Потом, в ходе строительства, работы велись в очень высоком темпе. Вся техника, которая определялась проектом, была поставлена в короткие сроки».

Так было и с сооружением вышек радиоэлектронной разведки в Дисдорфе и Эйгенридене, особенно когда пришлось просить начальника ГРУ о выделении дополнительных финансовых средств. Однако и это удалось Петру Шмыреву, и центры были введены в строй вовремя и встали на боевое дежурство.

Много сил генерал Петр Шмырев вложил в совершенствование группы «Тростник» на Кубе, экспедиции «Горизонт» в Монголии, в развертывание системы «Звезда».

«Служба наша особого назначения, ОСНАЗ, – говорит генерал Валентин Цыганков, – и патриархом этой службы является Петр Спиридонович Шмырев. А мы – птенцы гнезда Петрова.

Человек он был незаурядный. Очень доступный генерал, военный интеллигент. Мы, молодые офицеры, безумно любили его, гордились, что служим под знаменами такого великого командира. Он тоже любил посидеть с лейтенантами, поговорить, послушать нас. Найдите мне сегодня генерала, который умеет слушать лейтенантов.

Вот, к примеру, группа «Тростник», которой мне пришлось командовать. Шмырев уделял самое серьезное внимание ее технической оснащенности. Прилетал в командировку на несколько дней и устраивал научно-практическую конференцию. Приглашал выступить всех, кто хотел, со своими проблемами. Спрашивал: какой бы вы хотели видеть вашу группу в будущем, в перспективе. Пофантазируйте. И мы фантазировали. А потом наши фантазии, глядишь, через год-другой превращались в реальность».

Конечно, за долгие годы службы бывало всякое. Много событий произошло в мире – войны, конфликты, боестолкновения, ухудшение международной обстановки, революции и государственные перевороты. Советский Союз был мощным и влиятельным государством, умеющим отстаивать свои интересы в различных районах земного шара. К разведке предъявлялись высокие требования. Карибский кризис, обострение отношений с Китаем, ближневосточные войны, афганские события – вот лишь некоторые «горячие точки» на планете, где, естественно, работала советская разведка, как, впрочем, и другие разведки ведущих стран мира.

Однако интересен тот факт, что радиоразведка ГРУ не только выполняла свои прямые обязанности. Она участвовала в мероприятиях общегосударственного масштаба, которые, казалось бы, прямого отношения к действиям военной разведки не имеют. Например, освоение космоса. Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что служба радиоразведки Главного разведывательного управления внесла свой решающий вклад в наблюдение за первым в мире искусственным спутником Земли. Кстати говоря, случилось это, когда начальником направления был Петр Спиридонович Шмырев.

«С Петром Спиридоновичем, – рассказывает полковник в отставке Игорь Ботнер, – я познакомился в 1961 году. Это был конец марта или начало апреля, сейчас уже точно не помню. Меня вызвали в Москву, в управление. Предстояло обеспечить полет Гагарина.

Инструктаж со мной проводил Шмырев. Культурный офицер, интеллектуал. Инструктаж прошел без каких-либо заморочек, со знанием дела, поскольку он сам специалист в этой области.

Мы должны были провести радиослежение за работой бортового передатчика первого космонавта.

Знаете, мне нравился Шмырев. Он никогда не давил, не капал на мозги. Профессионально и четко ставил задачи, и подчиненные знали, что нужно делать. А еще доверял тем, кому поручал».

Надо отметить и еще одну особенность генерала Шмырева. Он был патриотом своей службы. И оставался им при любых обстоятельствах.

Так, в конце 1973 года по решению ЦК КПСС и Совмина в Министерстве обороны создаются две структуры – Гостехкомиссия и Гостехинспекция. Председателем Гостехкомиссии назначили генерал-полковника Николая Огаркова. Он хорошо знал, ценил Шмырева и предложил перейти к нему заместителем. Петр Спиридонович, поблагодарив за доверие, тем не менее, отказался. Кстати говоря, назначенный потом на эту должность коллега Шмырева – Строилов – получил звание генерал-полковника. Петр Спиридонович остался генерал-лейтенантом, но знаю, он был счастлив служить родной радиоразведке.

... В 1987 году, ровно через 50 лет после того как он одел военную форму, Петр Спиридонович Шмырев ушел в отставку. В управлении, в войсках остались его друзья, товарищи, ученики. Служит Родине и сын – полковник Шмырев-младший. Он, кстати, пошел по стопам отца, стал не только офицером, но и радиоразведчиком. Так что военная династия Шмыревых продолжается.

Фотографии

Радиоразведчики на занятиях по специальной подготовке. 1930-е гг.

Солдаты-радиоразведчики за чисткой оружия

Постановка задачи. И. Миронов (в центре с картой). 1930-е гг.

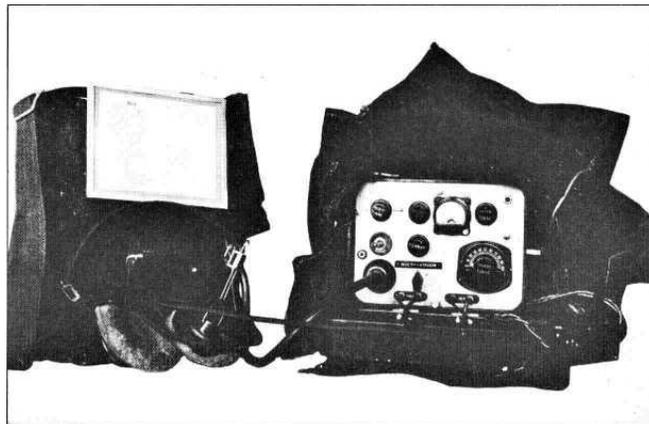
Выпускники Ленинградской электротехнической академии 1941 года. Слева направо: стоят — П. Костин, И. Бутченко, Е. Павловский, В. Чайка, М. Прокошин, М. Акулин, П. Шмырев, Г. Дмитрюк. Сидят — А. Мотов, В. Афанасьев, С. Стемасов, В. Бондаренко, И. Кравченко, Н. Баусов, Б. Дубович

А. Тюменев. Фото предвоенных лет. Подполковник И. Мионов

Курсант Ленинградской электротехнической академии Е. Павловский. Майор А. Бушуев

Легендарная радиостанция «Север» времен Великой Отечественной войны

Радиоразведчики 313-го отдельного радиодивизиона за работой

Полковник В. Мухин

Офицеры и солдаты 313-го отдельного радиодивизиона у поверженного Рейхстага. Командир дивизиона (пятый слева) подполковник П. Костин, младший лейтенант В. Кашкарова (вторая справа)

Радиоразведчики Ю. Мажоров (справа) и Ф. Попов на улице Софии. Болгария. 1946 г.

Генерал-майор М. Рогаткин

Генерал-полковник Г. Строилов

Генерал-майор А. Устименко

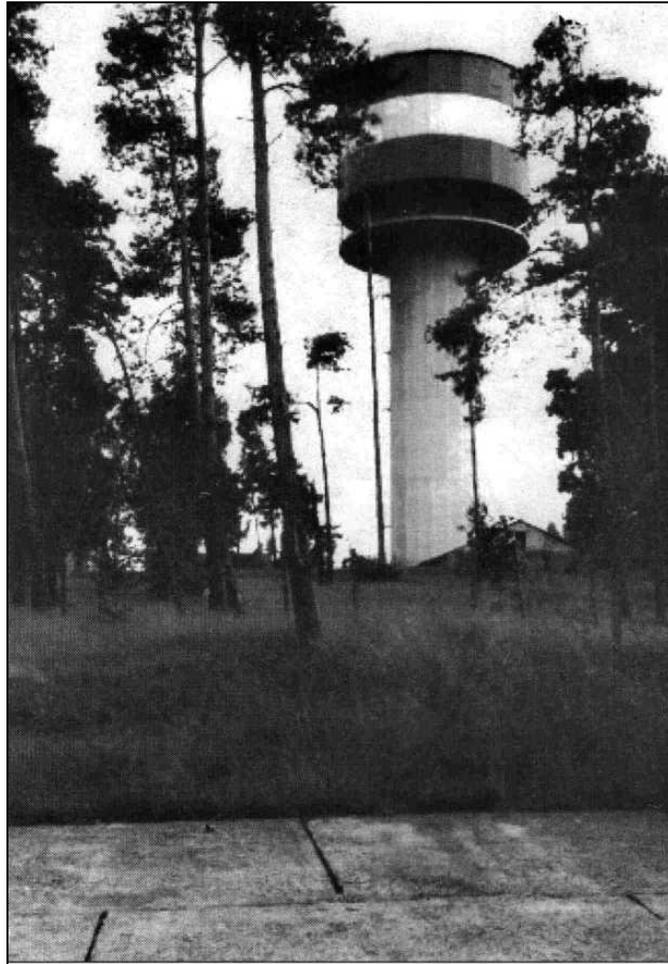
Генерал-лейтенант Н. Шмырев

Командир корабля «Крым» капитан 1-го ранга И. Бочарин

Генерал-майор Ю. Крестовский

Вышка радиоэлектронной разведки в Дисдорфе, Германия

Центр радиоэлектронной разведки в п. Чабанка под Одессой

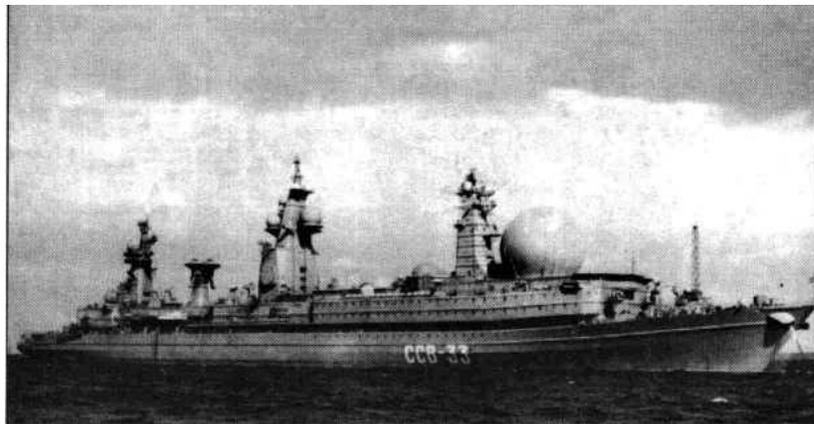
При посещении одной из частей радиоразведки. Генералы (слева направо) Ю. Крестовский, В. Пожарский

Начальник радиоразведки ГРУ генерал-лейтенант П. Шмырев (третий справа) прилетел в Афганистан

Начальник ГРУ П. Ивашутин (справа) беседует с афганскими офицерами

Корабль-атомоход радиоэлектронной разведки «Урал»

Прощальное фото на память. Последний экипаж корабля «Урал»

Слева направо: сидят — генералы Г. Строилов, А. Шумский, И. Миронов, В. Чайка.
Стоят — П. Костин, В. Баранов, А. Соловьянов, М. Чеканов

Генералы-радиоразведчики (слева направо) В. Руденко, П. Шмырев, В. Пожарский,
В. Цыганков, Г. Гаджун

About

This book from library eTextLib (<http://www.etextlib.com>) was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter.

Эта книга из библиотеки eTextLib (<http://www.etextlib.ru>) создана при помощи конвертера FB2EPUB, написанного Lord KiRon.